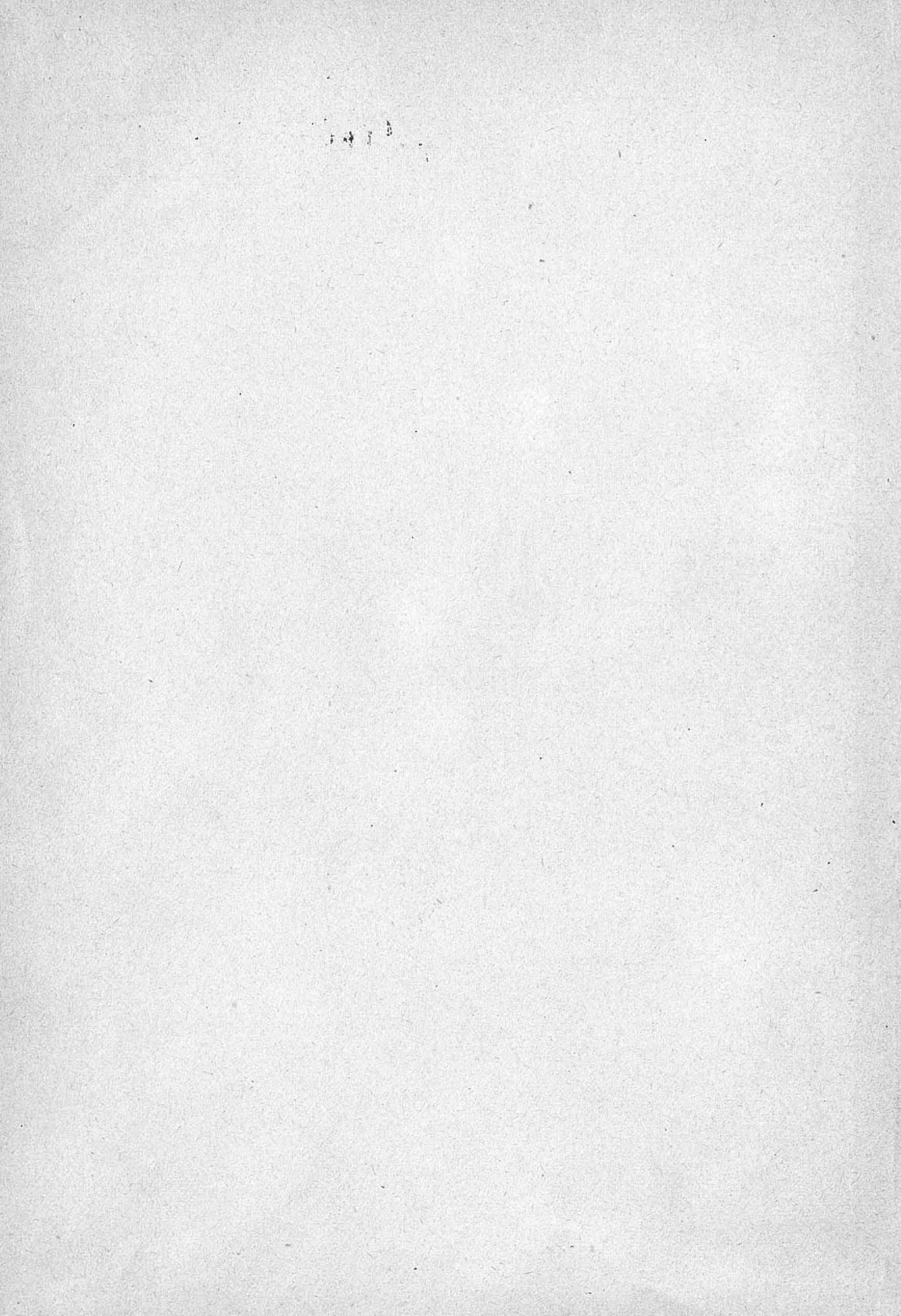

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

КНИГА ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1892.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

пятьдесятъ седьмой книги Временника Лицея.

LVII книга вышла 15 іюля 1892 г.; въ ней 30 листовъ.

ЖУРНАЛЫ
Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1891 года Мая 20-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ за Директора, ординарнаго профессора Н. С. *Суворова*, присутствовали: испр. долж. экстраордин. профессоровъ: А. Н. *Лодыженскій*, В. Г. *Щегловъ*, А. Е. *Назимовъ* и В. Ф. *Левитскій;* Профессоръ Богословія *К. Н. Смирновъ;* исправ. должн. доцентовъ: М. А. *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ*, М. М. *Катковъ*. Неприсутствовали: приватъ-доценты князь Е. Н. *Трубецкой* по нахожденію въ отпуску и П. Ѳ. *Бесѣдкинъ* по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Прошеніе студента 2 курса *Левашева* Алексѣя, которымъ проситъ о разрѣшеніи ему остаться на томъ же курсѣ на третій годъ, такъ какъ, вслѣдствіе постигшей его въ первой половинѣ настоящаго учебнаго года болѣзни, подтвердившейся медицинскимъ свидѣтельствомъ, онъ не имѣлъ возможности достаточно подготовиться къ экзаменамъ для перехода на слѣдующій курсъ. Призна-

вая причину, помѣшавшую студенту Левашеву экзаменоваться нынѣ за 2-й курсъ, уважительною, Совѣтъ **Опредѣлилъ:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи студента Левашева на третій годъ на 2-мъ курсѣ.

3. Слушался слѣдующій отзывъ г.г. *Минервина, Каткова и Липинскаго*, затребованный отъ нихъ Совѣтомъ въ засѣданіи 11-го минувшаго апрѣля о сочиненіи кандидата *Половцова*, изъявившаго желаніе состоять при Лицеѣ безъ содержанія для приготовленія къ профессорскому званію по гражданскому праву: „По разсмотрѣніи сказаннаго сочиненія г. Половцова мы пришли къ тому выводу, что эта работа, удовлетворяющая требованіямъ кандидатской диссертаціи, не представляетъ какихъ либо данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о наличности въ авторѣ ея тѣхъ качествъ, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ быть требуемы отъ оставляемаго для приготовленія къ профессорскому званію". Послѣ сего ординарный профессоръ *Суворовъ*, въ дополненіе къ отзыву о сочиненіи г. Половцова, высказанному въ засѣданіи Совѣта 11-го апрѣля, заявилъ: г. Половцовъ, еще состоя на 3-мъ курсѣ, заявилъ мнѣ о своемъ желаніи заняться наукой для приготовленія къ профессорскому званію и просилъ меня указать ему какую либо работу, пригодную для этой цѣли. Я уже и ранѣе зналъ его за очень способнаго студента, какъ изъ личныхъ моихъ разговоровъ съ нимъ, такъ и изъ его работъ. Напримѣръ онъ представилъ мнѣ весьма хорошую работу, которая хотя, по существу носила характеръ реферата, обнаружила въ немъ тактъ и умѣнье остановиться на главныхъ и существенныхъ пунктахъ, такъ какъ реферированное имъ сочиненіе (Маассенъ, „Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ со-

вѣсти“) человѣка неумѣлаго и неспособнаго могло бы подавить массою матеріаловъ и поставить ему двоякую альтернативу: или переписать все реферируемое сочиненіе сполна, или, при сокращеніи, опустить что-либо существенное. Г. Половцовъ, однако, съумѣлъ избѣжать той и другой альтернативы. Когда затѣмъ о своемъ желаніи избрать ученую дорогу цивилиста онъ заявилъ мнѣ, какъ преподававшему въ то время гражданское право на 3-мъ курсѣ, я рекомендовалъ ему проштудировать основательно учебникъ кого нибудь изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ пандектистовъ. Половцовъ воспользовался этимъ моимъ указаніемъ и опять таки весьма умѣло составилъ конспектъ главныхъ положеній учебника Барона въ то время, когда русскаго перевода этого учебника еще не было. Въ слѣдующемъ году, состоя на 4-мъ курсѣ, онъ представилъ сочиненіе „О личномъ наймѣ по corpus juris civilis и по X т. св. зак. гражд.“, за которое, согласно съ отзывомъ разбиравшаго это сочиненіе М. А. Липинскаго, Совѣтъ Лицея удостоилъ автора степени кандидата. Между тѣмъ я, не теряя г. Половцова изъ вида и собирая о немъ точныя свѣдѣнія, имѣлъ возможность узнать многое другое, характеризующее этого молодого человѣка съ весьма хорошей стороны. Такъ я имѣлъ возможность убѣдиться, что онъ прекрасно знаетъ, кромѣ латинскаго, нѣмецкій и французскій языки, даже съ англійскимъ знакомъ на столько, чтобы, въ случаѣ надобности, быть въ состояніи прочитать англійскую книгу. Далѣе я узналъ, что г. Половцовъ, твердо держась принятаго рѣшенія относительно ученой дороги, въ теченіе цѣлаго года по окончаніи лицейскаго курса, проживалъ въ Ярославлѣ, и хотя ему открывалась возможность занять видное мѣсто по судебному вѣдомству, не воспользовался этою возможностію, въ силу того соображенія, что для научныхъ занятій нужно имѣть подъ рукой библіотеку, и все, что въ другомъ ка-

комъ-либо мѣстѣ было бы трудно или даже совсѣмъ невозможно найдти, можетъ получиться изъ библіотеки Лицея. Послѣднее обстоятельство именно и побудило его просить объ оставленіи при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ настолько скроменъ и не требователенъ, что не претендуетъ на магистрантскую стипендію и, слѣдовательно, не угрожаетъ никакими финансовыми затрудненіями ни для Министерства Народнаго Просвѣщенія, ни для спеціальныхъ средствъ Лицея. Такимъ образомъ онъ могъ бы заниматься наукой, къ которой влечетъ его склонность и не въ качествѣ профессорскаго стипендіата, но все дѣло въ томъ, что съ занятіемъ какой либо должности по судебному или по другому вѣдомству, ему пришлось бы выбыть изъ Ярославля и лишиться возможности пользоваться библіотекой; да если бы даже онъ и въ Ярославлѣ оставался, для него, какъ для посторонняго, пользованіе книгами изъ лицейской библіотеки было бы весьма затруднено. Если молодой человѣкъ съ такими солидными научными задатками, какъ Половцовъ, заявляетъ желаніе заняться наукой профессіонально и проситъ единственно объ оставленіи его магистрантомъ не претендуя на магистрантскую стипендію, то Совѣтъ Лицея, по моему мнѣнію, могъ бы отказать ему лишь въ томъ случаѣ, если бы нравственныя качества Половцова давали поводъ опасаться, что, оставленный при Лицеѣ, своимъ поведеніемъ, онъ будетъ компрометировать Лицей, какъ это, къ сожалѣнію, бывало у насъ съ профессорскими стипендіатами, получавшими стипендію. Однако въ отношеніи къ г. Половцову едва ли бы кто изъ насъ рѣшился высказывать подобныя опасенія; не только мнѣ, но и всѣмъ вообще профессорамъ, можно даже сказать всему Ярославлю, Половцовъ извѣстенъ за прекраснаго, скромнаго и благовоспитаннаго молодого человѣка. И такъ, если человѣкъ съ подобными задатками

и качествами заявляетъ о своемъ желаніи остаться при Лицеѣ безъ всякаго финансоваго обремененія для Министерства или для Лицея, то Совѣту остается только радоваться, и радоваться тѣмъ болѣе, что Половцовъ заявилъ желаніе заняться гражданскимъ правомъ. Изъ всѣхъ лицейскихъ каѳедръ преподаваніе по каѳедрѣ гражданскаго права, одной изъ важнѣйшихъ юридическихъ наукъ, представляется наименѣе обезпеченнымъ. Изъ году въ годъ Совѣтъ встрѣчаетъ затрудненіе при порученіи преподаванія этой науки, за отсутствіемъ преподавателя-спеціалиста, возлагая преподаваніе ея то на М. А. Липинскаго, то на меня, сверхъ чтенія лекцій по разнымъ другимъ наукамъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, я, не только какъ членъ Совѣта, обязаннаго, въ силу § 35 Устава Демидовскаго Лицея, принимать мѣры къ обезпеченію преподаванія наукъ въ Лицеѣ, но и какъ временный, по порученію Совѣта, преподаватель гражданскаго права, позволяю себѣ войдти въ Совѣтъ съ предложеніемъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ, объ оставленіи кандидата юридическихъ наукъ Льва Половцова, согласно заявленному имъ желанію, профессорскимъ стипендіатомъ при Лицеѣ по гражданскому праву, безъ назначенія ему стипендіи.—Выслушавъ это заявленіе, Совѣтъ единогласно **Опредѣлилъ:** Просить разрѣшенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа объ оставленіи кандидата Половцова при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію по гражданскому праву безъ содержанія, приложивъ при представленіи надлежащіе документы.

4. Слѣдующіе студенты 4-го курса представили сочиненія на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ по окончаніи ими курса наукъ въ Лицеѣ: *Бреславъ* Гирша „О левиратѣ и объ обрядѣ разуванія у евреевъ“, *Гурляндъ* Илья „Историческій обзоръ законодательствъ

по цензурѣ въ Россіи, съ приложеніемъ разбора права печати по Лоренцу Штейну", *Айзенштейнъ* Зеликъ „Обязательность и безвозмездность начальнаго народнаго образованія", *Кинеловскеръ* Лейзеръ—„О внѣшней формѣ завѣщаній по русскому дѣйствующему праву", *Шейнфайнъ* Аронъ—„Личныя и имущественныя отношенія супруговъ по дѣйствующему русскому законодательству", *Сабининъ* Леонидъ—„Фабричное законодательство въ Западной Европѣ и въ Россіи", *Юровскій* Іосифъ--„Сельско-хозяйственный кризисъ въ 1867—80 г.г. въ Англіи", *Штейнбергъ* Хаимъ —„О кражѣ документовъ", *Прусаковъ* Хаимъ—„О выдачѣ преступниковъ", *Пескинъ* Михаилъ—„Адвокатура въ уголовномъ процессѣ", *Дворковичъ* Аронъ—„Постановка вопросовъ присяжныхъ представляетъ собою одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ и важнѣйшихъ моментовъ уголовнаго процесса" и *Бейленсонъ* Гилель—„О судѣ присяжныхъ". **Опредѣлило:** Передать означенныя сочиненія для разсмотрѣнія и представленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ: Бреслава ис. д. экстраординарнарнаго профессор- *Щеглову*, Гурлянда и Айзенштейна ис. д. экстраординарнаго профессора *Назимову*, Кинеловскера и Шейнфайна ис. д. доцента *Липинскому*, Сабинина и Юровскаго ис. д. экстраординарнаго профессора *Левитскому*, Штейнберга, Прусакова, Пескина, Дворковича и Бейленсона приватъ-доценту *Бесѣдкину*.

5) Окончившій въ 1890 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ по представленіи диссертаціи *Листратовъ* Николай, таковую своевременно представилъ, подъ заглавіемъ: „Организація обвинительной функціи и дѣятельность прокуратуры". Сочиненіе это Совѣтомъ, въ засѣданіи 30 марта сего года, передано было для разсмотрѣнія и представленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту Бесѣд-

кину. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва Бесѣдкина о сочиненіи Листратова, **Опредѣлили**: Утвердить Листратова въ степени кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ.

6. По возбужденному въ настоящемъ засѣданіи Совѣта вопросу: могутъ ли быть удостоиваемы премій за сочиненія тѣ изъ студентовъ Лицея, находящихся нынѣ на 4 курсѣ, которые, ко времени срока подачи сочиненій на преміи, т. е. къ 1 октября, окончатъ уже курсъ въ Лицеѣ. По обсужденіи, **Опредѣлили**: Рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Приложеніе къ ст. 5.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи *Н. Листратова* «Организація обвинительной функціи и дѣятельность прокуратуры».

Сочиненіе Н. Листратова состоитъ изъ трехъ частей: небольшаго введенія, въ которомъ разсматриваются типы организаціи обвинительной функціи и основной принципъ дѣятельности прокуратуры; очерка исторіи и современнаго положенія прокуратуры во Франціи, Австріи и Германіи, а также очерка организаціи должностнаго обвиненія въ Англіи, и изложеніе исторіи современнаго устройства и дѣятельности русскаго прокурорскаго надзора. Первыя двѣ части сочиненія обработаны главнымъ образомъ на основаніи труда Н. Муравьева „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности“, послѣдняя, кромѣ того, на основаніи труда Буцковскаго „О дѣятельности прокурорскаго надзора“, курса уголовнаго судопроизводства Фойницкаго и др. и на основаніи данныхъ русской судебной практики. Не допуская уже по самому свойству темы какихъ либо оригинальныхъ положеній и построе-

ній со стороны автора, разбираемое сочиненіе отличается обстоятельностью и, не смотря на нѣкоторые недостатки какъ напр. неравномѣрность частей, шероховатость слога и т. п., обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ труду и умѣнье надлежащимъ образомъ пользоваться предложенными ему матеріалами. Въ виду этого я считаю возможнымъ признать г. Листратова достойнымъ искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

П. Бесѣдкинъ.

1891 года Мая 29 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ за Директора, ординарнаго профессора Н. С. *Суворова*, присутствовали: и. д. экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ*, А. Е. *Назимовъ*, В. Ф. *Левитскій*, профессоръ Богословія К. Н. *Смирновъ*, ис. д. доцентовъ: А. Е. *Минервинъ* и М. М. *Катковъ*. Не присутствовали: ис. д. экстраординарнаго профессора А. Н. *Лодыженскій*, ис. д. доцента М. А. *Липинскій*, и приватъ-доцентъ князь Е. Н. *Трубецкой*, по нахожденію въ отпуску—приватъ-доцентъ П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*—по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 25 сего мая за № 6503, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія сдѣлано распоряженіе о внесеніи въ проектъ Высочайшаго приказа по Министерству Народнаго Просвѣщенія статьи, о командированіи, съ ученою цѣлью, за границу, ис. д. экстраординарнаго профессора Демидовскаго Юридиче-

скаго Лицея *Левитскаго*, съ 1-го сентября сего года, срокомъ на одинъ годъ, и что вмѣстѣ съ симъ онъ разрѣшаетъ соединить въ названномъ Лицеѣ преподаваніе политической экономіи въ 1892—93 учебномъ году двумъ курсамъ второму и третьему. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Прошеніе испр. должн. экстраординарнаго профессора *Лодыженскаго*, коимъ проситъ Совѣтъ Лицея „ходатайствовать о разрѣшеніи ему заграничнаго отпуска на вакаціонное время настоящаго года, необходимаго ему для пополненія матеріаловъ для приготовляемой имъ докторской диссертаціи". **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи профессору Лодыженскому заграничнаго отпуска съ ученою цѣлью на вакаціонное время.

4. Прошенія слѣдующихъ студентовъ о дозволеніи подвергнуться испытаніямъ послѣ каникулъ настоящаго года: *Капустина* Арсенія, *Адамса* Бориса, *Безбородова* Ѳедора, *Борковскаго* Евгенія, *Куклина* Михаила, *Сестренцевича* Михаила, *Тиме* Георгія, *Шипина* Владиміра, *Ѳомина* Алексѣя, *Быховскаго* Владиміра, *Зайковскаго* Людвига, *Зиссермана* Юрія, *Сидорова* Анатолія, *Шукшты* Казиміра, *Адама* Карла, *Бартенева* Геннадія, *Васильева* Петра, *Вобликова* Владиміра, *Контовта* Казиміра, *Кюна* Карла, *Лыжина* Николая, *Севастьянова* Даніила, *Оппермана* Георгія и *Балашева* Леонида. По обсужденіи **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи означеннымъ студентамъ подвергнуться испытаніямъ за соотвѣтствующіе курсы послѣ каникулъ, исключая Балашева, Оппермана и Севастьянова, коимъ въ прошеніяхъ отказать.

5. Испр. должн. экстраординарнаго профессора В. Ф. *Левитскій* заявилъ, что студентомъ *Юровскимъ* сдѣланъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Нассе „Аграрное состояніе Англіи“. Переводъ этотъ г. Левитскій проситъ напечатать, подъ его редакціей, во Временникѣ Лицея. **Опредѣлили:** Напечатать переводъ Юровскаго подъ редакціей профессора Левитскаго.

6. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 1-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить перевода на 2-й курсъ студентовъ: Абрамова Петра, Адамса Бернгарда, Анненкова Павла, Безбородова Өедора, Будакова Михаила, Виноградова Евгенія, Владимірова Николая, Гощинскаго Константина, Дмитріева Өедора, Иванова Михаила, Кондратьева Ивана, Кроткова Виктора, Крылова Николая, Пастухова Сергѣя, Петровскаго Григорія, Полетику Михаила, Росса Анатолія, Симе Георгія, Шкатова Николая, Щелкова Ивана, Батурина Владиміра, Малиновскаго Владиміра, Соколова Алексѣя, Стеблина-Каменскаго Бориса, Эпштейна Василія, Борковскаго Евгенія, Быховскаго Владиміра, Ордуханянца Семена, Куклина Михаила, Астрова Павла, Зайковскаго Людвига, Контовта Казиміра, Радена (барона) Александра, Бартенева Геннадія, Вольферта Александра, Колотилова Михаила, Кюна Карла, Орѣхова Сергѣя, Силецкаго Ивана, Херца Владиміра и Шукшту Казиміра.

7. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 2-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить перевода на 3-й курсъ студентовъ: Агапова Василія, Ажисантова Михаила, Бабіевскаго Евгенія, Байздренко Владиміра, Буткиса Адольфа, Добро-

тина Александра, Жидока Эдуарда, Зиссермана Юрія, Карасева Бориса, Костылева Николая, Майкова Николая, Сидорова Анатолія, Страддина Ганса, Успенскаго Николая, Чекмарева Николая, Быховскаго Владиміра, Ордуханянца Семена, Астрова Павла, Зайковскаго Людвига, Контовта Казиміра, Радена (барона) Александра, Бартенева Геннадія, Вольферца Александра, Колотилова Михаила, Орѣхова Сергѣя, Силецкаго Ивана, Херца Владиміра и Шукшту Казиміра.

8. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 3-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить перевода на 4-й курсъ студентовъ: Аракельянца Гавріила, Боголюбскаго Ѳедора, Борейшу Болеслава, Браиловскаго Николая, Валькевича Вадима, Васильева Петра, Вейклевича Фридриха, Вереденко Ѳедора, Виркау Карла, Вобликова Владиміра, Войшицкаго Михаила, Воробьева Сергѣя, Гарскаго Сергѣя, Донченко Петра, Ершова Сергѣя, Золотарева Александра, Иванова Николая, Иванова Петра, Израильсона Макса, Канеля Савелія, Канна Якова, Караваева Николая, Кочаровскаго Феликса, Кренгауза Лейбу, Лыжина Николая, Меценатова Николая, Минича Антона, Михалевича Хрисанфа, Можевитинова Леонида, Мулина Ивана, Овсецовскаго Константина, Островскаго Павла, Пескова Владиміра, Прялухина Михаила, Сергѣева Ивана, Соболева Николая, Сущова Николая, Талалая Абрама, Троцкаго Владиміра, Файвишевича Наума, Фосса Евгенія, Чистякова Константина, Эмдина Якова, Яровицкаго Александра, Фрадкина Соломона, Астрова Павла, Радена (барона) Александра, Бартенева Геннадія и Орѣхова Сергѣя.

1891 года Мая 31 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ за Директора, ординарнаго профессора Н. С. *Суворова*, присутствовали: и. д. экстраординарныхъ профессоровъ: В. Г. *Щегловъ* и В. Ф. *Левитскій*; ис. д. доцентовъ: А. Е. *Минервинъ* и М. М. *Катковъ*; приватъ-доцентъ П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*. Неприсутствовали: ис. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: А. Н. *Лодыженскій*, А. Е. *Назимовъ*; ис. д. доцента М. А. *Липинскій* приватъ-доценты: князь Е. Н. *Трубецкой* и А. Р. *Свирщевскій*—по нахожденію въ отпуску и профессоръ Богословія К. Н. *Смирновъ*—по неизвѣстной причинѣ.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили**: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Прошеніе бывшаго студента С.-Петербургскаго Университета Алексѣя *Рыбина*, допущеннаго въ текущемъ маѣ мѣсяцѣ къ экзаменамъ на степень кандидата юридическихъ наукъ, о разрѣшеніи ему вновь подвергнуться испытаніямъ на степень кандидата послѣ каникулъ настоящаго года, такъ какъ онъ своевременно ихъ не окончилъ. По обсужденіи, **Опредѣлили**: Просить ходатайства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи Рыбину держать экзамены на степень кандидата юридическихъ наукъ послѣ каникулъ настоящаго года вновь по всѣмъ предметамъ лицейскаго курса, не засчитывая ему сданные уже въ маѣ мѣсяцѣ экзамены.

3. По разсмотрѣніи общаго списка балловъ студентовъ за всѣ четыре года пребыванія ихъ въ Лицеѣ, при-

чемъ были выслушаны отзывы о кандидатскихъ сочиненіяхъ: Бейленсона Гилеля „О судѣ присяжныхъ" (отзывъ П. Ѳ. Бесѣдкина), Бреслава Гирши „О левиратѣ и обрядѣ разуванія у евреевъ" (отзывъ В. Г. Щеглова), Гурлянда Ильи „Историческій обзоръ законодательства по цензурѣ въ Россіи съ приложеніемъ разбора права печати по Лоренцу Штейну" (отзывъ А. Е. Назимова), Дворковича Арона „О постановкѣ вопросовъ на судѣ съ присяжными" (отзывъ П. Ѳ. Бесѣдкина), Пескина Михаила „Адвокатура въ уголовномъ процессѣ" (отзывъ Бесѣдкина же), Прусакова Хаима „О выдачѣ преступниковъ" (отзывъ Бесѣдкина же), Сабинина Леонида „Фабричное законодательство въ западной Европѣ и въ Россіи" (отзывъ В. Ф. Левитскаго), Штейнберга Хаима „О кражѣ документовъ" (отзывъ П. Ѳ. Бесѣдкина), Юровскаго Іосифа „Сельско-хозяйственный кризисъ 1867—1880 г.г. въ Англіи" (отзывъ В. Ф Левитскаго), и имѣя въ виду, что окончившій въ нынѣшнемъ году курсъ Розовскій Исай, по балламъ своимъ, имѣетъ право на полученіе степени кандидата и что въ 1890 году Розовскій удостоенъ былъ за сочиненіе золотой медали, **Опредѣлили:** 1) Удостоить степени кандидата юридическихъ наукъ: Бейленсона Гилеля, Бреслава Гиршу, Гурлянда Илью, Дворковича Арона, Пескина Михаила, Прусакова Хаима, Розовскаго Исая, Сабинина Леонида, Штейнберга Хаима и Юровскаго Іосифа, напечатавъ во Временникѣ Лицея прочитанные въ настоящемъ засѣданіи отзывы о кандидатскихъ сочиненіяхъ; 2) удостоить званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: Айзенштейна Зелика, Антика Павла, Березникова Алексѣя, Бочкарева Вячеслава, Войтенкова Владиміра, Еропкина Рафаила, Кантора Бейнаша, Кантора Маркуса, Кинеловскера Лейзера, Кога-

на Владиміра, Кофмана Іегошію, Кочаровскаго Станислава, Кошлакова Василья, Майзельса Веніамина, Максимовскаго Александра, Милашевскаго Алексѣя, Нюренберга Аркадія, Петропавловскаго Леонида, Подпалова Ивана, Путяту Всеволода, Розенкранца Соломона, Рубинштейна Гилеля, Сорокина Ивана, Тульчинскаго Лейбу, Фейдмана Михеля, Фрадкина Соломона, Шейнфайна Аарона, Щурова Сергѣя, Орѣхова Сергѣя, Браиловскаго Николая, Вереденко Ѳедора, Канеля Савелія и Можевитинова Леонида; 3) удостоить званія дѣйствительнаго студента: Анненкова Ѳедора, Асса Абрама, Дубягу Михаила, Зислака Германа, Иванова Ивана, Колесова Николая, Можаровскаго Меера, Московенкова Николая, Никоровича Ѳедора, Пузика Вячеслава, Радена (барона) Александра, Рогалевича Іосифа, Рѣпникова Александра, Смоленскаго Владиміра и Минича Антона; 4) всѣмъ поименованнымъ лицамъ выдать надлежащіе аттестаты.

4) По выслушаніи прилагаемаго при семъ представленія испр. должн. экстраорд. проф. А. Е. *Назимова* объ оставленіи при Лицеѣ стипедіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ административнаго права кандидата *Гурлянда* и по обсужденіи, **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи кандидата Гурлянда при Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію срокомъ на два года съ выдачей ему содержанія изъ суммъ Министерства по 600 руб. въ годъ. При представленіи препроводить всѣ нужные для этого документы Гурлянда.

5. Поданную окончившимъ нынѣ курсъ наукъ дѣйствительнымъ студентомъ съ правомъ на полученіе степени кандидата *Канторомъ* Беймашемъ кандидатскую ра-

боту „О національности“, **Опредѣлили**: Передать испр. должн. экстраординарнаго профессора Лодыженскому для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о ней.

6. Библіотеку во время каникулъ **Опредѣлили**: Открывать по субботамъ, о чемъ объявить Библіотекарю и студентамъ.

Приложеніе къ ст. 3.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи *Г. Бейленсона* «О судѣ присяжныхъ».

Названное сочиненіе состоитъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ приводятся общія соображенія о выгодахъ участія народа въ отправленіи уголовной юстиціи, во второмъ указываются историческія формы такого участія, а въ остальныхъ трехъ подвергается спеціальной оцѣнкѣ одна изъ этихъ формъ—судъ присяжныхъ. Обращаясь къ критической оцѣнкѣ сочиненія, я долженъ сказать, что г. Бейленсонъ не можетъ быть, строго говоря, названъ авторомъ поданной имъ письменной работы, такъ какъ добрая половина ея представляетъ рядъ буквальныхъ выписокъ изъ сочиненій Беко, Миттермайера, Палаузова и друг. и курсовъ Фойницкаго и Тальберга. Правда, выписки произведены умѣло, съ разборомъ, но все же это выписки, т. е. работа механическая и притомъ не рекомендующая г. Бейленсона даже съ точки зрѣнія авторской добросовѣстности, такъ какъ большинство заимствованій имъ не цитировано. Указанный пріемъ работы лишаетъ трудъ Бейленсона, въ большей его части, всякаго почти значенія, и если я рѣшаюсь ходатайствовать предъ Совѣтомъ о признаніи г. Бейленсона канди-

датомъ юридическихъ наукъ, то только потому, что мнѣ извѣстно его трудолюбіе, что онъ все же познакомился съ рекомендованными ему литературными пособіями и что переполненіе сочиненія буквальными выписками явилось главнымъ образомъ вслѣдствіе неправильнаго представленія его о пріемахъ кандидатской работы.

П. Беспѣдкинъ.

ОТЗЫВЪ

о представленномъ для полученія степени кандидата правъ сочиненіи *Григорія Бреслава*: «О левиратѣ и обрядѣ разуванія у евреевъ».

Сочиненіе Григорія *Бреслава*: „О левиратѣ и обрядѣ разуванія у евреевъ“ посвящено изслѣдованію одного изъ древнѣйшихъ институтовъ семейнаго права, встрѣчающихся у всѣхъ народовъ древности подъ разными названіями, а у евреевъ—подъ именемъ левирата. Авторъ разсматриваетъ эту форму брака, отчасти, какъ учрежденіе свойственное всей древности, но особенно еврейскому народу. Бреславъ затрогиваетъ универсальную сторону института только мимоходомъ; исторію же левирата у евреевъ авторъ избираетъ главнымъ предметомъ своей работы, которая подраздѣляется на введеніе, три части и заключеніе. Въ введеніи къ сочиненію Бреславъ разбираетъ взгляды нѣкоторыхъ ученыхъ энциклопедистовъ на происхожденіе левирата: (Варнконта и Аренса) и историковъ права: Дареста, Михаэлля и Геннекена. Бреславъ указываетъ на слишкомъ общій характеръ замѣчаній о левиратѣ у писателей—энциклопедистовъ и останавливается на разборѣ мнѣній историковъ—юристовъ. Авторъ

не соглашается со взглядомъ Михаэлля, который склоняется къ мысли видѣть въ левиратѣ институтъ, свойственный не одному еврейскому народу, но и многимъ другимъ древнѣйшимъ народностямъ. Бреславъ не можетъ представить себѣ, чтобы у евреевъ могли быть тѣже условія образованія левирата, какъ и у какихъ-либо монголовъ или хананеянъ, чтобы одной изъ причинъ появленія левирата у евреевъ былъ недостатокъ въ женщинахъ, заставлявшій ихъ обратиться къ этой поліандрической формѣ брака. Авторъ указываетъ на полигенію какъ распространенную среди евреевъ форму брака; но полигенія могла уживаться долго у евреевъ точно также, какъ нерѣдко встрѣчаются совмѣстно обѣ эти формы примитивнаго брака и у нѣкоторыхъ другихъ древнихъ народовъ. Такой же односторонней критикѣ подвергаются у автора и доводы Геннекена, который видитъ причину возникновенія левирата у евреевъ въ издавна жившемъ среди нихъ стремленіи къ продолженію своего рода и сохраненію своего имени въ потомствѣ. Бреславъ противопоставляетъ этому мнѣнію Геннекена одно только предположеніе, что генеологія у евреевъ едва ли была на столько развита, чтобы обосновать левиратъ. Но самъ же авторъ приводитъ, между прочимъ, указаніе Геннекена на длинные ряды послѣдовательныхъ генерацій, встрѣчающіеся въ Библіи. Кромѣ того, извѣстное вліяніе генеологическихъ соображеній на происхожденіе левирата объясняется легко культомъ предковъ, который Бреславъ считаетъ, и на этотъ разъ вполнѣ правильно, главнѣйшей причиной появленія левирата у евреевъ. Авторъ приводитъ доказательства ранняго возникновенія и продолжительнаго сохраненія у евреевъ даже до настоящаго времени культа предковъ, но забываетъ при этомъ, что эта примитивная религія была извѣстна всему древнему

міру и что въ ней нужно искать объясненія многимъ особенностямъ семейнаго, имущественнаго и наслѣдственнаго права у всѣхъ восточныхъ и античныхъ народовъ. Если бы Бреславъ обратилъ свое вниманіе на универсальный характеръ культа предковъ въ древности и на тѣсную связь его съ правомъ, то онъ долженъ былъ бы дойти до мысли сравнить съ еврейскимъ левиратомъ аналогичныя формы брака, возникшія подъ вліяніемъ культа предковъ у другихъ древнихъ народовъ (напр. „Нійогу" у индусовъ). Богатый матеріалъ для такого сравненія нашъ авторъ могъ бы найти въ сочиненіяхъ многихъ современныхъ этнологовъ (напр., Поста, Колера, Летурно, Спенсера, Ковалевскаго и др.), которыя остались неизвѣстными Бреславу. Не воспользовавшись данными сравнительной исторіи права, которыя могли бы предохранить автора отъ поспѣшныхъ и неправильныхъ заключеній, Бреславъ остался при одностороннемъ взглядѣ на левиратъ, какъ на національное учрежденіе у евреевъ, у которыхъ онъ получилъ только особенное развитіе. Вмѣсто того чтобы изложить образованіе левирата въ всемірно-историческомъ его развитіи, Бреславъ отводитъ большую часть своего сочиненія изображенію этой формы брака у евреевъ во всѣхъ казуистическихъ ея подробностяхъ. Это изложеніе ведется имъ отчасти на основаніи Библіи, но еще болѣе—одного изъ сборниковъ еврейскаго права XVI ст. (Eben-Haeser). Бреславъ говоритъ здѣсь о сущности еврейскаго левирата, условіяхъ заключенія этой формы брака, личныхъ, имущественныхъ и наслѣдственныхъ отношеніяхъ лицъ, вступающихъ въ левиратъ, обрядѣ его заключенія и о средствѣ уклониться отъ левирата—обрядѣ разуванія башмака вдовой у левира (chaliza), установленномъ Моисеемъ. Бреславъ замѣчаетъ въ заключеніи къ своему сочиненію, что леви-

ратъ былъ, конечно, стѣснительной формой брака, но что онъ вытекалъ изъ родоваго быта древнихъ евреевъ и долженъ былъ пасть съ ослабленіемъ этого быта, замѣниться chaliza. Но истинная причина паденія левирата у евреевъ, какъ и у другихъ восточныхъ народовъ, замѣчается, главнымъ образомъ, въ исчезновеніи культа предковъ. У тѣхъ восточныхъ народовъ, у которыхъ культъ предковъ сохраняется до сихъ поръ, какъ напр., у китайцевъ, продолжаютъ и теперь существовать формы брака, сходныя съ еврейскимъ ливератомъ.

Главный недостатокъ сочиненія Бреслава — почти полное игнорированіе универсальнаго характера левирата въ древности, разсчитанное, повидимому, на то, чтобы выставить еврейское его происхожденіе и представить содержаніе левирата только по еврейскимъ источникамъ права. Эта послѣдняя сторона изслѣдованія разработана авторомъ съ особенною тщательностью. Обстоятельное и подробное изложеніе института левирата по еврейскому праву, непротиворѣчащее другимъ даннымъ о немъ въ литературѣ исторіи права, составляетъ главное достоинство сочиненія студента Бреслава, въ виду котораго я полагалъ бы возможнымъ удостоисъ автора *степени кандидата правъ*.

Испр. долж. экстр. проф. *В Щегловъ*.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ разсужденіи
Ильи Гурлянда.

Сочиненіе И. Гурлянда „Историческій обзоръ законодательства по цензурѣ въ Россіи съ приложеніемъ разбора права печати по Лоренцу Штейну“ есть переработ-

ка, сдѣланная, согласно моимъ указаніямъ, премированнаго сочиненія того же автора: „Историко-критическій обзоръ развитія цензуры въ Россіи“. Главный недостатокъ прежняго сочиненія, заключавшійся въ отсутствіи исторической перспективы при изложеніи развитія нашего законодательства по дѣламъ печати, устраненъ въ настоящемъ случаѣ введеніемъ сравнительнаго элемента, причемъ и все изложеніе выиграло въ стройности. Въ настоящемъ своемъ видѣ изслѣдованіе Гурлянда состоитъ изъ двухъ частей: теоретическаго введенія и четырехъ главъ, въ коихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ излагается развитіе русскаго законодательства по дѣламъ печати. Въ введеніи изложено, замѣчательно ясно, отвлеченное ученіе Л. Штейна о правѣ печати, содержащееся въ 6-ти томахъ его Verwaltungslehre, причемъ авторомъ сдѣлано нѣсколько мѣткихъ замѣчаній относительно слабыхъ сторонъ Штейновской теоріи. Вторая часть сочиненія посвящена историческому обзору законодательства по дѣламъ печати въ Россіи и находится въ органической связи съ первой частью, такъ какъ содержитъ въ себѣ историческую демонстрацію одного изъ основныхъ положеній Штейновскаго ученія о правѣ печати. Тутъ, на историческихъ примѣрахъ, авторъ старается показать, что перипетіи въ развитіи нашего законодательства по дѣламъ печати съ Петра Великаго до поздняго времени отражали на себѣ внутреннюю общественную борьбу, причемъ каждый изъ періодовъ этой борьбы имѣетъ свою индивидуальную физіономію. Въ виду такой цѣли авторъ не ограничивается подробнымъ изложеніемъ цензурныхъ уставовъ и мѣропріятій, но и старается охарактеризировать направленіе изслѣдованія какъ въ правительственныхъ, такъ и въ общественныхъ сферахъ. Главнымъ матеріаломъ для этого отдѣла изслѣдованія служили авто-

ру два П. С. З. и сочиненія Фойницкаго, Сухомлинова, Скабичевскаго, а для сравнительнаго обзора—сочиненія Holtzendorff, Benj. Constant Lonfirey и др.

Разсужденіе И. Гурлянда свидѣтельствуетъ о большомъ трудолюбіи автора, равно какъ и о способности его къ научнымъ работамъ, поэтому и считаю его вполнѣ достойнымъ кандидатской степени.

А. Назимовъ.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи *А. Дворковича* «О постановкѣ вопросовъ на судѣ съ присяжными».

Сочиненіе г. Дворковича распадается на три части. Въ первой части авторъ разсматриваетъ общій вопросъ о началѣ распредѣленія функцій между коронными и присяжными судьями, во второй говоритъ о содержаніи предлагаемыхъ присяжнымъ вопросовъ и въ третьей—о ихъ формѣ. Составленное главнымъ образомъ на основаніи трудовъ В. Палаузова, разбираемое сочиненіе, въ силу этого обстоятельства, даетъ гораздо менѣе, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Такъ, въ немъ ни слова не упоминается о внѣшней сторонѣ постановки вопросовъ (кто, когда и гдѣ выработываетъ вопросы) и очень мало говорится о формѣ ихъ или, выражаясь точнѣе, о видахъ и редакціи вопросовъ. Принимая, однако, во вниманіе, что представленная работа въ намѣченныхъ рамкахъ выполнена удовлетворительно, что авторъ овладѣлъ предстоявшими его рѣшенію вопросами и познакомился съ предложенными ему литературными пособіями, я полагаю справедливымъ удостоить г. Дворковича степени кандидата юридическихъ наукъ.

П. Бесѣдкинъ.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи *М. Пескина* «Адвокатура въ уголовномъ процессѣ».

Г. Пескинъ представилъ обширную работу (226 стр.) по вопросу о защитѣ и ея функціяхъ въ уголовномъ процессѣ. Сочиненіе его состоитъ изъ трехъ частей: 1) небольшаго введенія, гдѣ дается общее понятіе объ адвокатурѣ и указываются причины, вызывающія ея появленіе; 2) отдѣла объ организаціи адвокатуры, гдѣ авторъ, послѣ краткаго историческаго очерка института защиты у древнихъ и новыхъ народовъ, излагаетъ ея современное устройство въ различныхъ государствахъ запада и въ Россіи и 3) отдѣла о дѣятельности адвокатуры въ уголовномъ процессѣ, гдѣ онъ подробно говоритъ о принципахъ адвокатской дѣятельности и о функціяхъ и задачахъ защиты на слѣдствіи предварительномъ и судебномъ. Г. Пескинъ весьма добросовѣстно отнесся къ своему труду и основательно ознакомился съ литературой затронутыхъ имъ въ сочиненіи вопросовъ, причемъ, кромѣ монографій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, пользовался также произведеніями литературы французской и нѣмецкой. Сочиненіе изложено хорошимъ языкомъ и въ немъ вполнѣ соблюдена равномѣрность между отдѣльными частями, изъ которыхъ автору особенно удалась глава, гдѣ онъ говоритъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи. Серьезнаго упрека заслуживаетъ только отдѣлъ о русской адвокатурѣ. Здѣсь авторъ имѣлъ возможность воспользоваться, и однако не воспользовался, довольно богатымъ матеріяломъ о дѣятельности нашихъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (напр. Петербургскаго), вслѣдствіе чего его изложеніе по мѣстамъ является нѣсколько без-

цвѣтнымъ, шаблоннымъ и лишеннымъ почвы. Съ другой стороны, онъ могъ бы съ успѣхомъ и безъ ущерба для дѣла обойти молчаніемъ организацію адвокатуры въ небольшихъ европейскихъ государствахъ, тѣмъ болѣе что его краткіе очерки въ этомъ отдѣлѣ лишены всякой самостоятельности. Не смотря, однако, на эти недостатки, въ общемъ, сочиненіе г. Пескина настолько удовлетворительно, что авторъ, по моему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

П. Бесѣдкинъ.

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи *Хаима Прусакова* «О выдачѣ преступниковъ».

Сочиненіе г. Прусакова начинается опредѣленіемъ понятія и краткимъ очеркомъ исторіи выдачи. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе ученій о дѣйствіи уголовнаго закона въ пространствѣ. Здѣсь авторъ отдаетъ предпочтеніе теоріи космополитической и сообразно съ этимъ разсматриваетъ институтъ выдачи, какъ суррогатъ суда. Въ заключеніе онъ подробно разсматриваетъ отдѣльные вопросы, входящіе въ содержаніе института выдачи, причемъ особенно долго останавливается на вопросахъ о выдачѣ за политическія и смѣшанныя преступленія и на процессуальныхъ системахъ выдачи. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ живое отношеніе къ избранному имъ предмету, мѣстами переходящее даже въ излишнюю страстность при аргументированіи отдѣльныхъ положеній. Авторъ несомнѣнно обладаетъ умѣньемъ выдѣлить наиболѣе важные вопросы, опуская всѣ второстепенныя подробно-

сти, и, какъ видно, добросовѣстно изучилъ относящіеся къ избранной имъ темѣ труды на русскомъ языкѣ. Въ виду сказаннаго я считаю сочиненіе г. Прусакова удовлетворяющимъ своему назначенію.

П. Бесѣдкинъ.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи *Леонида Сабинина* «Фабричное законодательство въ Западной Европѣ и въ Россіи».

Въ основу своего сочиненія авторъ, кромѣ спеціальныхъ русскихъ сочиненій, положилъ изученіе „Трудовъ коммиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ“, „Устава о промышленности“ изд. 1887 г. (Сводъ законовъ т. XI ч. 2) и нѣкоторыхъ другихъ невошедшихъ въ него позднѣйшихъ узаконеній (напр. законъ 1-го Іюня 1890 г. и др.), а также отчасти и знакомство съ отчетами фабричныхъ инспекторовъ. Сочиненіе свое г. Сабининъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ первой онъ дѣлаетъ сравнительный обзоръ внѣшней исторіи фабричнаго законодательства о рабочихъ въ разныхъ странахъ Европы, преимущественно же въ Англіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи и Россіи. Причемъ онъ излагаетъ главнѣйшіе изъ актовъ фабричнаго законодательства, отмѣчая время и условія ихъ возникновенія, особенно подробно останавливаясь на извѣстномъ англійскомъ законѣ 1844 г. Во второй части онъ подробно разсматриваетъ дѣйствующее фабричное законодательство о рабочихъ въ западной Европѣ и въ Россіи по отдѣльнымъ институтамъ; такъ онъ излагаетъ главнѣйшія правила внѣшняго благоустройства, санитарныя предписанія, правила для предупрежденія опасностей отъ машинъ и т. д.

Задавшись цѣлію представить связное и полное изложеніе фабричнаго законодательства о рабочихъ, авторъ, придерживаясь чисто фактической почвы дѣйствующаго законодательства, избѣгаетъ всякихъ выводовъ. Такъ онъ отказывается отвѣчать на поставленный имъ же вопросъ какой изъ дѣйствующихъ законовъ разныхъ странъ лучше охраняетъ интересы рабочихъ,—мотивируя свой отказъ тѣмъ, что для сужденія о такомъ вопросѣ необходимо знать условія народнаго быта, при которыхъ дѣйствуетъ тотъ или другой законъ. Но вопреки такому воззрѣнію изъ самого сочиненія г. Сабинина выносится впечатлѣніе, что фабричное законодательство Англіи и Швейцаріи расчитано на болѣе всестороннюю охрану здоровья и обезпеченіе умственнаго образованія рабочихъ по сравненіи съ законодательствами другихъ разсматриваемыхъ имъ странъ.

Тщательное изученіе современнаго положенія фабричнаго законодательства о рабочихъ, хотя только по чисто русскимъ источникамъ, а въ особенности обстоятельное знакомство съ россійскимъ фабричнымъ законодательствомъ, обнаруженное авторомъ въ его сочиненіи, а также литературныя достоинства яснаго и послѣдовательнаго изложенія предмета—даютъ полное основаніе признать г. Сабинина кандидатомъ юридическихъ наукъ.

И. д. экстраорд. проф. *В. Левитскій.*

ОТЗЫВЪ

о кандидатскомъ сочиненіи *Х. Штейнберга* «О кражѣ документовъ».

Вопросъ, избранный г. Штейнбергомъ для кандидатскаго сочиненія, представляется однимъ изъ труднѣйшихъ въ ученіи о кражѣ въ силу неопредѣленности самого понятія документа. Точное выясненіе смысла и объ-

ема послѣдняго и составляетъ центръ тяжести всего сочиненія. Въ своемъ изложеніи авторъ идетъ путемъ индукціи: онъ начинаетъ съ разбора постановленій о кражѣ документовъ русскаго уголовнаго уложенія, проекта новаго русскаго уголовнаго уложенія и кодексовъ германскаго, венгерскаго и французскаго, а затѣмъ подробно останавливается на опредѣленіи объекта разбираемаго имъ вида кражи и проектируетъ нѣсколько постановленій de lege ferenda. Несомнѣнныя достоинства работы г. Штейнберга—умѣлый анализъ законодательнаго матеріала, послѣдовательность изложенія и хорошій стиль. Мѣстами авторъ грѣшитъ нѣкоторою искусственностью своихъ построеній, такъ напр., онъ доказываетъ, что долговое имущество (долговыя росписки) не можетъ быть объектомъ кражи со стороны должника въ виду того, что, похищая свою росписку, должникъ будто-бы не увеличиваетъ сферы своего имущественнаго обладанія: онъ не становится богаче, а пріобрѣтаетъ лишь возможность не быть бѣднѣе.

Трудъ г. Штейнберга вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ кандидатскаго сочиненія.

П. Беспдкинъ.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи Іосифа *Юровскаго* «Сельско-хозяйственный кризисъ 1867—1880 г. въ Англіи».

Сельско-хозяйственный кризисъ 1867—1880 г. въ Англіи былъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія особой Королевской коммиссіи, собравшей богатый матеріалъ относительно современнаго положенія сельскаго хозяйства въ Англіи и о тѣхъ крупныхъ перемѣнахъ въ условіяхъ международнаго хлѣбнаго рынка, которыя вызваны были конкуренціей Американской хлѣбной торговли. Обшир-

ные труды этой коммиссіи, обнародованные затѣмъ въ англійскихъ Синихъ Книгахъ, послужили экономистамъ матеріаломъ для сужденія объ особенностяхъ и причинахъ современнаго сельско-хозяйственнаго кризиса въ Англіи, —такъ между прочимъ на эту тему были написаны два выдающіяся сочиненія—одно нѣмецкаго профессора Нассе (Nasse, Agrarische und landwirthschaftliche Zustände in England) и другое россійскаго ученаго г. Каблукова (Вопросъ о сельскихъ рабочихъ въ Англіи). Г. Юровскій тщательно изучилъ оба сочиненія, воспользовавшись также всѣми данными о положеніи англійскаго землевладѣнія, заключающимися въ сочиненіяхъ Янсона, кн. Васильчикова и Ходскаго. На основаніи этого матеріала г. Юровскій даетъ въ своемъ сочиненіи обстоятельную характеристику перемѣнъ происходящихъ въ состояніи земледѣльской культуры современной Англіи, выразившихся въ превращеніи полей въ пастбища, въ увеличеніи посѣва кормовыхъ травъ и огородныхъ овощей и уменьшеніи посѣвовъ хлѣбныхъ злаковъ, въ оставленіи значительной части земли безъ всякой обработки, переходѣ къ молочному хозяйству и т. п. Затѣмъ, онъ характеризуетъ измѣненія въ отношеніи сельско-хозяйственныхъ классовъ Англіи, связанныя съ отмѣченными крупными перемѣнами въ условіяхъ сельскаго хозяйства:—уменьшеніе числа сельскихъ рабочихъ, переходъ, какъ фермеровъ, такъ и рабочихъ къ промышленнымъ предпріятіямъ и т. п. Въ заключеніе Юровскій останавливается на оцѣнкѣ вліянія на сельско-хозяйственный кризисъ въ Англіи—формы англійскаго землевладѣнія, международной хлѣбной конкуренціи, неурожаевъ послѣднихъ годовъ, падежей скота въ Англіи, дополняя объясненія даваемыя Нассе соображеніями г. Каблукова.

Въ своемъ сочиненіи Юровскій обнаруживаетъ ясное пониманіе разсматриваемаго имъ сложнаго экономическаго

явленія, умѣнье чрезвычайно осторожно выбрать изъ сочиненій соотвѣтствующихъ авторовъ наиболѣе обоснованныя ими сужденія и все это излагаетъ хорошею русскою рѣчью.

Въ видѣ приложенія къ своему сочиненію Юровскій представилъ недурный переводъ выше названнаго изслѣдованія Нассе (Agrarisehe und landwirth. Zustände in England), которое раньше уже разрѣшено Совѣтомъ Лицея къ напечатанію во „Временникѣ“ подъ моею редакціей.

Въ виду отмѣченныхъ мною достоинствъ работы г. Юровскаго признаніе его кандидатомъ юридическихъ наукъ является въ высокой степени заслуженнымъ.

Испр. долж. э.-ордин. проф. *В. Левитскій.*

(*Приложеніе къ ст. 4*).

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

и. д. экстраординарнаго профессора *А. Е. Назимова* объ оставленіи профессорскимъ стипендіатомъ при Лицеѣ по каѳедрѣ Административнаго права, кандидата правъ *И. Гурлянда.*

Я имѣю честь обратить вниманіе Совѣта на кандидата нашего Лицея И. Гурлянда, какъ на молодого человѣка съ самыми счастливыми задатками для успѣшнаго прохожденія ученаго поприща; по моему мнѣнію онъ вполнѣ достоинъ того, чтобы его оставили при Лицеѣ, согласно съ его завѣтнымъ желаніемъ, стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ Административнаго права.

Съ Гурляндомъ я познакомился вскорѣ послѣ возвращенія изъ заграничной командировки и съ тѣхъ поръ не терялъ его изъ виду. Еще будучи на 3-мъ курсѣ онъ обратился ко мнѣ съ просьбой руководить его занятіями

по Административному праву; убѣдившись, что имъ хорошо усвоены элементы этой науки, которые можно почерпнуть изъ русскихъ учебниковъ и, что, вполнѣ владѣя двумя новыми языками, онъ легко можетъ пользоваться пособіями иностранной литературы, я счелъ возможнымъ направить его на болѣе спеціальныя занятія; я старался расположить ихъ такимъ образомъ, чтобы систематически пополняя свѣдѣнія любознательнаго студента, имѣть въ тоже время возможность по достоинству оцѣнить его способности.

Наши совмѣстныя работы начались съ изученія сочиненій Лоренца Штейна, твореніе котораго по законченности системъ и оригинальности мыслей, безспорно, должно считаться капитальнѣйшимъ явленіемъ современной литературы по Административному праву. Основательное усвоеніе Штейновскихъ теорій, возможное только при довольно высокомъ умственномъ развитіи, должно было къ тому же въ моихъ глазахъ послужить какъ бы пробнымъ камнемъ для оцѣнки развитія и способностей изучающаго. Сначала дѣло, конечно, не могло обойтись безъ моей помощи. Она сводилась впрочемъ лишь къ слѣдующему. Вопервыхъ я указалъ на нѣкоторыя сочиненія юридическаго и философскаго характера, предварительное знакомство съ которыми необходимо для яснаго пониманія этого писателя (Stahl, Gesch. d. Phil. d. R; Gneist, Selfgovernement), во вторыхъ старался обратить вниманіе изучающаго на ту органическую связь, которая существуетъ у Штейна между спеціальными отдѣлами особой части Административнаго права и общей его политической теоріей. Послѣ нѣкоторыхъ указаній такого рода я предложилъ своему ученику уже вполнѣ самостоятельно проконспектировать весь 6-й томъ особенной части ученія объ управленіи (Ученіе о правѣ печати и о народномъ образованіи). Умѣнье, съ которымъ была выполнена эта труд-

ная задача, заставило меня обратить особенное вниманіе на талантливаго молодого человѣка съ тѣмъ, чтобы съ удвоенною охотой заняться его дальнѣйшимъ научнымъ развитіемъ. Параллельно съ занятіями теоріей я обратилъ вниманіе моего ученика на необходимость освоиться съ Перв. Полн. Собр. Закон., какъ исходной точкой всякихъ работъ по русскому Административному праву, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на пріемы, при помощи которыхъ отвлеченныя категоріи изъ теоріи права могутъ быть провѣряемы на историческихъ примѣрахъ. Вполнѣ самостоятельное приложеніе этихъ пріемовъ было сдѣлано Гурляндомъ въ его сочиненіи: Историко-критическій очеркъ развитія цензуры въ Россіи, удостоенномъ преміи, и кандидатскомъ разсужденіи: „Историческій обзоръ законодательства о цензурѣ въ Россіи съ приложеніемъ разбора права печати по Л. Штейну". Для завершенія новиціата своего ученика въ области Административнаго права мною предполагалось сдѣлать еще слѣдующее: указать на примѣрахъ русскаго законодательства на органическую связь существующую между различными отраслями управленія и указать на пріемы законодательной техники по вопросамъ Государственнаго права. Неоцѣненныя данныя въ этомъ отношеніи заключаются въ матеріалахъ относящихся до новаго устройства городовъ въ Имперіи, изданныхъ Хозяйств. Деп. Мин., Внут. Дѣлъ. Тѣсное взаимодѣйствіе различныхъ сторонъ государственной жизни выступаетъ тутъ вполнѣ наглядно при разносторонней разработкѣ каждаго отдѣльнаго положенія со стороны различныхъ представителей административныхъ вѣдомствъ и общественныхъ слоевъ. Въ высшей степени полезнымъ для будущаго ученаго администратора и юриста можетъ быть также изученіе самой законодательной техники, такъ какъ по каждому вопросу, по мѣрѣ движенія его по различнымъ инстанціямъ и вѣдомствамъ, постепенно уясня-

ются тѣ техническія погрѣшности въ юридической формулировкѣ, которыя сначала нерѣдко опускаются изъ виду, впослѣдствіи же оказываются чреватыми послѣдствіями. Рвеніе, съ которымъ Гурляндъ принялся за изученіе означенныхъ многотомныхъ матеріаловъ, ясно указывало мнѣ, что онъ вполнѣ способенъ оцѣнить значеніе такой работы и позволяло мнѣ много ожидать отъ предпринятой имъ монографіи: „Сравнительно историческое изложеніе выборной системы въ городскомъ управленіи въ Россіи и на Западѣ". Но отъ занятій этихъ Гурляндъ былъ отвлеченъ другой большой работой, не безъизвѣстной уже нѣкоторымъ членамъ Совѣта.

Если такимъ образомъ Гурлянду, въ бытность его студентомъ и не удалось вполнѣ выполнить циклъ занятій по Административному праву, предначертанный ему мною по заранѣе обдуманному плану, все же сдѣланное уже имъ даетъ мнѣ полную возможность по достоинству оцѣнить его способности и трудолюбіе. До сихъ поръ этотъ молодой человѣкъ оправдывалъ мои надежды и я смѣю думать, что если Совѣтъ, оставивъ его при Лицеѣ дастъ ему возможность продолжать его научныя занятія, то онъ съ честью выйдетъ изъ этого испытанія. Способность къ усиленному умственному труду, отвлеченному мышленію и научной критикѣ молодого аспиранта въ ученые, а главнымъ образомъ его горячая любовь къ научнымъ занятіямъ служитъ, въ данномъ случаѣ, въ моихъ глазахъ, вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха.

1891 года Августа 20-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора, Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: испр. должн. экстраординарн. профессоровъ: В. Г. *Щегловъ*, А. Е. *Назимовъ*, В. Ф. *Левитскій* и А. К. *Вульфертъ;* Профессоръ Богословія *К. Н. Смирновъ;*

исправ. должн. доцентовъ: М. А. *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ*; прив.-доцентъ П. Ѳ. *Беспдкинъ*. Неприсутствовали: ордин. проф Н. С. *Суворовъ*; испр. долж. экстраординарнаго профессора Э. Н. *Берендтсъ*; ис. д. доцента М. М. *Катковъ*; приватъ-доценты: князь Е. Н. *Трубецкой*, А. Р. *Свирщевскій* по нахожденію въ отпуску; ис. д. экстраорд. профессора А. Н. *Лодыженскій*—по не возвращенію изъ отпуска.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили**: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 18 Іюня сего года за № 7957, коимъ, на основаніи § 21 Устава Лицея, разрѣшаетъ выдавать въ теченіе 1891--92 учебнаго года добавочное жалованье изъ суммъ имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1891 и 1892 года заслуженному ординарному профессору Шпилевскому за 2 часа 400 руб., ординарному профессору Суворову за 5 часовъ 1000 руб , испр. долж. экстраордин. профессора Щеглову за 2 часа 400 руб., испр. долж. доцента Минервину за 3 часа 600 руб. и испр. долж. доцента Липинскому за 8 часовъ 1600 руб., начавъ таковую выдачу съ 16-го августа сего года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ если въ теченіи года будетъ назначенъ новый преподаватель на какую либо изъ этихъ каѳедръ, то вознагражденіе было выдано по разсчету по день этого назначенія. **Опредѣлили**: Принять къ исполненію, передавъ для сего заслушанное предложеніе въ Правленіе Лицея.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 19 Іюня сего года за № 8008, коимъ ра-

зрѣшаетъ выдавать изъ суммъ, имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Демидовскаго Юридическаго Лицея по смѣтамъ 1891 и 1892 годовъ за чтеніе лекцій въ 1891—92 учебномъ году приватъ-доцентамъ сего Лицея князю Трубецкому 1000 руб., Бесѣдкину 1400 руб. и Свирщевскому 1200 руб. въ годъ, начавъ эту выдачу съ 16 августа сего года, помѣсячно. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 2 минувшаго Іюля за № 8592, коимъ, съ приложеніемъ формулярнаго списка о службѣ причисленнаго къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, Магистра Финансоваго права, Титулярнаго Совѣтника *Берендтса*, увѣдомляетъ, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначаетъ г. Берендтса испр. долж. экстраординарнаго профессора въ Демидовскій Юридическій Лицей по каѳедрѣ политической экономіи и финансоваго права, съ 1-го Іюля сего года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и копію съ заслушаннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея на предметъ удовлетворенія г. Берендтса содержаніемъ.

5. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 2-го минувшаго Іюля за № 8593, коимъ увѣдомляетъ, что Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Г. Товарищъ Министра согласенъ на оставленіе студента Демидовскаго Юридическаго Лицея *Левашева* Алексѣя на 2 курсѣ на третій годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

6. При предложеніи отъ 3-го Іюля сего года за № 8719 г. Управляющимъ Московскимъ Учебнымъ Округомъ препровождена, съ копіи, выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 27 Мая сего года за № 1102 съ заключеніемъ Комитета по отчету г. *Удинцова*, оставленнаго при Лицеѣ

для приготовленія къ профессорскому званію. Выслушавъ копію съ журнала Ученаго Комитета, Совѣтъ **Опредѣлилъ:** Представить на благоусмотрѣніе г. Попечителя Округа о тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, съ которыми, по мнѣнію Совѣта, сопряжено ближайшее исполненіе данныхъ Ученымъ Комитетомъ указаній о желательномъ направленіи занятій г. Удинцова. Въ мнѣніи Ученаго Комитета приписывается какому то недоразумѣнію то обстоятельство, что г. Удинцовъ именуетъ себя оставленнымъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ торговаго права и гражданскаго судопроизводства. По словамъ докладчика „такая каѳедра врядъ ли гдѣ либо существуетъ, хотя несомнѣнно существуютъ въ отдѣльности и каѳедра гражданскаго судопроизводства и каѳедра торговаго права“. Въ виду этого, въ представленіи г. Попечителю Округа присовокупить, что по Высочайше утвержденному Уставу Демидовскаго Юридическаго Лицея 1874 года, на точномъ основаніи § 29, перечисляющаго установленныя для Лицея каѳедры, гражданское судопроизводство и торговое право именно соединены въ одну каѳедру и лицо, которое занимаетъ эту каѳедру, обязано вести преподаваніе совмѣстно какъ по гражданскому судопроизводству, такъ и по торговому праву. Заботясь о замѣщеніи означенной каѳедры гражданскаго судопроизводства и торговаго права, остающейся вакантною уже много времени, и принимая во вниманіе, что г. Удинцовъ, выказавшій себя съ отличной стороны во время прохожденія лицейскаго курса, особенно успѣшно занимался торговымъ правомъ и сопредѣльными съ нимъ предметами, Совѣтъ Лицея ходатайствовалъ объ оставленіи г. Удинцова для приготовленія къ профессорскому званію, имѣя въ виду пріобрѣсти въ его лицѣ впослѣдствіи достойнаго замѣстителя названной каѳедры, каковое ходатайство Лицея и было уважено. Что касается инструкціи для занятій г.

Удинцова, то она представлена была въ Округъ 12 Октября 1889 г. за № 704, а между тѣмъ изъ журнала Ученаго Комитета явствуетъ, что при разсмотрѣніи отчета г. Удинцова Ученый Комитетъ не только не имѣлъ передъ собою вышеупомянутой инструкціи, но что означенная инструкція осталась неизвѣстною и докладчику по этому дѣлу, который при томъ даже выразилъ сомнѣніе въ возможности существованія подобной инструкціи, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ доклада: „къ сожалѣнію я не видалъ инструкціи, данной г. Удинцову, но взглянуть на нее было бы очень любопытно, такъ какъ, на мой взглядъ, при данныхъ условіяхъ, никакая инструкція не мыслима. Очень можетъ быть, впрочемъ, что никакой инструкціи Лицеемъ г. Удинцову и не дано". Соотвѣтственно этому и Ученый Комитетъ въ своемъ заключеніи по означенному докладу поставилъ на видъ, что въ отзывѣ объ отчетѣ г. Удинцева не указано, на сколько исключительное занятіе римскимъ правомъ весь годъ двухлѣтней командировки соотвѣтствуетъ цѣлямъ магистранта. Въ виду такого заключенія Совѣтъ считаетъ долгомъ представить на благоусмотрѣніе г. Попечителя Округа тѣ соображенія, которыми онъ руководствовался при выработкѣ инструкціи г. Удинцову и которыя онъ находилъ неумѣстнымъ повторять въ отзывѣ по поводу отчета, не предполагая, что означенный отчетъ, представляющій частное исполненіе принятой инструкціи, будетъ разсматриваемъ внѣ связи съ общимъ планомъ занятій стипендіата и вызоветъ обсужденіе со стороны Ученаго Комитета того, что Совѣтъ имѣлъ основанія считать принятымъ и одобреннымъ Министерствомъ. По уставу Лицея преподаваніе въ немъ, по общему правилу, можетъ быть поручено лишь лицу, пріобрѣвшему въ одномъ изъ Россійскихъ Университетовъ ученую степень магистра или доктора; соотвѣтственно этому, имѣя въ виду подго-

товить г. Удинцова къ занятію каѳедры въ Лицеѣ. Совѣтъ считалъ себя обязаннымъ прежде всего направить занятія своего стипендіата къ тому, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ выдержать устный экзаменъ на степень магистра по правиламъ объ испытаніяхъ на ученыя степени. По означеннымъ правиламъ, которыми Совѣтъ долженъ былъ руководствоваться въ данномъ случаѣ, гражданское судопроизводство и торговое право, которыя въ Лицеѣ для удобства преподаванія выдѣлены въ особую каѳедру, составляютъ лишь добавочные предметы для экзаменующагося на степень магистра по гражданскому праву. При отсутствіи особой ученой степени, а соотвѣтственно этому и особаго экзамена по торговому праву или по гражданскому судопроизводству, г. Удинцовъ для занятія названной каѳедры въ Лицеѣ долженъ пріобрѣсти ученую степень магистра гражданскаго права и на изустномъ экзаменѣ въ одномъ изъ нашихъ Университетовъ удовлетворить требованіямъ, которыя установлены для полученія этой степени, независимо отъ того, какіе предметы, изъ входящихъ въ составъ магистерскаго экзамена, могутъ быть избраны г. Удинцовымъ для послѣдующихъ спеціальныхъ его занятій. Руководствуясь означенными соображеніями, Совѣтъ и составилъ инструкцію для занятій г. Удинцова, въ которой, вполнѣ согласно съ правилами объ испытаніяхъ на ученыя степени, на первомъ мѣстѣ поставлено римское право. Соотвѣтственно означенной инструкціи первый годъ своего приготовленія къ магистерскому экзамену г. Удинцовъ посвятилъ занятіямъ по этому основному предмету. Занятія эти признаны въ заключеніи Ученаго Комитета сами по себѣ успѣшными, но при этомъ въ докладѣ выражено, что „нельзя не пожелать, чтобы у него (Удинцова) нашелся опытный руководитель, способный освѣтить его занятія болѣе опредѣленными задачами и дать его трудамъ болѣе цѣлесообразное направленіе, бо-

лѣе обдуманный характеръ". По поводу означеннаго замѣчанія представить г. Попечителю Округа, что г. Удинцовъ при своихъ занятіяхъ, кромѣ того руководства, какое давали ему наличные преподаватели Лицея, постоянно пользовался, и впредь можетъ пользоваться, спеціальными указаніями профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета, въ которомъ онъ намѣренъ держать экзаменъ на магистра гражданскаго права. Что же касается той части замѣчанія Ученаго Комитета, гдѣ выражено, что въ отзывѣ объ отчетѣ преподавателей Лицея г.г. Каткова и Липинскаго надлежало бы обозначить „на сколько такое исключительное занятіе римскимъ правомъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ магистранта", то дополнить въ представленіи г. Попечителю, что г. Удинцовъ еще не магистрантъ, получившій двухлѣтнюю командировку для спеціальныхъ занятій торговымъ правомъ, а только еще стипендіатъ, имѣющій держать экзаменъ на степень магистра гражданскаго права, почему Совѣтъ и считалъ излишнимъ объяснять на сколько такой цѣли соотвѣтствуютъ занятія римскимъ правомъ. Не сомнѣваясь въ томъ, что торговое право, какъ это и указано въ заключеніи Ученаго Комитета, можетъ составить предметъ многолѣтнихъ спеціальныхъ штудій, Совѣтъ Лицея не считалъ возможнымъ направить теперь же занятія г. Удинцова на такія спеціальныя штудіи, такъ какъ г. Удинцовъ имѣетъ прежде всего выдержать экзаменъ на степень магистра гражданскаго права и долженъ первые годы посвятить на изученіе тѣхъ предметовъ, которые, по правиламъ объ испытаніяхъ на ученыя степени, служатъ основою какъ для процессуалиста, такъ и для коммерсіоналиста. Проводимая въ заключеніи Ученаго Комитета мысль о томъ, что отъ лица, имѣющаго впослѣдствіи спеціализироваться по торговому праву, требуются по римскому праву иныя, менѣе спеціальныя познанія, и

что связь между римскимъ и торговымъ правомъ сама собою не ясна, не нашла себѣ выраженія ни въ правилахъ объ испытаніяхъ на ученыя степени, ни въ инструкціяхъ Министерства, ни въ практикѣ нашихъ Университетовъ; въ виду чего Совѣтъ, безъ ближайшихъ указаній, затрудняется въ настоящемъ случаѣ допустить измѣненія въ занятіяхъ г. Удинцова въ смыслѣ признаваемомъ желательнымъ Ученымъ Комитетомъ, сдѣлать теперь же торговое право предметомъ спеціальныхъ занятій г. Удинцова, а римское право лишь побочнымъ второстепеннымъ предметомъ. Если къ тому времени, когда г. Удинцову прійдется подвергнуться испытанію на степень магистра, правила объ испытаніяхъ на ученыя степени не будутъ измѣнены и не будетъ установлена особая магистратура по торговому праву, съ отнесеніемъ римскаго права къ числу добавочныхъ предметовъ для ищущаго такой степени, то Совѣтъ Лицея, направивъ занятія г. Удинцова согласно указаніямъ Ученаго Комитета, лишилъ бы его возможности подговиться къ экзамену на степень магистра гражданскаго права, между тѣмъ какъ успѣшное выдержаніе этого экзамена, для котораго римское и гражданское право служатъ главными предметами, является первымъ и необходимымъ шагомъ для дальнѣйшей ученой и преподавательной дѣятельности г. Удинцова. Представивъ все вышеизложенное на усмотрѣніе Начальства Округа, проситъ ближайшихъ указаній — какъ надлежитъ направить занятія Удинцова: должны ли означенныя занятія продолжаться согласно принятой инструкціи, или онѣ должны быть направлены на спеціальныя работы по болѣе труднымъ отдѣламъ торговаго права, какъ то признается желательнымъ въ заключеніи Ученаго Комитета?

7. Предложеніе Г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 5-го Іюля сего года за № 8814, коимъ увѣдомляетъ, что Господиномъ Управляющимъ Ми-

нистерствомъ Народнаго Просвѣщенія ис. д. экстраординарнаго профессора Лицея А. Н. *Лодыженскій*, согласно его прошенію, уволенъ въ отпускъ за границу на вакаціонное время настоящаго года по 16 августа съ ученою цѣлью. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

8. Прошеніе кандидата юридическихъ наукъ Всеволода *Удинцова*, состоящаго съ января 1890 года стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ торговаго права и гражданскаго судопроизводства, коимъ ходатайствуетъ о продленіи ему срока командировки для приготовленія къ профессорскому званію еще на одинъ годъ съ сохраненіемъ получаемой имъ стипендіи, такъ какъ двухгодичнаго срока для подготовки его къ экзамену на степень магистра гражданскаго права оказалась недостаточно. **Опредѣлили**: Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи г. Удинцову еще на одинъ годъ содержанія въ размѣрѣ 600 руб для окончанія подготовки по каѳедрѣ торговаго права и гражданскаго судопроизводства.

9. Прошеніе студента Лицея 4 курса Петра *Донченко* о разрѣшеніи ему въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года подвергнуться испытанію по Богословію, такъ какъ на экзаменѣ по этому предмету онъ получилъ въ Харьковскомъ Университетѣ отмѣтку *три*. **Опредѣлили**: Студенту Донченко въ настоящемъ его ходатайствѣ отказать, такъ какъ по лицейскимъ правиламъ переэкзаменовки не допускаются.

10. Предложенія начальства Московскаго Учебнаго Округа отъ 7, 8, 21, 24, 25, 27 іюня, 1, 2, 3, 5, 9, 10, 12, 23, 25, 31 іюля и 7 августа за №№ 7399, 7537, 8090, 8091, 8135, 8221, 8248, 8275, 8402, 8403, 8510, 8604, 8591, 8614, 8718, 8815, 8816, 8889, 8890, 8901,

8984, 9098, 9099, 9462, 9572, 9829, 9830 и 10135, коими нѣкоторыхъ студентовъ Лицея дозволяется допустить до экзаменовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, нѣкоторымъ же отказано. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію, назначивъ экзамены 2, 3 и 4 числъ сентября; причемъ поручить произвести экзамены по политической экономіи, вмѣсто г. Левитскаго, г. Свирщевскому; по международному праву, вмѣсто г. Лодыженскаго, г. Щеглову; по исторіи русскаго права и гражданскому праву, вмѣсто г. Шпилевскаго, г. Липинскому; по гражданскому праву по курсу читанному г. Липинскимъ, г. Суворову и по уголовному праву по курсу Бѣлогрицъ-Котляревскаго,—г. Вульферту.

11. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: *Бышевскій* Антонъ—бывшій студентъ Московскаго Университета, получившій среднее образованіе въ Нижегородской гимназіи; *Воскобойниковъ* Александръ—бывшій студентъ Московскаго Университета, получившій среднее образованіе въ Бѣльской гимназіи; *Ивановъ* Василій - тоже Московскаго Университета, Елатомской гимназіи; *Иносовъ* Григорій изъ Кіевской 1-й гимназіи; *Коровкинъ* Сергѣй—2-й Казанской гимназіи; *Кошлаковъ* Константинъ—Ярославской гимназіи; *Крживокольскій* Болеславъ—Ярославской гимназіи; *Крыловъ* Николай - Рыбинской гимназіи; *Любомудровъ* Михаилъ—Ярославской гимназіи; *Масленниковъ* Константинъ—Ярославской гимназіи; *Ольшевскій* Ананій—Томскаго Университета, Томской гимназіи; *Петинъ* Сергѣй—Ярославской гимназіи; *Положенцевъ* Григорій—Московскаго Университета, 5-й Московской гимназіи; *Пономаревъ* Владиміръ изъ Екатеринбургской гимназіи; *Рклицкій* Леонидъ изъ Прилукской гимназіи; *Сидоровскій* Александръ изъ Ярославской гимназіи; *Холодовичъ* Константинъ изъ Московскаго Университета, Воронежской гимназіи; *Чукашевъ* Петръ изъ Ярославской гимназіи; *Яшковъ* Павелъ

изъ Московскаго Университета, Уральской гимназіи. На 2-й курсъ: *Збороміирскій* Оттонъ изъ Московскаго Университета, Елецкой гимназіи; *Картавцевъ* Михаилъ изъ Московскаго Университета, частной Московской гимназіи Креймана, *Клоковъ* Александръ изъ Московскаго Университета, Тамбовской гимназіи; *Котельниковъ* Митрофанъ изъ Московскаго Университета, Воронежской гимназіи; *Огородниковъ* Николай изъ Московскаго Университета, Ярославской гимназіи. На 3-й курсъ: *Курносовъ* Петръ изъ Московскаго Университета, гимназіи Креймана. На 4-й курсъ: *Вишневскій* Евгеній изъ Новороссійскаго Университета, Кутаисской гимназіи. **Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

12. Окончившій въ настоящемъ году курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи Михель *Фейдманъ*, таковую нынѣ представилъ подъ заглавіемъ: „Родовыя и благопріобрѣтенныя имущества“. **Опредѣлили**: Передать означенное сочиненіе Фейдмана для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ профессору Суворову.

13) Изготовленную ис. д. экстраординарнаго профессора В. Ф. *Левитскимъ* рѣчь „О формахъ землевладѣнія въ Россіи въ связи съ вопросами поземельной политики“, **Опредѣлили**: Одобрить для произнесенія на актѣ и напечатать во Временникѣ Лицея.

ОТЧЕТЪ
о состоянiи Демидовскаго Юридическаго Лицея
въ Ярославлѣ
ЗА 1891 ГОДЪ.

Со времени открытiя въ Ярославлѣ преобразованнаго въ Юридическiй Демидовскаго Лицея (камеральнаго), открытаго первоначально въ 1805 году, подъ именемъ Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища на средства П. Г. Демидова, исполнилось 30-го августа 1891 года двадцать одинъ учебный годъ.

Въ настоящемъ отчетѣ излагаются свѣдѣнiя о состоянiи и дѣятельности Юридическаго Лицея, именно:

1) о должностныхъ лицахъ;
2) о дѣятельности Совѣта и Правленiя;
3) объ учащихся;
4) объ учебно-вспомогательныхъ учрежденiяхъ.

I. Составъ Лицея.

А. Составъ Лицейскаго курса.

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 г. Уставу, въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ (§ 29) преподаются:

1) Богословiе для студентовъ православнаго исповѣданiя.
2) Энциклопедiя права и Институцiи Римскаго права.
3) Всеобщая Исторiя права со включенiемъ Римскаго.

4) Исторія Русскаго права.

5) Международное право публичное и частное.

6) Римское право.

7) Гражданское право.

8) Гражданское судопроизводство и Торговое право.

9) Государственное право со включеніемъ Административнаго.

10) Политическая экономія и Наука о Финансахъ.

11) Уголовное право и Уголовное Судопроизводство.

Сверхъ того, 1-мъ примѣчаніемъ къ штату Лицея предоставлено ввести преподаваніе церковнаго законовѣдѣнія, которое и введено съ $187^{7}/_{8}$ учебнаго года и съ того времени до 1-го декабря 1884 года отпускалось на содержаніе экстраординарнаго профессора дополнительная, сверхъ положенной по штату, сумма въ размѣрѣ 2000 р., съ 1-го же декабря 1884 года этотъ дополнительный кредитъ увеличенъ до 3000 руб., такъ какъ наличный профессоръ церковнаго законовѣдѣнія (Суворовъ), пріобрѣтя по своей специальности степень доктора, назначенъ съ того времени ординарнымъ профессоромъ.

На основаніи утвержденныхъ 10 сентября 1883 г. Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ, всѣ указанныя Уставомъ науки распредѣлены были на четыре группы и студентамъ Лицея преподавалось:

Въ 1-й половинѣ 1891 года, т. е. во второй половинѣ 1890—91 учебнаго года:

На 1-мъ курсѣ:

	Число часовъ.
Энциклопедія права (ис. д. экстраординарнаго професора В. Г. Щегловъ)	4
Исторія политическихъ ученій (прив.-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой)	2

Институцiи Римскаго права (ис. д. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая Исторiя права (ис д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ) . .	2
Исторiя Русскаго права, 1-я половина (заслуженный ордин. проф. С. М. Шпилевскiй)	6
Исторiя Римскаго права (ис. д. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Итого .	20

Всеобщая Исторiя права и Исторiя Римскаго права (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденiе. Богословiе, по случаю поздняго назначенiя профессора, въ этомъ полугодiи вовсе не читалось.

На 2-мъ курсѣ:

Римское право, 1-я половина (ис. д. доцента М. М. Катковъ)	3
Исторiя Русскаго права, 2-я половина (ис. д. доцента М. Л. Липинскiй)	3
Политическая Экономiя (ис. д. экстраординарнаго профессора В. Ф. Левитскiй) . .	4
Государственное и Административное право (ис. д. экстраордин. проф. А. Е. Назимовъ) .	4
Наука о финансахъ (прив.-доцентъ А. Р. Свирщевскiй)	2
Итого .	16

На 3-мъ курсѣ:

Русское гражданское право (ис. д. доцента М. А. Липинскiй)	2
Римское право, 2-я половина (ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ)	4

Церковное Законовѣдѣніе (ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ)	6
Уголовное право (ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій) . . .	6
Уголовное право (привать-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ)	1
Итого .	19

Гражданское право и Римское право (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе.

За 4-мъ курсъ:

Гражданское право (заслуженный ордин. проф. С. М. Шпилевскій 2 часа и ис. д. доцента М. А. Липинскій 3 часа) . . .	5
Международное право (ис. д. экстраординарнаго профессора А. И. Лодыженскій) . .	4
Торговое право (ис. д. доц. М. А. Липинскій)	3
Гражданское судопроизводство (онъ же, г. Липинскій)	2
Уголовное Судопроизводство (приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ) а	3
Итого .	17

Гражданское право, Торговое право и Гражданское Судопроизводство (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе.

Во 2-й половинѣ 1891 года, т. е. въ первой половинѣ 1891—92 учебнаго года, читалось.

На 1-мъ курсѣ:

Богословіе (профессоръ протоіерей Н. А. Тихвинскій)	3
Энциклопедія права (ис. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ) . . .	4
Исторія политическихъ ученій (приватъ-доцентъ князь Е. И. Трубецкой)	2
Институціи Римскаго права (ис. д. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая Исторія права (ис. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ) . . .	2
Исторія Русскаго права, 1-я половина (заслуженный орд. проф. С. М. Шпилевскій) .	6
Исторія Римскаго права (ис. д. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Итого .	23

Всеобщая Исторія права и Исторія Римскаго права (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 р. за годовой часъ, вознагражденіе.

На 2-мъ курсѣ:

Богословіе совмѣстно съ 1-мъ курсомъ (проф. протоіерей Н. А. Тихвинскій). . . .	3
Римское право, 1-я половина (ис. д. доцента М. М. Катковъ)	3
Исторія Русскаго права, 2-я половина (ис. д. доцента М. А. Липинскій)	3
Государственное и Административное право (ис. д. э.-орд. проф. Э. Н. Берендтсъ) .	5
Наука о Финансахъ (приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій)	3
Итого .	17

Политическая Экономія, такъ какъ профессоръ этой каѳедры (Левитскій) находится на годъ въ заграничной командировкѣ, будетъ читаться въ будущемъ учебномъ году двумъ курсамъ 2-му и 3-му.

На 3-мъ курсѣ:

Русское Гражданское право (ординарный профес. Н. С. Суворовъ)	3
Римское право, 2-я половина (ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ) . . .	4
Церковное Законовѣдѣніе (ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ)	6
Уголовное право (ис. д. экстраординарнаго профессора А. К. Вульфертъ) . . .	5
Уголовное право (приватъ-доцентъ П. Θ. Бесѣдкинъ)	1
Итого .	19

Гражданское право и Римское право (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 р. за годовой часъ, вознагражденіе.

На 4-мъ курсѣ:

Гражданское право (заслуженный ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій 2 часа и орд. профессоръ Н. С. Суворовъ 2 часа) .	4
Торговое право (испр. должн. доцента М. А. Липинскій)	4
Гражданское Судопроизводство (онъ же) . .	4
Уголовное Судопроизводство (приватъ-доцентъ П. Θ. Бесѣдкинъ)	3
Итого .	15

Гражданское право, Гражданское судопроизводство и Торговое право (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 р. за годовой часъ, вознагражденіе. Международное право по болѣзни профессора (Лодыженскаго), который потомъ вышелъ въ отставку, вовсе не читалось.

Всего въ теченіе 1891 года было прочитано и пропущено лекцій:

	Прочитано.	Пропущено.		
		По болѣзни	По нахожденію въ командиров.	По нахожд. въ отпуску.
Заслужен. Орд. проф. С. М. Шпилевскимъ .	130	11	34	»
Ординарными профессорами:				
Н. С. Суворовымъ	283	15	»	»
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	62	2	»	»
Профессоромъ Богословія протоіереемъ Н. А. Тихвинскимъ	7	3	»	»
И. д. экстраорд. профессоровъ:				
А. Н. Лодыженскимъ	28	2	»	28
В. Г. Щегловымъ	115	15	»	16
А. Е. Назимовымъ	38	6	»	»
В. Ф. Левитскимъ	42	4	»	»
А. К. Вульфертомъ	52	»	»	»
Э. Н. Берендтсомъ	39	»	»	»
И. д. доцентовъ:				
М. А. Липинскимъ	187	41	»	37
А. Е Минервинымъ	134	8	»	»
М. М. Катковымъ	67	1	»	4
Приватъ-доцентами:				
Княземъ Е. Н. Трубецкимъ	44	4	»	»
П. Ѳ. Бесѣдкинымъ	83	6	»	»
А. Р. Свирщевскимъ	53	3	»	6
Итого . .	1364	121	34	91
		246		
	1610			

Изъ показанныхъ выше лицъ г.г. Бѣлогрицъ-Котляревскій, Лодыженскій, Назимовъ и Левитскій читали только въ первой половинѣ года, а г.г. Вульфертъ и Берендтсъ—только во второй; профессоръ же Богословія приступилъ къ чтенію лекцій лишь въ концѣ года.

Б. Личный составъ.

1) Преподаватели:

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 г. штату Демидовскаго Юридическаго Лицея полагается въ немъ:

Ординарныхъ профессоровъ . . .	5
Экстраординарныхъ профессоровъ . .	5
Доцентовъ	3
Профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія .	1
Профессоръ Богословія	1
Итого .	15

Къ 1-му Января 1892 года состояло на лицо:

Ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія .	2
Исправляющихъ должность экстраординарныхъ профессоровъ	4
Профессоръ Богословія	1
Исправляющихъ должность доцентовъ .	3
Приватъ-доцентовъ	3
Итого .	13

По составу преподавателей въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

Ординарный профессоръ по каѳедрѣ Уголовнаго права Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* перемѣщенъ на службу

въ Университетъ Св. Владиміра, а на его мѣсто въ Лицей назначенъ ис. д. экстраординарнаго профессора приватъ-доцентъ Московскаго Университета, магистръ А. К. *Вульфертъ* съ 6-го апрѣля.

Назначенный на каѳедру профессора Богословія и настоятелемъ лицейской церкви магистръ Богословія К. Н. *Смирновъ*, согласно его прошенію, уволенъ въ отставку съ 1-го октября и на его мѣсто опредѣленъ, съ 26-го того же октября, магистръ Богословія, протоіерей Н. А. *Тихвинскій*.

Ис. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ Государственнаго права А. Е. *Назимовъ* перемѣщенъ на службу въ Новороссійскій Университетъ 8 августа 1891 года, а на его мѣсто назначенъ магистръ Финансоваго права Э. Н. *Берендтсъ*, опредѣленный ранѣе въ Лицей съ 1-го іюля ис. д. экстраординарнаго профессора на каѳедру Политической экономіи и Финансоваго права.

Ис. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ Международнаго права А. Н. *Лодыженскій* уволенъ въ отставку по болѣзни съ 20 декабря 1891 года.

Г. Директоръ Лицея, заслуженный ординарный профессоръ С. М. *Шпилевскій*, по прослуженіи 30 лѣтъ, оставленъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія на службѣ еще на 5 лѣтъ съ 27 февраля, съ прибавленіемъ одной пятой части къ получаемой имъ пенсіи.

2) Чиновники по учебно-административной и другимъ частямъ:

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 г. штату Демидовскаго Юридическаго Лицея и по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 16-го февраля 1887 года назначены въ немъ:

Директоръ изъ профессоровъ 1

Инспекторъ	1
Секретарь Совѣта и Правленія (онъ же Архиваріусъ)	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ (онъ же казначей) . .	1
Экзекуторъ	1
Итого . .	6

На лицо къ 1-му Января 1892 года состояло:

Директоръ	1
Инспекторъ	1
Секретарь	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ	1
Экзекуторъ	1
Итого . .	6

Нѣкоторые изъ служащихъ въ Лицеѣ, сверхъ штатныхъ своихъ должностей, исполняли постоянно или временно возлагаемыя на нихъ должности; такъ, на основаніи § 41 Устава Лицея, состояли, подъ предсѣдательствомъ Директора, членами Правленія ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ* (по назначенію Министра) и въ первомъ полугодіи Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, а во второмъ—В. Г. *Щегловъ* (по выбору Совѣта).

Имянной списокъ всѣхъ служащихъ въ Лицеѣ прилагается при семъ подъ № 1-мъ.

II. Дѣятельность лицъ, принадлежащихъ къ составу Лицея.

1) *Дѣятельность Совѣта.*

Совѣтъ Лицея, завѣдывавшій на основаніи § 30-го своего устава дѣлами по учебной и ученой части, состав-

ляли: Директоръ, какъ председатель, все ординарные и экстраординарные профессора. Сверхъ того, согласно § 30 устава, приглашались въ заседанія доценты и приватъ-доценты, но они имели голосъ равный съ членами Совета только: а) при решеніи вопросовъ, касающихся преподаваемой ими науки и б) при испытаніяхъ на степень кандидата и на званіе действительнаго студента.

Всехъ заседаній въ отчетномъ году было: обыкновенныхъ 16 и чрезвычайныхъ 2.

Согласно § 40 устава, журналы советскихъ заседаній, по предварительномъ представленіи ихъ начальству Московскаго Учебнаго Округа, печатались въ оффиціальной части Временника Лицея.

Чтеніе лекцій, на основаніи § 35 устава, велось въ отчетномъ году по всемъ каѳедрамъ, такъ что окончившимъ курсъ въ Лицее въ 1891 году студентамъ преподавались все предметы, означенные въ Высочайше утвержденномъ уставе (§ 29).

Деятельность преподавателей Лицея состояла: 1) въ разработке и изложеніи порученной каждому изъ нихъ науки въ лекціяхъ, соответственно съ современнымъ состояніемъ ея и согласно съ программами составленными каждымъ изъ нихъ, разсмотренными Советомъ и утвержденными Г. Министромъ Народнаго Просвещенія; при чемъ ординарными профессорами читалось не менее 6-ти часовъ въ неделю, экстраординарными не менее 4 час., профессоромъ Богословія и доцентами не менее 3-хъ, что требуется инструкціей преподавателямъ, данной бывшимъ Министромъ Народнаго Просвещенія (§ 1-й и 5-й); 2) въ поверке знаній и успеховъ студентовъ на экзаменахъ; 3) въ учено-литературныхъ трудахъ и 4) въ руководстве студентовъ при разработке вопросовъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій и въ рецензіи ихъ сочиненій. Такъ, по порученію Совета, преподаватели разсматривали пись-

менныя (годовыя) работы студентовъ и кандидатскія разсужденія, представляя о послѣднихъ въ Совѣтъ письменные отзывы.

На основаніи этихъ отзывовъ, Совѣтомъ, согласно § 58-му устава, въ 1891 году удостоены степени кандидата юридическихъ наукъ слѣдующіе студенты, у коихъ по экзаменнымъ отмѣткамъ имѣлось въ общемъ выводѣ не менѣе 4½ балловъ по всѣмъ предметамъ лицейскаго курса: 30 марта *Фалькъ* Эдуардъ за сочиненіе „Восточное право въ сравненіи съ античнымъ", отзывъ ис. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щеглова; 1 мая *Бычковъ* Василій за сочиненіе „О татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 г. сравнительно съ новоуказными статьями 1669 г.", отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго; 20 мая *Листратовъ* Николай за сочиненіе „Организація обвинительной функціи и дѣятельность прокуратуры", отзывъ приватъ-доцента П. Ѳ. Бесѣдкина; 31 мая *Бейленсонъ* Гилель за сочиненіе „О судѣ присяжныхъ; *Бреславъ* Гирша „О левиратѣ и обрядѣ разуванія у евреевъ"; *Гурляндъ* Илья—„Историческій обзоръ законодательства по цензурѣ въ Россіи съ приложеніемъ разбора права печати по Лоренцу Штейну"; *Дворковичъ* Аронъ—„О постановкѣ вопросовъ на судѣ съ присяжными", *Пескинъ* Михаилъ—„Адвокатура въ уголовномъ процессѣ", *Прусаковъ* Хаимъ—„О выдачѣ преступниковъ", *Сабининъ* Леонидъ—„Фабричное законодательство въ западной Европѣ и въ Россіи", *Штейнбергъ* Хаимъ—„О кражѣ документовъ", *Юровскій* Іосифъ—„Сельскохозяйственный кризисъ 1867—1880 г. въ Англіи", отзывы о сочиненіяхъ Бейленсона, Дворковича, Пескина, Прусакова и Штейнберга приватъ-доцента П. Ѳ. Бесѣдкина, Бреслава—ис. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щеглова, *Гурлянда*—ис. д. экстраординарнаго профес-

сора А. Е. Назимова, Сабинина и Юровскаго—ис. д. экстраординарнаго профессора В. Ф. Левитскаго; 28 августа *Фейдманъ* Михель за сочиненіе „Родовыя и благопріобрѣтенныя имущества“, отзывъ ординарнаго профессора Н. С. Суворова; 12 октября *Айзенштейнъ* Зеликъ за сочиненіе „Обязательность и безвозмездность начальнаго народнаго образованія“, отзывъ ис. д. экстраординарнаго профессора Э. Н. Берендтса, *Бочкаревъ* Вячеславъ за сочиненіе „Устройство и управленіе русской церкви по постановленіямъ Стоглаваго собора“, отзывъ ординарнаго профессора Н. С. Суворова и *Мейлаховскій* Моисей за сочиненіе „Отмѣна хлѣбныхъ запасовъ въ Англіи“, отзывъ приватъ-доцента А. Р. Свирщевскаго; 16 ноября *Рубинштейнъ* Гилель за сочиненіе „Краткое изложеніе содержанія духовнаго регламента въ связи съ преобразованіями Петра Великаго“, *Антикъ* Павелъ за сочиненіе „Формы заключенія брака“, *Березниковъ* Алексѣй „О дуели“, *Валькевичъ* Вадимъ „Исторія развода въ русской церкви въ связи съ исторіей Византійскаго бракоразводнаго права“, *Вармундъ* Николай „Бракъ у раскольниковъ“, *Кинеловскеръ* Лейзеръ—„О внѣшней формѣ завѣщаній“, *Розенкранцъ* Соломонъ—„Организація адвокатуры въ иностранныхъ государствахъ“ и *Шейнфайнъ* Аронъ—„Личныя и имущественныя отношенія супруговъ по дѣйствующему русскому законодательству“, отзывы о сочиненіяхъ Кинеловскера и Шейнфайна—заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго, Антика, Валькевича, Вармунда и Рубинштейна—ординарнаго профессора Н. С. Суворова, Березникова—и. д. экстраординарнаго профессора А. К. Вульферта и Розенкранца - приватъ-доцента П. Ѳ. Бесѣдкина; 20 декабря *Купферъ* Иванъ за сочиненіе „Исторія правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ раскольникамъ и старообрядцамъ, начиная отъ царствованія Петра Великаго

до царствованія Императора Александра III-го включительно", *Канторъ* Маркусъ—„О расторженіи брака по русскому праву" и *Подпаловъ* Иванъ—„О секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Россіи", отзывъ ординарнаго профессора Н. С. Суворова. Кромѣ того Совѣтомъ удостоены 28 августа, степени кандидата и получили: золотую медаль—*Гурляндъ* Илья за сочиненіе „Юристъ Гай и его сочиненія", отзывъ ис. д. доцента А. Е. Минервина; серебряныя медали—*Войтенковъ* Владиміръ—„Древнее судопроизводство по правымъ грамотамъ", отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго и *Коганъ* Владиміръ за сочиненіе на ту же тему, отзывъ ис. д. доцента М. А. Липинскаго и за сочиненія на ту же тему удостоены почетнаго отзыва—*Максимовскій* Александръ, отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго и *Путята* Всеволодъ отзывъ ис. д. доцента М. А. Липинскаго.

Имѣвшихъ право окончить въ 1891 году курсъ, студентовъ въ Лицеѣ было 88, изъ коихъ окончило курсъ 82 и 6 осталось на 4-мъ курсѣ на 2-й годъ. Изъ окончившихъ удостоены степени кандидата юридическихъ наукъ: Айзенштейнъ Зеликъ, Антикъ Павелъ, Астровъ Павелъ, Бейленсонъ Гилель, Березниковъ Алексѣй, Бочкаревъ Вячеславъ, Бреславъ Гирша, Валькевичъ Вадимъ, Войтенковъ Владиміръ, Гурляндъ Илья, Дворковичъ Аронъ, Канель Савелій, Канторъ Маркусъ, Киневлоскеръ Лейзеръ, Коганъ Владиміръ, Кофманъ Іегошія, Кочоровскій Станиславъ, Максимовскій Александръ, Пескинъ Михаилъ, Подпаловъ Иванъ, Прусаковъ Хаимъ, Путята Всеволодъ, Розенкранцъ Соломонъ, Розовскій Исай, Рубинштейнъ Гилель, Сабининъ Леонидъ, Фейдманъ Михель, Шейнфайнъ Аронъ, Штейнбергъ Хаимъ, Щуровъ Сергѣй и Юровскій Іосифъ, итого 31; затѣмъ слѣдующимъ 22-мъ студентамъ дано, по ихъ балламъ,

право на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: Бартеневу Геннадію, Борейшѣ Болеславу, Браиловскому Николаю, Вереденко Өедору, Вobликову Владиміру, Донченко Петру, Еропкину Рафаилу, Израильсону Максу, Кантору Бейкашу, Кошлакову Василью, Кренгаузу Лейбѣ, Майзельсу Веніамину, Милашевскому Алексѣю, Можевитинову Леониду, Нюренбергу Аркадію, Орѣхову Сергѣю, Петропавловскому Леониду, Сорокину Ивану, Талалаю Абраму, Тульчинскому Лейбѣ, Фрадкину Соломону и Яровицкому Александру; наконецъ остальные 29 окончили курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, именно: Анненковъ Өедоръ, Ассъ Абрамъ, Васильевъ Петръ, Вейклевичъ Фридрихъ, Гарскій Сергѣй, Домерниковъ Павелъ, Дубяга Михаилъ, Зайковскій Людвигъ, Зислакъ Германъ, Ивановъ Иванъ, Каннъ Яковъ, Колесовъ Николай, Колотиловъ Михаилъ, Лыжинъ Николай, Миничъ Антонъ, Можаровскій Мееръ, Московенковъ Николай, Мулинъ Иванъ, Никоровичъ Өедоръ, Ордуханянцъ Семенъ, Островскій Павелъ, Пузикъ Вячеславъ, Раденъ (баронъ) Александръ, Разумовъ Михаилъ, Рогалевичъ Юзефъ, Рѣпниковъ Александръ, Силецкій Иванъ, Смоленскій Владиміръ и Файвишевичъ Наумъ. Кромѣ того удостоены степени кандидата экстерны: Вармундъ Николай — бывшій студентъ Медико-хирургической Академіи, Купферъ Иванъ — бывшій студентъ Московскаго Университета и Мейлаховскій Михаилъ — кандидатъ филологическаго факультета Петербургскаго Университета.

Рѣчь на годичномъ торжественномъ актѣ Лицея 30 августа произнесена была, съ одобренія Совѣта ис. д. экстраординарнаго профессора В. Ф. *Левитскимъ* „О формахъ землевладѣнія въ Россіи въ связи съ вопросами поземельной политики“.

2) Мѣры для надзора за нравственностью студентовъ и для усиленія учебной дѣятельности, а равно и способы контроля надъ ихъ занятіями.

Инспекція, на основаніи данныхъ ей инструкцій, наблюдала за нравственностью студентовъ, поведеніе которыхъ не приводило къ необходимости установленія особенныхъ мѣръ надзора за ними.

Способомъ контроля надъ занятіями студентовъ служили наблюденіе за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими лекцій, а также письменныя упражненія, которыя, на основаніи § 29 правилъ, давались студентамъ и состояли въ переводахъ, рефератахъ, разборахъ судебныхъ казусовъ и самостоятельныхъ работахъ по источникамъ. Независимо отъ этихъ работъ, обязательныхъ для каждаго желающаго перейти на слѣдующій курсъ студента, срокъ подачи коихъ опредѣленъ правилами къ 1-му февраля, даны были имъ еще, согласно § 32 правилъ, съ одобренія Совѣта, по всѣмъ каѳедрамъ темы для необязательныхъ сочиненій на соисканіе денежныхъ премій. Въ отчетномъ году за такія сочиненія авторы ихъ получили преміи: въ 50 рублей *Рубинштейнъ* Гилель за сочиненіе „Краткое изложеніе содержанія духовнаго регламента въ связи съ преобразованіями Петра Великаго“, по отзыву ординарнаго профессора Н. С. Суворова и въ 25 руб. *Ассъ* Абрамъ за сочиненіе „Ученіе Аристотеля о государственныхъ формахъ дѣйствительности“ по отзыву приватъ-доцента князя Е. Н. Трубецкаго.

Для сочиненій на золотую медаль даны въ отчетномъ году для студентовъ слѣдующія темы: оставленная отъ прошлаго года по Государственному праву „Сравнительно-историческій очеркъ развитія дворянства въ Россіи и на западѣ Европы“ и вновь предложенная Совѣтомъ по финансовому праву „Финансы Россіи въ царствованіе Императора Николая I-го“.

3) *Изданія Совѣта Лицея и особые труды преподавателей онаго.*

Въ отчетномъ году издано Совѣтомъ Лицея двѣ книги „Временника“, по 30-ти печатныхъ листовъ каждая, LIII и LIV, вышедшія въ свѣтъ 12 мая и 10 октября, въ которыхъ, кромѣ оффиціальнаго отдѣла, помѣщено: ординарнымъ профессоромъ *Суворовымъ*—Курсъ церковнаго права, т. II. Ис. д. экстраординарнаго профессора *Левитскимъ*—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, магистерская диссертація. Ис. д. доцента *Липинскимъ*—Городъ Угличъ въ XVII вѣкѣ. Бывшимъ ординарнымъ профессоромъ Лицея *Таросовымъ*—а) Очеркъ науки Финансоваго права, вып. I, окончаніе и б) Административное права, часть особенная. Въ особомъ отдѣлѣ Временника „Юридическая библіографія“, коей въ отчетномъ году вышли №№ 17—20, помѣщены разборы: приватъ-доцентомъ *Бесѣдкинымъ* четырехъ сочиненій, ординарнымъ профессоромъ *Бѣлогрицъ-Котляревскимъ*—двухъ и ис. д. экстраординарнаго профессора *Щегловымъ*—пяти.

Сверхъ того напечатали: ординарный профессоръ *Суворовъ* въ Юридическомъ Вѣстникѣ (сентябрь) „Западно-католическое ученіе о диспензаціи“; ис. д. экстраординарнаго профессора *Берендтсъ* (отдѣльной брошюрой) „А. Х. Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи“; ис. д. экстраординарнаго профессора *Вульфертъ* въ Юридическомъ Вѣстникѣ (февраль) „О постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ при раздробленіи совокупнаго вопроса о виновности“ и (мартъ) „О незаконномъ сожитіи“; приватъ-доцентъ князь *Трубецкой* въ вопросахъ философіи и психологіи (№№ 9 и 10) „Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ“. Практическія занятія со студентами, кромѣ чтенія лекцій,

велись: ординарнымъ профессоромъ *Суворовымъ*—чтеніе и объясненіе XXII и CXVII новеллъ Юстиніана; ис. д. экстраординарнаго профессора *Берендтсомъ*—разборъ разныхъ спеціальныхъ вопросовъ по Административному и Государственному праву; приватъ-доцентомъ *Бѣлдкинымъ* —разборъ уголовныхъ казусовъ. По порученію же Императорской Академіи Наукъ, Директоромъ Лицея заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. М. *Шпилевскимъ* написана рецензія сочиненія профессора Дерптскаго университета Дьяконова „Власть Московскихъ Государей", за что Академія присудила рецензенту золотую Уваровскую медаль.

III. О занятіяхъ Правленія.

1) Число входящихъ и исходящихъ бумагъ вообще по Лицею и состоявшихся журнальныхъ постановленій Правленія.

Въ Совѣтъ Лицея, Правленіе онаго и на имя Директора поступило въ отчетномъ году отъ разныхъ мѣстъ и лицъ бумагъ 842, исходящихъ бумагъ отправлено 1201, постановленій Правленія состоялось 200; ассигновокъ составлено: простыхъ 336, авансовыхъ 10 и оборотныхъ 8, итого 354.

2) О заключенныхъ подрядахъ и расходахъ по Лицею.

Правленіемъ Лицея, состоявшимъ въ отчетномъ году подъ предсѣдательствомъ Директора изъ двухъ членовъ ординарнаго профессора Суворова и ис. д. экстраординарнаго профессора Щеглова, заключены были контракты:

1) съ крестьяниномъ Авксентіемъ Гогинымъ на очистку ватерклозетныхъ и помойныхъ ямъ и свозку мусора со дворовъ, на 330 руб. и

2) съ крестьяниномъ Герасимомъ Лебедевымъ на очистку дымовыхъ трубъ и топку духовыхъ печей на 150 рублей.

Всѣ мелочные расходы по Лицею производились хозяйственнымъ образомъ по цѣнамъ ниже справочныхъ и вообще умѣреннымъ.

Наиболѣе же значительные расходы, произведенные въ отчетномъ году были слѣдующіе: 1) за малярныя и лѣпныя работы уплочено Гогину и Носкову 404 руб.; 2) за плотничныя Васильеву 230 руб.; 3) за паркетъ и его настилку Одинцову 779 руб.; 4) за дрова Карташеву 1710 руб.

Изданіе Временника обошлось Лицею въ отчетномъ году въ 1149 руб. 58 коп.

3) Число освобождныхъ отъ платы за слушане лекцій и количство поступившихъ за слушані лкцій суммъ.

Въ первой половинѣ 1891 года, т. е. во второй половинѣ $18^{90}/_{91}$ учебнаго года студентовъ въ Лицеѣ находилось 194, изъ нихъ 59 студентовъ были освобождены отъ взноса платы Во второй половинѣ 1891 года, т. е. въ 1-й половинѣ $18^{91}/_{92}$ учебнаго года студентовъ было 157, изъ коихъ освобожденныхъ отъ платы было 53.

Въ числѣ вовсе не платившихъ за слушаніе лекцій студентовъ въ теченіе года были 20 демидовскихъ стипендіатовъ и въ 1-й половинѣ 7, а во 2-й половинѣ 5 студентовъ находившихся на благотворительномъ иждивеніи, которые не платятъ за слушаніе лекцій на основаніи Устава Лицея.

Суммы сбора за слушаніе лекцій въ отчетномъ году всего поступило 5180 руб., въ томъ числѣ значится поступившихъ недоимокъ за слушаніе лекцій 520 руб.

Вѣдомость объ оборотахъ всѣхъ суммъ прилагается при семъ подъ № 2-мъ.

Въ отчетномъ году имѣлись при Лицеѣ слѣдующія стипендіи: 20 демидовскихъ по 200 руб., 6 Имени Императора Александра Александровича на проценты съ капитала Ярославскаго дворянства, для недостаточныхъ студентовъ изъ дворянъ Ярославской губерніи, изъ коихъ одна въ 275 руб. и 5 по 200 руб. и по одной: а) Имени Императора Александра І-го въ 176 руб. 40 к., б) Генерала отъ Артиллеріи Глинки 1-го въ 432 руб., в) Генералъ-маіора Болдырева въ 245 руб., г) бывшаго Ярославскаго Архіепископа Леонида въ 98 руб., д) Статскаго совѣтника Соколова въ 63 руб. 70 коп., е) Ярославскаго купца Топленинова въ 127 руб. 40 коп. и ж) Ярославской дворянки М. П. Макиной въ 99 руб. Кромѣ того, съ капитала Н. Н. Демидова получается процентовъ въ годъ 384 руб. 70 коп. для содержанія, согласно положенію объ этомъ капиталѣ, въ интернатѣ Лицея двухъ стипендіатовъ.

О стипендіяхъ Лицея прилагается вѣдомость подъ № 3.

5) Попечительство о недостаточныхъ студентахъ Лицея.

При Лицеѣ, на основаніи § 7-го Устава, состоитъ Попечительство о недостаточныхъ студентахъ онаго, открытое съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28-й день апрѣля 1871 года и дѣйствующаго на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12-го Іюня того же года.

Въ теченіе 1891 года суммъ въ Попечительство поступило: а) членскихъ взносовъ и пожертвованій отъ разныхъ лицъ и учрежденій 690 руб. 20 коп., б) сбора со студенческаго вечера 588 руб. 40 коп., в) пожертвовано по завѣщанію бывшимъ профес. Богословія Лицея о. Алексѣемъ Лавровымъ 1000 руб., г) процентовъ съ капитала

Попечительства 615 руб. 35 коп., д) получено въ доплату при обмѣнѣ облигацій 1-го восточнаго займа на облигаціи 4-го 4% внутренняго займа и отъ размѣна двухъ облигацій 1-го восточнаго займа на наличныя деньги 200 руб. 51 коп. и е) возвращено ссудъ 1189 р. 38 к., а всего 4283 руб. 84 коп. Изъ этихъ денегъ было: а) внесено за слушаніе лекцій за 36 студентовъ 473 р. (за 19 человѣкъ по 20 руб., за одного 15 руб., за 5-хъ по 10 руб., 4-хъ по 5 руб. и 2-хъ по 4 руб.), б) выдано 148 единовременныхъ пособій 61 студенту на 1161 руб., пособія выдавались въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 25-ти руб., смотря по надобности студентовъ, в) выдано заимообразно на разные сроки 62 ссуды 54 студентамъ на 692 руб., ссуды давались въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 30-ти рублей, г) уплоченъ за 5 студентовъ 3-хъ рублевый сборъ на студенческій отдѣлъ библіотеки 15 руб., д) уплочено за застраховку 1-го 5% съ выигрышами билета 1 р. 80 к., е) употреблено на мелочные расходы 3 руб., ж) уплочено Ярославскому Отдѣленію Государственнаго Банка за обмѣнъ на новые купонныхъ листовъ % бумагъ 10 руб. 94 коп. и з) отчислено 10% изъ суммъ поступившихъ въ пользу Попечительства (за исключеніемъ возврата долговъ), на увеличеніе основнаго капитала Попечительства 187 руб. 40 коп.; къ этой же суммѣ причислены: 1) полученные по завѣщанію бывшаго профессора Богословія, протоіерея о. А. Лаврова 1000 руб. и 2) сумма поступившая въ доплату при обмѣнѣ облигацій 1-го восточнаго займа и размѣна на деньги двухъ облигацій того же займа въ 100 и 50 руб.—1200 руб. 51 коп. Всего же израсходовано 3744 руб. 65 коп.

Изъ суммы 1509 руб. 66 коп., отчисленной въ теченіи 1890 г.—121 руб. 75 коп. и 1891 г.—1387 руб. 91 коп., на увеличеніе основнаго капитала Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Лицея, въ 1891 году

израсходовано на покупку % бумагъ 1414 руб. 47 коп. (куплено облигацій восточнаго займа на 1300 р. и одна 4% облигація въ 100 руб.); затѣмъ къ 1-му Января 1892 года означенныхъ суммъ осталось: по книжкѣ сберегательной кассы Ярославскаго Отдѣленія Государственнаго Банка 95 руб. и наличными деньгами 19 коп.

IV. Объ учащихся.

Число студентовъ Лицея въ 1891 году.

Къ 1-му января 1891 года студентовъ въ Лицеѣ находилось 101; изъ нихъ въ теченіи года выбыло за окончаніемъ курса 82 и неокончивши курса 1; вновь принято на разные курсы въ отчетномъ году 61; затѣмъ къ 1-му Января 1892 года студентовъ въ Лицеѣ находилось 169.

Окончившіе курсъ въ отчетномъ году въ Лицеѣ студенты (82) по исповѣданіямъ: православнаго 45, католическаго 3, лютеранскаго 2, армяно-грегоріанскаго 1 и еврейскаго 31, а по мѣсту рожденія изъ губерній: Ярославской 7, Минской 6, Витебской и Ковенской по 5, Костромской, Московской и Херсонской по 4, Виленской, Воронежской, Кіевской, Курляндской, Могилевской, Саратовской, Тифлисской и Харьковской по 3, Екатеринославской, Нижегородской и Полтавской по 2, Волынской, Гродненской, Енисейской, Иркутской, Кутаисской, Оренбургской, Пензенской, Псковской, Самарской, С.-Петербургской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Терской, Тульской и Эриванской по 1, изъ Буковины 1.

Вновь поступившіе въ 1891 году въ студенты Лицея (61), по мѣсту рожденія изъ губерній: Ярославской 11, Тамбовской и Тульской по 5, Воронежской, Кіевской,

Орловской, Пермской и Черниговской по 3, Владимирской, Вологодской, Полтавской и С.-Петербургской по 2, Бессарабской, Донской, Екатеринославской, Калужской, Костромской, Курской, Минской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Сувалкской, Сѣдлецкой, Таврической, Тобольской, Томской и Туркестанской по 1.

Изъ находившихся къ 1892 году въ Лицеѣ студентовъ (169) православнаго исповѣданія 153, армяно-грегоріанскаго 1, католическаго 8, лютеранскаго 5 и іудейскаго 2; по сословіямъ же они подраздѣляются такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 104, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 3, духовнаго званія 18, купцовъ 2-й гильдіи, мѣщанъ и ремесленниковъ 38, крестьянъ 4, казаковъ 1 и иностранцевъ 1.

Справка съ подраздѣленіемъ тѣхъ же студентовъ на категоріи по положенію ихъ относительно отбыванія воинской повинности прилагается подъ № 4.

V. Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Въ библіотеку Лицея за отчетный годъ поступило новыхъ книгъ 333 названія въ 737 томахъ и 75 брошюрахъ, такъ что весь составъ библіотеки къ 1-му Января 1892 г. опредѣляется въ 16420 названіяхъ, 34219 томахъ и 3357 брошюрахъ; въ томъ числѣ русскихъ изданій—4412 назв. 12048 томовъ и 874 брошюры.

Большая часть вновь поступившихъ книгъ пріобрѣтена за деньги отъ книгопродавцевъ: Анисимова, Березина, букиниста Клочкова, Оглоблина и Чичинадзе (русскія изданія), Бера, Бокка, Киммеля и Ланга (иностранныя изданія), а также отъ студентовъ Золотарева и Г. Серебренникова. Все число купленныхъ за годъ книгъ

составляетъ 277 названій въ 568 томахъ и 53 брошюрахъ, на сумму, считая въ томъ числѣ и пересылку книгъ, 2288 рублей.

Безплатно поступило 56 названій, 169 томовъ и 22 брошюры, именно: 1) отъ Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Государственныхъ имуществъ; отъ Государственнаго Контроля; Академіи Наукъ; Духовныхъ Академій—Московской и Кіевской; отъ Редакціонныхъ коммиссій—по составленію гражданскаго уложенія и по изданію трудовъ IV Археологическаго Съѣзда; отъ Московскаго Археологическаго Общества, Одесскаго Юридическаго Общества, Оренбургскаго Отдѣла Географическаго Общества; отъ Государственнаго Секретаря и Попечителей учебныхъ округовъ—Московскаго, Кавказскаго и Виленскаго; а также отъ А. Ѳ. Бычкова, Н. С. Суворова, Э. Н. Берендтса, А. К. Вульферта, М. М. Каткова, К. Д. Головщикова, Г. Джантіева, А. Сопова, Д. В. Цвѣтаева, И. А. Вахрамѣева, К. В. Рукавишникова и А. П. Синельниковой—всего 40 названій, 73 тома, 17 брошюръ; 2) полученныя въ обмѣнъ на Временникъ Лицея 16 названій въ 92 томахъ и 5 брошюрахъ; 3) собственныя изданія Лицея: три книги Временника 53—55 и Юридическая Библіографія №№ 19—22.

Въ учебное время библіотека была открыта во всѣ дни, кромѣ праздничныхъ, въ лѣтнее же вакаціонное время—одинъ разъ въ недѣлю. Въ теченіе года выдано было на домъ, не считая книгъ, читавшихся въ самомъ помѣщеніи Библіотеки, профессорамъ Лицея 1986 томовъ, служащимъ при Лицеѣ и стипендіатамъ готовящимся къ профессорскому званію 177 томовъ, студентамъ 2321 томъ и постороннимъ лицамъ 35 томовъ. Кромѣ того, изъ студенческаго отдѣла библіотеки, находящагося подъ вѣдѣніемъ Инспектора студентовъ, произведено до 2400 выдачъ.

На переплеты 814 томовъ и 104 брошюръ, не считая 60 томовъ, пріобрѣтенныхъ въ переплетѣ, потрачено за годъ 343 руб. 75 коп. Такимъ образомъ весь расходъ на библіотеку въ отчетномъ году простирается до 2631 руб. 75 коп. Со времени же преобразованія Лицея на библіотеку израсходовано всего 105087 руб. 75 коп.

Приложеніе № 1-й.

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ

лицъ, состоящихъ на службѣ къ 1-му января 1892 г. въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ

въ Ярославлѣ.

Должность, чинъ, имя, отчество и фамилія.	Откуда родомъ, изъ какого состоянія, лѣта, вѣроисповѣданіе, имѣетъ ли семейство.
Директоръ Лицея, Заслуженный Ординарный профессоръ по Исторіи Русскаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Сергѣй Михайловичъ *Шпилевскій.*	Московской губерніи, изъ дворянъ, 58 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Ординарный профессоръ по Церковному Законовѣдѣнію, Статскій Совѣтникъ, Николай Семеновичъ *Суворовъ.*	Костромской губерніи, изъ духовнаго званія, 43 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Профессоръ Богословія, протоіерей, Николай Андреевичъ *Тихвинскій.*	Ярославской губерніи, изъ духовнаго званія, 65 лѣтъ, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность Экстраординарнаго профессора по Энциклопедіи права и Институціямъ Римскаго права, Коллежскій Совѣтникъ Владиміръ Георгіевичъ *Щегловъ.*	Тамбовской губерніи, изъ духовнаго званія, 38 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность Экстраординарнаго профессора по Политической Экономіи, Владиміръ Фавстовичъ *Левитскій.*	Кіевской губерніи, изъ духовнаго званія, 37 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.

Съ котораго времени въ учебной службѣ и должности.	Какую имѣетъ ученую степень.	Сколько получаетъ содержанія.
Въ учебной службѣ съ 27 февраля 1861 года, въ настоящей должности съ 7 іюня 1885 г.	Доктора Государственнаго права.	Жалованья профессорскаго 2400 руб, столовыхъ 300 руб., добавочнаго жалованья по должности Директора 1500 р. и пенсіи 1681 р. 20 к. Пользуеттся казенною квартирою.
Въ учебной службѣ съ 10 марта 1873 года, въ настоящей должности съ 1 декабря 1884 г.	Доктора Каноническаго права.	Жалованья 2400 р. столовыхъ 300 руб., квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 1 ноября 1849 года, въ настоящей должности съ 26 октября 1891 г.	Магистра Богословія.	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., пользуется казен. квартирою.
Въ учебной службѣ съ 15 іюля 1884 года, въ настоящей должности съ 5 іюня 1886 года.	Магистра Государственнаго права.	Жалованья 1600р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ съ 11 марта 1885 года, въ настоящей должности съ 1 января 1891 г.	Магистра Политической Экономіи.	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р.

Исправляющій должность Экстраординарнаго профессора по Уголовному праву и Уголовному Судопроизводству, Титулярный Совѣтникъ Антонъ Карловичъ *Вульфертъ*.	Воронежской губерніи, изъ дворянъ, 49 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность Экстраординарнаго профессора по Государственному и Административному праву, Титулярный Совѣтникъ, Эдуардъ Николаевичъ *Берендтсъ*.	Петербургской губерніи, изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, 31 года, исповѣданія евангелическо-лютеранскаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность доцента по Исторіи Русскаго права, надворный Совѣтникъ, Маріанъ Александровичъ *Липинскій*.	Виленской губерніи, изъ дворянъ, 37 лѣтъ, исповѣданія евангелическо-лютеранскаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность доцента по Институціямъ Римскаго права, Титулярный Совѣтникъ, Александръ Евграфовичъ *Минервинъ*.	Ярославской губерніи, изъ духовнаго званія, 48 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность доцента по Римскому праву, Михаилъ Меѳодіевичъ *Катковъ*.	Московской губерніи, изъ дворянъ, 31 года, исповѣданія православнаго, холостъ.
Приватъ-доцентъ по Энциклопедіи права, князь Евгеній Николаевичъ *Трубецкой*.	Калужской губерніи, изъ дворянъ, 30 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Приватъ-доцентъ по Уголовному Судопроизводству, Павелъ Ѳедоровичъ *Бѣсьдкинъ*.	Московской губерніи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, 32 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Въ учебной службѣ съ 24 января 1885 года, въ настоящей должности съ 6 апрѣля 1891 года.	Магистра Уголовнаго права	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ и въ настоящей должности съ 1 іюля 1891 года.	Магистра Финансоваго права.	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ съ 1 іюня 1876 года, въ настоящей должности съ 1 января 1879 г.	Кандидата юридическихъ наукъ.	Жалованья 900 р., столовыхъ 150 руб., квартирныхъ 150 р.
Въ учебной службѣ съ 1 іюля 1878 года, въ настоящей должности съ 13 сентября 1888 г.	Кандидата юридическихъ наукъ.	Жалованья 900 р., столовыхъ 150 руб., квартирныхъ 150 р.
Въ учебной служаѣ и въ должности съ 20 окт. 1890 года.	Кандидата юридическихъ наукъ.	Жалованья 900 р., столовыхъ 150 руб., квартирныхъ 150 р.
Съ 22 іюля 1886 г.	Кандидата юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 2 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1000 руб.
Съ 16 августа 1888 г.	Кандидата юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 4 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1400 руб.

Приватъ-доцентъ по Финансовому праву, Александръ Рафаиловичъ *Свирщевскій*.	Московской губерніи, изъ дворянъ, 30 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ

Съ 16 августа 1890 г.	Кандидата юридическихъ наукъ	Содержаніе за 3 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1200 руб.

Приложеніе № 2-й.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ по Демидовскому Юридическому Лицею за 1891 годъ.

	Остатокъ отъ 1890 года.		Въ 1891 году. Приходъ.		Въ 1891 году. Расходъ.		Остатокъ къ 1892-му году	
Суммъ ассигнованныхъ отъ казначейства:	Р	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К
по § 6-му, ст. 1. а)	2767	95	38494	11	36185	58	4841	23
2.	1	73	4124	95	3830	22	296	46
3.	18	51	7270	75	7286	25	3	1
по § 16-му, — 1.	—	—	600	—	600	—	—	—
2	—	—	300	—	300	—	—	—
по § 3 — 4.	—	—	1175	52	1175	52	—	—
по § 5-му — 1.	—	—	600	—	600	—	—	—
по § 22 —	—	—	114	58	114	58	—	—
Пожертвованныхъ:								
Документами . .	123407	—	36050	—	26150	—	133307	—
Наличными . .	2916	67	6434	25	8511	61	839	31
Сбора за слушаніе лекцій и экономическихъ суммъ:								
Наличными . .	2398	80	6591	42	7653	2	1337	20
Билетами . . .	29800	—	17300	—	13400	—	33700	—
Содержаніе въ интернатѣ частныхъ воспитанниковъ:								
Наличными . .	84	32	335	—	406	64	12	68
Переходящихъ суммъ:								
Наличными . .	146	90	291	97	435	41	3	46
Документами . .	900	—	1350	—	300	—	1950	—
Всего наличными	8334	88	66332	55	67098	83	7333	35
Всего документами	154107	—	54700	—	39850	—	168957	—

а) Изъ означенной суммы 235 руб. 25 коп. поступили, по заключеніи смѣты, въ рессурсы казны.

Приложеніе № 3-й.

ВѢДОМОСТЬ

о стипендіяхъ, существовавшихъ при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ и о числѣ лицъ пользовавшихся ими въ 1891 году.

Наименованіе стипендій.	Въ 1891 г. было назначено: Число стипендій.	Размѣръ стипендій. Руб.	К.	Общая сумма выдаваемыхъ въ 1891 году стипендій. Руб.	К	Изъ какихъ источниковъ производилась выдача.
Демидовскихъ . .	20	200	„	4000	„	Изъ Государственнаго Казначейства
Ярославскаго дворянства	5	200	„	а) 399	84	Изъ специальныхъ средствъ.
Его же	1	275	„	„	„	
Генерала отъ артиллеріи Глинки 1-го . .	1	432	„	(б 162	„	
Генералъ-маіора Болдырева	1	245	„	245	„	
Ярославскаго купца А. Д. Топленинова . . .	1	127	40	127	32	
Статскаго Совѣтника Д.Н. Соколова . .	1	63	70	в) 42	40	
Ярославскаго Архіепископа Леонида . . .	1	98	„	98	„	
Имени Императора Александра I-го . . .	1	176	40	г) 73	50	
Имени Н. Н. Демидова	2	192	37	384	74	
Ярославской дворянки Макиной . . .	1	99	„	99	„	

а) Стипендія эта выдавалась въ 1891 г. двумъ студентамъ.

б) Стипендія выдавалась съ 16 августа.

в) Стипендія выдавалась съ 1 января по 1 сентября.

г) Стипендія выдавалась съ 1 января по 1 іюня.

Приложеніе № 4-й.

СПРАВКА

о числѣ студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея къ 1892 г. съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по ихъ положенію въ отношеніи воинской повинности.

Всего студентовъ 169

Изъ нихъ:

1) состоятъ на отсрочкѣ:	а) по вынутымъ жеребьямъ .	103
	б) по заявленіямъ о желаніи отбыть повинность вольноопредѣляющимися . . .	14

2) Подлежатъ призыву, но недостигли еще призывнаго возраста 6

3) Ратниковъ ополченія по неспособности или льготамъ по семейному положенію . . 41

4) Состоятъ въ запасѣ арміи 1

5) Не подлежатъ призыву изъ уроженцевъ Кавказа и Ташкента 4

6) Бывшихъ иностранцевъ, принявшихъ присягу на подданство Россіи послѣ достиженія призывнаго возраста . . . . „

Итого . 169

МЕРКАНТИЛИСТЫ и ФИЗІОКРАТЫ

ВЪ ШВЕЦІИ

ВЪ 18-МЪ СТОЛѢТІИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Э. Берендтса.

ПРОФЕССОРА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Меркантилисты и Физіократы въ Швеціи

въ 18-мъ столѣтіи.

I.

Исторія развитія экономической науки въ средѣ великихъ культурныхъ народовъ Европы и Америки изслѣдована тщательно какъ въ трудахъ, спеціально посвященныхъ уразумѣнію процесса постепеннаго построенія зданія Политической экономіи и Финансовой науки, такъ и въ учебникахъ, содержащихъ болѣе или менѣе подробные историческіе и библіографическіе обзоры. Каждый интересующійся исторіей экономической науки найдетъ подробныя изслѣдованія не только о политико-экономическихъ воззрѣніяхъ Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, но и столкнется съ обзорами экономическихъ и финансовыхъ понятій тѣхъ временъ, когда еще не ясны были понятія „Политическая экономія и Финансы". Мы читаемъ не только о томъ, какъ мыслили Сократъ и Платонъ, Аристотель, Ѳукидидъ, Цицеронъ, Сенека, Плиній и Тацитъ о деньгахъ, о капиталѣ, о трудѣ и поземельной собственности, о казенныхъ рудникахъ, о налогахъ и о дани съ покоренныхъ народовъ, намъ даже предлагаютъ подробныя изслѣдованія объ экономическихъ идеяхъ, изложенныхъ въ Ригведѣ и Самаведѣ, высказанныхъ Цендавеста, Конфуціемъ, Кингсомъ, Кичеу, Минчеу, и тому подобными мудрецами, имена которыхъ даже съ трудомъ выговариваются.

Если же прилежный историкъ Полит. эк. и Фин. добирается до 18 столѣтія, то онъ ограничивается подробнымъ изложеніемъ теорій англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ,

итальянскихъ экономистовъ, и въ концѣ книги, въ какой либо главѣ на 5—10 стр., онъ спѣшитъ ventre à terre. черезъ Испанію, Португалію, Голландію, Бельгію, Данію, Швецію и можетъ быть называетъ нѣсколько русскихъ именъ, обыкновенно очень исковерканныхъ. У читателя невольно является представленіе о бѣдности умственной жизни въ Россіи, Швеціи, Испаніи и т. д., по неволѣ ему представляются эти страны въ видѣ рынковъ существующихъ только для того чтобы расширить сбытъ издательскихъ фирмъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ. Относительно Россіи пріемы западноевропейскихъ историковъ—экономистовъ за послѣднее время нѣсколько измѣнились. Они сознали несообразность изученія парадоксовъ и афоризмовъ давно умершихъ китайцевъ и персовъ и умалчиванія о трудахъ представителей науки 100 милліоннаго народа. Выказываются желанія, чтобы русскіе ученые переводили свои книги на нѣмецкій и французскій языкъ; наступитъ время и западноевропейскіе ученые дойдутъ до сознанія, что если возможно было изучить китайскій языкъ съ его 300000 знаками, то не трудно познакомиться съ русской грамматикой. Но что касается напр. Испаніи и Швеціи, то онѣ до нынѣ еще помѣщаются такъ сказать въ корридорахъ историческихъ трудовъ экономистовъ, не смотря на то что уже Карлъ V называлъ испанскій языкъ, языкомъ боговъ. А Швеція? Густафъ, Адольфъ и Карлъ XII вѣдь давно спокойно спятъ вѣчнымъ сномъ въ Рыддаргольмскомъ соборѣ и большинство Европейскихъ ученыхъ убѣждено въ томъ, что кромѣ Готенбургской системы продажи спиртныхъ напитковъ Шведы ничего оригинальнаго на свѣтъ не произвели въ сферѣ экономической и соціальной политической мысли.

Между тѣмъ исторія Швеціи и ея умственной жизни, ограничиваясь даже исключительно сферою политико-экономической полна живѣйшаго интереса. Исторія Шведской поли-

тической экономіи особенно въ 18 столѣтіи плѣняетъ богатствомъ идей, живостью борьбы между противоположными воззрѣніями, которыя не оставались въ сферѣ теоріи но пробивали себѣ дорогу въ практическую жизнь, въ жизнь государства и общества. Десятилѣтія 1719—1772 г.г. были какъ извѣстно временемъ партійнаго управленія. Король сидѣлъ на престолѣ и молчалъ. Сложа руки онъ смотрѣлъ на очень прискорбное для него зрѣлище, какъ скипетръ переходилъ изъ рукъ одной партіи въ руки другой и смиренно подписывалъ бумаги, предложенныя членами совѣта государственнаго. Слѣдовательно въ то время, когда во Франціи абсолютизмъ достигъ своего апогея, когда всѣ измѣненія и реформы въ строѣ управленія мотивировались формулой „tel et notre plàisir“, когда въ Пруссіи, Австріи, Испаніи, Вюртембергѣ, Баваріи, въ Ганноверѣ, Даніи, Россіи трудились усердно просвѣщенные абсолютности для блага народнаго, но безъ участія народа, въ Швеціи общественные классы со своими интересами заслонили интересы государственные. Страна, въ которой по естественнымъ условіямъ земледѣліе, скотоводство, горное дѣло должны были играть первую роль и требовали тщательной поддержки какъ истинныя mamelles de l'état, всѣ усилія были направлены къ развитію торговли и промышленности. Правительство старалось побороть бѣдность въ рабочихъ рукахъ, въ движимыхъ капиталахъ—преміями на увеличеніе числа мастеровыхъ и выпускомъ бумажныхъ денегъ. – Неразумность этой экономической политики сознавалась въ Швеціи цѣлымъ рядомъ мыслителей, которые не побоялись гнѣва могущественныхъ руководителей партій, забравшихъ кормило правленія въ свои руки. Сторонники поддержки торговли и промышленности и пренебреженія интересами сельскаго хозяйства не замедлили защитить дѣятельность покровителей всѣмъ запасомъ своихъ знаній и всѣми средствами діалектики и вотъ возгорѣлась борьба на всей линіи между меркантилизмомъ и

физіократизмомъ, борьба продолжавшаяся до начала нашего столѣтія. Попытаемся бѣгло очертить ходъ этой борьбы и остановимся преимущественно на главномъ сраженіи, которое произошло въ 60 годахъ 18 столѣтіи въ періодъ сельскохозяйственнаго и денежнаго кризисовъ.

Меркантилизмъ, понимая подъ этимъ именемъ то направленіе въ политикѣ и литературѣ, которое преимущественно или исключительно обращаетъ свое вниманіе на одну сторону народнаго хозяйства—на обмѣнъ или обращеніе цѣнностей, ставя на первое мѣсто занятіе внѣшней торговлей и стремясь къ превышенію вывоза надъ ввозомъ, ради увеличенія суммы обращающейся въ странѣ металлическихъ денегъ, всталъ твердою ногою въ Швеціи уже въ 16 столѣтіи. Первымъ его представителемъ былъ Густавъ Ваза, освободившій свое отечество не только отъ ига Даніи, но и отъ опеки Ганзы. Съ тѣхъ поръ меркантильные взгляды подчинили себѣ экономическую политику Шведскихъ королей, не смотря на то, что тѣ великія міровыя событія, благодаря которымъ меркантилизмъ завоевалъ себѣ Западную Европу, а именно: переходъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, развитіе промышленности, оживленіе обмѣна цѣнностей, развитіе экономической жизни въ городахъ, открытіе Америки, и морскаго пути въ Восточную Индію, повліяли на народное хозяйство Швеціи несравненно меньше чѣмъ на хозяйственную жизнь Италіи, Испаніи, Германіи, Франціи, Голландіи и Англіи. Натуральное хозяйство господствовало въ Швеціи почти повсемѣстно, золото и серебро изъ новаго свѣта едва доходило до шведскихъ портовъ, промышленность и торговля, сосредоточенныя въ теченіи среднихъ вѣковъ въ рукахъ Ганзы, находилась въ дѣтскомъ возрастѣ. Страна была весьма мало населена. Но энергическій умъ королей дома Ваза считалъ возможнымъ создать *то* правительственными распоряженіями, *что* не дано было природою. Торговыя плакаты 1614 и 1617

были полными программами меркантильной политики. Мысль которая высказана въ этихъ „ординанціяхъ“: содѣйствовать правильному распредѣленію занятій между различными классами общества и возвести государство и народъ на высшую ступень благосостоянія при возможно меньшей тратѣ силъ, была вѣрна, но средства, которыя принимались для достиженія этой великой цѣли принесли громадный вредъ, вмѣсто горячо желанныхъ выгодъ Правительство указывало пути, по которымъ должны были слѣдовать торговля и промышленность, принужденіе должно было создать то, что суждено создать только свободному самоопредѣленію [1].

21-лѣтняя сѣверная война разрушила все то, что было сдѣлано въ теченіе 17 го столѣтія для развитія торговли и промышленности. Въ моментъ заключенія Ништадскаго мирнаго договора бѣдность шведскаго народа достигла высшихъ своихъ размѣровъ. Торговля пріостановилась, промышленность замерла, земледѣліе едва доставляло достаточно хлѣба для прокормленія голодающаго немногочисленнаго населенія. Таково было наслѣдство, переданное послѣднимъ самовластнымъ королемъ Швеціи слабому преемнику и вожакамъ партіи, руководившимъ имъ. Эпоха слѣдовавшая за смертію Карла XII продолжавшаяся 54 года, т. е. до государственнаго переворота 1772 г. названа эпохою свободы. Мы не входимъ въ разсужденіе относительно справедливости этого названія. Эпоха униженія монархической власти, партійныхъ раздоровъ и произвола главъ партій, была эпохою быстраго развитія экономической литературы въ Швеціи. Это была эпоха живой борьбы экономическихъ интересовъ, эпоха предпріимчивыхъ затѣй, но затѣй не всегда разумныхъ, эпоха появленія массы экономическихъ и политическихъ проэктовъ, но проэктовъ ча-

[1]) Подробности относительно экономической политики Шведскихъ королей въ 16—18 стол. ср. въ моемъ сочиненіи „Госуд. хозяйство Швеціи“. Часть I главы V—XII.

сто фантастическихъ и необдуманныхъ, эпоха господства меркантильныхъ воззрѣній и ограниченій, во имя благъ народнаго и свободы народной, — свободы хозяйственной.

Энергическое вмѣшательство просвѣщеннаго абсолютиста Карла XI въ жизнь и дѣятельность шведскихъ граждань почиталось нарушеніемъ старинной шведской народной свободы поэтому сфера дѣятельности короля была ограничена областью придворныхъ церемоній, а право неограниченнаго вмѣшательства въ сферу хозяйства народнаго было предоставлено совѣту государственному и секретному комитету сейма, какъ истиннымъ представителямъ и защитникамъ общенародныхъ интересовъ. Съ небывалымъ усердіемъ взялись правители за регламентацію промышленности и торговли и сумма регламентовъ изданныхъ въ эпоху свободы превзошла далеко сумму указовъ эпохи произвола королевскаго. Все подлежало опекѣ правителей: производство и потребленіе, продажа и покупка, цѣны и качества товаровъ. Въ концѣ концевъ оказалось что дѣйствительно выстроено было красивое зданіе народнаго хозяйства, но когда разразилась буря, то оказалось, что оно стояло не на гранитномъ фундаментѣ, а на пескѣ бумажныхъ приказовъ, на преміяхъ и таксахъ, и на бумажныхъ деньгахъ! Въ 20 годахъ 17 столѣтія голландскій министръ резидентъ высказалъ о Шведахъ слѣдующее мнѣніе: Шведское государство имѣетъ многія преимущества передъ другими странами, благодаря своимъ морскимъ портамъ, обилію дерева строеваго и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, низкой рабочей платѣ, обилію мѣди, желѣза, стали, смолы, дегтя, огнестрѣльнаго оружія и друг. военныхъ запасовъ. Жители люди закаленные въ борьбѣ съ природою, не боятся ни холода, ни жары, смѣлы, удалы и очень обучены всему хорошему. Правда, что болѣе дорогія произведенія, какъ-то, полотна, сукна, шелковыя матеріи мало приготовляются въ странѣ, отчасти потому что недостаетъ въ странѣ необходи-

мыхъ для доставленія такихъ вещей орудій, отчасти же вслѣдствіе трудности сбыта. За то нѣтъ недостатка въ умѣ и ловкости; крестьяне особенно способны къ ремесламъ, они въ одно и тоже время и плотники и столяры и кузнецы и булочники и пивовары и ткачи и красильщики и портные и сапожники и превосходятъ въ ловкости въ этихъ ремеслахъ всѣ націи свѣта, такъ какъ въ другихъ государствахъ никто не рѣшается заниматься ремесломъ, которому онъ не спеціально выучился. Жены ихъ и дочери успѣваютъ въ тканіи полотенъ, матерій и вышивкѣ и др „веселыхъ искусствахъ“, изъ чего слѣдуетъ, что онѣ весьма разумны и воспріимчивы. Съ другой стороны нужно признать, что шведы не достигаютъ того совершенства въ ремеслахъ, которое встрѣчается въ другихъ странахъ, гдѣ каждый остается при своемъ ремеслѣ и гдѣ оно передается изъ одного поколѣнія въ другое, отъ отца къ сыну. Но не подлежитъ сомнѣнію, что народъ, который владѣетъ отличною памятью и умомъ и способенъ быстро усвоивать все новое, сдѣлался бы совершеннымъ, если бы каждый отдѣльный житель съ юности своей остался бы при одномъ ремеслѣ и выучился бы ему основательно“. И вотъ правители эпохи свободы и задумали заставить свободнаго шведа учиться согласно уставамъ и приказамъ полезнымъ и веселымъ искусствамъ и ремесламъ Цѣна же плодамъ обученія отнюдь не должна была быть опредѣлена капризами ремесленника и фабриканта, а таксами, составляемыми въ коллегіяхъ. Не могъ же упрямый шведъ самостоятельно рѣшать какія произведенія ввозить и вывозить и въ какіе города, вѣдь могъ же поддаться обману со стороны коварныхъ голландцевъ и англичанъ, не могъ онъ судить своевольно о томъ сколько требовать за работу поденную и поштучную, что ѣсть и пить и сколько и по какой цѣнѣ, во что одѣваться. Не въ состояніи же простой человѣкъ опредѣлять цѣну разнаго рода монетъ и кредитныхъ знаковъ, и то мнѣніе что деньги

оцѣниваются по количеству металла въ нихъ находящагося — вздоръ и признакъ недовѣрія къ казенному штемпелю. Зачѣмъ заниматься преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ? Полезнѣе ткать сукна, приготовлять бутылки и бумагу; хлѣбъ и такъ выростетъ и быкъ и безъ покровительства правительственнаго всегда быкомъ останется. Благодаря тому что Шведъ хорошо прокормится, сумма золота и серебра въ странѣ не увеличится и если не создать въ отечествѣ какъ можно болѣе отраслей промышленности, то придется предметы домашняго обихода, комфорта и роскоши, безъ которыхъ обществу жить нельзя, покупать въ Голландіи и Франціи и Англіи. Бѣдная нѣкогда Голландія живетъ въ блескѣ и славѣ, почему обширной Швеціи не стать богатою? Стоитъ только держаться разумной промышленной и таможенной политики, устранить соперничество иностранцевъ, наблюдать за строгимъ исполненіемъ цѣховыхъ постановленій, выдавать преміи и ссуды фабрикантамъ, сократить излишнее количество сельскихъ рабочихъ, причисливъ ихъ къ фабрикамъ и издать таксы заработной платы, наконецъ запретить потребленіе предметовъ роскоши иностраннаго происхожденія! Такъ разсуждали вожаки партій шляпъ и шапокъ „и идеи ихъ осуществлены были въ жизни".

Многихъ плѣняли эти идеи и политика на нихъ основанная. Еще въ 40 годахъ нашего столѣтія шведскій епископъ Агардъ пишетъ: „Великое значеніе экономической системы эпохи свободы состоитъ не столько въ томъ, что она была вѣрна во всѣхъ своихъ частяхъ, сколько въ томъ, что это была система! Что она смѣла, обширна, послѣдовательна, что все въ ней клонилось къ одной цѣли, была и проста и велика, что силы всего общества направлялись къ достиженію одной и той же цѣли. Во всей Швеціи не было ни одного гражданина, который бы не всѣми силами участвовалъ въ этой системѣ, ни одного, который бы не считалъ себя хотя бы не-

большимъ колесомъ въ сей машинѣ! Ему стоило только сказать: я желаю основать фабрику, заняться рыбной ловлей, завести плантаціи! Я хочу построить судно, я хочу заняться рыболовствомъ въ проливѣ Девиса, отыскивать жемчугъ въ Норландіи, да, я хочу заставить раковины производить жемчугъ! Государство отвѣчало: (иногда даже черезчуръ поспѣшно): хорошо, доставь поручителей. Вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ покровительство, вотъ тебѣ привиллегіи. Я не утверждаю, что эта система не имѣла ошибокъ, не имѣла недостатковъ, но ошибки устраняются рѣкою вѣрныхъ стремленій, подобно тому какъ камень врывается въ водопадъ".

Но въ то время, когда пѣлись хвалебныя пѣсни генію меркантилизма, все громче и громче подымались голоса критиковъ.

Уже почти за сто лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Густафа Адольфа, канцлеръ Оксенштерна возставалъ противъ вмѣшательства правительства въ дѣятельность торговцевъ и промышленниковъ. „Торговля, говорилъ онъ, всегда и вездѣ любитъ свободу,—города же наши не увеличиваются въ числѣ и не процвѣтаютъ благодаря тому, что 1, 2 или 3 купца забираютъ въ свои руки всю промышленность и торговлю; ихъ развитіе зависитъ отъ увеличенія населенія и свободы соперничества, благодаря которой всегда коммерція между всѣми жителями города развивается; поэтому слѣдовало бы упразднить большинство привиллегированныхъ цеховъ и уничтожить ихъ строгія leges...... Наши туземныя произведенія только при свободѣ въ ходъ пойдутъ, занятіе торговлею in usum Regis et Regni рѣдко приноситъ пользу казнѣ, это полагаю я, доказано не только опытомъ, но и тѣмъ размышленіемъ, что всякая торговля требуетъ прочной и удобной формы кредита и соблюденія его не secundum rationes status, а secundum rationes commerciorum; между тѣмъ in publico statu часто случается, что нужно брать средства, гдѣ ихъ легче найти и

помѣстить туда, откуда ничего обратно не получаешь. Въ торговлѣ же, если пожелаешь избѣгнуть банкротства, нужно держать свое слово въ святости и подчиняться commercii juri. И я нѣкогда считалъ компанію полезнымъ учрежденіемъ и теперь еще полагаю, что компанія для цѣлей иностранной торговли большую пользу принесетъ, но внутренняя привилегированная компанія не что иное, какъ monopolium стѣсняющая commercium и развитіе городовъ и селъ. А посему я не могу не сказать, что по моему мнѣнію, В: В. слѣдовало бы управлять мѣдными рудниками, торговлею и мануфактурами и ихъ доходами съ помощью системы искусныхъ пошлинъ, подобно тому какъ штурманъ управляетъ съ помощью руля кораблемъ. — Въ то время, когда Оксеншерна въ своихъ меморіалахъ защищалъ свободу торговли и критиковалъ через чуръ рѣшительное вмѣшательство правительства въ сферу частно-хозяйственной дѣятельности, начиналъ свою службу въ морскомъ судѣ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ экономическихъ мыслителей Швеціи, Johann Rising, сынъ простаго сельскаго священника. Онъ много путешествовалъ по всѣмъ странамъ Европы, затѣмъ поступилъ въ коммерцъ коллегію, былъ отправленъ въ 1654 г. во главѣ королевской коммиссіи въ Шведскую колонію Nya Sverige въ Сѣв. Америку, затѣмъ выработалъ большой торговый трактатъ по приказанію королевы Христіаны и наконецъ служилъ 3 года главнымъ таможенныхъ инспекторомъ въ Пруссіи. Онъ умеръ ассесоромъ морскаго суда въ Стокгольмѣ въ 1672 г. Незадолго предъ смертію, пользуязь покровительствомъ канцлера М. Г. Де-ла-Гарди, онъ напечаталъ извлеченіе изъ своего (неизданнаго) обширнаго труда о народномъ хозяйствѣ и торговыхъ операціяхъ. Книга его носила названіе „Краткое извлеченіе о торговлѣ или коммерціи, ея существѣ, пользѣ въ главнѣйшихъ частяхъ, а именно, о товарахъ, деньгахъ, векселяхъ, и о ея орудіи, т. е. мореходствѣ, и обо всемъ что къ торгов-

лѣ относится". Опытный въ коммерческой практикѣ и знакомый съ вопросами народнаго хозяйства, авторъ выступаетъ въ этой книгѣ защитникомъ принциповъ свободы хозяйства, критикуетъ меркантилизмъ, узко фискальные взгляды правительства на торговлю. Rising старается доказать вредъ чрезмѣрной правительственной регламентаціи торговли и промышленности, доказываетъ необходимость предоставить развитіе народнаго хозяйства естественному теченію обстоятельствъ. Важнѣйшими факторами процвѣтанія народнаго хозяйства по его мнѣнію должно признать 1) свободу совѣсти въ извѣстныхъ предѣлахъ, 2) свободу труда, въ томъ смыслѣ, что всѣ ремесленники и промышленники туземные и иностранцы должны имѣть право безпрепятственно въ гильдіяхъ и внѣ гильдій, заниматься ремеслами по своему собственному выбору; 3) уничтоженіе всѣхъ замкнутыхъ цеховъ, гильдій и привиллегированныхъ компаній такъ какъ онѣ гибель страны. Пусть, говоритъ онъ, ремесленники одного и того же ремесла поселятся свободно другъ возлѣ друга; тогда мы можемъ оцѣнить товаръ и лучше и дешевлѣ. Не слѣдуетъ отягощать торговлю тяжкими налогами и пошлинами, монополіями и привиллегіями, да будетъ свободно то, что должно быть свободнымъ". Ризингъ допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрещеніе ввоза и не вполнѣ освободился отъ воззрѣній меркантилистовъ на торговый балансъ; онъ желаетъ поощреніе производства сырья для вывоза; высказываетъ весьма ясные, взгляды о деньгахъ и кредитѣ. Въ то время, когда онъ писалъ свою книгу ссудозаемный банкъ Пальмструка, выпустившій массу кредитныхъ знаковъ au porteur, обанкрутился и несостоятельность его до того испугала все шведское общество, что основаніе новаго банка считалось дѣломъ совсѣмъ невозможнымъ. Но Ризингъ настаиваетъ на возстановленіи банка, какъ необходимаго фактора процвѣтанія торговли и предлагаетъ учрежденіе торговыхъ судовъ, въ качествѣ гарантіи кредита.

Но эти слова остались гласомъ проповѣдника въ пустынѣ, и никто за исключеніемъ Де-ла-Гарди не рѣшался поддержать смѣлаго защитника свободныхъ идей; съ трудомъ получилъ онъ разрѣшеніе напечатать извлеченіе изъ своего обширнаго труда.

Экономическіе и финансовые вопросы мало обсуждались въ литературѣ 17 ст. Политическая борьба между королевскою властью и сеймомъ и совѣтомъ занимала и тревожила все общество; не оставалось мѣста и времени для изслѣдованія и критики началъ экономической жизни и для научной оцѣнки направленія экономической политики. Да почти никто не сомнѣвался въ непогрѣшимости меркантильныхъ принциповъ. Блестящее развитіе Англійскаго народнаго хозяйства, преимущественно ея торговли, считалось результатомъ акта мореплаванія Кромвеля. Изъ Франціи неслись слухи о геніальной дѣятельности Кольбера. Наконецъ въ Голландіи, народное хозяйство которой признавалось идеальнымъ въ Швеціи, появились сочиненія Боксхорна и De la Court, защищавшихъ торговую политику генеральныхъ штатовъ, основанную на принципахъ меркантилизма. Книги De la Court и Жоссіа Чайльда ознакомили шведское образованное общество съ теоріей народнаго хозяйства и шведскіе государственные люди слѣпо вѣрили этимъ евангеліямъ политико-экономической мудрости, не рѣшаясь подвергнуть явленія отечественной экономической жизни самостоятельной критикѣ. Если въ 17 и началѣ 18 столѣтія появились книги съ заглавіемъ „Экономія", то онѣ касались исключительно вопросовъ техническихъ, земледѣлія, скотоводства и т. д. Замѣчанія же о политикѣ народонаселенія, торговой, промышленной встрѣчались только въ т. н. „Encyclopedia sinoptica" епископа Гецеліуса и въ запискахъ барона A' Rólamb'á. Но эти отрывочныя замѣчанія не имѣли научнаго значенія. Только въ концѣ 20 и началѣ 30 годовъ 18 столѣтія появляются первые политико-экономиче-

скіе труды, которые достойны вниманія. Но хотя авторы стараются держаться отвлеченной, теоретической точки зрѣнія, входить въ разсужденіе относительно общихъ принциповъ хозяйственной жизни, оцѣнить значеніе различныхъ факторовъ экономическаго развитія, тѣмъ не менѣе на этихъ трудахъ лежитъ еще отпечатокъ той борьбы, которая велась въ практической жизни между представителями различныхъ экономическихъ интересовъ. Большая часть этихъ сочиненій имѣетъ характеръ памфлетовъ, предназначенныхъ защитить предложенныя сейму тою или другою партіею мѣры финансовыя и экономическія.

О шведской экономической литературѣ до конца 18 столѣтія можно сказать то, что Штейнъ говоритъ относительно Европейской экономической литературы 19 ст. „Ради науки написано только небольшое количество политико-экономическихъ книгъ; большая часть обязана своимъ происхожденіемъ практическимъ цѣлямъ и интересамъ партійнымъ“. Несомнѣнно, большинство экономическихъ сочиненій (часто весьма объемистыхъ) въ Швеціи, имѣетъ „einen erdigen Beigeschmack“, какъ говоритъ Knies. Немногіе Шведскіе экономисты съумѣли отвлечься отъ узкой почвы экономическихъ явленій своего отечества, обобщить явленія, тревожившія умы современниковъ, прослѣдить связь и смыслъ въ безпрерывной цѣпи измѣняющихся фазисовъ экономическаго развитія. Эта характеристическая особенность сочиненій шведскихъ экономистовъ причина нѣкоторой односторонности во взглядахъ, но имѣетъ и хорошую сторону. Постоянно имѣя въ виду положительныя условія и потребности своего отечества Шведы большею частію удерживались отъ построенія системъ экономическихъ на a priori избранныхъ положеніяхъ. Они разсматривали строй народнаго хозяйства постоянно какъ положительный организмъ и старались познать законы, управляющіе его жизнью, а не создавали законовъ собственной фантазіи. Даже крайніе мер-

кантилисты старались примирить систему свою съ условіями бытовыми и физическими шведской жизни и поэтому мы не находимъ ни одного ученаго, который въ той или въ другой части своего сочиненія, не отступалъ бы отъ своихъ взглядовъ, не допускалъ бы изъятій и уступокъ. Единственное сочиненіе, построенное на началахъ исключительно меркантильныхъ—это переводъ нѣмецкаго труда Г. Боде, появившійся въ 1723 г. подъ заглавіемъ „Искуство или неисчерпаемый источникъ, благодаря которому правительство можетъ увеличить свою силу и обогатить своихъ подданныхъ".

Первое время послѣ заключенія Ништадскаго мира (1721) было эпохой довольно либеральнаго отношенія къ торговлѣ и промышленности. Народъ, вышедшій только что изъ подъ деспотизма Карла XII и Барона Герца вздохнулъ легче и правительство не рѣшалось вмѣшиваться въ экономическую дѣятельность подданныхъ, возстановлявшихъ разрушенные рудники, бравшихся опять за соху и плугъ, за пилу и топоръ, за снасти и неводы послѣ 2 десятилѣтій, проведенныхъ съ мечемъ въ рукахъ, въ лѣсахъ и болотахъ, въ побѣгахъ отъ голода, моровой язвы и податныхъ коммиссаровъ Герца. Правительство старалось облегчить возможность пропитанія и оставляло въ сторонѣ вопросы объ организаціи производства. Допускались нѣкоторыя облегченія при исполненіи ремесленнаго устава; таможенный тарифъ потерялъ свой рѣзко запретительный характеръ и оптовые и мелочные торговцы были освобождены отъ стѣснительнаго полицейскаго контроля. Но эта эпоха фритредерскихъ вѣяній была непродолжительна! Духъ регламентаціи и нетерпимости по отношенію къ началу свободы труда показался сперва на почвѣ религіозной: изъ Швеціи, *изъ страны протестантской*, въ началѣ 1720 г. выгоняются гугеноты и шагъ за шагомъ аристократія крови и капитала втягиваетъ правительство, желавшее оставаться на почвѣ умѣренности, на отлогій путь индустріальной опеки. Въ

1764 г. изданъ былъ т. н. Product-placat, въ подражаніе Кромвелевскаго акта о мореплаваніи и скоро государственный корабль несся на всѣхъ парусахъ въ безграничное море меркантильной политики. Мы не входимъ здѣсь въ изложеніе мѣръ правительства, направленныхъ на созданіе заатлантической торговли, монополизаціи торговли солью, на обостреніе цеховыхъ постановленій, на установленіе мелочной опеки надъ горнымъ хозяйствомъ, на созданіе привиллегированныхъ компаній, на ограниченіе роскоши, съ цѣлью поддержки потребленія туземныхъ продуктовъ и т. д. Учрежденіе компаніи восточной Индіи и пріѣздъ судна съ восточными шелковыми товарами были сигналомъ къ первой литературной стычкѣ между меркантилистами и умѣренными протекціонистами. Ежемѣсячный журналъ „Хозяйственный совѣтникъ“ (1734—35), издаваемый *Карлсономъ*, защитилъ компанію противъ упрековъ наводненія страны безполезными излишествами и вредною роскошью и старался доказать, что сбытъ туземныхъ произведеній за границу обезпеченъ только при условіи допущенія иностранныхъ произведеній. Нѣкій Архенгольцъ выступилъ въ своемъ сочиненіи „Мнѣніе о торговлѣ съ восточной Индіей (1734) врагомъ ввоза иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Онъ доказалъ что коореннымъ закономъ промышленной политики должно быть положеніе „salus reipublicae—suprema lex“ и что поэтому желательно устранить всякую иностранную конкуренцію,—дабы цѣны на туземныя произведенія вслѣдствіе усиленнаго потребленія поднялись. Высокія цѣны на туземныя фабричныя произведенія выгода для всѣхъ и каждаго: капиталы остаются въ странѣ и обращеніе цѣнностей и денегъ идетъ быстрѣе.—Кромѣ этого защитника независимости отечественной промышленности появился цѣлый рядъ сторонниковъ огражденія шведскаго рынка отъ наплыва восточной и западной роскоши. Правительство встало на сторону этихъ патріотовъ и старалось всѣ-

ми силами поощрять сношенія съ землями, которыя могли доставить Швеціи сырье, взамѣнъ произведеній шведскихъ фабрикъ. Съ цѣлію поддержать торговлю главныхъ городовъ, въ которыхъ по мнѣнію правительства накопилось достаточно капиталовъ для веденія успѣшной „активной коммерціи", ограничивались торговыя права мелкихъ и среднихъ городовъ; для предотвращенія появленія слишкомъ большаго числа мелкихъ торговыхъ заведеній, безсильныхъ въ борьбѣ съ иностранными конкурентами и грозившихъ своими слабыми капиталами подорвать кредитъ шведской торговли—правительство создало своего роду купеческую цеховую организацію; съ строгою іерархіей полныхъ купцовъ, прикащиковъ, старшихъ и младшихъ и учениковъ. Ученики и прикащики должны были, если желали поступить въ число полноправныхъ купцовъ, не только научиться торговому дѣлу со всѣми его тонкостями, но и проникнуться „любовью къ отечеству, принуждавшей купца стараться всѣми силами къ расширенію сбыта туземныхъ произведеній". Масса мандатовъ, плакатовъ, ординанцій и инструкцій, появившихся въ теченіе первыхъ 4 десятилѣтій 18-го столѣтія побудила ученыхъ публицистовъ взяться за перо и освѣтить политику правительства научнымъ образомъ. Но экономисты Швеціи не съумѣли встать на почву научнаго безпристрастія, и всѣ они болѣе или менѣе были заинтересованы исходомъ борьбы между принципами свободы и регламентаціи: они стояли среди борьбы и служили интересамъ партійнымъ. Мы не встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ этой эпохи стремленія [обобщить данныя экономической жизни, изучить законы управляющіе явленіями экономическаго строя- Все ихъ стремленіе имѣло одну цѣль: научить народъ оцѣнивать правильно и благопріятно мѣры предлагаемыя партіями въ риксдагѣ и защитить правительство противъ упрековъ несправедливаго отношенія къ земледѣлію и мелкимъ ремесленникамъ и торговцамъ. Поэтому не стоитъ останавли-

ваться на разсмотрѣніи громаднаго количества книгъ и брошюръ съ звучными титулами, появившихся въ десятилѣтіе 1730—40. Мы остановимся на наиболѣе крупномъ и замѣчательномъ съ научной точки зрѣнія сочиненіи этого времени. Оно озаглавлено: Arcana occonomiae et commercii eller handelns och hushallnings verkets hemlighéter. 1730 г. („секреты торговли и экономическаго строя“). Авторъ этого сочиненія—*Андерсъ Бакмансонъ*, или какъ онъ называлъ себя по полученіи дворянскаго званія—*Норденкранцъ*.

Эта первая теорія народнаго хозяйства въ экономической литературѣ Швеціи тѣмъ болѣе интересна, что авторъ ея въ теченіи почти 30 лѣтъ игралъ въ глазахъ сильной въ странѣ партіи роль неоспоримаго авторитета по вопросамъ экономическимъ и финансовымъ и имѣлъ громадное вліяніе на политику правительства.

Норденкранцъ старался создать теорію народнаго и государственнаго хозяйства, открыть законы управляющіе экономическою жизнію и объяснить ихъ дѣйствіе. Строй производства и мѣны цѣнностей интересуетъ его по преимуществу и задачей себѣ онъ поставилъ отысканіе условій ихъ успѣшнаго развитія и созданіе народнаго благосостоянія на незыблемыхъ основахъ. Онъ постоянно указываетъ на необходимость ясныхъ и полныхъ экономическихъ познаній, какъ на факторъ развитія народнаго хозяйства, но слишкомъ часто онъ впадаетъ въ тенденціозность и значительную часть своего сочиненія посвящаетъ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ экономической практики своего времени. Сознаніе важности распространенія экономическихъ знаній побудило его написать эту громадную книгу. Безъ яснаго экономическаго мышленія невозможно правильное развитіе хозяйства, а отъ хозяйственнаго процвѣтанія зависитъ все благополучіе человѣчества. Искусство, наука, образованіе, цивилизація развиваются только тогда, когда матеріальныя заботы не удручаютъ народъ. Бо-

гатый народъ всегда будетъ цивилизованнымъ народомъ; грубость нравовъ всегда сопровождаетъ матеріальную необезпеченность. Но что же слѣдуетъ понимать подъ словомъ богатство. *Норденкранцъ* говоритъ: что не только деньги составляютъ народное богатство. Главное богатство народа состоитъ изъ всей массы его ежегоднаго производства. Опытные промышленники—фабриканты и ремесленники для обработки сырья и опытные торговцы для успѣшнаго сбыта произведеній страны—вотъ самые важные факторы развитія народнаго благосостоянія.

Безъ развитія промышленности и торговли благородные металлы никогда не останутся въ странѣ, при наличности же указанныхъ выше условій страна никогда не будетъ терпѣть недостатка въ металлическихъ деньгахъ. Испанія служитъ лучшимъ примѣромъ тому, что обладаніе громадными рудниками, при отсутствіи промышленнаго и торговаго развитія не дѣлаетъ страну богатою. Трудъ и энергія въ промышленности и искусство вести успѣшно торговлю - вотъ источники богатства. Цѣль же труда состоитъ въ доставленіи благородныхъ металловъ, которые имѣютъ значеніе крови въ тѣлѣ человѣческомъ; они сила и жизнь этого тѣла, безъ нихъ развитіе хозяйства невозможно. Слѣдовательно цѣль экономической политики должна состоять въ пріобрѣтеніи по возможности бо̀льшаго количества золота и серебра; все что заставляетъ вывозить золото и серебро за границу вредно: всѣ же мѣропріятія, доставляющія эти металлы—благодѣянія. Норденкранцъ старается сперва освободиться отъ предразсудка меркантилистовъ на счетъ благородныхъ металловъ, на нѣсколько строкъ далѣе—и онъ впадаетъ въ крайній меркантилизмъ. Это колебаніе между меркантильными и индустріальными воззрѣніями замѣчается у него повсюду. Онъ доходитъ до такого нелѣпаго мнѣнія, что междоусобная война производительна, потому что обращеніе цѣнностей идетъ живѣе; онъ восхваляетъ вывозныя пошли-

ны, высокіе фрахты, взимаемые туземными корабельщиками; дороговизну туземныхъ съѣстныхъ припасовъ и мануфактурныхъ издѣлій,—но въ тоже время порицаетъ монополіи и цеховыя привиллегіи. Почему, спрашиваетъ Норденкранцъ, шведская торговля стала незначительною, почему шведскіе купцы столь небогаты и мало предпріимчивы? Потому что ихъ соціальное положеніе не обезпечено. Классъ чиновниковъ пользуется слишкомъ сильнымъ значеніемъ и вліяніемъ, а промышленники и торговцы терпятъ униженіе: между тѣмъ вторые несравненно полѣзнее первыхъ. Титулы, ордена, дворянское достоинство приманиваютъ торговый классъ, купцы всячески стараются попасть въ чиновный классъ и разъ получивъ титулъ и крестъ пренебрегаютъ производительнымъ трудомъ. Народъ долженъ полюбить торговлю и промышленность, а правительство уважать промышленный классъ, тогда государство станетъ богатымъ, счастливымъ и могущественнымъ! Громадную пользу государству приносятъ крупныя привиллегированныя торговыя компаніи: такая торговля, какъ напр. съ Америкой и Индіей не можетъ быть ведена ни правительствомъ, ни единичными лицами. Конечно существованіе такихъ вліятельныхъ, богатыхъ привиллегированныхъ обществъ связано также съ значительными неудобствами: но эти неудобства вознаграждаются съ лихвою тѣмъ, что эти компаніи доставляютъ возможность частнымъ лицамъ помѣщать свои небольшіе капиталы въ крупное предпріятіе и участвовать въ его выгодахъ.—Помѣхою благопріятному развитію торговли являются мелкіе торговцы, лавочники и разносчики, не имѣющіе корпоративнаго духа, ни понятія о соціальной, государственной, политической важности торговли. Торговля страны должна быть сосредоточена въ рукахъ крупныхъ фирмъ и умственно-развитыхъ, высокообразованныхъ людей, неусыпно слѣдящихъ за коммерческимъ развитіемъ другихъ странъ, смотрящихъ на свое дѣло, какъ на своего рода государственную службу.

Торговля—это первоклассный источникъ народнаго богатства; фабричная промышленность стоитъ на второмъ планѣ, но несравненно важнѣе чѣмъ сельское хозяйство. Страны, довольствующіеся такъ наз. естественною собственностію (naturliga egendomen), т. е. извлеченіемъ природою данныхъ богатствъ изъ нѣдръ земли,—бѣдны и стоятъ на низкой ступени культурнаго развитія: *только трудъ и разумъ создаютъ искусственную собственность* (artificielle egendomen), залогъ благоденствія всемірнаго. Промышленность фабричная потому важна для государства, что она условіе быстраго роста народонаселенія. Нужно устранить все то, что удерживаетъ ростъ промышленности. Два тормаза мѣшаютъ полному развитію мануфактурныхъ силъ страны: чрезмѣрно высокія пошлины и налоги и недостаточно послѣдовательно проведенное раздѣленіе труда. Шведскіе ремесленники и фабриканты берутся сразу за несоразмѣрное количество работъ и поэтому не успѣваютъ ни въ одной. Работа, которая въ Англіи раздѣлена между 10—12 ремесленниками и фабричными, дѣлается въ Швеціи однимъ, послѣдствіемъ чего является то, что работникъ прыгаетъ отъ одного занятія къ другому, теряетъ время и не развиваетъ вполнѣ своихъ техническихъ способностей. Смѣшеніе занятій—вотъ основное зло, отъ котораго страдаетъ Швеція. Ремесленникъ въ одно и тоже время желаетъ быть и ремесленникомъ и купцомъ, а купецъ одновременно и земледѣльцемъ и фабрикантомъ. Третьимъ препятствіемъ благопріятному экономическому развитію страны является зависимость отъ кредита заграничнаго. Иностранные банкиры высасываютъ кровь изъ хозяйственнаго тѣла Швеціи.—Мы видимъ что Норденкранцъ во многихъ отношеніяхъ опередилъ своихъ современниковъ—экономистовъ. Отдѣлъ его труда, посвященный разсужденію о пользѣ раздѣленія труда, дѣлаетъ его достойнымъ почетнаго мѣста въ исторіи нашей науки. Но эти идеи его не приведены въ систему и авторъ постоянно впадаетъ въ противо-

рѣчіе съ самимъ собою. Онъ защитникъ энергической правительственной регламентаціи, и онъ же высказывается между прочимъ противъ ограниченія свободы труда. Онъ выступаетъ горячимъ противникомъ цеховой организаціи и читая его разсужденія о вредѣ цеховъ, гильдій, монополій, намъ часто кажется, будто мы читаемъ главу изъ безсмертнаго труда Смита. Но допуская свободу въ области ремесленной и фабричной онъ отвергаетъ ее въ области торговли. Боязнь передъ невыгоднымъ торговымъ балансомъ и вывозомъ звонкаго металла принуждаетъ его отступить отъ принципа свободы. Запрещеніе ввоза иностранныхъ фабричныхъ произведеній по его мнѣнію conditio sine qua non хозяйственнаго прогресса. Государство должно имѣть въ виду одну цѣль: поставить промышленность на такую высоту, чтобы всѣ предметы потребленія туземнаго производились въ странѣ. Только при этомъ условіи возможно надѣяться на быстрый ростъ населенія. Густота же населенія первое условіе народнаго богатства, такъ какъ тогда всѣ товарныя цѣны высоки и всѣ принуждены трудиться и сберегать. Если бы всѣхъ шведовъ можно было поселить въ одной провинціи, то скоро бы поднялись всѣ цѣны; дома и съѣстные припасы поднялись бы въ цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возросло бы и богатство частныхъ лицъ и всего народа. Нужда — мать промышленнаго прогресса! Но всѣ эти принудительныя мѣры не должны быть увѣковѣчены; какъ скоро промышленность достигнетъ извѣстной ступени развитія, то запретительные тарифы могутъ быть отмѣнены и иностранная конкуренція можетъ вступить въ роль благодѣтельнаго подстрекателя хозяйственной энергіи. — Принципы меркантилизма, протекціонизма и индустріализма какъ мы видимъ связаны здѣсь въ одно пестрое цѣлое: проблески яснаго экономическаго мышленія, перемѣшаны съ слѣпыми предразсудками, остроумное опредѣленіе экономическихъ явленій съ противорѣчивыми, неясными идеями. Вся книга Норденкранца

ясное отраженіе эпохи броженія экономическихъ идей, предшествовавшихъ моменту яснаго, отчетливаго уразумѣнія главныхъ законовъ строя народнаго хозяйства. 26 лѣтъ спустя, въ 1756 г. Норденкранцъ уже рѣшительнѣе становится на почву экономическаго либерализма. Въ этомъ году членъ Шведской Академіи наукъ, Саландеръ, съ экономическими теоріями котораго мы ниже познакомимся, представилъ проэктъ организаціи цеховъ и системы правительственной регламентаціи промышленности. Противъ этой попытки воскресить въ полной силѣ систему меркантилизма, выступилъ и Норденкранцъ въ своей брошюрѣ Paminnelser vid genvägen till slöjder". Въ этомъ сочиненіи онъ съ большею полнотою развиваетъ свою теорію раздѣленія труда. Онъ начинаетъ съ того, что старается доказать нелѣпость мнѣнія о томъ, что возможно организовать промышленный строй на однихъ и тѣхъ же началахъ какъ въ государствахъ малонаселенныхъ съ немногими городами, съ далеко лежащими другъ отъ друга селами и хуторами, такъ и въ странахъ съ густымъ, сплоченнымъ населеніемъ, въ которыхъ крестьянинъ ежедневно можетъ продавать на рынкѣ свои произведенія и покупать себѣ потребное, гдѣ члены общины могутъ пользоваться одною мельницею, однимъ квасильнымъ чаномъ, услугами одного плотника, булочника и т. д. Въ странахъ густо населенныхъ мы встрѣчаемъ вполнѣ развившееся раздѣленіе труда, которое является не результатомъ законовъ, а плодомъ естественныхъ условій народнаго быта: сплоченности населенія, климата, условій сбыта, путей сообщенія и т. д. — Люди не фруктовыя деревья, которыя сажаются садовникомъ по его усмотрѣнію въ опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга. Цехи, привиллегіи, монополіи приводятъ къ тому, что бѣдные, только вслѣдствіе своей бѣдности превращаются навсегда въ рабовъ богатыхъ; принудительное распредѣленіе ремесленниковъ по городамъ и исключеніе всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ

цеху, отъ пользованія правомъ прилагать трудъ свой къ производству, соотвѣтствующему ихъ силамъ,—это ужасный деспотизмъ.—Норденкранцъ, благодаря ясному сознанію условій развитія народнаго хозяйства и благодаря близкому ознакомленію съ положительными результатами правительственной регламентаціи, осилилъ предразсудки меркантилизма и подъ конецъ своей литературной дѣятельности перешелъ въ лагерь экономическаго либерализма. Но этотъ умственный прогрессъ не замѣтенъ въ сочиненіяхъ его современниковъ и конкурентовъ въ экономической литературѣ и дѣятельности общественной. Наиболѣе остроумнымъ защитникомъ меркантилизма былъ такъ сказать оффиціальный представитель политической экономія въ Швеціи той эпохи: профессоръ Упсальскаго Университета Anders Berch (Андерсъ Берхъ) призванный въ 1741 г. къ занятію вновь учрежденной каѳедры экономіи и коммерціи. Предварительно перехода къ разсмотрѣнію главныхъ принциповъ его экономической теоріи, скажемъ пару словъ о возникновеніи этой каѳедры. Въ концѣ 30 годовъ состоявшая при шведскомъ сеймѣ депутація „по дѣламъ торговли и мануфактуръ" составила записку о необходимости распространить политико-экономическія свѣдѣнія въ шведскомъ народѣ. Въ школахъ, гимназіяхъ и академіяхъ по ея мнѣнію молодые люди изучали много безполезныхъ, позабываемыхъ ими нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ оставленія школьной скамьи наукъ. Она предложила учредить коммиссію для рѣшенія вопроса реорганизаціи школьной системы съ цѣлью отвести болѣе широкое мѣсто „раальному элементу" въ образованіи юношества. Коммиссія предполагала упразднить спеціальную каѳедру Римскаго права въ составѣ юридическаго факультета, слить ее съ другою каѳедрою а на освободившуюся каѳедру назначить профессора для чтенія „фундаментовъ мануфактурнаго и коммерческаго строя". Благодаря этимъ лекціямъ „по указаннымъ фундаментамъ" многіе юноши почувствуютъ страсть къ

полезнымъ спекуляціямъ, къ путешествіямъ. Многіе капиталы, которые нынѣ лежатъ въ мертвомъ снѣ въ сундукахъ, будутъ вложены въ полезныя для всей страны предпріятія, и наконецъ изъ академіи выйдутъ лица, способные заниматься дѣлами государственнаго управленія. Но это предложеніе не встрѣтило сочувственнаго пріема среди большинства депутатовъ въ риксдагѣ. Депутація не унывала. Не найдя въ сеймѣ сторонниковъ реализма, она открыла подписку для составленія капитала, на проценты съ котораго можно было бы содержать особеннаго профессора политической экономіи. Подписка состоялась и на собранную сумму Сеймъ въ 1741 г. разрѣшилъ открыть въ Упсальскомъ Университетѣ каѳедру политической экономіи. Профессоромъ былъ назначенъ уже названный А. Берхъ, до того времени служившій въ Коммерцъ Коллегіи нотаріусомъ. Берхъ началъ въ томъ же году читать лекціи.

Въ 1743 г. „депутація по дѣламъ торговли и мануфактуръ“ признала нужнымъ разрѣшить вопросъ, принесла-ли сія каѳедра желанную пользу. Она вытребовала отъ Берха рукопись лекцій, для того чтобы исправить и измѣнить то, что не вполнѣ согласно съ принципами народно-хозяйственной политики, признаваемой за истинную,—сеймовымъ большинствомъ! Ученіе профессора оказалось вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ патріотической политической экономіи, но его дѣятельность оказалась мало полезною. Онъ напечаталъ и публично защитилъ нѣсколько политико-экономическихъ статеекъ и тезисовъ, но симъ дѣятельность его и ограничилась. Поэтому депутація вмѣнила ему въ обязанность вести какъ можно чаще „живые и интересные диспуты съ молодежью“, дабы сія молодежь скорѣе пристрастилась къ экономической наукѣ! Вотъ съ чего началось оффиціальное существованіе нашей науки въ Швеціи. Она должна была выступать въ качествѣ противовѣса классической юриспруденціи и какъ представительница реализма въ системѣ народнаго образованія! Что же

успѣлъ сдѣлать на славу науки первый профессоръ политической экономіи, стоявшій подъ цензурой партіи „шляпъ“? Замѣтимъ что онъ писалъ въ эпоху разгара правительственной регламентаціи, въ эпоху банковыхъ спекуляцій, оффиціальной игры съ кредитомъ государства, игры на повышеніе курса бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ. То была эпоха крайняго политическаго идеализма, не умѣвшаго ни оцѣнить безпристрастно силъ страны, ни сознать что та политическая система, которая была создана Вестфальскимъ миромъ была сокрушена Сѣверною войною и что Россія, противъ которой направлены были всѣ усилія господствовавшей партіи не была Россіей временъ Нарвскаго пораженія. Политическій идеализмъ думалъ съ помощью 20000 солдатъ оторвать отъ Россіи завоеванія Петра, а экономическій идеализмъ считалъ бумажную мельницу шведскаго Банка за шведское Перу, перо ландмаршала, вносившаго постановленія сейма въ протоколъ,—волшебнымъ жезломъ. На первый взглядъ казалось будто всѣ фантастическія и крайне стѣснительныя постановленія сейма относительно сельскаго хозяйства, промышленности ремесленной и фабричной, торговли, судоходства, рыбной ловли и т. д. встрѣчали единогласно—радушный пріемъ въ обществѣ, но это единогласіе было кажущимся. Искусство пропускать въ печати только апплодисменты правительству было хорошо извѣстно шведскому правительству и въ „эпоху свободы“ наказанія за „дурное направленіе“ того или другаго органа печати были очень часты. Но противники уже собирались силами и крайній меркантилизмъ подготовилъ самъ себѣ врага въ крестьянскомъ сословіи и въ лицѣ немногихъ мыслителей, которые ужасаясь крайностей меркантилизма готовы были впасть въ противоположную крайность—принципа laissez faire, laissez passer! Подстрекаемый этимъ постояннымъ надзоромъ со стороны сейма и особенно Депутаціи по дѣламъ торговли и мануфактуръ. Берхъ въ 1746 г. издалъ

свои „Изслѣдованія о политической ариѳметикѣ“, а въ 1747 году свое „Введеніе въ науку народнаго хозяйства“. Если указанное выше сочиненіе Норденкранца должно быть признано первымъ теоретическимъ трудомъ въ области шведской политической экономіи вообще, то второй трудъ Берха имѣетъ полное право быть признаннымъ первымъ учебникомъ политической экономіи. Онъ старается дать въ этой книгѣ сводъ основныхъ положеній науки народнаго хозяйства, дать шведскому юношеству возможность вникнуть въ суть тѣхъ экономическихъ явленій, о которыхъ разсуждали ихъ отцы въ сеймѣ и его комитетахъ и которыя объяснялись каждымъ депутатомъ по своему. Онъ опредѣляетъ науку о народномъ хозяйствѣ (Hushallningsvetenskap) слѣдующимъ образомъ: „Сія наука обыкновенно понимается въ смыслѣ искуства пріобрѣтать имущество, управлять имъ и сохранять оное.—Нужно встать на болѣе высокую точку зрѣнія и сказать, что въ ней содержатся всѣ основанія, основныя правила, которыя указываютъ какимъ путемъ обезпечить благополучіе гражданъ, отдѣляя ихъ отъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя касаются государственнаго устройства или международныхъ правъ и обязанностей“. Слѣдовательно его наука о народномъ хозяйствѣ на первый взглядъ ничто иное какъ „Volks wirtschafts politik“ нѣмецкихъ ученыхъ въ началѣ и срединѣ нашего столѣтія. Затѣмъ онъ продолжаетъ: Все содержаніе науки подраздѣляется на 3 отдѣла: первый отдѣлъ это политика, которая опредѣляетъ порядокъ, который необходимо долженъ существовать въ сношеніяхъ гражданъ между собою и въ отношеніяхъ ихъ къ государству, порядокъ, отражающійся какъ въ ихъ семейномъ быту, такъ и въ предпріятіяхъ общества, направленныхъ къ сохраненію внутренняго мира, безопасности и благосостоянія. Второй отдѣлъ—это экономія, показывающая какимъ путемъ частная хозяйственная дѣятельность должна быть направлена къ главной цѣли: общей прибыли и выгодѣ; на-

конецъ третья часть это—Cameral vetenskap, камеральная наука, которая объясняетъ какимъ путемъ получить, собрать и сохранить тѣ доходы, въ коихъ общеніе людское нуждается для удовлетворенія своихъ коллективныхъ потребностей. Какъ сходно это дѣленіе Берха съ дѣленіемъ Зонненфельса „Polizei, Handlung und Finanz! Самый важный отдѣлъ по мнѣнію Берха—это „Политика“, такъ какъ порядокъ самое важное дѣло въ государствѣ. Безъ него не можетъ существовать благополучія ни въ частномъ ни въ общественномъ хозяйствѣ. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ указываетъ на задачи государства относительно упорядоченія и охраненія благочинія въ богослуженіи, въ системѣ обезпеченія народнаго здравія, доказываетъ необходимость надзора за производствомъ предметовъ первой необходимости, хлѣба, въ устройствѣ жилищъ, продажахъ платья, надзора за движеніемъ народонаселенія.

Въ область политики входитъ надзоръ за тѣмъ, чтобы въ государствѣ не было чрезмѣрнаго количества потребителей, ничего не производящихъ, т. е. чиновниковъ, хотя конечно (спѣшитъ онъ прибавить) и они нужны! Нужно свыше распредѣлить отрасли производства, дабы всѣхъ предметовъ потребленія производилось столько, сколько требуетъ населеніе. Каждый членъ общенія людского предназначенъ для того, чтобы доставить своимъ согражданамъ услуги и производить цѣнности соозразмѣрно силамъ и способностямъ. Безъ руководства сверху можетъ случиться, что въ одной отрасли производства будетъ работать слишкомъ много людей, въ другой слишкомъ мало. Отсюда произойдутъ „монополіи и полиполіи“! Нужно провести строгую границу между сельскими и городскими промыслами. Промыслы должны быть распредѣлены между различными мѣстностями государства сообразно ихъ природнымъ бытовымъ условіямъ.—Въ отдѣлѣ озаглавленномъ „Экономія“ авторъ останавливается на разсмотрѣніи различныхъ отраслей производства, стараясь выяснить природу каждой изъ нихъ и

опредѣлить условія наиуспѣшнѣйшаго ихъ развитія. Существуютъ 4 отрасли производства: земледѣліе, промышленность, внѣшняя и внутренняя торговля. Что касается земледѣлія, то несомнѣнно эта отрасль наиважнѣйшая въ народномъ хозяйствѣ. Земледѣліе требуетъ много познаній и опытности, а посему слѣдовало бы ввести въ самомъ хозяйствѣ систему цеховую, т. е. требовать отъ того, кто желаетъ сдѣлаться самостоятельнымъ сельскимъ хозяиномъ опредѣленной подготовки какъ и въ ремеслахъ. Земледѣліе имѣетъ двоякую цѣль: 1) доставить странѣ необходимое количество средствъ пропитанія и 2) доставить государству цѣнности для вывоза. Отрасли земледѣлія, доставляющія питательныя вещества должны быть поддержаны смотря по потребностямъ всей страны, не обращая вниманія на ихъ доходность или недоходность для земледѣльца. Земледѣлецъ не долженъ имѣть права по своему усмотрѣнію продолжать или оставить на произволъ судьбы свое хозяйство или мѣнять избранную имъ отрасль на другую, болѣе доходную, но менѣе производительную съ точки зрѣнія пропитанія населенія. — Правительство должно опредѣлить какая отрасль сельскаго хозяйства нужна, какая не нужна, сколько въ каждой должно быть хозяевъ и работниковъ, а лишнихъ заставить перейти къ другимъ занятіямъ.

Вторая отрасль народнаго хозяйства — это промышленность. Главное условіе ея процвѣтанія — это обширный и свободный сбытъ ея произведеній! Всякія препятствія въ сбытѣ отражаются на производствѣ пагубнымъ образомъ. Слѣдовательно ввозъ иностранныхъ товаровъ подлежитъ ограниченію, дабы ихъ потребленіе неуменьшило сбыта туземныхъ произведеній. Средство защиты противъ иностраннаго ввоза заключается въ высокихъ ввозныхъ пошлинахъ. Онѣ не должны быть неизмѣнны, а должны сообразоваться съ успѣшностью туземнаго производства. Чѣмъ быстрѣе успѣхи послѣдней, тѣмъ выше должны быть пошлины и когда туземное производство вполнѣ

окрѣпнетъ, тогда система покровительственная должна быть замѣнена—запрещеніемъ! Слѣдовательно Берхъ въ противоположность Норденкранцу не признаетъ возможности свободы торговли и при условіи блестящаго развитія туземной промышленности. Что касается тѣхъ товаровъ, кои могли бы быть произведены въ странѣ, но вслѣдствіе какихъ либо условій допускаются къ ввозу, напр. на основаніи торговыхъ трактатовъ, то таможенная пошлина, на нихъ положенная, должна быть столь высока, сколь великъ былъ бы выигрышъ страны, который она теряетъ благодаря иностранной конкуренціи. На вопросъ: не слѣдуетъ ли признать несправедливымъ. дѣлать иностранные товары дороже, въ виду того что туземные товары той же доброты не могутъ быть проданы за столь же низкую цѣну—нужно отвѣтить что сіе размышленіе глупо: дороговизна туземныхъ товаровъ не есть потеря для націи, ни тяжесть для страны; увеличивается только сумма денегъ находящихся въ обращеніи (!) Третья и четвертая отрасль народнаго хозяйства—это внутренняя и внѣшняя торговля. Торговля вообще по словамъ автора—мать цивилизаціи и гражданской жизни, коренной фундаментъ развитія промышленности и роста населенія, и каждый государственный дѣятель долженъ смотрѣть на торговлю какъ на сокровище народное! Но нужно различать торговлю внѣшнюю отъ внутренней. Богатство или бѣдность страны зависитъ только отъ внѣшней торговли, внутренняя торговля передаетъ только деньги изъ одной руки въ другую и имѣетъ на богатство только на столько вліянія, на сколько естественная цѣнность земли можетъ быть увеличена или уменьшена человѣческимъ трудомъ.

Торговля конечно—дѣло городовъ и такъ какъ города ведутъ преимущественно внѣшнюю торговлю, богатѣютъ благодаря иностранцамъ а не туземцамъ, то ихъ значеніе особенно важно. Но города могутъ принести надлежащую пользу только тогда, когда ихъ число не слишкомъ мало и не слиш-

комъ велико. Правительство должно заботиться о томъ, чтобы была установлена надлежащая пропорція между городскою и сельскою дѣятельностью и жизнью. Каждый городъ долженъ имѣть свою особенную отрасль торговли, смотря по своему мѣстоположенію, условіямъ производства въ окружающей его мѣстности. Только при такой стройности распредѣленія торговли возможны постоянный сбытъ произведеній и правильное денежное обращеніе. А сіе послѣднее имѣетъ такое же большое значеніе для государства, какое имѣетъ правильное теченіе крови и біеніе сердца для человѣка. Въ глазахъ Берха слѣдовательно государство является богатымъ фабрикантомъ, который по своему усмотрѣнію опредѣляетъ участіе каждаго рабочаго въ процессѣ приготовленія фабричныхъ издѣлій и назначаетъ каждому рабочему плату, смотря по его ловкости и прилежанію. — Это ученіе было по душѣ дѣятелямъ эпохи свободы! Они не упускали случая выражать негодованіе противъ королевскаго богопротивнаго абсолютизма, а въ то же время усвоили принцыпы просвѣщеннаго абсолютизма не хуже — Фридриха II и Іосифа II! — Хотя Берхъ утверждаетъ и старается доказать, что какъ богатство народное, такъ и бѣдность зависятъ главнымъ образомъ отъ внѣшней торговли, такъ какъ благопріятный торговый балансъ доставляетъ звонкую монету, а неблагопріятный балансъ изгоняетъ золото и серебро съ туземныхъ рынковъ, — онъ тѣмъ не менѣе не признаетъ что благородные металлы главнѣйшее богатство государства или избытокъ ихъ признакъ цвѣтущаго положенія народнаго хозяйства. По его мнѣнію звонкая монета и деньги вообще ничто иное, какъ „mensura universalis“, съ помощью которой оцѣниваются и обмѣниваются всѣ товары. Мѣновая цѣнность каждаго предмета можетъ быть приблизительно опредѣлена съ помощью сравненія его потребительнаго значенія съ таковымъ другаго товара, но какъ бы то ни было, монета — pretium eminens и необходима какъ жизненный элементъ торговли.

Количество звонкой монеты, требуемое каждой отраслью народнаго хозяйства опредѣляется степенью ея развитія, условіями народнаго хозяйства и кредита и разными другими обстоятельствами. Количество звонкой монеты, превосходяще потребность народнаго хозяйства, столь же вредно въ экономической жизни народа, сколь вреденъ недостатокъ въ деньгахъ. Въ первомъ случаѣ замѣтно повышеніе всѣхъ товарныхъ цѣнъ, во второмъ неестественное ихъ пониженіе. Если всѣ товары поднимаются въ цѣнѣ, то трудно ихъ продать въ другія страны, необладающія такимъ же обиліемъ металлическихъ денегъ. Поэгому излишекъ въ звонкой монетѣ скорѣе воображаемое богатство, чѣмъ дѣйствительное. Основное положеніе то — что потребность въ звонкой монетѣ опредѣляется степенью развитія народнаго хозяйства и быстротою обмѣна цѣнностей; возможность же развитія торговыхъ операцій зависитъ отъ находящагося въ странѣ денежнаго капитала. — Таковы главныя положенія Берха. Его экономическія мысли стоятъ несомнѣнно выше его предложеній въ области полиціи благосостоянія. Нужно замѣтить что крайность правительственной регламентаціи, защитникомъ которой онъ выступаетъ, по всей вѣроятности результаты давленія на него сеймовой депутаціи. Онъ самъ называетъ свою книгу: поспѣшнымъ трудомъ, вынужденнымъ различными обстоятельствами! Тѣмъ не менѣе это его сочиненін не только было признано нормальнымъ учебникомъ политической экономіи въ Швеціи, но и было переведено въ 1763 г. на нѣмецкій языкъ, издано въ Галле и по свидѣтельству Рошера употреблялось и въ Германіи въ качествѣ учебника. — Что касается его другаго сочиненія, озаглавленнаго „Sätt att igenom politisk arifmethika utrona lânders och rikets hushollning“, то оно посвящено изслѣдованію количества народонаселенія въ Швеціи и опредѣленію отношенія его къ средствамъ пропитанія. Понятно, что Берхъ желаетъ какъ можно болѣе густой населенности и защищаетъ всѣ прави-

тельственныя мѣры, направленныя къ увеличенію народонаселенія.

При учрежденіи каѳедры Политической экономіи Берхъ не былъ единственнымъ кандидатомъ на новую профессуру. Съ нимъ конкурировалъ Лагманъ (провинціальный судья) Христіанъ Кэнигъ. Сей юристъ оказался весьма ученымъ человѣкомъ. Онъ написалъ 11-ти томную энциклопедію Наукъ (1745—82) „Lärdomöfning“ и четвертую часть этого громаднаго труда, вышедшую въ 1746 г. посвятилъ политической экономіи; названной имъ „Lagfarenhet i politimal“ „Законовѣдѣніе по части полиціи“. Онъ утверждаетъ что oeconomia publica или politica и наука о полиціи одно и тоже. Это постоянное отождествленіе политической экономіи съ полиціею весьма характеристическая черта того времени. Шведское образованное общество было убѣждено что нѣтъ естественныхъ законовъ народнаго хозяйства; что всѣ явленія экономическія подчиняются всецѣло волѣ законодателя и органовъ управленія, отъ опредѣленій и дѣятеляности которыхъ зависитъ блескъ или упадокъ народнаго хозяйства и что возможно произвольное измѣненіе его теченія. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Кэнигъ. Основная его посылка, что развитіе народнаго хозяйства зависитъ вполнѣ отъ количества народонаселенія. Чѣмъ гуще населеніе страны, тѣмъ скорѣе развивается ея хозяйство. Онъ держится при изложеніи науки той же системы, какъ и Берхъ но его книга интересна тѣмъ, что онъ, выставляя свои положенія, приводитъ всегда доводы pro и contra. Въ результатѣ конечно онъ отдаетъ предпочтеніе доводамъ меркантилизма [2]).

---

[2]) Воззрѣнія теоретиковъ относительно необходимости густаго населенія для процвѣтанія народнаго хозяйства и вытекающая отсюда необходимость постоянно слѣдить за движеніемъ населенія, вполнѣ соотвѣтствовали воззрѣніямъ правительства. Королевскій патентъ 22 Февраля 1735 г. предписывалъ всѣмъ губернаторамъ доставить въ Сеймъ свѣдѣнія относительно движенія народонаселенія, а согласно патенту 29 Января 1736 г. каждая консисторія должна была доста-

II.

Сочиненія Норденкранца, Берха и Кэнига несомнѣнно лучшіе плоды экономической мысли въ Швеціи первой половины 18 столѣтія. Въ нихъ сгруппированы всѣ доводы въ защиту экономической политики партій эпохи свободы. Но въ тоже время появилась масса мелкихъ сочиненій, брошюръ, статей, которыя обсуждали эту политику въ отдѣльныхъ ея примѣненіяхъ къ различнымъ отраслямъ народнаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ авторы подъ покровомъ анонимности рѣшаются критиковать дѣятельность правительства и заступаются за принципъ свободнаго самоопредѣленія въ хозяйствѣ. Не смотря на то, что правительство „шляпъ“ съ перваго же момента завладѣнія политическимъ могуществомъ, пошло по пути протекціонизма, обѣщанные и желанные блестящіе результаты поддержки туземной промышленности все еще заставляли себя ждать. Повсюду промышленники кричали объ усиленіи государственной помощи, о денежныхъ субсидіяхъ, преміяхъ и запретительныхъ тарифахъ,—а публика жаловалась на дороговизну и недоброкачественность товаровъ. Для поддержки промышленности правительство учредило въ 1738 году особое учрежденіе, такъ наз. мануфактуръ-контору, задачей которой была забота о поддержкѣ, развитіи и усовершенствованіи промышленности. Она возвысила ссуды на учрежденія новыхъ фабрикъ и заводовъ, но поддержка, получаемая тѣмъ или другимъ фабрикантомъ, зависѣла не столько отъ его признанной дѣловой способности и солидности его

вить списки о количествѣ рожденій и смертей въ церковномъ округѣ. Королевское правительство съ 1749 г. отсылало въ каждую общину формуляръ, для внесенія свѣдѣній о движеніи населенія и съ 1756 г. обработка собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ была возложена на особую Kommission för Tabellverket, состоящую въ вѣдомствѣ канцеляръ-коллегіи и состоявшую изъ предсѣдателя, и четырехъ членовъ: между ними 1 совѣтникъ комерцъ-коллегіи, 1 священникъ и 1 докторъ медицины.

заведеній, сколько отъ милости членовъ мануфактуръ-конторы и отъ того, былъ ли онъ ревностнымъ защитникомъ шляпъ.— Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ дѣятельности этой конторы и самымъ энергичнымъ представителемъ интересовъ фабрикантовъ—монополистовъ былъ мануфактуръ-коммисаръ *Э. Саландеръ*. Его краснорѣчивая защита (во время Сейма 1747 г.) мѣръ направленныхъ къ принудительному сосредоточенію всѣхъ промышленныхъ заведеній въ городахъ, вызвала негодованіе въ средѣ крестьянъ и мелкихъ промышленниковъ, основавшихъ маленькія фабрики въ селахъ. Въ 1749 г. онъ счелъ необходимымъ оправдать свою дѣятельность передъ публикою и издалъ сочиненіе „De tre blinda Fritrafvare samhället". Подъ аллегорическимъ названіемъ „3 слѣпыхъ необузданныхъ рысаковъ" онъ изображаетъ 3 вредныя системы промышленности:

Первая система, при которой всѣ отрасли промышленности сосредоточены въ немногихъ рукахъ наименѣе вредна. Вторая, при которой мелкіе промышленники стоятъ въ полной зависимости отъ крупныхъ, несравненно вреднѣе, но самая вредная система, которую онъ изображаетъ въ видѣ дикаго коня, влекущаго и повозку и ѣздока въ пропасть,—это система распредѣленія разныхъ отраслей промышленности между большимъ количиствомъ не подлежащихъ никакому надзору и регламентаціи, мелкихъ и крупныхъ промышленниковъ. Книга написана крайнѣ темнымъ слогомъ, авторъ не имѣетъ ясныхъ понятій о самыхъ элементарныхъ явленіяхъ въ народномъ хозяйствѣ и защита его принциповъ едва-ли казалась успѣшною въ глазахъ крестьянъ и мелкихъ промышленниковъ. Противъ *Саландера* выступилъ цѣлый рядъ писателей, подвергшихъ его положенія строгой критикѣ. Но нашъ энтузіастъ правительственной регламентаціи не унывалъ и въ защиту своихъ положеній выпустилъ два трактата о ремеслахъ и о задачахъ правительства по отношенію къ ремесленной про-

мышленности („Om slöjder“, рѣчь въ засѣданіи Академіи Наукъ 1754 г. и въ томъ же году „Genvag till slöjder“). Въ своей рѣчи онъ указывалъ на Кольбера, какъ на того идеальнаго министра, которому всѣ государственные люди, желающіе добра и пользы своему отечеству, должны подражать. Его второе сочиненіе направлено преимущественно противъ кустарной промышленности, какъ наиболѣе опаснаго врага фабрикъ. Онъ предлагаетъ цѣлый планъ организацій промышленности. Въ каждомъ городѣ должно существовать опредѣленное количество мастеровъ, соотвѣтствующее бытовымъ условіямъ мѣстности и условіямъ сбыта цѣнностей. Всѣ занимающіеся ремеслами должны быть строго классифицированы по четыремъ категоріямъ: управляющихъ, мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ. При такихъ условіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шведская ремесленная и фабричная промышленность достигнутъ высшей ступени развитія; „Швеція будетъ имѣть хорошихъ и состоятельныхъ ремесленниковъ, добрыя произведенія, естественныя цѣны и избытокъ въ товарахъ“. Не слѣдуетъ опасаться того, что рабочій классъ благодаря ограниченію количества подмастерьевъ разбогатѣетъ и впадетъ въ лѣнь! Населеніе будетъ рости и каждый опасаясь потерять свое мѣсто, будетъ стараться прилежно работать и вести бережливую жизнь! Мы уже указали выше на сочиненіе Норденкранца, направленное противъ этихъ проэктовъ Саландера. Противъ нихъ выступили еще четыре экономиста, стоявшіе въ отношеніи ясности мышленія несравненно выше автора „3-хъ слѣпыхъ рысаковъ“. *Крюгеръ*, защищавшій отчасти правительственную политику, но совѣтовавшій умѣренность и осторожность, анонимный авторъ сочиненія „Skrafars bref till Hällbror“ и наконецъ Шефферъ и Альрикъ Руденшельдъ. Обратимся сперва къ сочиненіямъ Крюгера. Первая его работа: „Anmarkningar motde tre blinde fritrafvare“ направлена прямо противъ Саландера. Онъ протестуетъ противъ при-

нудительнаго распредѣленія ремесленниковъ по городамъ и разнымъ отраслямъ промышленности и противъ ограниченія потребленія. Перепроизводства не слѣдуетъ опасаться: это болѣзнь скоро проходящая и излѣчается сама собою. Развитіе промышленности зависитъ отъ густоты населенія и раздѣленія труда. Раздѣленіе труда должно найти поддержку со стороны правительства. Сбытъ зависитъ отъ доброты и дешевизны произведеній, а доброта и цѣнность результатъ конкуренціи трудящихся. Разрѣшите работать каждому сколько и что онъ хочетъ, гдѣ онъ желаетъ и для кого онъ желаетъ. Самая опасная болѣзнь въ строѣ народнаго хозяйства—это монополія!—Недолго авторъ держался этихъ либеральныхъ идей. Промышленный и торговый кризисъ постигшій Швецію въ началѣ 50 годовъ 18-го столѣтія, бывшій послѣдствіемъ денежнаго кризиса, поколебалъ вѣру Крюгера въ благодѣтельную силу свободнаго труда. Онъ, подобно большинству современниковъ, не замѣчалъ что эти кризисы были естественнымъ послѣдствіемъ искусственнаго направленія шведской промышленности на путь, несоотвѣтствовавшій естественнымъ условіямъ развитія ея народнаго хозяйства и небывалаго развращенія нравовъ, виновниками котораго были двѣ партіи, которыя жертвовали интересами государства для удовлетворенія партійныхъ прихотей. Всѣ мѣры, принятыя правительствомъ для предотвращенія обмановъ, подлоговъ, фальшивыхъ банкротствъ, учрежденіе надзирателей надъ фабриками, предписанія относительно объема, вѣса, длины, ширины, красокъ, штемпелей не помогли дѣлу. Торговый балансъ ухудшался изъ года въ годъ, иностранные товары, привозимые въ Швецію контробандистами, наводнили всю страну и благодаря своей доброкачественности вытѣснили плохія произведенія туземной промышленности. Коммерцъ-Коллегія, озабоченная симъ положеніемъ промышленности и торговли, предлагала запретительныя мѣры противъ роскоши и сокращеніе винокуренія, якобы

истреблявшаго весь шведскій хлѣбъ и бывшаго по ея мнѣнію причиной постояннаго увеличенія ввоза иностраннаго, главнымъ образомъ русскаго и польскаго, хлѣба.—Эти явленія, печальныя несомнѣнно, но столь же несомнѣнно и естественныя, побудили Крюгера въ его „мысляхъ о шведскихъ фабрикахъ“, по его собственнымъ словамъ, приступить къ рѣшенію вопроса, кто правъ, тѣ ли, кои утверждаютъ что свобода хозяйственнаго самоопредѣленія рычагъ развитія промышленности, или же тѣ, кои желаютъ ограничить эту свободу и подчинить промышленниковъ опекѣ государственной власти? Первое условіе развитія промышленности по мнѣнію Крюгера это: свободная форма правленія! Деспотизмъ легко можетъ уничтожить то, что 10 хорошихъ правительствъ совершили. Второе условіе—это покровительство свободнаго правительства, выражающееся въ денежныхъ субсидіяхъ и свободѣ. Затѣмъ необходимыми факторами процвѣтанія промышленности слѣдуетъ признать: хорошіе законы, опредѣляющіе правовую основу частнаго и общественнаго хозяйства, надзоръ судебныхъ мѣстъ за доброкачественностью произведеній; искусная таможенная система,—возложеніе обязанностей на продавцовъ и покупателей содѣйствовать по мѣрѣ силъ сбыту товаровъ. Легкій и обширный сбытъ произведеній обусловливается дешевизною товаровъ. Низкія цѣны обусловливаются низкою заработною платою, запретительною таможенною политикою, выдачею премій фабрикантамъ и тому подобными средствами, дающими возможность шведскимъ промышленникамъ выдержать конкуренцію иностранцевъ.—Затѣмъ необходимо регулировать развозную и разносную торговлю, вредящую фабрикамъ, установить „добрые законы о кредитѣ“, дабы кредиторы не были безсильны по отношенію къ должникамъ, а могли бы немедленно удовлетворить себя изъ имущества должника.

Отовсюду, говоритъ Крюгеръ, слышно выраженіе желанія

ограничить регламентацію правительственную, вездѣ слышенъ „крикъ свободы“. Эти пожеланія вредны и несправедливы! Задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы быть опекуномъ подданныхъ. Недолго впрочемъ Крюгеръ оставался и защитникомъ меркантилизма и просвѣщеннаго абсолютизма. Нѣсколько лѣтъ спустя въ своей рѣчи „О причинахъ малонаселенности и средствахъ помочь этой бѣдѣ“ онъ возвращается къ либеральнымъ воззрѣніямъ (объ этомъ сочиненіи рѣчь будетъ ниже). Хозяйственная свобода нашла 2 краснорѣчивыхъ защитниковъ. Неизвѣстный авторъ сочиненія „Skrafars bref till Hallbror“ изданнаго въ 1752 г. выступилъ защитникомъ кустарной промышленности и экономической свободы. Прогрессъ въ хозяйствѣ говоритъ онъ зависитъ не отъ искусственныхъ мѣръ правительства, а отъ свободы! Тамъ гдѣ существуетъ свобода —тамъ фабрики работаютъ успѣшно и каждая отрасль промышленности и каждое ремесло кормитъ многочисленныхъ тружениковъ. Въ 1755 г. К. Ф. Шефферъ издалъ сочиненіе „Замѣчанія на мысли Крюгера о шведскихъ фабрикахъ“. Крюгеръ восхищался законодательствомъ Кольбера и строй французской промышленности казался ему идеаломъ совершенства. Шефферъ объявляетъ что онъ совѣтуетъ брать примѣръ съ Голландіи, гдѣ производится хорошій и дешевый товаръ, находящій сбытъ во всѣхъ странахъ свѣта и Англію, которая съ того момента, когда она отвергнула правительственную опеку, производитъ больше цѣнностей, чѣмъ когда либо! Прогрессъ народнаго хозяйства только возможенъ при условіи свободы. Свобода рождаетъ усердіе и соперничество, усердіе и соперничество побуждаютъ къ бережливости и хозяйственному разсчету. Отсюда являются низкія цѣны а если товары дешевы, то сбытъ распространяется самъ собою! Только тогда, когда облегчается производство и уменьшаются издержки производства возрастаетъ потребленіе, а увеличеніе числа потребителей поощряетъ въ свою очередь производство.

Эта либеральная теорія Шеффера была самымъ рѣшительнымъ протестомъ противъ положенія шведскихъ меркантилистовъ, что потребленіе всегда остается неподвижно на одной и той же точкѣ и что производство постоянно стремится перейти за эту нормальную черту и не найдя потребителей, разрушаетъ свои основы. Это сочиненіе Шеффера, это покушеніе либерализма, (который защищался авторомъ и въ засѣданіяхъ Сейма и его комитетовъ), на основы оффиціальной политической экономіи, подняло цѣлую бурю въ лагерѣ меркантилистовъ. Крюгеръ не стерпѣлъ и въ 1756 году напечаталъ отвѣтъ Шефферу— („Svar pä de armarkningar som blifvit gjorda etc 1756 г.). Онъ ясно сознавалъ, что политика правительства по отношенію къ промышленности и торговлѣ основывается на одномъ шаткомъ основоположеніи: что необходимо установить искусственнымъ образомъ балансъ между производствомъ и потребленіемъ. Онъ соглашается, что не существуетъ какого либо нормальнаго максимума или минимума развитія производства. Но что касается примѣненія индустріальныхъ системъ другихъ странъ къ Швеціи, то это дѣло невозможное. Въ Швеціи заработная плата держится на ненормальной высотѣ и это обусловлено малымъ количествомъ фабричныхъ рабочихъ и малонаселенностію страны вообще. Шефферъ считалъ нужнымъ выбить своего противника и изъ этой его послѣдней позиціи. Въ своихъ Tilläga till anmarkningarne (1756 г.) онъ развиваетъ свою теорію индустріальной свободы. Количество необходимыхъ для производства рабочихъ не можетъ быть опредѣлено и не остается на одной и той же нормѣ. При хозяйственной свободѣ число ихъ увеличивается. При системѣ же правительственнаго вмѣшательства и покровительства, которой держалась партія шляпъ, шведскіе рабочіе эмигрируютъ и никто изъ иностранныхъ ремесленниковъ не желаетъ поселиться въ Швеціи по той причинѣ, что всѣ боятся различныхъ стѣсненій ихъ хозяйственной свободы. Свобода труда скорѣе доставитъ нуж-

ное количество рабочихъ, чѣмъ принужденіе. Энергія въ трудѣ зависитъ отъ надежды встать на собственные ноги. Если Швеція до того времени не имѣла возможности вывозить свои ремесленныя произведенія, то свобода доставитъ сбытъ этимъ произведеніямъ. Низкія цѣны возможны только при условіи признанія хозяйственной свободы. Крюгеръ и его сторонники ошибаются, полагая что свобода и порядокъ другъ другу враждебны. Всѣ тѣ законы, которые враждебны хозяйственной свободѣ, должны быть отмѣнены. Законы не должны вторгаться въ промышленную жизнь, ихъ задача состоитъ въ охраненіи права, а не въ указаніи пути хозяйственному интересу.—Примиренія не послѣдовало. Крюгеръ до поры до времени остался при своемъ мнѣніи, а Шефферъ продолжалъ проповѣдывать принципы индустріализма. Онъ навлекъ на себя гнѣвъ вожаковъ господствующей партіи. Вскорѣ онъ совершилъ путешествіе въ Парижъ и вступилъ въ близкія сношенія съ Мирабо, Кенэ и Мерсье де-ла-Ривіеромъ. Изученіе теоріи физіократовъ побудило его заняться изученіемъ сравнительнаго значенія для Швеціи различныхъ отраслей народнаго хозяйства и онъ къ ужасу своихъ коллегъ въ Сеймѣ выставилъ слѣдующія положенія: „Изъ всѣхъ отраслей народнаго хозяйства, самое важное—земледѣліе. Оно одно способно увеличить массу цѣнностей необходимую для прокормленія людей; небрежно относиться къ земледѣлію тоже, что препятствовать росту населенія. Трудъ человѣческій является первымъ факторомъ производства цѣнностей и чѣмъ болѣе труда прилагается къ земледѣлію, тѣмъ успѣшнѣе идетъ оно. Чѣмъ проще и благопріятнѣе условія производства, чѣмъ болѣе свободы, равенства и бережливости господствуетъ въ странѣ, тѣмъ болѣе любитъ народъ жизнь сельскую и земледѣліе, тѣмъ прекраснѣе процвѣтаетъ вся страна и тѣмъ скорѣе растетъ и населеніе и его благосостояніе. Свобода труда и свобода сбыта цѣнностей являются главнымъ условіемъ производства. Чѣмъ

болѣе раздроблена поземельная собственность, тѣмъ лучше, такъ какъ тѣмъ большее количество людей можетъ имѣть возможность владѣть землею и тѣмъ болѣе люди поощряются къ улучшенію земледѣлія, къ браку и рожденію дѣтей. Со злобою одинъ изъ защитниковъ меркантилизма въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Сеймѣ—графъ Ферзенъ—замѣтилъ по поводу этихъ тезисовъ Шеффера—„Шefферъ вздумалъ создать новую Швецію по образцу, проповѣдуемому маркизомъ Мирабо и французскими экономистами“.—До поры до времени либеральная теорія Шеффера нашла въ Швеціи мало явныхъ сторонниковъ. Интеллигенція или колебалась между осужденіемъ явно несостоятельной промышленной политики правительства и привязанностію къ старой рутинѣ, унаслѣдованной отъ предковъ, или же яростно защищала меркантилизмъ, подъ знаменемъ котораго можно было слыть за патріота и въ тоже время заботиться о собственномъ карманѣ. Примирить Шеффера съ Крюгеромъ пытался Алрикъ Руденшельдъ въ сочиненіи „Oväldigt Omdöme angoende striden om vara fabriker“ (1756 г.) Онъ утверждаетъ что основныя положенія Крюгера несравненно вѣрнѣе новшествъ Шеффера и единственной уступкой принципу свободы можетъ быть замѣна запретительной таможенной системы—тарифомъ покровительственнымъ ad valorem въ размѣрѣ 15% объявленной цѣнности товаровъ.—Въ защиту правительства и его политики были написаны 3 сочиненія: (всѣ анонимныя) „Svenska fabrikernas förkofran onskas af E. A. S.; Anmarkningar mot auktoren E. A. S. и Tankar ofver inkomna tvistigheterna angaende svenska fabriks-inrättningar“. Всѣ три анонимные писателя и знать не хотятъ свободы въ народномъ хозяйствѣ и пророчатъ всѣвозможные ужасы въ случаѣ уступки дерзкому новатору Шefферу!—Правительство думало подкрѣпить свою политику и защищаемую своими приверженцами—„оффиціальную политическую экономію“ авторитетомъ иностраннаго ученаго

меркантилиста. Въ 1756 г. по предписанію Секретнаго Комитета было переведено сочиненіе Давенанта „An essay on the probable methods of making the people gainers in the balance of trade“ (изд. 1699 г.). Переводъ былъ изданъ, но оказалось что теорія Давенанта едва ли могла выступить защитницей антисвободной политики „шляпъ“. Англійскій ученый хотя и восхищался благодѣтельными послѣдствіами внѣшней торговли, но въ тоже время онъ прямо объявлялъ глупостію окружать страну китайскою стѣною и стараться производить все въ предѣлахъ одного и того же государства. Эта энергическая (?) литературная защита правительственной политики была послѣднею вспышкою столь долго господствовавшаго въ Швеціи меркантилизма. Наступило время разочарованія! Мечты о богатствѣ Швеціи, о ея хозяйственномъ могуществѣ, сей пламенно желанной цѣли правительства, цѣли, которыя по мнѣнію главъ господствующей партіи скоро должна была быть достигнута,—были разбиты неурожаемъ 1756 г. и бѣдствіями, которыя были его послѣдствіемъ. Сорокъ лѣтъ правительство заботилось почти исключительно о промышленности и торговлѣ, о сельскомъ же хозяйствѣ оно думало только вскользь. Результатомъ явился голодъ, застой промышленности и торговли и къ всему этому прибавилось еще финансовое банкротство казны, благодаря банковой политикѣ, не уступавшей въ отношеніи энергіи и смѣлости банковымъ операціямъ Джона Ло. Въ 16 столѣтіи шведское сельское хозяйство прокармливало населеніе не только вполнѣ удовлетворительно, но и доставляло значительное количество произведеній для вывоза. Но съ того времени развитіе этой отрасли народнаго хозяйства далеко отстало отъ развитія другихъ отраслей благодаря вліянію 3 факторовъ: чрезмѣрному обложенію земледѣльческаго класса налогами, правительственной регламентаціи торговли произведеніями сельскохозяйственными и кустарной промышленности и централизаціи всей торговли въ

городахъ. Рекрутскій наборъ и содержаніе такъ назв. indelta арміи усугубили стѣсненное положеніе земледѣльческаго класса, составлявшаго 85% всего населенія Швеціи. Принужденный уплачивать, кромѣ старинныхъ оброковъ, еще налоги личные, десятину и массу налоговъ на потребленіе, пошлины въ пользу должностныхъ лицъ и наконецъ содержать солдатъ indelta арміи, крестьянинъ въ тоже время не имѣлъ возможности прилагать свой трудъ въ длинные зимніе вечера къ производству какихъ либо промышленныхъ издѣлій и продавать ихъ тамъ, гдѣ было удобнѣе или по цѣнѣ подходящей. Цехи и правительственныя таксы связывали его дѣятельность, ограничивали его заработокъ. Ему приходилось ограничиваться однимъ источникомъ дохода: обработкою поля своего, которое рѣдко составляло сплошное цѣлое, а большею частію было раздроблено на мелкіе участки, разбросанные по широкому пространству, въ предѣлахъ деревенской межи. Почва была скудная; изъ 12 мѣсяцевъ въ году только 5, или въ провинціяхъ, лежавшихъ сѣвернѣе 60° широты, только 4 составляли время, въ теченіе котораго онъ могъ заниматься своимъ хозяйствомъ". На каждые 7 лѣтъ выпадалъ одинъ полный неурожай и 3 урожая ниже средняго. Всѣ эти условія были причиною застоя шведскаго сельскаго хозяйства и сравнительно немногочисленныя мѣры правительства, принятыя для размежеванія и округленія земель, для разверстанія общинныхъ пастбищъ и лѣсовъ въ раздѣльное пользованіе, для учрежденія новыхъ поселковъ и прирѣзки казенныхъ участковъ, не были въ состояніи поднять сельское хозяйство на ступень болѣе высокую.—Такое состояніе сельскаго хозяйства отзывалось конечно пагубнымъ образомъ не только на экономическомъ бытѣ крестьянскаго сословія. Ему обязана была Швеція и неблагопріятнымъ торговымъ балансомъ, на который жаловались правительство и депутаты Сейма. Въ 1758 г. въ Швецію ввезены были 207,145 тоннъ хлѣба, 146,203 лисфунтовъ

льна и 163.681½ л. пеньки. Стоило только Россіи запретить вывозъ этихъ продуктовъ и Швеція поставлена была въ безвыходное положеніе. Прокормить населеніе собственнымъ хлѣбомъ государство не могло. Швеція страна раскинутая на нѣсколько градусовъ сѣверной широты: отдѣльныя области раздѣлены другъ отъ друга озерами, лѣсами, горами; сообщеніе трудное, на время вполнѣ прекращающееся. Плодороднѣйшія области лежатъ на крайнемъ южномъ концѣ полуострова. Шоненъ и Галландъ дѣйствительно производили болѣе, чѣмъ требовало потребленіе ихъ населенія, среднія же и сѣверныя провинціи имѣли и имѣютъ почву каменистую или болотистую и находятся въ постоянной борьбѣ съ нуждою, неурожаемъ и голодомъ. Провозъ хлѣба изъ Шонена сухимъ путемъ въ Ангерманландъ, Далекарлію, Умеолэнъ, не говоря уже о Вестерботніи, Норландіи и сѣверной Финляндіи (которая тогда далеко еще не была столь обработана, какъ въ наше время)—былъ сопряженъ съ громадными трудностями и расходами, системы каналовъ и желѣзнодорожныхъ путей въ то время не существовало. Вывозъ моремъ былъ обложенъ высокими вывозными пошлинами, съ цѣлію препятствовать обманчивому вывозу шведскаго хлѣба въ чужія страны. Депутація Сейма, обсуждавшая проэкты по вопросамъ экономіи, торговли и промышленности, пришла къ убѣжденію, что для Швеціи съ ея большими разстояніями и плохими путями сообщенія, полезно если нѣкоторыя области вывозятъ хлѣбъ, а другіе ввозятъ его свободно изъ заграницы. Она предложила уничтожить всякія запрещенія и стѣсненія вывоза земледѣльческихъ произведеній, предоставить правительству рѣшить этотъ вопросъ сообразно съ потребностями народными и имѣть въ виду измѣненія въ обиліи или недостаткѣ хлѣбовъ въ странѣ.—Это предложеніе депутаціи было явнымъ признакомъ готовившагося переворота во взглядахъ правительства и общества на цѣли, къ которымъ должна стремиться экономическая политика. Осво-

божденіе хлѣбной торговли отъ всякихъ стѣсненій было бы признано еще въ 40 годахъ 18 столѣтія безуміемъ. И теперь конечно этотъ проэктъ встрѣтилъ оппозицію въ Сеймѣ, тѣмъ болѣе, что это предложеніе совпало съ сильнымъ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, благодаря неурожаю и пониженію курса банковыхъ билетовъ. Консервативная партія одержала побѣду и предложеніе было отклонено. Только на короткое время таможенныя пошлины на привозныя земледѣльческія произведенія были упразднены. Въ качествѣ же спасительныхъ противъ дороговизны мѣръ и средствъ поощренія сельскаго хозяйства, вскорѣ были изданы законы противъ роскоши, возвышены пошлины на пшеничную и ржаную муку! Приняты мѣры къ раздѣленію общинныхъ угодій и размежеванію крестьянскихъ земель. Этими палліативными мѣрами правительство думало ограничить свою дѣятельность въ пользу сельскаго хозяйства. По отношенію же къ промышленности и торговлѣ оно осталось при прежнихъ взглядахъ относительно необходимости предписывать свыше распредѣленіе отдѣльныхъ отраслей промышленности и соблюдать какъ можно строже всѣ постановленія о цехахъ и таксахъ заработной платы. Одинъ изъ депутатовъ, Іоганъ Бунге, представилъ мнѣніе, подвергающее всѣ эти постановленія строжайшей критикѣ. Онъ заявилъ, что по его мнѣнію свобода — душа народнаго хозяйства. Политическая сила государства съ немногочисленнымъ населеніемъ, съ суровымъ климатомъ, возрастаетъ и падаетъ сообразно съ расширеніемъ или ограниченіемъ гражданской свободы. Къ Бунге примкнула группа здравомыслящихъ патріотовъ, которые открыто заявили, что вся правительственная программа — фантастическая постройка на непрочномъ фундаментѣ, что дальнѣйшее исполненіе этой программы только задерживаетъ ростъ производительныхъ силъ Швеціи.

1760 годъ былъ поворотнымъ пунктомъ отъ меркантилизма къ умеренному экономическому либерализму. При выбо-

рахъ въ Сеймъ „шляпы“ потерпѣли неудачу. Политическая программа враждебной партіи заключала въ себѣ слѣдующія начала: предпочтительная забота о земледѣліи и сельской промышленности; государственное хозяйство, основанное на бережливости, борьба съ стремленіемъ общества къ потребленію предметовъ роскоши и осторожность при пользованіи государственнымъ кредитомъ. Экономическая политика основанная на попеченіи о сельскомъ хозяйствѣ нашла себѣ сильнаго союзника. „Шляпы“ постоянно указывали на счастливую, прекрасную Францію и ея экономическую систему и изъ этой Франціи неслись вѣсти о новой „естественной“ теоріи народнаго хозяйства. Въ 1758 г. появилось сочиненіе „Maximes genérales de gouvernement économique d'un royaume agricole“. Въ качествѣ девиза на этой книгѣ было выставлено положеніе „Pauvre paysans pauvre royaume, pauvre royaume pauvre roy“ и вотъ сторонники новой политики старались доказать, что это положеніе вполнѣ примѣнимо къ Швеціи, что поощреніе торговли и промышленности на счетъ налоговъ, собираемыхъ съ крестьянъ, не только не содѣйствуетъ развитію народнаго хозяйства и обогащенію казны, а напротивъ превращаетъ все народное хозяйство Швеціи въ оранжерейное растеніе, которое подъ красивымъ цвѣткомъ скрываетъ слабые корни.— Съ конца 50 годовъ появляется рядъ сочиненій, посвященныхъ вопросу о мѣрахъ, кои могли бы содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства. Импульсомъ къ появленію этой довольно значительной литературы былъ споръ въ Сеймѣ объ ассигнованіи вывозныхъ премій на хлѣбъ изъ южныхъ провинцій. Правительство отклонило этотъ проэктъ. Споръ перешелъ въ литературу. Защитники проэкта указывали на англійское сельское хозяйство, которое, по ихъ мнѣнію, своимъ прогрессомъ было обязано именно выдачѣ вывозныхъ премій. Въ издаваемомъ Зефстрэмомъ сборникѣ „Handels bibliothek“ въ 1759 г. появились 3 разсужденія по этому предмету. Въ

самомъ замѣчательномъ изъ нихъ, озаглавленномъ „о хлѣбной торговлѣ“ проводились слѣдующія мысли.

Благопріятное развитіе хлѣбной торговли возможно только при условіи хозяйственной свободы. Ни правительство, ни органы общиннаго управленія не должны вмѣшиваться въ это дѣло. Хлѣбъ—объектъ частной торговли; казна не можетъ и не способна быть купцомъ. Въ годы урожайные Швеція въ состояніи съ избыткомъ прокормить все населеніе и тѣмъ не менѣе черезъ каждые четыре года приходится покупать за дорогую цѣну иностранный хлѣбъ. Казенные и общинные запасные магазины приносили всегда незначительную помощь. Это дѣло должно быть передано въ руки частной спекуляціи. Къ этому разсужденію примкнуло другое, напечатанное въ запискахъ Академіи наукъ (Tal om spanmalsbristens afhjelpande) въ которомъ указывалось на то, что селькое хозяйство можетъ развиваться только при условіи постепеннаго, правильнаго сбыта. Затрудненіе въ сбытѣ постоянно грозитъ земледѣльцу. Обильный урожай для него столь же опасенъ, сколь полный неурожай. Тѣже самые доводы приведены и въ анонимномъ сочиненіи „Tankar vïd spanmals prisernas undransvärde ombyte“ (1759). Авторы всѣхъ этихъ сочиненій настаиваютъ на необходимости выдачи вывозныхъ премій. Изъ узкой сферы разсужденій объ организаціи и развитіи хлѣбной торговли (мы увидимъ ниже въ ст. 3, посвященной Шведской политической экономіи въ концѣ XVIII столѣтія, что 15 лѣтъ спустя этотъ вопросъ опять всталъ на очередь и былъ рѣшенъ въ пользу свободы хлѣбной торговли)—экономическая мысль скоро перенеслась на почву болѣе богатую. Экономисты принялись за разрѣшеніе вопроса о томъ, какая организація народнаго хозяйства и поземельной собственности содѣйствуетъ росту населенія. Всѣ шведскіе экономисты были согласны въ томъ, что малонаселенность страны главное препятствіе развитію какъ сельскаго хозяйства, такъ и промышленности. Какъ помочь бѣдѣ?

Въ коренной Швеціи въ 1748 г. согласно даннымъ оффиціальной статистики жило около 2000000 душъ (813,002 мужскаго пола и 923,480 женщинъ, т. е. на каждые 1000 мущинъ приходилось 1135 женщинъ. Ежегодный прирость населенія по вычисленію табельной коммиссіи равнялся 0,55%; въ періодъ 1751—1755=1,00%, въ періодъ же 1755—1760=0,42. Приростъ мужскаго населенія послѣ несчастной сѣверной войны, истребившей 1/3 всѣхъ Шведовъ, шелъ гораздо медленнѣе прироста женщинъ и въ пятилѣтіе 1755—60 % прироста даже понизился до небывалой низкой цифры! Это явленіе испугало патріотовъ въ сеймѣ.—Уже въ 1751 г. Коммерцъ-Коллегія указала на медленность роста населенія. „Главная причина малонаселенности нашей страны, замѣтила она, это, нужно признать, наши же собственные законы, которые запрещаютъ раздѣленіе крестьянской поземельной собственности и ограничиваютъ количество членовъ каждаго хозяйства и число хозяйствъ вообще". Законы, на которые указывала Коллегія, были изданы въ 1741—43 г. Въ силу ихъ правительство ограничивало опредѣленною нормою число лицъ, имѣвшихъ право жить на одномъ крестьянскомъ дворѣ и количество прислуги, которое могъ держать у себя крестьянинъ. Соціально-экономическимъ мотивомъ было желаніе принудить крестьянскія семейства выселиться на пустолежащія земли для образованія новыхъ крестьянскихъ дворовъ. Вслѣдствіе этого закона домохозяинъ принужденъ былъ изгонять со двора своихъ же сыновей, если количество ихъ превышало количество дозволеннаго на каждомъ геймате населенія. Но такъ какъ эти несчастные батраки не имѣли достаточно средствъ для культивированія пустошей, то этотъ „ненужный" излишекъ населенія, безполезный въ Швеціи, переходилъ въ другія страны. Сеймъ 1747—1748 г.г. разрѣшилъ крестьянамъ оставлять на дворѣ всѣхъ дѣтей и допустилъ раздробленіе гейматовъ для выдѣленія участковъ въ пользу взрос-

лыхъ сыновей. Но королевскій патентъ 1747 г. ограничилъ право раздѣленія крестьянскихъ земель опредѣленною нормою и поставилъ въ условіе, чтобы то лицо, въ пользу котораго выдѣляется участокъ, непремѣнно вступало бы въ бракъ. Всѣ тѣ лица сельскаго сословія, кои не вошли въ составъ опредѣленнаго крестьянскаго хозяйства и не рѣшились колонизировать пустолежащіе казенные участки, объявляются бродягами. Всѣ эти законы и подверглись строгой критикѣ въ десятилѣтіе 1750—60 г.г.

Въ 1754 г. издано сочиненіе Карла Персона „О причинахъ малонаселенности Швеціи и о средствахъ уничтожить это зло".

Титулъ „бродяга", утверждаетъ Персонъ—вотъ главная причина малонаселенности Швеціи; законы о бродягахъ причина незначительнаго количества браковъ. Въ былое время шведскія служанки и батраки были народомъ свободнымъ и могли по своему усмотрѣнію заботиться о своей судьбѣ. Кто изъ нихъ хотѣлъ служить, тому никто въ томъ не препятствовалъ, кто не хотѣлъ поступить въ услуженіе, того никто къ тому не принуждалъ. Никто не объявлялся бродягою, коль скоро онъ уплачивалъ свои налоги. Никому не запрещалось вступать въ бракъ по достиженіи извѣстнаго возраста и заботиться усердно, прилежно и честнымъ трудомъ о своемъ хозяйствѣ. Тогда то населеніе быстро возрастало и на недостатокъ въ жителяхъ никто не жаловался. Какъ это все измѣнилось, послѣ того какъ батраковъ принуждаютъ поступать въ услуженіе или же подвергаютъ преслѣдованію подъ предлогомъ бродяжничества! Теперь количество браковъ постепенно уменьшаеся; никто изъ бѣдныхъ не женится.—Конечно понятно, что страна при такихъ условіяхъ страдаетъ отъ недостатка въ жителяхъ. Уменьшеніе же браковъ признакъ болѣзненнаго состоянія общественнаго тѣла. Несчастна та страна, въ которой немыслящія существа: ягненокъ, теленокъ или гусенокъ цѣнятся выше ребенка. У насъ, если кому либо пред-

лагаютъ животное, то онъ съ охотою принимаетъ его, а если предлагаютъ ребенка—то онъ руками отмахивается. Да будетъ дозволено нашимъ крестьянамъ—земледѣльцамъ строить на своей землѣ жилища, сколько душѣ угодно и да будетъ оказано всякое покровительство молодымъ женщинамъ, имѣющимъ много дѣтей!—За этимъ благодушнымъ, но ненаучнымъ защитникомъ соціальной свободы выступили и другіе, обсуждавшіе вопросъ съ научной точки зрѣнія. Первымъ по очереди былъ Крюгеръ. Въ рѣчи, произнесенной въ Академіи Наукъ, онъ, почти совсѣмъ освободившись отъ предразсудковъ меркантилизма, указалъ на необходимость хозяйственной свободы, какъ основнаго условія быстраго роста населенія („Tal om folksbristens orsaker verkan och hjelp“ 1758). Крюгеръ выставляетъ слѣдующее основное положеніе: „Опаснѣйшій недугъ, отъ котораго страдаетъ наше обѣднѣвшее общественное тѣло—это недостатокъ въ жителяхъ, благодаря чему недостаетъ рабочихъ рукъ въ каждой отрасли нашего начинающаго развиваться, народнаго хозяйства“. Швеція въ сравненіи съ Англіей, принимая во вниманіе объемъ ея территоріи, въ 20 разъ менѣе населенна, чѣмъ сія послѣдняя. Наши 3 (?) милліона жителей едва-ли могутъ удвоиться въ теченіи 150 лѣтъ, благодаря нашему малоразвитому народному хозяйству. Это очень печальная будущность. Мы нуждаемся покрайнѣй мѣрѣ въ 6 милліонахъ, для того чтобы сколько нибудь успѣшнымъ образомъ дѣйствовать въ главныхъ отрасляхъ нашего народнаго хозяйства. Главное препятствіе медленнаго приращенія населенія конечно немногочисленность браковъ, дѣторожденій, смертность и болѣзненность дѣтей, неурожаи, война и эмиграція. Но кромѣ того препятствіемъ нужно признать стѣснительное экономическое законодательство и тяжкіе налоги. Неурожай и голодъ обыкновенные результаты плохой системы сельскаго хозяйства. Мѣрою для развитія земледѣлія нужно признать свободу хлѣбной тор-

говли и съѣстныхъ припасовъ и поощреніе вывоза преміями. На первый взглядъ это положеніе покажется парадоксальнымъ, но болѣе глубокое экономическое мышленіе признаетъ его за истину. Эмиграція не можетъ быть запрещена, но она можетъ быть предупреждена доставленіемъ населенію новыхъ заработковъ. Но вотъ здѣсь то и начинаются затрудненія! Судьба присудила каждую малонаселенную страну къ тому, что въ ней живетъ сравнительно большое количество тунеядцевъ и для незначительныхъ сравнительно работъ нужно болѣе значительное количество рукъ, чѣмъ въ странахъ густонаселенныхъ. Обширность страны разъединяетъ жителей, затрудняетъ оборотъ цѣнностей и смѣшиваетъ города и села, если не по имени, то въ отношеніи ихъ экономической дѣятельности. Каждое отдѣльное хозяйство живетъ и трудится только ради самого себя.—Земледѣлецъ съ трудомъ и въ незначительныхъ партіяхъ сбываетъ свои произведенія, онъ работаетъ только ради поддержанія своего существованія. Его сельско-хозяйственная предпріимчивость благодаря этому угасаетъ и онъ не имѣетъ средствъ пріобрѣсти отъ городскихъ промышленниковъ то, въ чемъ онъ нуждается. Не смотря на то, что пользованіе благими послѣдствіями раздѣленія труда, по объясненію самого автора,—обусловливается естественными условіями, онъ требуетъ ввести раздѣленіе труда принудительнымъ образомъ. Правительство должно распредѣлить отдѣльныя отрасли народнаго хозяйства между крупными и мелкими городами и селами, т. е. прикрѣпить отдѣльные слои общества къ несенію такъ сказать хозяйственнаго тягла въ интересахъ развитія народнаго хозяйства и приращенія населенія! Выводъ этотъ конечно не согласуется съ исходными воззрѣніями автора.—Шведскій историкъ Арнбергъ замѣчаетъ по поводу появленія этой книги „Нужно признать, что эта маленькая работа представляетъ собою успѣхъ и прогрессъ въ понятіяхъ объ условіяхъ развитія нашего экономическаго строя“.

Выгоды раздѣленія труда и его основы ясно сознаются авторомъ. Авторъ, плѣненный старыми предразсудками и связанный своимъ положеніемъ, какъ коммисаръ-мануфактуръ конторы, не могъ или не рѣшался сдѣлать строго логическаго вывода изъ своихъ основоположеній и пришелъ къ заключенію о необходимости ввести раздѣленіе труда принудительнымъ путемъ. Но онъ всетаки ясно сознавалъ что этимъ путемъ нельзя достигнуть всѣхъ желаемыхъ результатовъ. Онъ (въ концѣ своей работы) высказываетъ мысль, что легкость пропитанія, возможность найти работу и получить соразмѣрную потраченному труду, заработную плату – первыя и коренныя условія приращенія населенія. Достиженіе этой цѣли возможно при условіи расширенія сбыта и улучшенія путей сообщенія. Хорошія пути сообщенія—главнѣйшее подспорье народнаго хозяйства и спеціально сельскаго хозяйства.

Важный вопросъ о вліяніи степени населенности на народное хозяйство побудилъ и Шеффера взяться за перо. Въ 1759 г. онъ напечаталъ свое знаменитое въ исторіи шведской политической экономіи сочиненіе „Мысли о вліяніи нравовъ на количество населенія“ (Tankar om sedernas inverkan pa folkmangden).

Шефферъ прямо высказываетъ, что онъ свою работу написалъ подъ вліяніемъ сочиненія Мирабо „L'ami des hommes ou traité sur la population“. Дѣйсвптельно „Мысли“ ясное отраженіе положеній физіократовъ. Его исходное положеніе: „свобода и собственность прирожденныя права человѣка“. Эти права должны быть свято соблюдены каждымъ государствомъ. Изъ этихъ основныхъ правъ вытекаетъ право на свободное приложеніе своего труда и право на свободный сбытъ, какъ conditiones sine qua non развитія народнаго хозяйства. Земледѣліе если не исключительно производительное, то по крайнѣй мѣрѣ, наиболѣе производительное занятіе. Количество населенія и его приращеніе зависитъ исключительно отъ состо-

янія земледѣлія. „Количество народонаселенія зависитъ отъ легкости пропитанія и въ этомъ отношеніи человѣчество подвержено такому же непреложному закону какъ и царство животныхъ. Если мы видимъ, что число овецъ превышаетъ число волковъ, не смотря на большую плодовитость волковъ,—то это обьясняется тѣмъ, что средства пропитанія, необходимыя овцамъ, даны въ большомъ изобиліи, чѣмъ тѣ, которыхъ требуютъ волки. Изъ всѣхъ отраслей народнаго хозяйства земледѣліе наиболѣе важное, такъ какъ отъ его процвѣтанія зависитъ жизнь человѣчества. Пренебрегать земледѣліемъ, тоже что препятствовать приращенію населенія. Съ другой стороны, въ странахъ, гдѣ живетъ большое количество людей, тамъ земледѣліе процвѣтаетъ, тамъ человѣческій трудъ первѣйшій факторъ производства и чѣмъ болѣе труда вложено въ землю, тѣмъ она плодороднѣе. Тамъ гдѣ нравы сохранили еще свою простоту и чистоту, тамъ гдѣ свобода, бережливость и справедливость царствуютъ, тамъ господствуетъ и любовь къ сельскому хозяйству и земледѣлію, тамъ растетъ населеніе, тамъ растетъ и богатство народное. Свобода труда и свобода сбыта главнѣйшія условія производства и стремленіе правительства, направленное къ ограниченію этой свободы, превращаетъ страну въ пустыню, дѣлаетъ почву скудною, такъ что силы ея питаютъ только червей. Чѣмъ бо̀льшая свобода допущена при распредѣленіи поземельной собственности, тѣмъ лучше для государства. Количество браковъ и рожденій прямо пропорціонально колитеству мелкихъ собственниковъ. „Строгое опредѣленіе понятій мое и твое, т. е. прочность права собственности, источникъ народнаго культурнаго развитія“. Конечно, говоритъ Шефферъ,—не количество населенія само по себѣ составляетъ силу государства. Но истинный источникъ силы трудолюбіе населенія. Энергія труда результатъ нравственнаго развитія народа. Такъ какъ земля и трудъ человѣческій первостатейные факторы производства, то и ихъ соотношенія должны быть

свободны. Если же правительство думаетъ, что можно особыми мѣрами регламентаціи поддерживать и направлять развитіе народнаго хозяйства, то оно ошибается. Его вмѣшательство препятствуетъ естественному развитію народныхъ нравовъ и естественному приложенію народнаго труда.—Шефферъ благодаря своимъ путешествіямъ имѣлъ возможность познакомиться съ французской экономической литературою, но сочиненія Кенэ и его послѣдователей стали извѣстны Шведской мыслящей публикѣ въ оригиналѣ только въ концѣ 60-хъ годовъ, такъ что широкое распространеніе такъ назв. физіократическихъ идей въ Швеціи нельзя приписать исключительно или преимущественно вліянію французскому. Мы вправѣ сказать что мысли шведскихъ экономистовъ были оригинальными мыслями, а не подражаніемъ иностраннымъ образцамъ. Эта оригинальность доказывается тѣмъ, что мы не встрѣчаемъ въ Швеціи ни одного экономическаго сочиненія, которое бы развивало физіократическія идеи до крайности. Между тѣмъ подражательная литература отличается обыкновенно фанатическою защитою воспринятыхъ идей и одностороннимъ осужденіемъ всѣхъ идей, не входящихъ въ узкую рамку возлюбленной теоріи. Самые крайніе принципы физіократизма были высказаны и развиты не во Франціи, а нѣмецкими послѣдователями Кенэ, начиная съ Карла Фридриха Баденскаго и кончая Карломъ Арндтомъ. Шведскіе экономисты напротивъ развивая мысль о преимущественномъ значеніи земли, какъ первостепенномъ факторѣ производства, слишкомъ хорошо были знакомы съ условіями развитія своего отечественнаго народнаго хозяйства, чтобы не замѣтить, что трудъ человѣческій равностепенный землѣ двигатель хозяйственнаго прогресса.

Шведскій народъ—народъ крестьянъ и ученые Швеціи знали, что тотъ хлѣбъ, который они ѣдятъ, не свободный, добровольный даръ скудной почвы, а даръ вынужденный у этой почвы неусыпнымъ трудомъ крестьянъ, очищавшихъ лѣ-

са подъ пашни и въ потѣ лицъ своихъ стаскивавшихъ камни, ломавшіе ихъ плугъ и соху. Они сознавали далѣе, что шведское народное хозяйство, не смотря на всѣ усилія правительства,—не можетъ быть самодовлѣющею единицею, что Швеція всегда нуждалась и будетъ нуждаться въ произведеніяхъ другихъ странъ, что за эти произведенія она не можетъ платить золотомъ и серебромъ, которыя въ незначительномъ количествѣ встрѣчались въ ея рудникахъ, а тѣми цѣнностями, которыми столь богато одарила Швецію природа: мѣдью, желѣзомъ, лѣсомъ. Эти произведенія требовали сбыта, новыхъ рынковъ. Отъ легкости сбыта зависѣло благосостояніе 300000 горныхъ рабочихъ и мореходцевъ. Швеція имѣла мало крупныхъ городовъ, но вдоль длиннаго морскаго берега лежалъ рядъ мелкихъ городскихъ поселеній, начиная съ Марштранда и кончая городками Финляндіи, скрывавшимися въ глубинѣ шхернаго лабиринта. Торговля, свободная торговля на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ, была жизненнымъ элементомъ этихъ мелкихъ, кипящихъ дѣловою жизнью, гаваней. Но нелѣпая правительственная политика втиснула эти города въ безсмысленную классификацію штапельныхъ, внутренно-торговыхъ и неторговыхъ городовъ, дозволила заниматься вывозною и ввозною торговлею только штапельнымъ городамъ и присуждала второй и третій классъ къ внутренней торговлѣ и каботажному судоходству подрывая этимъ корень ихъ существованія. Давно эти обиженные города начали борьбу за пріобрѣтеніе своихъ естественныхъ правъ, но всѣ ихъ петиціи и требованія встрѣчали отпоръ въ Сеймѣ, благодаря вліянію крупныхъ Штокгольмскихъ и Готенбургскихъ фирмъ. Свѣжій воздухъ экономическаго либерализма ворвался и въ старинное зданіе торговой политики. Въ 1763 году Олафъ Рунебергъ, шведскій Гурнэ, издалъ свое сочиненіе „Undersökning om vara näringar äro Komma till en mot folkstoken svarande höjd“ и выставилъ положеніе, что свободная конкуренція жизненный принципъ торговли.

Тотъ же самый законъ, говоритъ Рунебергъ, который управляетъ жизнью частныхъ лицъ и ихъ взаимноотношеніями, а именно „благосостояніе каждаго обусловлено тѣмъ, чтобы онъ не противодѣйствовалъ благу своихъ ближнихъ“ — управляетъ и международными экономическими отношеніями. Каждая страна имѣетъ свои природныя преимущества, и та страна, которая не желаетъ подѣлиться ими съ своими сосѣдями, вскорѣ получаетъ заслуженное возмездіе за свою жадность. Рунебергъ подвергаетъ строгой критикѣ всю торговую политику Швеціи, указываетъ на нелѣпость указанной выше классификаціи городовъ и ограниченіе ихъ торговыхъ правъ и старается убѣдить правительство въ необходимости вступить на путь разума и свободы.

Въ 1763 г. Шведская Академія наукъ назначила въ качествѣ задачи на академическую премію: обсужденіе и по возможности рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ причина постоянно возраставшей эмиграціи и какими средствами можно остановить эмиграціонное движеніе. По указаніямъ оффиціальной статистики ежегодное количество эмигрантовъ простиралось до 8000 душъ. Въ академію представлено было 28 работъ по этому вопросу. Лучшимъ и достойнымъ преміи былъ признанъ отвѣтъ извѣстнаго намъ экономиста Крюгера. Почетный отзывъ былъ присужденъ шведскому историку А. Шенбергу. Въ числѣ отвѣтовъ находился и отвѣтъ финляндскаго священника Андерса Хиденіуса, но трудъ этого лучшаго изъ всѣхъ шведскихъ экономистовъ, признанъ неудовлетворительнымъ! Объ отвѣтѣ Хиденіуса рѣчь будетъ ниже.—Крюгеръ объяснилъ эмиграціонное движеніе хозяйственными затрудненіями подъ гнетомъ которыхъ страдалъ народъ и указывалъ на необходимость допущенія хозяйственной свободы въ сферѣ сельскаго хозяйства. Что же касается городовъ и сосредоточенной въ нихъ торговли и промышленности, то слѣдовало сохранить старую систему регламентаціи и опеки. Шенбергъ объяснилъ прира-

щенія числа эмигрантовъ просто прихотями и неусидчивостью народа. Въ строѣ шведской экономической жизни по его мнѣнію не было поводовъ къ неудовольствію.

Въ защиту умѣренной правительственной регламентаціи и съ цѣлію опроверженія все болѣе распространяющагося въ Швеціи физіократизма, Крюгеръ въ 1765 году издалъ свой разговоръ между фабричнымъ рабочимъ и земледѣльцемъ (съ продолженіями). Его поддерживали C. V. Rosenadler въ сочиненіи „Om de näringsmedel som synas kräftigast kunna verka pä faderneslandets förcofran" (1768) и Христирнъ въ трактатѣ „О преимущественномъ значеніи торговли сравнительно съ земледѣліемъ". Но въ литературѣ и отчасти въ практической жизни, въ политикѣ внутренняго управленія „естественная теорія" народнаго хозяйства одержала побѣду и главнѣйшимъ виновникомъ этого успѣшнаго для экономическаго либерализма исхода борьбы нужно признать Андерса Хиденіуса, къ сочиненіямъ котораго мы теперь обратимся.

III.

Андерсъ Хиденіусъ[3]) родился въ 1729 г. въ мѣстечкѣ Зоткамо въ Финляндіи и окончилъ съ успѣхомъ курсъ богословія и философіи въ университетѣ въ Або. Здѣсь онъ пріобрелъ степень магистра философіи. Затѣмъ онъ занималъ должность пастора-адъюнкта въ приходѣ Недеръ-Ветиль близь Гамла-Карлебю и въ 1770 г. получилъ въ этомъ городѣ мѣсто пастора. Въ царствованіе Густафа III онъ былъ произведенъ въ степень пробста (т. е. благочиннаго) и былъ награжденъ степенью доктора богословія. Хиденіусъ скончался въ 1803 г.

---

[3]) Полное собраніе его сочиненій издано профессоромъ Гельзингфорскаго Университета E. G. Palmén 1877—80. Спеціально изученію теоріи Хиденіуса посвящено сочиненіе Axel Lille подъ заглавіемъ „A. Хиденіуса и его отношеніе къ современнымъ ему экономистамъ" 1882 г.

Его біографы хвалятъ въ немъ многосторонность его способностей. Какъ священникъ онъ былъ краснорѣчивъ и остроуменъ; въ тоже время онъ былъ искуснымъ врачемъ—самоучкой, предпріимчивымъ и счастливымъ сельскимъ хозяиномъ. Сочиненія его доказываютъ, что онъ обладалъ высокими литературными способностями: красота слога, ясность изложенія и горячая любовь къ истинѣ, ко всему человѣчеству—вотъ характеристическія черты его трудовъ. Шведскій историкъ Шенбергъ называетъ его шведскимъ Руссо, а историкъ Арнбергъ утверждаетъ, что онъ былъ самымъ замѣчательнымъ предшественникомъ А. Смита и во многихъ отношеніяхъ не уступалъ ему въ ясности экономическаго мышленія и въ остроумномъ объясненіи явленій хозяйственной жизни. Въ качествѣ одного изъ представителей духовнаго сословія Хиденіусъ засѣдалъ въ Сеймѣ 1765 г. Когда Академія наукъ въ 1763 г. назначила указанную выше тему для соисканія академической преміи, Хиденіусъ представилъ ей пространное разсужденіе. Но его работа не была удостоена награды. Тогда онъ напечаталъ ее на собственный счетъ и посвятилъ ее Сейму. Господствующею на этомъ Сеймѣ партіею была партія „шапокъ“, которой уже въ 1760 году удалось поколебать господство защитниковъ меркантилизма и которая въ 1765 году одержала рѣшительную побѣду. Она повернула всю политику внутренняго управленія прямо въ противоположную сторону, т. е. отъ расточительнаго покровительства промышленности и торговли перешла къ устраненію всякихъ казенныхъ субсидій этимъ дотолѣ столь лелѣяннымъ отраслямъ народнаго хозяйства.

Въ своей работѣ Хиденіусъ исходитъ изъ того основнаго воззрѣнія, что провидѣніе вложило въ душу человѣка неусыпное стремленіе къ улучшенію своего хозяйственнаго положенія. Эта основная потребность—импульсъ всѣхъ хозяйственныхъ усилій. Такъ какъ человѣкъ всѣми влеченіями своего

сердца привязанъ къ своему отечеству, то только черезъ чуръ тяжелыя для него обстоятельства въ состояніи заставить его покинуть родину. Главная же причина этого разрыва съ родиной заключается въ отсутствіи достаточной свободы для удовлетворенія природной потребности въ развитіи всѣхъ экономическихъ силъ человѣка. Нужно добросовѣстно обсудить вопросъ существуютъ-ли дѣйствительно таковыя препятствія, такъ какъ замѣчательно то, что даже одно воображеніе ихъ наличности достаточно вселитъ постоянное неудовольствіе въ сердцахъ народа. Что касается принужденія и ограниченія свободы въ земледѣліи, то таковыя встрѣчаются въ такихъ разнообразныхъ формахъ, что дѣйствительно изумительно, какимъ образомъ эта отрасль народнаго хозяйства достигла той скромной ступени совершенства, на которой она находится.

Препятствіями благопріятному развитію сельской промышленности онъ считаетъ: чрезполосность участковъ, неудовлетворительное размежеваніе земель, не обезпеченность владѣнія землею, плохія пути сообщенія, которыя становятся еще хуже благодаря тому, что земледѣлецъ не имѣетъ права предлагать свой трудъ и произведенія своего труда и своей земли, тамъ и тогда, гдѣ и какъ ему угодно; законы, которыя препятствуютъ простонародію жить на одномъ гейматѣ въ томъ количествѣ, въ которомъ оно желаетъ, которые не допускаютъ принимать къ себѣ безпрепятственно батраковъ и прислугу или заводить новые поселки и отводить мелкіе участки безземельнымъ крестьянамъ. — Далѣе препятствіями прогресса народнаго хозяйства слѣдуетъ признать: внутреннія таможенныя пошлины, излишнее количество непроизводительныхъ потребителей, массу чиновниковъ, членовъ коммиссій и депутацій, которые выдумываютъ разные уставы и законы для ограниченія хозяйственной свободы, цехи, привиллегіи, монополіи, запретительную таможенную политику, стапельное право крупныхъ городовъ, медленность въ судопроизводствѣ, (при-

чина непрочности права собственности), шаткую денежную систему, стоющую народу милліоны и наконецъ нарушеніе политической свободы — свободы слова и убѣжденій.

Вотъ причины, почему шведскій народъ покидаетъ свое отечество. Человѣкъ рожденъ для свободной жизни. Если онъ не находитъ свободы у себя дома, онъ идетъ отыскивать ее въ чужихъ странахъ. Это сочиненіе Хиденіуса было полнымъ осужденіемъ вѣковой дѣятельности шведскаго правительства. Понятно что даже партійное правительство шапокъ, не смотря на свой либерализмъ, не совсѣмъ было довольно этимъ черезчуръ откровеннымъ протестантомъ! Вскорѣ оно дало почувствовать это свое неудовольствіе самому Хиденіусу. Когда Сеймъ постановилъ искусственнымъ образомъ поднять курсъ банковыхъ билетовъ, а потомъ допустить размѣнъ по нарицательной цѣнѣ — Хиденіусъ выступилъ оппонентомъ противъ этой мѣры.

Онъ напечаталъ разсужденіе „Какъ помочь государству введеніемъ естественной финансовой системы? (1765 г.). Онъ старается доказать, что искусственныя мѣры для поднятія кредита государства — приводятъ къ абсурду. За эту смѣлую критику ему былъ сдѣланъ выговоръ и онъ былъ исключенъ изъ сейма! То было отвѣтомъ новыхъ либераловъ на требованіе свободы мысли и слова. Хиденіусъ не испугался гнѣва правительства и рѣшилъ разрѣшить вопросъ „Какимъ путемъ дѣло дошло до того, что Шведскій народъ безъ войны и чумы сдѣлался народомъ бѣднымъ, безъ свободы торговли превратился въ коммиссіонера иностранныхъ купцовъ, безъ неурожая — голоднымъ и не смотря на богатые мѣдные рудники терпящимъ нужду въ звонкой монетѣ“? Отвѣтъ на эти вопросы данъ въ сочиненіи его „Источникъ бѣдности государства“ (Källau till rikets Vanmagt). Критика его направлена преимущественно противъ „фундамента“ шведской торговой системы 18 столѣтія, такъ наз. „Product-Placat“. Сей знамени-

тый плакатъ, какъ сказано выше, былъ изданъ въ 1724 г. Въ силу этого закона иностраннымъ судамъ запрещалось ввозить другія произведенія, кромѣ тѣхъ, которыя добываются въ странѣ, подъ флагомъ которой плаваетъ судно. Всѣ суда построенныя въ Швеціи и командуемыя шведами, получили льготу въ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ. Этотъ законъ былъ составленъ въ подражаніе акта о мореплаваніи Кромвеля, передавшаго монополію мореплаванія великобританскимъ кораблямъ и матросамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ безусловнымъ запрещеніемъ, а въ другихъ благодаря высокимъ пошлинамъ съ иностранныхъ судовъ. Можно представить себѣ, говоритъ Хиденіусъ, какое вліяніе долженъ имѣть этотъ законъ, если сопоставить принципы, на которыхъ онъ построенъ, съ основными принципами экономической науки. Таковыми основными принципами слѣдуетъ признать: 1) что цѣна на товары зависитъ отъ количества спроса на него 2) что тотъ товаръ продается дешевле, который предлагается, чѣмъ тотъ который требуется. Этотъ плакатъ несомнѣнно вытѣснилъ голландцевъ и англичанъ изъ щведскихъ портовъ, такъ какъ они могли ввозить только произведенія своей страны. Но кто же пострадалъ отъ этого? Шведы! Напримѣръ: Голландцы и Англичане не ввозятъ болѣе къ намъ соли, которая привозилась ими прежде въ качествѣ баласта. Благодаря этому уменьшается и число покупателей нашихъ обыкновенныхъ отпускныхъ товаровъ. Цѣна на эти товары падаетъ, а иностранцы возвышаютъ цѣны на свои привозные товары, чтобы вознаградить себя за убытокъ при перегрузкѣ. Кромѣ того шведскіе мелкіе торговые города, не имѣющіе собственныхъ судовъ для плаванія внѣ Балтійскаго моря, становятся въ безусловную зависимость отъ крупныхъ торговыхъ фирмъ. Ввозъ и вывозъ переходитъ всецѣло въ руки монополистовъ. Шведскія произведенія, особенно желѣзо, понижаются въ цѣнѣ въ ущербъ туземному производству, цѣны же на безусловно необходимыя

произведенія, на соль и хлѣбъ, повышаются. Это небольшое сочиненіе Хиденіуса взволновало всѣхъ шведскихъ экономиссовъ и образованную публику. Умѣренныя нападки на промышленно-торговую политику въ сочиненіяхъ Шеффера, Норденкранца, Рунеберга принимались публикою довольно благосклонно. Но такое валовое осужденіе всѣхъ политическихъ принциповъ, освященныхъ 100 лѣтнею практикою и притомъ со стороны незнатнаго человѣка, простаго финскаго священника, казалось черезъ-чуръ уже смѣлымъ. Появилась цѣлая литература отвѣтныхъ разсужденій, которыя всѣ или старались опровергнуть принципіальные революціонные положенія автора, или же выставить его, какъ человѣка, который ради эгоистическихъ интересовъ, кривитъ совѣстью и пишетъ то, во что самъ не вѣритъ. Самые замѣчательные изъ этихъ отвѣтовъ слѣдующіе: „Подробное опроверженіе сочиненія" „Источники государственнаго безсилія, въ письмѣ къ другу" и „Испытаніе чистоты источника". То и другое разсужденіе появилось въ 1765 г. Новаго—анонимные авторы этихъ сочиненій ничего не высказали, они повторяли старые доводы о необходимости полной торговой и промышленной самобытности. Но по крайней мѣрѣ эти два писателя сохранили въ своихъ трактатахъ тонъ приличія и по сему Хиденіусъ счелъ возможнымъ дать имъ отвѣтъ. Онъ написалъ подробный отвѣтъ („Omständeligt svar pä den genom trycket utkomne vederlägning af skriften, kallad: Kållan till rikets vanmagt jemte anmarkningar öfver de vid samma Källan anställda vattenprof"). Авторъ пользуется случаемъ, чтобы разъяснить публикѣ свои положенія. Каждое государство, говоритъ онъ, одарено природою индивидуально-различными экономическими силами. Ни одна страна не владѣетъ всѣмъ, что нужно для удовлетворенія ея потребностей.

Всѣ народы обязаны помогать другъ другу въ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей. Вотъ коренной и естествен-

ный законъ торговли. Только та страна богата, которая не ограничиваетъ свободы торговли. Много толкуютъ о національной прибыли, которая якобы получается вытѣсненіемъ иностранцевъ и самоудовлетвореніемъ хозяйственнымъ. Но это понятіе національной прибыли весьма и весьма неясно. Предполагаютъ, что чѣмъ болѣе промысловъ существуетъ въ странѣ, тѣмъ болѣе возрастаетъ народный доходъ. И если какое либо производство требуетъ 1000 далеровъ издержекъ а даетъ доходу—100 далеровъ, то полагаютъ что эти 100 далеровъ—доходъ народа. Какъ нелѣпо! Нужно же наконецъ понять, что національная прибыль заключается въ увеличеніи суммы произведеній и умноженіи ихъ цѣнности. А посему слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы въ государствѣ существовали тѣ отрасли промышленности, которыя даютъ произведенія высокой цѣнности, т. е. цѣна которыхъ превышаетъ издержки производства. Много толкуютъ также о независимости торговли и думаютъ что сія независмость состоитъ въ томъ, чтобы Швеція сама вввозила и вывозила бы всѣ товары. Истинная коммерческая независимость состоитъ въ легкомъ, удобномъ и обезпеченномъ сбытѣ произведеній. Естественная цѣна товаровъ не зависитъ отъ таксы Коммерцъ-Коллегіи. Она опредѣляется издержками производства, стоимостью фрахтовъ и предпринимательской прибылью. Къ этой естественной нормѣ стремятся всѣ товарныя цѣны. Всякая регламентація—покушеніе на этотъ естественный процессъ жизни хозяйственной. Эти положенія развиты въ послѣднемъ сочиненіи Хиденіуса—въ посвященномъ Сеймѣ трактатѣ „о народномъ доходѣ“. Здѣсь онъ повторяетъ отчасти то, что высказано имъ въ предыдущихъ трудахъ, но кромѣ того мы встрѣчаемъ и новыя идеи, вполнѣ согласныя съ идеями А. Смита. Подобно тому какъ этотъ „отецъ“ политической экономіи считаетъ сильнѣйшими двигателями хозяйственнаго прогресса—self-interest и industry, такъ и Хиденіусъ въ основу своей тео-

ріи кладетъ положеніе, что хозяйственный эгоизмъ и предпріимчивость личности принуждаютъ каждаго человѣка выбрать ту отрасль экономической дѣятельности, которая всѣхъ болѣе соотвѣтствуетъ его силамъ и способностямъ, и что при обезпеченіи свободы выбора занятій, обезпечена какъ хозяйственная выгода индивида, такъ и общая выгода всякой націи. Роль государства въ строѣ народнаго хозяйства должна быть ограничена охраною хозяйственной дѣятельности въ границахъ правоваго порядка. Что же касается международныхъ хозяйственныхъ сношеній, то выгода всѣхъ націй зависитъ не отъ борьбы, а отъ мирнаго обмѣна произведеній.

Всѣ націи стремятся къ одной общей цѣли, какъ въ политической, такъ и въ экономической своей дѣятельности, но всѣ онѣ избираютъ различные пути. Большею частію онѣ стрѣмятся задѣть другъ друга, заградить другъ другу дорогу, между тѣмъ путь достаточно широкъ для мирныхъ состязаній. Откуда это заблужденіе. Причина та, что суда націй плывутъ по указанію невѣрнаго компаса, по указанію невѣрныхъ экономическихъ теорій о природѣ и источникахъ народнаго дохода.—Въ чемъ состоитъ народный доходъ? Хиденіусъ признаетъ что прибыль или убытокъ народнаго хозяйства зависитъ отъ баланса вывоза и ввоза. Но если это положеніе вѣрно, то всѣ дальнѣйшія выводы старой школы невѣрны.

Выгоднымъ балансъ можетъ быть только тогда, когда цѣнность вывезенныхъ товаровъ превышаетъ издержки ихъ производства. Только при этомъ условіи торговый балансъ можетъ быть выгоднымъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Эта цѣль доступна только тогда, когда каждому индивиду предоставленъ свободный выборъ занятій. Нелѣпо и опасно если государственная власть путемъ привиллегій, монополій и премій отвлекаетъ трудъ народа отъ выгодныхъ предпріятій къ убыточнымъ. Преміи на производство и преміи на вывозъ— прямой убытокъ для народнаго хозяйства. Ни одинъ прави-

тель не способенъ заранѣе и навсегда опредѣлить, какая отрасль промышленности выгодна, какая убыточна. Это зависитъ отъ неуловимыхъ хозяйственныхъ коньюнктуръ, за которыми слѣдить можетъ только предприниматель. Дайте свободу народу, а онъ дастъ государству доходъ! Мы жалуемся на недостатокъ въ гражданахъ, и изгоняемъ гражданъ нелѣпыми законами; мы желаемъ поощрять промышленность и мѣшаемъ усердному труженику кормиться своимъ трудомъ; мы желаемъ благосостоянія народнаго и запрещаемъ цѣлымъ областямъ покупать себѣ хлѣбъ, мы жалуемся на невыгодный балансъ, и не допускаемъ народъ къ вывозу его произведеденій, мы желаемъ расширить внѣшнюю торговлю, и ограничиваемъ ее, давая монополіи не многимъ лицамъ и городамъ, мы наконецъ желаемъ умноженія народнаго дохода и прикрѣпляемъ работника къ промысламъ, не дающимъ ему ни воды ни хлѣба!

Таковы главныя экономическія идеи Хиденіуса. Его конечно нельзя ставить на одну доску съ А. Смитомъ, какъ то дѣлали нѣкоторые изъ шведскихъ ученыхъ—патріотовъ. Его ученіе не обнимаетъ всѣхъ сторонъ народнаго хозяйства и даже не исчерпываетъ затронутыхъ отраслей. Нѣтъ у него яснаго опредѣленія понятій капитала, цѣнности, цѣны и т. д. Онъ все то чувствуетъ, что экономисты Англіи и Франціи, Германіи и Италіи ясно понимали—но ему не удается создать полной системы экономическаго ученія. Идеи экономистовъ Швеціи были оригинальны, не были подражаніемъ чужестраннымъ ученіямъ, но системъ науки имъ создать неудалось. Только по изученіи французскихъ и нѣмецкихъ литературъ появляются систематическіе труды и то въ ограниченномъ количествѣ. Только съ 70 и 80 г.г. нашего столѣтія систематическая литература обогащается крупными трудами.

Новыя идеи нашли въ шведской литературѣ 1760—1772 годовъ не малое количество сторонниковъ. Мы не входимъ въ

разборъ сочиненій послѣдователей Хиденіуса, ограничивавшихся разъясненіями и популяризаціей его положеній. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ: (анонимное) „Безпристрастныя размышленія о настоящемъ положеніи Швеціи“ 1765 г., „Мысли о расточительности и роскоши“ (1765), „Инструкція молодому Полэту“ (1765) и „Отвѣтъ молодому Полэту о свободѣ торговой и ремесленной“. (Діалоги между защитниками старины и представителями новыхъ идей были самою любимою формою, въ которой писались экономическія книги, предназначенныя для болѣе многочисленной публики); Брункмана „Балансъ шведскаго хозяйства“ и наконецъ рѣчи и разсужденія Вестермана (Лиліенкранца) „Om svenska näringarnes undervigt genom en tröggare arbets drift“ и „Трактатъ о шведской внѣшней торговлѣ“. На ученіи Лиліенкранца мы остановимся въ слѣдующей статьѣ, которую мы посвятимъ разсмотрѣнію тѣхъ шведскихъ сочиненій, которыя преимущественно обсуждаютъ строй денежнаго обращенія, ученіе о кредитѣ и банковую политику.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8	13 снизу	„И идеи ихъ осуществлены были въ жизни	и идеи ихъ осуществлены были въ жизни.—
19	10 сверху	полѣзнее	полезнѣе
32	11 „	утверждаетъ	утверждаетъ,
32	15 „	убѣждено	убѣждено,
32	въ примѣчаніи	вытекающая отсюда необходимость	вытекающей отсюда необходимости
34	11 снизу	колпчествомь	количествомъ
35	8 сверху	организацій	организаціи
40	12 „	примирѣнія	примиренія

ОБЪ
ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ
ПО РИМСКОМУ ПРАВУ.

Н. Суворова,

Ординарнаго профессора церковнаго права въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая это изслѣдованіе объ юридическихъ лицахъ по римскому праву, я дѣлаю посильный вкладъ въ науку, которую мнѣ пришлось преподавать, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, сверхъ преподаванія церковнаго права въ томъ же Лицеѣ. Выборъ предмета для моего изслѣдованія опредѣлился главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, при изложеніи церковнаго права, я имѣлъ случай убѣдиться въ чрезвычайной важности ученія объ юридическихъ лицахъ для научно-юридической конструкціи ученія о церковномъ имуществѣ. Трудъ мой состоялъ въ томъ, что я, оріентировавшись по возможности въ литературѣ спеціальнаго вопроса, выработалъ себѣ извѣстное представленіе о ходѣ историческаго развитія ученія объ юридическихъ лицахъ въ западно-европейской юриспруденціи и затѣмъ изложилъ это ученіе по тѣмъ рубрикамъ, по которымъ принято излагать его въ учебникахъ и руководствахъ романистами и цивилистами. Изъ сказаннаго объясняется порядокъ изложенія въ моемъ изслѣдованіи. Западно-европейская юриспруденція, начиная съ среднихъ вѣковъ, много работала надъ ученіемъ объ юридическихъ лицахъ, принимая за отправный пунктъ для себя воззрѣнія римской юриспруденціи, но въ тоже время не упуская изъ вида и новыхъ юридическихъ формацій въ государственной и въ церковной жизни, неизвѣстныхъ римскому міру. Разнообразіе взглядовъ въ новѣйшей германской литературѣ дошло до признанія безсубъектнаго имущества и даже до полнаго отрицанія юридическихъ лицъ, которымъ напр. Больце пропѣлъ похоронную пѣснь, съ тѣмъ чтобы окончательно уложить ихъ на покой вмѣстѣ съ мертвецами, причемъ именно сослался на римское право, говоря, что какъ римляне не знали никакихъ юридическихъ лицъ, такъ

и мы не имѣемъ въ нихъ никакой надобности. Это послѣднее обстоятельство побудило меня прослѣдить кратко литературную исторію вопроса, и въ особенности что касается самого понятія и существа юридическихъ лицъ, что̀ и составило первую главу моего изслѣдованія. Такимъ образомъ въ этой главѣ я необходимо долженъ былъ выступить изъ предѣловъ, указываемыхъ воззрѣніями римской юриспруденціи и положеніями римскаго права. Понятіе объ юридическихъ лицахъ не есть одно изъ тѣхъ понятій, которыя въ римской юриспруденціи получили законченное развитіе и точно формулированное выраженіе. Даже самый терминъ: „юридическія лица“ былъ неизвѣстенъ римскимъ юристамъ, между которыми притомъ существовали контроверсы по важнѣйшимъ пунктамъ этого ученія, оставшіяся непримиренными и невыясненными и въ кодификаціи императора Юстиніана. Слѣдовательно для всякой попытки выяснить понятіе юридическихъ лицъ римское право не можетъ имѣть значенія послѣдняго слова, а служитъ лишь отправнымъ пунктомъ для воззрѣній позднѣйшей юриспруденціи. Напротивъ въ дальнѣйшихъ главахъ моего изслѣдованія: о видахъ юридическихъ лицъ, о возникновеніи, правоспособности и дѣеспособности, о прекращеніи юридическихъ лицъ, не чувствовалось надобности сходить съ почвы римскаго права, хотя и тутъ оказалось необходимымъ въ большей или меньшей степени принимать въ соображеніе взгляды не только римской, но и позднѣйшей юриспруденціи. Во всякомъ случаѣ изложеніе какого-либо другаго положительнаго права, кромѣ римскаго, не входило въ кругъ задачъ предлагаемаго изслѣдованія.

Н. С.

Важнѣйшія литературныя пособія, къ которымъ я обращался въ моемъ изслѣдованіи объ юридическихъ лицахъ, суть:

Dirksen, Civilistische Abhandlungen, Berlin, 1820. № 1. Historische Bemerkungen über den Zustand der juristischen Personen nach römischem Rechte.

Kierulf, Theorie des gemeinen Civilrechts, Altona, 1839. S. 129—153.

Savigny, System des heutigen römischen Rechts, Berl., 1840. B. II, S. 235—373

Рецензія *Пухты* въ Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft, B. VII, 1840. *Его-же* статья: „Corporationen" въ Weiske's Rechtslexicon, B. III.

Pfeifer, Die Lehre von den juristischen Personen nach gemeinem und würtembergischem Rechte, Tübingen, 1847.

Mommsen, De collegiis et sodalitiis romanorum, Kiliae, 1843.

Roesler, Die rechtliche Natur des Vermögens der Handesgesellschaften nach römischem Rechte (Goldschmidt's Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht, B IV).

Salkowski, Bemerkungen zur Lehre von den juristischen Personen, Leipzig, 1863.

Рецензія *Лабанда* въ Goldschmidt's Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht, B VII.

Kuntze, Princip und System des Handelsgesellschaften (въ VI томѣ того-же изданія).

Schmidt, Ueber die sogenannten Genossenschaften (Archiv f. civilistische Praxis, B. XXXVI, 1853).

Mommsen, Römisches Staatsrecht, B. I. 1871.

Marquardt, Römische Staatsverwaltung B—de I—III. 1873—1878.

Max Cohn, Zum römischen Vereinsrecht, Berlin, 1873.

Laband, Beiträge zur Dogmatik der Handelsgesellschaften (Zeitschr. f. d. gesammte Handelsr. XXX).

Jhering, Die Lehre von der hereditas jacens въ его Abhandlungen aus dem röm. Rechte, Leipzig, 1844.

Его-же, Geist des römischen Rechts auf verschiedenen Stufen seiner Entwickelung, III § 61. Leipz., 1888.

Его-же, Zweck im Recht, I, Leipzig, 1877, S 279 sqq. 460 sqq.

Его-же, Passive Wirkungen der Rechte (Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts, B. XII).

Scheurl, Die Erbschaft vor, in und nach ihrem Uebergang an den Erben (въ его Beiträge zur Bearbeitungen des römischen Rechts, Erlangen, 1853).

Koeppen, Die Erbschaft, Berlin, 1856.

Windscheid, Die ruhende Erbschaft und die vermögensrechtliche Persönlichkeit (въ Kritische Ueberschau der deutschen Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, B. I).

Glück-Mühlenbruch, Commentar, B—de XXXIX—XL: „De heredibus instituendis“.

Roth, Ueber Stiftungen (въ Jahrbüch. f. die Dogmatik des heut. röm. und deutsch. Privatrechts, B. I).

Brinz, Lehrbuch der Pandekten, Erlangen, 1873. §§ 59—62.

Unger, Zur Lehre von den juristischen Personen (въ Kritische Ueberschau d. deutsch. Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, B. VI).

Demelius, Ueber fingirte Persönlichkeit (въ Jahrbüch. f. Dogmatik, B. IV).

Противъ него Randa, Das Zweckvermögen. Die juristische Person. Die Handelsgesellschaft etc. (въ Siebenhaar's Archiv für deutsches Wechselrecht und Handelsrecht, B. XV).

Hugo Böhlau, Rechtssubject und Personenrolle. Weimar, 1871.

Beseler, Volksrecht und Juristenrecht, Leipz., 1843. Противъ него Thöl, Volksrecht. Juristenrecht etc. 1846.

Beseler, System des gemeinen deutschen Privatrechts, Berlin, 1866. §§ 66—72.

Bluntschli, Deutsches Privatrecht, München, 1864, §§ 33—45.

Baron, Die Gesammtrechtsverhältnisse im römischen Recht, 1864.

Zitelmann, Begriff und Wesen der sogenannten juristischen Personen, Leipzig, 1873.

Рецензія Сакса (Sachs, въ Goldschmidt's—Laband's Zeitschr. f. gesam. Handelrecht, B. XIX).

Противъ Цительмана *Белау*, Zur Lehre von den juristischen Personen (въ Archiv für die civilist. Praxis, B. LVI).

Otto Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, B—de I—III. Berlin, 1868. 1873. 1881.

Otto Gierke, Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsspechung, 1887.

Becker, Zweckvermögen, insbesondere peculium, Handelsvermögen und Actiengesellschaften (въ Goldschmidt's Zeitschrift. B. IV).

Becker, Zur Lehre vom Rechtssubject; Genuss und Verfügung, Zwecksatzungen, Zweckvermögen und juristische Personen (въ Jahrbücher f. Dogmatik, B. XII).

Becker, System des heutigen Pandektenrechts, Weimar, 1886, §§ 59—69

Bolze, Der Begriff der juristischen Person, Stuttgart, 1879.

Рецензія *Краснопольскаго* (въ Kritische Vierteljahrschrift, B. III, 1880, S. 188 sqq.).

Pernice, Marcus Antistius Labeo, Halle, 1873. B. I. S 254 sqq.

Pernice, Parerga II. Beziehungen des öffentlichen römischen Rechts zum Privatrechte (въ Zeitschrift der Savigny—Stiftung, B. V, 1884).

Karlowa, Zur Lehre von den juristischen Personen (въ Zeitschr. für das Privat-und öffentliche Recht der Gegenwart, B. XV, 1888).

Zrodlowski, Das römische Privatrecht, B. I, 1877, §§ 39—42.

Stobbe, Deutsches Privatrecht, I, §§ 49—62.

Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts, B. I, 1887. §§ 57-62.

Arndts, Lehrbuch der Pandekten, 1883, §§ 41—47.

Dernburg, Pandekten, 1888, I, §§ 59—66.

Wendt, Lehrbuch der Pandekten, Jena, 1888. S. 49—64.

Grashof, Die Gesetzgebung der römischen Kaiser über die Güter und Immunitäten der Kirche und der Klerus nebst deren Motiven und Principien (Archiv für kathol. Kirchenrecht, B. XXXVI).

Mury, Les constitutions des empereurs romains sur l'administration et l'aliénation des biens ecclésiastiques (Revue Catholique des institutions et du droit, IX, 1877.

Schulte, Die juristische Persönlichkeit der katholischen Kirche, ihrer Institute und Stiftungen, Giessen, 1859.

Löning, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, 1877, B. I, S. 195—233. B. II, S. 632—750.

Meurer, Der Begriff und der Eigenthümer der heiligen Sachen, zugleich eine Revision der Lehre von den juristischen Personen und dem Eigenthümer des Kirchenguts, B. I—II, Dûsseldorf, 1885.

Lasson, Princip und Zukunft des Völkerrechts, 1871.

Bierling, Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe, Th. 1. 1877. Th II, 1883.

Löning, Die Haftung des Staates aus rechtswidrigen Handlungen seiner Beamten nach deutschem Privat- und Staatsrecht, Frankfurt, 1879.

Heyrovsky, Leges contractus, 1881.

Karlowa, Römische Rechtsgeschichte, B. I, Leipz. 1885.

Leonhard, Ein Beitrag zu der allgemeinen Civilrechtslehre und zur Begriffsbestimmung des subjectiven Rechts (Zeitschr. f. d. Privat—und öffentliches Recht der Gegenwart, B. IX).

Serment, Associations et corporations, Genève, 1877.

Муромцевъ, Гражданское право древняго Рима, Москва, 1883, стр. 640 и сл.

Дювернуа, Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву, Спб. 1889, стр. 235—265.

Нѣкоторыя другія сочиненія, содержащія въ себѣ тѣ или другія свѣдѣнія и сужденія по отдѣльнымъ пунктамъ ученія объ юридическихъ лицахъ, цитируются сполна въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ изслѣдованія, тогда какъ перечисленныя сочиненія цитируются сокращенно.

Глава I-я.

Понятіе объ юридическихъ лицахъ.

Другаго разряда лицъ, какъ субъектовъ частнаго права, наряду съ физическими лицами, т. е. съ людьми, римская научно-юридическая систематика не знала. Поэтому въ дошедшихъ до насъ систематическихъ изложеніяхъ началъ римскаго права, каковы институціи Гая и императора Юстиніана, мы не найдемъ особой рубрики о такихъ субъектахъ гражданскаго права, которые не будучи людьми—частными или физическими, естественными лицами,—имѣютъ частную правоспособность и обсуживаются въ гражданскомъ оборотѣ наравнѣ съ частными лицами. Дѣленіе лицъ на двѣ категоріи: физическихъ и юридическихъ (или, какъ они иначе еще назывались и называются, мистическихъ, фиктивныхъ, фингированныхъ), составляющее неизбѣжную принадлежность всѣхъ современныхъ системъ частнаго права, явилось не въ римской, а въ позднѣйшей юриспруденціи. Однако ни римская юридическая жизнь не могла обойдтись безъ признанія особаго рода субъектовъ гражданскаго права, не совпадающихъ съ естественными лицами, ни римская юридическая наука не могла игнорировать дѣйствительнаго существованія такихъ субъектовъ. Для обозначенія ихъ, римскіе юристы обыкновенно пользовались выраженіемъ; „personae vice fungi“ [1]) или privatorum loco haberi“ [2]), желая этимъ сказать, что нѣчто,

---

[1]) Fr. 22 D XLVI, 1.

[2]) Fr. 16 D L, 16.

не будучи естественнымъ человѣческимъ лицомъ, persona, функціонируетъ въ гражданской жизни вмѣсто таковаго лица, обсуживается какъ таковое лицо. Впрочемъ, иногда римскіе юристы называли и лицомъ, косвенно или даже прямо, подобный субъектъ, не совпадающій съ личностію естественнаго человѣка. Такъ Ульпіанъ, говоря объ эдиктѣ претора, направленномъ къ защитѣ лицъ, вынужденныхъ подъ вліяніемъ страха къ заключенію сдѣлки, напр. къ поллицитаціи, допускаетъ, что принужденіемъ и страхомъ можетъ повліять на заключеніе сдѣлки какъ сингулярное лицо т. е. отдѣльный человѣкъ, такъ и народъ, курія, коллегія, вообще союзъ людей, объединенный въ одно цѣлое[3]), откуда можно заключать, что и народъ, курія и проч. представляются названному юристу также лицами, только не сингулярными или единичными, а собирательными. А у агримензоровъ еще съ большею ясностію названіе: „persona“ усвояется не единичному лицу, а организованному союзу лицъ, какова колонія[4]).

Извѣстный знатокъ по части исторіи и литературы юридическихъ лицъ, О. Гирке, самъ по себѣ германистъ и, въ качествѣ таковаго, противникъ теоріи фикціи, господствовавшей въ средніе вѣка и въ лицѣ Савиньи получившей для себя новую сильную поддержку, пришелъ въ своихъ изысканіяхъ, касательно существа юридическихъ лицъ по римскому праву, къ тому выводу, что римская юриспруденція знала понятіе лица, только какъ лица индивидуальнаго, слѣдовательно только въ области juris privati, всякія же союзныя образованія включала въ jus publicum и, для того чтобы сдѣ-

---

[3]) Fr. 9 § 1 D. IV, 2: „sive singularis sit persona, quae metum intulit, vel populus, vel curia, vel collegium, vel corpus, huic edicto locus erit“.

[4]) „Haec inscriptio videtur ad personam coloniae ipsius pertinere“, такъ читается у Фронтина. И комментаторъ Фронтина говоритъ: „personae publicae etiam coloniae appellantur“. См. Ardnts, въ рец. соч. Демеліуса: „Die Rechtsfiction etc. (Kritische Vierteljahrschr. für Gesetzgebung und Rechtswissenschafit, B I).

лать возможнымъ для нихъ гражданскій оборотъ съ его цивильными, для частныхъ лицъ предназначенными, формами, должна была неминуемо придти къ фикціи, т. е. къ тому воззрѣнію, что на самомъ дѣлѣ дѣйствительнаго, реальнаго лица, какъ субъекта гражданскаго права въ этихъ союзныхъ образованіяхъ нѣтъ, и что лицо это искуственно создается путемъ фикціи, придумывается, мыслится или представляется, слѣдовательно существуетъ только въ мышленіи, а не въ мірѣ реальностей [5]).

Ниже мы встрѣтимся съ именами юристовъ, которые поставляютъ сущность юридическаго лица въ олицетвореніи путемъ фикціи и обосновываютъ свой взглядъ на источникахъ римскаго права. На Гирке въ особенности нужно было указать здѣсь потому, что Гирке — противникъ фикціи — не нашелъ возможнымъ конструировать римское ученіе объ юридическихъ лицахъ безъ помощи фикціи. Посмотримъ, насколько въ самомъ дѣлѣ неизбѣжна эта помощь.

Термины, всего чаще встрѣчающіеся въ римскомъ правѣ для обозначенія юридическихъ лицъ: „corpus" и „universitas" [6]) не заключаютъ въ себѣ мысли о чемъ либо фиктивномъ, воображаемомъ, въ противоположность реальному, дѣй-

---

[5]) Genossenschaftsrecht, II, 28—29; III, 130—140.

[6]) Въ источникахъ, для обозначенія юридическихъ лицъ, употребляются обыкновенно три термина: universitas, corpus, collegium. Относительно значенія этихъ терминовъ существуетъ разногласіе. Ср. Savigny, II, 260; Cohn, 3 и сл.; Gierke, III, стр. 66—67 прим. 114. Послѣдній терминъ всего менѣе вызываетъ сомнѣній, такъ какъ имъ несомнѣнно обозначались всѣ союзы, за исключеніемъ политическихъ общинъ. Употребленіе же двухъ первыхъ терминовъ представляется колеблющимся. По мнѣнію Савиньи, слово: „corpus" употребляется въ источникахъ какъ синонимъ коллегіи, а слово: „universitas" есть общее названіе для всѣхъ корпорацій, т. е. какъ для общинъ, такъ и для коллегій (ср. *Виндшейдъ*, Pand. § 57, прим. 4). По мнѣнію Кона, слово: „corpus" имѣетъ болѣе обширный смыслъ, обнимающій всякія вообще соединенія людей, даже и такія, которыя не могутъ быть причислены къ юридическимъ лицамъ, напр. exercitus, senatus (см. ниже мѣсто изъ Сенеки въ прим. 8); напротивъ слову: „universitas" Конъ придаетъ болѣе тѣсный смыслъ, ограничивая примѣненіе его государствомъ и городами, для которыхъ прежде всего и создано

ствительно существующему. Оба термина употреблялись не только въ примѣненіи къ союзамъ лицъ, но и въ примѣненіи къ собирательнымъ вещамъ, объединеннымъ въ одно цѣлое, каковы стадо рабочаго скота, табунъ лошадей, домъ, корабль[7]. Съ этими, объединенными въ одно цѣлое, вещами, римляне прямо сопоставляли объединенную совокупность лицъ, какъ народъ, легіонъ, войско, сенатъ[8]. Такимъ образомъ терминологія не даетъ никакого повода полагать, что римляне связывали съ universitates personarum идею фиктивнаго,

---

было понятіе юридическаго лица; перенесенное потомъ на другіе союзы. Конъ ссылается на fr. 1, D. I, 8, гдѣ Гай, противополагая res publicae и res privatae, о первыхъ говоритъ, что онѣ ipsius universitatis esse creduntur, а о послѣднихъ, что онѣ суть res singulorum, а также на весь четвертый титулъ III книги дигестовъ, въ которомъ, какъ говоритъ Конъ, частію явственно, частію косвенно, понятіе „universitatis" ограничивается публичнымъ общеніемъ. Однако Гирке основательно указалъ на то, что уже самый заголовокъ указаннаго титула: „Quod cujuscunque universitatis nomine vel contra eam agatur", въ которомъ трактуется *о всѣхъ вообще союзахъ съ юридическою личностію,* не исключая и коллегій, заставляетъ принять болѣе широкій смыслъ слова: „universitas". Тоже видно изъ fr. 1 § 3 h. t., въ которомъ говорится именно о коллегіяхъ и однако употребленъ терминъ: „universitas". Не менѣе ясно видно это и изъ сопоставленія заголовка третьяго титула XL книги съ fr 1 eod. Такимъ образомъ, если бы даже Гай самъ и въ самомъ дѣлѣ держался приписываемой ему Кономъ терминологіи, то она не была общею терминологіей римской юриспруденціи и во всякомъ случаѣ не была терминологіей юстиніанова права. Самый употребительный терминъ въ нынѣшней юриспруденціи для обозначенія союза лицъ, какъ юридическаго лица, „корпорація", классическому римскому праву неизвѣстенъ. Слово: „corporatio" встрѣчается только разъ въ Nov. Severi 465 года (Corp. jur. antejustin. *Генеля,* II, p. 339), но слово: „corporati" для обозначенія членовъ союза встрѣчается чаще, хотя также не ранѣе конца IV и начала V вѣка по Р. Хр., иногда попеременно съ словомъ: „collegiati". См. l. 5 C. IV, 63; l. 6 C. XI, 2; заголовокъ и l. un. C. XI, 15 (14); l. un. C. XI, 18 (17); l. un. C. XI, 29 (28).

[7]) Fr. 30 pr. D. XLI, 3; fr 70 § 3 D. VII, 1; fr. 76 D. V. 1; § 18 J. II, 20. Ср. также въ fr. 2 § 6 D. XLI, 4 „universitas fundi", въ смыслѣ цѣлой совокупности земельной собственности, отчасти образовавшейся путемъ купли, отчасти расширившейся впослѣдствіи путемъ узукапіи.

[8]) Кромѣ цитированныхъ въ пред. прим. fr. 30 pr. D. XLI, 3, и fr. 76 D. V, 1 см. еще мѣсто изъ 102 epist. Сенеки: „quaedam (corpora) ex distantibus, quorum adhuc membra separata sunt, tanquam exercitus, populus, senatus". C o h n, стр. 5—6.

выдуманнаго, не существующаго въ дѣйствительности лица: подобное предположеніе имѣло бы не болѣе вѣроятія, чѣмъ и то, что съ universitates rerum связывалась въ римскомъ правѣ идея фиктивной, не существующей въ дѣйствительности вещи. Исторія развитія юридическихъ лицъ въ римскомъ правѣ въ самомъ дѣлѣ приводитъ совсѣмъ не къ тому выводу, который сдѣлалъ Гирке.

Когда явились въ римскомъ правѣ юридическіе субъекты, которые не суть физическія лица? На этотъ вопросъ изслѣдователи отвѣчаютъ неодинаково: то говорятъ, что государство, civitas romana, populus romanus, есть древнѣйшій и первоначальный юридическій субъектъ, по примѣру котораго образовались всѣ другія союзныя формаціи, какъ юридическія лица [9]), то утверждаютъ, что понятіе юридическаго лица, какъ субъекта гражданскихъ правъ, равноправнаго съ физическими лицами, развилось въ примѣненіи къ муниципіямъ, а съ послѣднихъ перенесено на всѣ другія корпораціи и наконецъ на самое государство [10]).

Какъ ни противоположны, повидимому, эти мнѣнія, каждое изъ нихъ въ извѣстномъ отношеніи справедливо. Дѣло въ томъ, что имущественное право римскаго государства не только въ періодъ королевства, но и во времена республики, покоилось на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ гражданскій оборотъ частныхъ лицъ и лишь въ концѣ республиканскаго періода и въ началѣ императорскаго послѣдовалъ рѣшительный переворотъ какъ въ государственномъ строѣ, такъ и въ воззрѣ-

---

[9]) P e r n i c e, Labeo, I, 262 и сл. P f e i f e r, 13 и сл. Послѣдній впрочемъ говоритъ не о populus, а о фискѣ, смѣшивая тотъ и другой, что *исторически* неправильно, какъ выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

[10]) *Савиньи*, II, 247 и сл. *Муромцевъ*, 610, 645–646. *Дирксенъ*, стр. 4, утверждалъ, что древнѣйшія названія юридическихъ лицъ суть: sodalitates. sodalitia, collegia съ сакральнымъ характеромъ; но самъ же онъ на стр. 114 и сл. приводитъ факты, изъ которыхъ видно, что собственность въ имуществахъ, предоставлявшихся сакральнымъ коллегіямъ, принадлежала *народу*.

ніяхъ юриспруденціи,—переворотъ, который прежде всего сказался на городскихъ общинахъ, вошедшихъ въ римское государство, въ качествѣ муниципій, подчиненныхъ римской верховной власти.

Прежде всего, внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ то обстоятельство, что римское государство, populus, имѣло земельную собственность отъ начала своего существованія, хотя въ древности, по всей вѣроятности, т. н. ager publicus не былъ государственнымъ доменомъ въ современномъ смыслѣ, а состоялъ въ общемъ пользованіи всѣхъ полноправныхъ членовъ populi, такъ что пользованіе отдѣльныхъ полноправныхъ граждань считалось за пользованіе самого populi [11]). Это представленіе однако должно было оказаться несостоятельнымъ, когда строже стали различать государство, какъ таковое, отъ составляющихъ его индивидовъ [12]). Земельная собственность римскаго государства постоянно расширялась, благодаря завоеваніямъ, такъ какъ у всякаго побѣжденнаго италійскаго племени отбиралась римлянами извѣстная часть территоріи, обыкновенно $^1/_3$, а иногда даже цѣлая территорія, какъ въ Капуѣ. Отобранною такимъ образомъ землей римляне распоряжались различнымъ образомъ: 1) въ видѣ размежеванныхъ участковъ, назначали ее въ надѣлы (agri divisi et assignati), что практиковалось при coloniae deductio, т. е. при основаніи колоніи въ побѣжденной странѣ, а также и безъ основанія колоніи, для снабженія отдѣльныхъ граждань землей;

---

[11]) *Муромцевъ*, 49; Karlowa, Rechtsgesch. 96.

[12]) Что, во времена аграрныхъ волненій, главы народной партіи смотрѣли на государственную землю, какъ на источникъ смягченія соціальнаго неравенства, это обстоятельство можетъ быть объясняемо, какъ отголосокъ древне-римскаго воззрѣнія на общественную землю (*Муромцевъ*, ibidem); но что касается позднѣйшихъ покрайней мѣрѣ аграрныхъ волненій, политика народныхъ вождей можетъ быть объясняема и тѣмъ обстоятельствомъ, что, съ тѣхъ поръ какъ въ римскую казну стали поступать богатые доходы изъ провинцій, государственные домены потеряли то финансовое значеніе, которое онѣ имѣли ранѣе, какъ главный фондъ на покрытіе расходовъ по управленію (Marquardt, II, 147).

2) продавали извѣстную часть завоеванной земли, какъ скоро нуждались въ деньгахъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, каковая продажа обыкновенно производилась квесторами, иногда цензорами (agri quaestorii); 3) если дѣло шло о земляхъ необработанныхъ, римляне предоставляли желающимъ оккупировать часть такой земли и воздѣлывать ее (agri occupatorii), – послѣдняго рода земли были неразмежеваны, и оккупантамъ самимъ предоставлялось fines arcere, т. е. ограждать межи своихъ владѣній рвами, древесными насажденіями и т. п., почему участки оккупированной земли назывались agri arcifinii или arcifinales. Оккупанты имѣли въ своихъ участкахъ только владѣніе, а не собственность, которая оставалась за государствомъ, поэтому манципація и узукапія—важнѣйшіе способы пріобрѣтенія квиритской собственности - были непримѣнимы къ этимъ землямъ. Фактически онѣ могли продаваться, закладываться, переходить по наслѣдству, но въ теоріи за государствомъ признавалось право на отобраніе ихъ [13]). Мало этого, даже agri quaestorii, съ которыхъ взимался государственный налогъ, не считались вышедшими изъ квиритской собственности римскаго народа [14]). Тоже самое нужно сказать о публичныхъ вещахъ, предназначенныхъ для общаго пользованія (res publicae publico usui destinatae), каковы публичные пути сообщенія, площади, театры и т. п. [15]). Даже на море и на морской берегъ распространяема была власть римскаго на-

---

[13]) Karlowa, 94—97.

[14]) Pernice, Parerga, 75: „Поземельный налогъ есть признакъ государственной собственности, „nam sunt populi romani quorum vectigal ad aerarium pertinet“. Ср. *Карлова*, 93.

[15]) Fr 6 § 1 D. I, 8: § 6 J. II, 1. Государство, въ качествѣ собственника, получало половину клада, найденнаго въ locus publicus (§ 39 J. II, 1), а также solarium, т. е. поземельный налогъ за возведенное in loco publico строеніе (fr. 2 § 17 D. XLIII, 8). См. объ этомъ противъ Іеринга: Pernice, Labeo, I, 267—276. Dernburg, Pandekten, I, § 71.

рода[16]. Затѣмъ извѣстно, что государство имѣло своихъ рабовъ (servi publici), положеніе которыхъ, за нѣкоторыми исключеніями, опредѣлялось тѣми-же началами, какъ и положеніе рабовъ, состоящихъ въ частной собственности[17]).

Кромѣ земельной собственности и рабовъ, римскій народъ имѣлъ свою государственную денежную казну, эраръ (aerarium Saturni), находившійся въ храмѣ Сатурна; казна, имѣвшая извѣстное управленіе и дѣлопроизводство, предназначалась на государственныя потребности, причемъ никакому отдѣльному лицу, не взирая на мѣру его политической правоспособности, не принадлежало право на расходованіе казенныхъ денегъ[18]). Наконецъ римскій народъ не только заключалъ договоры съ другими государствами, но и вступалъ въ юридическія отношенія къ своимъ собственнымъ гражданамъ, заключалъ арендные договоры и принималъ поручительства, давалъ въ заемъ гражданамъ и получалъ обратно занятыя суммы, покупалъ и продавалъ движимыя и недвижимыя вещи, получалъ дареніе и наслѣдство, даже принималъ на себя опеку, напр. надъ сыномъ египетскаго короля Птоломея Филопатора, по завѣщанію этого послѣдняго[19]).

Съ другой стороны, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что до временъ императорства римской юридической жизни былъ неизвѣстенъ тотъ, признанный въ современномъ правѣ, принципъ, что государство, какъ скоро оно вступаетъ въ имущественныя отношенія гражданскаго оборота съ частнымъ лицомъ, должно и разсматриваться юридически, какъ частное-же лицо. Республиканское воззрѣніе не проводило различія между политической общиной и общиной, какъ субъектомъ частнаго права: то, что установилъ populus, какъ субъектъ

[16]) Fr. 3 D. XLIII, 8; fr. 96 D. L, 16.

[17]) Mommsen, Staatsr., I, 250–251

[18]) Pernice, Labeo, I, 265–266.

[19]) Ibidem, I, 264–265.

юридической сдѣлки, хотя бы и по соглашенію съ частнымъ лицомъ, было не гражданскимъ, а публичнымъ правомъ, дѣйствовало для римской civitas, такъ для государства [20]). Поэтому, какъ въ отношеніи къ заключенію сдѣлокъ и къ ихъ юридическимъ послѣдствіямъ, такъ и въ процессуальномъ отношеніи, имущественное право римскаго государства покоилось на другихъ основахъ, чѣмъ имущественныя отношенія inter privatos. Для имущественныхъ отношеній государства съ частными лицами не требовались формы, предписанныя для частныхъ изъявленій воли [21]). Далѣе публиканъ, мытарь, т. е. откупщикъ или арендаторъ государственныхъ налоговъ, вносившій, по договору съ государствомъ, въ казну круглую сумму и получавшій за то право на взысканіе налоговъ въ извѣстномъ районѣ въ свою пользу и на свой страхъ, не былъ цессіонаромъ гражданскаго права, такъ чтобы право требованія и его осуществленіе отдѣлялись одно отъ другаго. Государство даже и формально не удерживало за собою права требованія; государственное право требованія безусловно переходило на откупщика, такъ что этотъ послѣдній и по формальному праву считался за кредитора, напротивъ государство совершенно выбывало изъ обязательственнаго отношенія,—и этотъ переходъ права требованія отъ прежняго кредитора къ другому лицу совершался безъ содѣйствія и безъ согласія податного должника [22]). Явленіе это даже не было особенностію податной аренды, а замѣчается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требованія римскаго государства переносились на частное лицо [23]). Немаловажную также особенность имущественныхъ отношеній государства къ частнымъ лицамъ составляло то обстоятельство, что продажа кон-

20) Heyrovsky, 15. Karlowa, 245.

21) Heyrovsky, 16. Напр. манципація и узукапія.

22) Ibidem, 20.

23) Ibidem, 22.

фискованнаго государствомъ имущества частнаго лица (sectio bonorum) основывала для покупщика (sector) цивильное универсальное преемство: покупщикъ непосредственно вступалъ въ данное имущество, какъ цѣлое, слѣдовательно и во всѣ принаддежащія къ нему требованія и долги, между тѣмъ какъ цивильно-процессуальная bonorum venditio не могла имѣть прямымъ своимъ послѣдствіемъ универсальной сукцессіи[24]. Сдѣлки между государствомъ и частными лицами заключаемы были компетентными магистратами, цензорами и квесторами, причемъ и тѣ и другіе выводили свое право на заключеніе договора изъ уполномоченія со стороны народа,—цензоры получали таковое разъ навсегда, квесторы для отдѣльнаго случая[25], подобно тому какъ и всѣ вообще полномочія римскихъ магистратовъ проистекали изъ тогоже источника. Самая же важная особенность государственнаго имущественнаго права отъ частнаго заключалось въ томъ, что спорныя дѣла по взаимнымъ претензіямъ между государствомъ и частными лицами подлежали не разбирательсгву ординарной судебной власти[26], а усмотрѣнію того самого магистрата, который заключилъ договоръ въ пользу государства или вообще тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя управляли государственнымъ хозяйствомъ. Принудительное взысканіе денежныхъ платежей, къ которымъ частное лицо обязывалось въ отношеніи къ государству въ силу контракта, производилось обыкновенно путемъ продажи залоговъ, которыми обезпечиваемы были тре-

---

24) Ibidem, 23. 42.

25) Pernice, Parerga, 114. Karlowa, 93.

26) Только въ видѣ исключенія государство могло оказаться судебной стороной передъ ординарнымъ органомъ гражданскаго правосудія—преторомъ, когда именно гражданинъ бралъ на себя защиту интересовъ государства въ качествѣ истца или отвѣтчика; однако сколько нибудь точныхъ извѣстій въ источникахъ не сохранилось относительно примѣненія гражданскаго процесса къ дѣламъ государства съ частными лицами. Karlowa, 173 и сл. Mommsen, Staatsr. I, 192.

бованія государства при самомъ заключеніи договора магистратомъ, и эта продажа (praedes praediaque vendere) производилась тѣмъ самымъ магистратомъ, которому были даны эти поручительства и залоги (или его преемникомъ), безъ предварительнаго констатированія государственной претензіи передъ гражданскимъ судомъ. А напротивъ, магистратъ, заключившій договоръ съ частнымъ лицомъ и принявшій отъ него обезпеченіе, самъ же и составлялъ себѣ рѣшеніе о томъ, что контрагентъ обязанъ къ платежу и не исполняетъ этой обязанности, и затѣмъ, немедленно, безъ дальнихъ околичностей, не вступая на путь ординарнаго процесса, приступалъ къ продажѣ залоговъ[27]). Вообше, какъ говоритъ Гейровскій, римляне временъ республики не отдѣляли государства, какъ властителя и законодателя, отъ государства, какъ активнаго и пассивнаго субъекта частныхъ правъ, въ особенности отъ государства, какъ собственника и кредитора. Переворотъ въ этомъ отношеніи совершился лишь послѣ того, какъ императорскій фискъ слился съ древнимъ народнымъ эраромъ[28]), когда, по выраженію Гирке, государство, все болѣе и болѣе рѣшительно возвышавшееся надъ всякимъ правомъ, въ качествѣ фиска подчинилось праву и, разоблаченное отъ своего величества, заняло мѣсто среди частными лицами[29]). Сущность этого переворота Гирке поставляетъ въ томъ, что въ понятіи фиска имущественная сторона государства отрѣшилась отъ его публицистическаго существа и сама по себѣ олицетворилась, не такъ чтобы государство облеклось личностію, какъ органическое общественное цѣлое, а такъ, что изъ государства выросъ простой субъектъ, который можетъ быть сравниваемъ съ индивидами[30]). Или, какъ Гирке въ

---

[27]) Heyrovsky, 62—69.

[28]) Подробности будутъ изложены во II главѣ.

[29]) Genossenschaftsr. III, 59.

[30]) Стр. 60.

другомъ мѣстѣ поясняетъ свою мысль, римское понятіе лица принадлежитъ единственно частному праву и относится только къ индивиду, признанному въ качествѣ носителя особой сферы правомочій; напротивъ источники ничего не знаютъ о понятіи публично-правовой личности, и никакой союзъ, въ смыслѣ объединеннаго цѣлаго изъ отдѣльныхъ лицъ, по источникамъ, не есть лицо; поскольку однако союзъ людей вступаетъ въ частное право, онъ получаетъ въ силу фикціи, недостающую ему личность, какъ неизбѣжно необходимую для конструкціи лица частнаго права, такъ что слѣдовательно союзы вступаютъ въ частное право не какъ общенія, а какъ искуственные индивидуальные субъекты, на ряду съ естественными индивидами. Приведенныя разсужденія Гирке нельзя не назвать произвольными. Вопервыхъ, источники не совсѣмъ чужды понятія лица, и именно публичнаго лица, въ примѣненіи къ союзамъ [31]). Вовторыхъ, исторически и логически невѣрно, будто государство, представлявшее собою, втеченіе нѣсколькихъ, столѣтій, реальную силу въ области имущественныхъ отношеній, съ началомъ императорскаго періода, превратилось въ фикцію, въ искуственное созданіе мышленія, въ нѣчто такое, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ и лишь придумывается для цѣлей юридической конструкціи. Какъ въ республиканскія времена, для юристовъ и для неюристовъ не могло подлежать сомнѣнію, что имущество народа принадлежитъ народу, и что этимъ имуществомъ можетъ распоряжаться только народъ же самъ въ его закономѣрномъ образѣ, какъ выражается Перницe [32]), т. е. какъ политически организованный народъ, или непосредственно въ комиціяхъ, или, если дѣло шло объ административныхъ мѣропріятіяхъ, черезъ сенатъ и магистратовъ: такъ точно и съ измѣнившимся государственнымъ строемъ,

---

[31]) См. выше прим. 3 и 4.

[32]) Pernice, Labeo, I, 266.

собственникомъ и распорядителемъ государственнаго имущества остался народъ же, въ лицѣ императора, на котораго перешли не только полномочія республиканскихъ магистратовъ, но и власть самыхъ комицій. Какъ въ республиканское время народу, или государству, въ извѣстной политической организаціи, принадлежало и руководство государственными дѣлами вообще, и распоряженіе государственнымъ имуществомъ въ особенности: такъ и въ позднѣйшее время и то, и другое осталось принадлежностію того же самаго народа или государства, только получившаго иную организацію. Что государство „разоблачилось отъ своего величества" для сферы отношеній частнаго права и подчинилось гражданскому суду въ своихъ спорныхъ дѣлахъ съ частными лицами,—этимъ доказывается лишь то, что для прояснившихся юридическихъ воззрѣній сфера имущественныхъ отношеній государства съ частными лицами стала обособляться отъ другихъ сферъ государственнаго управленія и включаться въ гражданскій оборотъ, въ видахъ упрощенія и облегченія этого послѣдняго, причемъ веденіе имущественныхъ дѣлъ государства было возложено на должностныхъ лицъ, производившихъ, подобно всѣмъ другимъ должностнымъ лицамъ, свои полномочія отъ императора. Римскіе юристы, впрочемъ, никогда и не ставили фиска въ рядъ юридическихъ олицетвореній, которыя дѣлались ими для другихъ союзовъ, какъ муниципія, декурія и проч. „Разоблаченіе отъ правъ величества" даже и въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ все еще было настолько неполно, что, по выраженію самого Гирке, принципъ уравненія фиска съ частнымъ лицомъ, благодаря разнымъ привилегіямъ фиска, почти превращался въ свою противоположность [33]). Да если бы даже римское право и дошло до той точки зрѣнія, на которой стоитъ современное

---

[33]) III, 59.

право, черта, разграничивавшая, по римскому взгляду, публичное право отъ частнаго [34]), не исчезла бы съ приравненіемъ государства къ частнымъ лицамъ: имущество государства не перестало бы служить къ тому, quod ad statum rei romanae spectat, а не къ тому, что клонится ad singulorum utilitatem.

Прежде чѣмъ однако совершилось сліяніе эрара съ фискомъ и вытѣсненіе послѣднимъ перваго, съ окончательнымъ установленіемъ императорскаго единовластія, произошло очень важное для исторіи юридическихъ лицъ въ римскомъ правѣ событіе—введеніе муниципальной системы съ распространеніемъ римскаго гражданства на всѣ подвластные Риму города. Civitates, которыя сдѣлались римскими муниципіями, были сначала самостоятельными государствами, которыя, при вступленіи въ сферу римской власти, или оставались особыми же государствами, соединенными съ Римомъ на тѣхъ или другихъ союзныхъ началахъ, или же теряли самостоятельное существованіе и превращались въ несамостоятельную часть римской civitatis, города—государства, населеніе которой становилось мѣстно-обособленною частію populi romani. Когда при Юліѣ Цезарѣ даровано было гражданство всей Италіи и цизальпинской Галліи, тожество римской городской общины съ цѣлымъ населеніемъ Италіи нельзя было поддерживать, и всѣ вообще города, не исключая и прежнихъ civitates foederatae, вошли въ организмъ расширившагося республиканскаго государства, какъ особые члены, или какъ подчиненные организмы, съ извѣстнымъ кругомъ общегосударственныхъ функцій, перенесенныхъ на нихъ волей римскаго народа [35]). Такимъ образомъ муниципальная община явилась какъ обособленная и получившая извѣстную самостоятельность часть го-

---

[34]) Fr. 1 § 2 D. I, 1; § 4 J. I, 1.

[35]) Mommsen, Staatsr. I, 46—47. Gierke, III, 70. Karlowa, 295—297. Marquardt, I, 62. *Муромцевъ*, 644.

сударства, причемъ границы компетенціи муниципальныхъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій опредѣлялись особыми законными опредѣленіями (leges municipales). Изъ времени же Юлія Цезаря дошли до насъ и два древнѣйшіе муниципальные закона. Юридическое олицетвореніе, т. е. приравненіе союза людей къ частному лицу въ сферѣ гражданскаго оборота, нашло себѣ примѣненіе прежде всего именно къ этимъ зависимымъ общинамъ (муниципіямъ, а также колоніямъ). „Ибо", говоритъ Савиньи, „эти послѣднія, подобно естественнымъ лицамъ, имѣли потребность въ имуществѣ и случай къ его пріобрѣтенію, а съ другой стороны состояли въ такой зависимости, въ силу которой онѣ могли быть привлечены къ суду... не римская республика и не ея имущество послужили первымъ поводомъ къ признанію юридической личности и къ развитію ея права; но установленное ради подвластныхъ городовъ понятіе юридическаго лица стало примѣняться и въ такихъ случаяхъ, для которыхъ оно пожалуй не было бы изобрѣтено" [36]). Со времени развитія муниципальнаго устройства вскорѣ долженъ былъ установиться взглядъ на имущество городское, какъ на особое имущество, не принадлежавшее ни римскому народу, ни отдѣльнымъ лицамъ физическимъ. Римскій юристъ, привыкшій называть публичнымъ только то, что связано съ populus romanus, могъ считать лишь злоупотребленіемъ названіе имуществъ городскихъ публичными [37]) и не могъ распространять на имущество муниципій тѣ привилегіи, которыя установлены были для римскаго государственнаго имущества, благодаря суверенитету его субъекта, а съ другой стороны не могъ сказать, чтобы эти имущества

---

[36]) System, II, 247.

[37]) Fr. 15 D. L, 16: „bona civitatis abusive publica dicta sunt; sola enim ea publica sunt quae populi romani sunt". Fr. 16 eod: „publica appellatio in compluribus causis ad populum romanum respicit; civitates enim privatorum loco habentur".

принадлежали гражданамъ въ отдѣльности, и такимъ образомъ выработалось положеніе, что городскія имущества „universitatis sunt, non singulorum“, и universitas введена въ частное право какъ субъектъ [38]). Приэтомъ не было необходимости, какъ справедливо говоритъ Перницe [39]), въ какой либо особой формѣ мышленія, или въ фикціи: субъектомъ правъ остался городъ же, городское общество въ его политической организаціи, только онъ для области частнаго права поставленъ въ положеніе частнаго лица. Новая постановка городовъ въ области отношеній частнаго права отразилась весьма замѣтнымъ образомъ на разныхъ другихъ союзныхъ образованіяхъ, извѣстныхъ римской юридической жизни подъ именемъ коллегій.

Прежде всего слѣдуетъ сказать о коллегіяхъ религіознаго характера, существовавшихъ для отправленія культа тому или другому божеству. Что касается самихъ боговъ, то положеніе ихъ, какъ собственниковъ посвященнаго имъ имущества, было довольно неопредѣленнымъ: хотя, съ одной стороны, по римскому представленію, боги мыслились какъ индивидуальныя существа, способныя вторгаться въ кругъ человѣческихъ правоотношеній, и даже какъ контрагенты, съ которыми могутъ быть заключаемы сдѣлки, но, съ другой стороны, юристы затрудняются назвать собственностію то отношеніе, въ которое посвященная вещь становилась къ божеству. Юридическое послѣдствіе посвященія и вытекавшей изъ него принадлежности вещи божеству состояло лишь въ томъ, что посвященныя вещи, какъ res divini juris, становились extra commercium, исключались изъ гражданскаго оборота, такъ что принадлежность посвященной вещи божеству имѣла скорѣе характеръ отрицанія человѣческаго права на эти вещи (почему онѣ и

---

[38]) Gierke, III, 91.

[39]) Labeo, I, 277—278.

причислялись также къ res nullius), чѣмъ характеръ положительнаго господства собственника надъ принадлежащею ему вещію[40]). Притомъ же какъ для обращенія вещи въ принадлежность божества предполагался jussus populi, такъ и управленіе имуществомъ боговъ возлагалось на политическихъ магистратовъ, такъ наконецъ римскій народъ не отказывался отъ права обратить, въ случаѣ надобности, посвященныя государственнымъ божествамъ сокровища на государственныя цѣли[41]). Такимъ образомъ, говоритъ Гирке[42]), если божество и признавалось субъектомъ имущественныхъ правъ, то этотъ субъектъ есть рѣшительно sui generis и вообще не можетъ быть сравниваемъ съ личностію частнаго права, съ которою онъ не соприкасается ни въ одномъ пунктѣ, не говоря уже о томъ, что не можетъ быть принимаемъ за ея видъ. Съ большимъ основаніемъ могло бы быть придаваемо качество юридическаго субъекта жреческимъ коллегіямъ, состоявшимъ при храмахъ боговъ. Издревле приписывалось коллегіямъ обладаніе недвижимостями и рабами, издревле же существовала особая жреческая касса (arca), въ которую стекались разные доходы, какъ то съ отдаваемой въ аренду земли, изъ взносовъ жрецовъ при вступленіи въ должность, изъ разныхъ пошлинъ за доступъ въ храмъ и къ жертвеннику, изъ продажи жертвенныхъ животныхъ, стада которыхъ разводились при храмахъ, изъ штрафовъ, налагавшихся верховнымъ понтифексомъ на жрецовъ, изъ процессуальныхъ штрафовъ съ тяжущихся (sacramenta), пока эти штрафы не секуляризовались и не стали поступать въ государственную казну[43]), изъ штрафовъ, опредѣленныхъ завѣщателемъ въ завѣщаніи на случай неисполненія завѣщательнаго распоряженія со стороны наслѣд-

---

[40]) Labeo, I, 258. G i e r k e, III, 65.

[41]) Labeo, 259. G i e r k e, 64.

[42]) G i e r k e, III, 65.

[43]) G a i, Institut. IV, 13. 14.

ника [44]). Однако, что касается недвижимостей, которыми дотированы были храмы, то онѣ разсматривались какъ составныя части agri publici, владѣніе и пользованіе которыми предоставлялись жрецамъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ гражданамъ предоставлялось обладаніе государственною землею, rerum sacrarum causa, въ видахъ отправленія публичнаго культа. Затѣмъ прислужниками при храмахъ, если это не были свободные люди, состояли servi publici, т. е. государственные же рабы, которыхъ государство прикомандировывало къ жречествамъ, безъ выдѣленія ихъ изъ familia publica, вслѣдствіе чего напр. рабы Венеры эрицинской, храмъ которой находился на Капитоліѣ, употреблялись на всякаго рода публичныя службы [45]). Народу же въ принципѣ принадлежала и arca pontificum, какъ обособленная государственная касса, съ тою цѣлью выдѣленная изъ народнаго эрара, чтобы на средства ея были отправляемы sacra publica, почему напр. имущество умершей безъ завѣщанія весталки, достававшееся по законамъ государственнымъ богамъ, обращаемо было in publicum, разсматривалось какъ часть patrimonii populi romani [46]). Нѣкоторымъ жреческимъ коллегіямъ даже прямо

---

44) Dirksen, 117. Marquardt, II, 81.

45) Mommsen, De coll, 38. Marquardt, II, 78. III, 216—217. Pernice, Labeo, I, 255.

46) Mommsen, De coll. 38—39. Pernice, Labeo, I, 255. Karlowa (Rechtsgesch. I, 278) склоненъ предполагать, что имущество культа было юридически самостоятельно въ отношеніи къ государственному имуществу, и что коллегіи жрецовъ и весталокъ разсматривались какъ самостоятельные имущественные субъекты. Но основанія, на которыхъ онъ строитъ свое предположеніе, весьма недостаточны: вопервыхъ, говоритъ онъ, въ межевыхъ книгахъ агримензоровъ упоминаются agri и territoria жреческихъ коллегій и весталокъ, и можно полагать, что составители этихъ книгъ, знакомые съ юридическими понятіями, усвояютъ упомянутымъ коллегіямъ не только владѣніе и пользованіе, но и собственность въ землѣ; во вторыхъ, выраженіе arca употреблявшееся въ примѣненіи къ кассѣ понтифексовъ, употреблялось обыкновенно для обозначенія кассы самостоятельныхъ корпорацій. Первое основаніе, гадательнаго характера, оказывается весьма легковѣснымъ въ сравненіи съ приведенными въ текстѣ основаніями въ пользу противнаго мнѣнія, ибо если бы даже

отпускались денежныя суммы на покрытіе издержекъ культа, точно также какъ тѣ gentes и sodalitates, на которыя возложены были государствомъ sacra publica, получали мѣсто для своего богослуженія и необходимыя суммы на жертвоприношенія отъ государства[47]). Эвентуально и субсидіарно государство даже и вообще всѣмъ жреческимъ коллегіямъ давало средства на религіозныя торжества. Самая администрація имущества, предоставленнаго храмамъ и коллегіямъ, напр. что касается сдачи въ аренду предоставленной въ пользу жрецовъ земли, ремонтировки зданій и т. п., находилась въ вѣдѣніи государственныхъ должностныхъ лицъ[48]). Поэтому, когда впослѣдствіи христіанскіе императоры приступили къ конфискаціи и раздачѣ священныхъ мѣстъ, зданій, поземельныхъ участковъ и доходовъ языческихъ храмовъ, право на отобраніе и продажу они основывали на древнеримскомъ юридическомъ принципѣ, что всѣ loca sacra суть составныя части государственной земельной собственности, и что римскій народъ, давшій свое соизволеніе на консекрацію ихъ, имѣетъ также право и иначе распорядиться ими[49]). Моммзенъ наконецъ указываетъ на чрезвычайно важное обстоятельство, имѣющее значеніе не только относительно жреческихъ, но и относительно всякихъ другихъ коллегій, что, согласно съ древнеримскими принципами относительно представительства, всѣ вообще corpora не имѣли personam standi in judicio, т. е. не имѣли самаго существеннаго права, благодаря которому именно и становилось

агрименсоры и обладали юридическимъ образованіемъ, они могли воспользоваться не строго-юридическимъ выраженіемъ, въ виду фактическаго нахожденія земель въ эксплоатаціи жрецовъ. Второе основаніе также недостаточно, покрайней мѣрѣ для древняго права, потому что и положеніе всѣхъ вообще коллегій, какъ субъектовъ гражданскаго права, опредѣлилось ясными чертами не ранѣе, чѣмъ опредѣлилось таковое же положеніе городовъ.

47) Marquardt, III, 216. Dirksen, 7.

48) Marquardt, II, 77.

49) Ibidem, II, 81.

бы важнымъ и цѣннымъ положеніе союза, какъ субъекта гражданскаго права. Persona гражданскаго права, какъ справедливо разсуждаетъ Моммзенъ, не можетъ быть sine commercio, т. е. безъ власти пріобрѣтать собственность и вступать въ обязательства, а власть эта становится inanis, безплодною, безполезною, при отсутствіи виндикаціи и кондикціи [50]).

Замѣчательно, что всѣ вообще вольные союзы, когда либо существовавшіе въ Римѣ, носили публичный характеръ, возникли на почвѣ публичнаго права, причемъ одни исключительно составлялись для религіозныхъ цѣлей, другіе для какихъ либо родовъ дѣятельности, важныхъ съ точки зрѣнія государственной жизни, что однако не мѣшало и этимъ послѣднимъ имѣть свои sacra и получать до извѣстной степени сакральный характеръ. Къ числу первыхъ относятся разныя sodalitates, о которыхъ Гай говоритъ, что уже по законамъ XII таблицъ содалы, члены sodalitatis, имѣли право устанавливать для себя статуты по своему усмотрѣнію, подъ условіемъ ненарушенія государственныхъ законовъ [51]). Впрочемъ, возможно, что подъ sodales разумѣлись не только члены чисто сакральныхъ, но и всякихъ вообще коллегій, въ виду той интерпретаціи, которую дѣлаетъ Гай въ цитированномъ фрагментѣ, называя содалами вообще членовъ одной и тойже коллегіи. Сокральныя sodalitates стояли въ тѣсной связи съ родовыми союзами (gentes). Такъ какъ, согласно вышеуказанному, на нѣкоторые изъ родовыхъ союзовъ были возложены государствомъ publica sacra, то государство заботилось о поддержаніи покровительствуемаго имъ культа даже и въ случаѣ вымиранія рода, и поэтому или восполняло родъ чужеродцами, превращая такимъ образомъ gentem въ sodalitas, или пря-

---

[50]) De coll. 37.

[51]) Fr. 4 D. XLVII, 22: „sodales sunt qui ejusdem collegii sunt, quam Graeci ἑταιρείαν vocant; his autem potestatem facit lex pactionem quam velint sibi ferre, dum ne quid ex publica lege corrumpant“.

мо дозволяло образованіе новой sodalitatis. Въ республиканскія времена такіе союзы распространились по всему государству [52]). Весьма многія изъ нихъ превращались въ политическіе клубы (sodalitia), опасные для государственнаго порядка, но все таки и эти союзы предлогомъ для своего существованія дѣлали sacra, т. е. отправленіе культа извѣстному божеству. Кромѣ того, съ проникновеніемъ въ Римъ массы иностранныхъ культовъ, должна была явиться и масса жреческихъ коллегій, для служенія тому или другому иностранному божеству, не принадлежащему къ римскимъ государственнымъ богамъ, и слѣдовательно не могущему претендовать на дотацію и на субсидію со стороны государства [53]). Другую категорію вольныхъ союзовъ составляютъ союзы ремесленниковъ (collegia opificum et artificum) [54]), начало которыхъ нѣкоторыми возводится, на основаніи свидѣтельства Плутарха, къ королю Нумѣ Помпилію, тогда какъ нѣкоторые изслѣдователи высказываются даже за доисторическое ихъ происхожденіе и притомъ не политическое, а сакральное, въ томъ покрайней мѣрѣ смыслѣ, что жреческія коллегіи послужили образцомъ для нихъ [55]). Къ этимъ древнѣйшимъ коллегіямъ впослѣдствіи примкнули и другія ремесленныя коллегіи или цехи. Сюда же нужно отнести и компаніи мытарей (societates publicanorum), а также декуріи подчиненнаго магистратамъ служебнаго персонала, носившаго общее названіе аппариторовъ (т. е. qui magistratibus adparebant) [56]). Вообще о вольныхъ союзахъ римскаго государства слѣдуетъ сказать, что связь ихъ съ публичнымъ правомъ никогда не разрывалась, и

---

52) Marquardt, III, 133.

53) Ibidem, 140

54) Трубачей, кузнецовъ, плотниковъ, маляровъ, сапожниковъ, кожевниковъ, мѣдниковъ и гончаровъ.

55) См. объ этомъ у *Дирксена*, 7 и ср. Mommsen, De coll. 27, Marquardt, III, 135—136.

56) О тѣхъ и другихъ будетъ сказано подробно во II главѣ.

что, какъ говоритъ Гирке [57]), главными формами союзовъ всегда оставались цеховая связь по единству ремесла и связь для религіозныхъ цѣлей. Объ имущественныхъ отношеніяхъ союзовъ до конца республики трудно сказать что нибудь опредѣленное. Въ законахъ XII таблицъ коллегіямъ предоставлено было право установленія статутовъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы коллегіи имѣли права юридическаго субъекта гражданскаго права въ позднѣе выяснившемся значеніи этого слова. Не вытекаетъ этого вывода и изъ того обстоятельства, что коллегіи могли имѣть общія кассы, составлявшіяся изъ періодическихъ взносовъ членовъ [58]), тѣмъ болѣе что и государственныя жреческія коллегіи, какъ выше было объяснено, не были юридическими лицами. Изслѣдователями замѣчено, что устройство коллегій въ тотъ періодъ времени, когда онѣ, по свидѣтельству источниковъ, выступаютъ уже какъ признанные юридическіе субъекты гражданскаго права, оказывается копіей съ городской организаціи [59]). Это обстоятельство служитъ цѣннымъ указаніемъ какъ на историческую дату гражданской личности коллегій, такъ и на ту идейную подкладку, которая могла лежать въ основаніи этого олицетворенія: ассоціаціи, вольные союзы, съ полученіемъ правъ юридическаго лица, точно также не превратились въ фиктивныя, воображаемыя только, а не реальныя существа, какъ не превратились въ таковыя муниципальные города, и какъ не пре-

---

[57]) Ш, 67. Ср. Pernice, Labeo, I, 283.

[58]) Dirksen, 127. Коллегія хлѣбопековъ (pistorum), которая, судя по свидѣтельству источниковъ, обладала значительнымъ имуществомъ, именно всѣми предметами, составляющими полный инвентарь, необходимый для производства ремесла, и даже земельною недвижимостію, принадлежитъ къ числу коллегій позднѣйшаго происхожденія, да и свидѣтельства источниковъ относятся къ тому времени, когда коллегіи уже несомнѣнно имѣли права юридическаго лица. Ср. разсужденія по этому предмету самого же Дирксена на стр. 45—46. *Савиньи*, II, 254.

[59]) Dirksen, 47—48, Glück, XL, 12. Mommsen, De coll. 117. Cohn, 9.

вратилось потомъ въ фикцію государство съ началомъ императорскаго періода: личность связана съ извѣстною коллегіальною организаціей. Юридическая личность – это организованный союзъ гражданъ или членовъ коллегіи. Государство, города, союзы имѣли права и имущество еще прежде, чѣмъ юриспруденція нашла необходимымъ поставить ихъ въ положеніе частнаго лица для сферы имущественныхъ отношеній, и никакой фикціи, никакого воображаемаго, въ представленіи лишь существующаго, лица не требовалось, для того чтобы найдти субъектъ для этихъ отношеній союзовъ [60]). Что не наличная только, въ данный моментъ существующая, организація возводилась въ субъектъ правъ, и не наличные только въ данный моментъ существующіе члены имѣлись въ виду при облеченіи союзныхъ образованій правами юридической личности, это само собою вытекало изъ непрерываемости цѣли, преслѣдовавшейся тѣмъ или другимъ союзомъ, все равно какъ для

---

[60]) См. о Перице выше стр. 16 и ср. Bruns, Privatrecht (Holtzendorff's Encyklödadie der Rechtswissenschaft, 4 Aufl. 412): „римское воззрѣніе—чисто практическое и реалистическое. Universitas personae vice fungitur, совокупность членовъ въ ихъ единствѣ заступаетъ мѣсто лица", т. е. практически ставится на мѣсто единичнаго лица, не становясь, вслѣдствіе этого, особымъ фиктивнымъ существомъ. Объ Іерингѣ и Сальковскомъ, которые построили свои теоріи юридическихъ лицъ на источникахъ римскаго права и точно также отрицаютъ фикцію, будетъ сказано ниже. Ср. еще Dernburg, I, § 59. Mommsen (Staatsr. I, 192, Anm. 8) высказываетъ слѣдующее сужденіе: „такъ какъ община, въ качествѣ таковой, *недѣеспособна*, то она не можетъ непосредственно ни правъ пріобрѣтать, ни обязательствъ на себя налагать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ не требуется акта воли". Сужденіе это нельзя не назвать страннымъ, въ виду того, что раньше было сказано Моммзеномъ (стр. 46 и 50) о народномъ избраніи, какъ источникѣ магистратскихъ полномочій. Какимъ образомъ „недѣеспособная" община могла бы сообщить полномочіе своимъ магистратамъ? Если община не сама вступала во всѣ юридическія сдѣлки, то не вслѣдствіе своей „недѣеспособности", а по соображеніямъ цѣлесообразности, такъ какъ обширныя массы никогда не могутъ съ такимъ удобствомъ входить во всѣ детали управленія, какъ отдѣльныя лица. Дернбургъ также (I, 152) представляетъ корпорація неспособными къ волѣ и недѣеспособными, что совсѣмъ не вяжется съ его же собственнымъ опредѣленіемъ юридическихъ лица, какъ общественныхъ организацій (стр. 134).

области публичныхъ отношеній не могла имѣть значенія перемѣна личнаго состава въ государственныхъ учрежденіяхъ. Эту мысль съ совершенною ясностію выразилъ уже юристъ республиканскаго времени Альфенъ [61]), отвѣчая на вопросъ, нужно ли считать новымъ и инымъ судъ, если изъ судей, данныхъ для разрѣшенія извѣстнаго дѣла, нѣкоторые, по выслушаніи дѣла, представили уважительныя причины, по которымъ они не могутъ долѣе оставаться въ составѣ суда, вслѣдствіе чего они замѣнены другими лицами. Не только, говоритъ Альфенъ, если одинъ или двое, но если и всѣ судьи перемѣнятся, процессъ останется одинъ и тотъ-же, и судъ будетъ тотъ-же самый, что и раньше, подобно тому какъ напр. легіонъ остается одинъ и тотъ же, хотя бы многіе изъ солдатъ умерли и были замѣнены другими, или народъ остается тотъ же самый, что и за сто лѣтъ, хотя бы черезъ 100 лѣтъ не оставалось въ живыхъ никого изъ прежнихъ гражданъ, или корабль остается прежнимъ кораблемъ, хотя бы онъ былъ настолько реставрированъ, что въ немъ не уцѣлѣло бы ни одной старой доски, или наконецъ какъ наше собственное тѣло остается однимъ и тѣмъ же, не смотря на то, что, по словамъ философовъ, каждодневно частицы нашего тѣла выбываютъ и замѣняются другими. Эта же самая мысль юристомъ императорскаго времени, Ульпіаномъ, была выражена въ примѣненіи къ муниципальнымъ городамъ и другимъ союзамъ [62]). Облеченіе правами юридической личности именно города, гражданъ въ ихъ организованной совокупности, безъ пособія притомъ какой-либо фикціи, засвидѣтельствовано и

---

[61]) Fp. 76 D. V, 1.

[62]) Fr. 7 D. Ш, 4: „in decurionibus vel aliis universitatibus nihil refert, utrum omnes idem maneant an pars maneat vel omnes immutati sint“. Изъ того же самого взгляда объясняется законъ Антонина Пія о томъ, что оставленный императору легатъ, если бы императоръ умеръ раньше чѣмъ dies legati cedit, долженъ поступить къ его преемнику (fr 56 D. de legat II); совсѣмъ не то въ отношеніи къ императрицѣ (fr. 57 eod).

тѣми выраженіями источниковъ, въ которыхъ члены союза отожествляются съ самымъ союзомъ: вмѣсто „civitas", „municipium", „colonia", „curia" и проч. говорится о „cives", „municipes", „coloni", „decuriones" и проч.[63]). Кромѣ независимости существованія юридическаго субъекта отъ смѣны и выбытія отдѣльныхъ членовъ союза, какъ на существенную черту въ понятіи юридическаго субъекта, въ отличіе отъ товарищества, какъ договорнаго правоотношенія (societas) между отдѣльными лицами, не составляющими организованнаго цѣлаго, юристы и императоры указывали на то, что всѣ вообще отношенія союзовъ, какъ юридическихъ субъектовъ, и внутреннія и внѣшнія, не суть отношенія отдѣльныхъ членовъ союза. Частныя разъясненія этого пункта въ отвѣтахъ юристовъ и императорскихъ рескриптахъ, падающія на эпоху императорскую, показываютъ, что понятіе юридической личности союза, какъ субъекта гражданскаго права, создалось лишь въ позднѣйшее время и для многихъ представляло много неяснаго. Выяснено именно, что

1) имущество universitatis не есть имущество отдѣльныхъ членовъ по соразмѣрнымъ частямъ (pro rata) въ качествѣ сособственниковъ, а есть имущество особаго лица. Поэтому напр. городскіе театры, ристалища и т. п. суть собственность городовъ, а не отдѣльныхъ горожанъ, или общая касса колле-

---

[63]) Приведенными выраженіями источниковъ *Іерингъ* (Geist, III, Abth. 1, стр. 358) подкрѣпляетъ свою теорію юридическихъ лицъ, о которой будетъ сказано ниже, и которая въ отдѣльныхъ членахъ корпораціи или въ отдѣльныхъ дестинатарахъ. какъ бѣдные, больные и проч., видитъ истинныхъ юридическихъ субъектовъ, а то, что принято называть юридическимъ лицомъ, считаетъ лишь обращенною во внѣ формою проявленія его юридическихъ отношеній. Что корпорація и во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ не смѣшивалась съ отдѣльными членами, объяснено будетъ въ нижеслѣдующемъ текстѣ. Слѣдуетъ добавить, что у римлянъ подобнымъ же образомъ и слово: „patres" было обыкновеннымъ выраженіемъ вмѣсто слова: „senatus" изъ чего, разумѣется, нельзя заключать, что римляне представляли себѣ сенатъ только какъ ариѳметическую сумму отдѣльныхъ сенаторовъ, а слѣдуетъ то, что сенатъ разсматривался какъ организованное тѣло corpus.

гіи не есть собственность членовъ коллегіи[64]). Поэтому далѣе нѣтъ никакого препятствія, чтобы городской рабъ, или рабъ коллегіи принуждался къ показанію противъ или въ пользу отдѣльнаго гражданина, или отдѣльнаго члена коллегіи, ибо не отдѣльное какое либо физическое лицо есть господинъ этого раба, а городъ, или коллегія[65]). Поэтому же для вольноотпущенника города или коллегіи нѣтъ никакого препятствія вызывать, безъ особаго разрѣшенія, отдѣльнаго члена universitatis въ судъ, ибо патронатское отношеніе, исключающее возможность вызова въ судъ бывшаго господина бывшимъ рабомъ, существуетъ не между вольноотпущенникомъ и отдѣльными членами universitatis, а между вольноотпущенникомъ и самою universitas, къ которой онъ и долженъ имѣть надлежащее почтеніе, такъ что если бы ему пришлось имѣть судное дѣло къ нею, хотя бы въ лицѣ ея представителя, актора, онъ долженъ бы былъ получить особое разрѣшеніе (veniam edicti) на привлеченіе къ суду этого актора[66]).

2) Требованія universitatis не суть требованія ея членовъ, а равнымъ образомъ и долги ея не суть долги ея членовъ[67]).

3) Возможно, что universitas и ея отдѣльный членъ могутъ оказаться сонаслѣдниками, въ каковомъ случаѣ между ними, какъ и между сонаслѣдниками вообще, можетъ имѣть мѣсто judicium familiae erciscundae, finium regundorum и aq-

---

[64]) Fr. 6 § 1 D. I, 8. fr. 1 § 1 eod.

[65]) По этому поводу въ особенности часто требовались разъясненія (fr. 6 § 1 D. I, 8; fr. 1 § 7 D. XLVIII, 18), ибо, какъ говоритъ Перннце (Labeo, I, 278) адвокаты, натурально, всегда старались упирать на собственность своихъ кліентовъ въ рабахъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать взаимнымъ отводъ свидѣтельскихъ показаній этихъ послѣднихъ.

[66]) Fr. 10 § 4 D. II, 4. Чувство почтенія и благодарности, которое долженъ питать вольноотпущенникъ къ давшей ему свободу respublica, конечно, не свидѣтельствуетъ о томъ, какъ справедливо замѣчаетъ Баронъ (Gesammtrechtsverhältn. 20), чтобы римляне понимали подъ respublica нѣчто фиктивное.

[67]) Fr. 7 § 1 D. III, 4: „si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas singuli debent“.

uae-pluviae arcendae, т. е. между ними возможны иски о раздѣлѣ наслѣдства, о регулированіи поземельныхъ межъ, о направленіи стока дождевой воды [68]). Или возможно, что universitas получить фидеикомиссъ, съ цѣлью реституціи наслѣдства отдѣльнымъ ея членамъ [69]).

4) Universitates могутъ искать и отвѣчать на судѣ [70]), черезъ своего уполномоченнаго, актора или синдика, который не долженъ разсматриваться, какъ уполномоченный отъ отдѣльныхъ членовъ universitatis, ибо онъ дѣйствуетъ въ пользу общины или союза, а не въ пользу отдѣльныхъ лицъ [71]).

Однако, и по введеніи имущественныхъ отношеній союзовъ въ гражданскій оборотъ, съ приравненіемъ ихъ къ имущественнымъ отношеніямъ частныхъ лицъ, все еще, какъ будетъ указано ниже, для римскихъ юристовъ оставалось много неяснаго и спорнаго, и самая правоспособность союзовъ развивалась съ медленностію и постепенностію, и притомъ не для всѣхъ союзныхъ формацій одинаковымъ образомъ. Римскому праву, не только республиканскому, но и классическому, оставались неизвѣстны институты, учрежденія, или заведенія, которыя въ современной юриспруденціи принято разсматривать, какъ второй родъ юридическихъ лицъ, въ томъ отношеніи отличающійся отъ перваго, что организація института не разсчитана на какіе либо собственные для нея интересы, какъ напр. городская организація разсчитана на осуществленіе и охрану интересовъ города, организація коллегіи на интересы коллегіи, а служитъ общественнымъ пользамъ и нуждамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, при-

---

[68]) Fr. 9 D. III, 4.

[69]) Fr. 1 § 15 D. XXXVI, 1. Ср. еще fr. 20 (21) D. XXXIV, 5; fr. 2 eod.

[70]) Fr. 7 pr. D. III, 4.

[71]) Si municipes v l aliqua universitas ad agendum det actorem, non erit dicendum quasi a pluribus datum sic haberi: hic enim pro republica vel universitate intervenit, non pro singulis",

чемъ результаты дѣятельности институтной организаціи обращаются на пользу не членовъ ея, а разнаго рода нуждающихся, дестинатаровъ, постороннихъ для этой организаціи. Изъ времени, предшествующаго христіанскимъ императорамъ, какъ на нѣчто подобное, указываютъ на имущество боговъ и на питательныя учрежденія, явившіяся въ связи съ мѣрами императорскаго правительства, направленными противъ ужасающаго уменьшенія народонаселенія въ Италіи. Относительно имущества боговъ выше было замѣчено, что юридическая личность ихъ представляется рѣшительно своеобразною. Съ паденіемъ вѣры въ боговъ, образованные язычники могли придти къ взгляду на имущество храмовъ, не какъ на имущество боговъ, въ дѣйствительности существующихъ, а какъ на институтное имущество, предназначенное для цѣлей культа, однако и о самостоятельномъ институтѣ нельзя было бы говорить въ виду того отношенія, въ которомъ находилось государство къ сакральному имуществу. Что касается питательныхъ учрежденій, то уже Августъ своими извѣстными законами о бракѣ и о преимуществахъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ и имѣющихъ дѣтей, передъ холостыми и бездѣтными, намѣтилъ путь для позднѣйшихъ питательныхъ учрежденій. Траянъ къ прежнимъ получателямъ дароваго казеннаго хлѣба въ Римѣ [72]) прибавилъ 5000 дѣтей и, кромѣ того, распространилъ подобную же мѣру на цѣлую Италію. Примѣру Траяна слѣдовали Адріанъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій, Александръ Северъ, а примѣру императоровъ волей—неволей слѣдовали и многія частныя лица въ Италіи и въ провинціяхъ. Потребныя для алиментацій суммы обезпечивались

---

[72]) Бѣднымъ римскимъ гражданамъ безвозмездно выдавались отъ государства, въ интересахъ императорской политики, testerae frumentariae, т. е. марки или билеты на право полученія зерноваго хлѣба, на которыхъ обозначались день мѣсяца, мѣсто выдачи и количество подлежащаго выдачѣ хлѣба. Имена такихъ гражданъ вносились въ списки, которые выставлялись публично во всеобщее свѣдѣніе. Pernice, Parerga, 99.

поземельною собственностію частныхъ лицъ и общинъ той мѣстности, для которой онѣ предназначались, именно $^1/_{12}$ оцѣночной суммы поземельнаго участка, съ которой отчислялся умѣренный процентъ (5% или даже $2^1/_2$%) на дѣло пропитанія. На этотъ процентъ опредѣленному числу мальчиковъ и дѣвочекъ общины ежемѣсячно выдавался даровой хлѣбъ, но иногда, вмѣсто него, и опредѣленная денежная сумма, мальчикамъ до 18 л., дѣвочкамъ до 14 лѣтъ [73]). Названныя учрежденія не представляли собою чего либо подобнаго позднѣйшимъ домамъ для сиротъ и бѣдныхъ, больницамъ и т. п. заведеніямъ: раздача пособій производилась городскими должностными лицами, въ особенности часто квесторомъ городской кассы [74]). „Стоитъ лишь бросить взглядъ", говоритъ Іерингъ [75]), „на множество религіозныхъ институтовъ, упоминаемыхъ въ конституціяхъ христіанскихъ императоровъ, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ христіанство—какъ бы высоко или низко ни оцѣнивалось его нравственно-обновляющее вліяніе на римско-византійскій міръ, — въ одномъ направленіи все таки оказало безспорно облагороживающее вліяніе: это именно есть возбужденіе къ благотворительности и гуманности. Только съ христіанствомъ добродѣтель благотворенія воспрянула на степень вліятельнаго соціальнаго фактора. Этой добродѣтели не только выпало прекрасное призваніе смягчить бѣдственную участь цѣлыхъ классовъ населенія—соціальная задача, которую гражданскій оборотъ, руководившійся простымъ эгоизмомъ, вездѣ оставлялъ неразрѣшенною,—но вмѣстѣ съ тѣмъ всемірно-историческая миссія участвовать въ трудѣ насажденія христіанской церкви, путемъ доставленія необходимыхъ къ тому экономическихъ средствъ. Для того что-

---

[73]) Marquardt, II, 138.

[74]) Labeo, I, 254.

[75]) Zw. im R. I, 384.

бы сдѣлать это возможнымъ, христіанство должно было одержать верхъ надъ эгоизмомъ въ римскомъ правѣ“ [76]).

Кромѣ возбужденія христіанствомъ въ людяхъ духа благотворенія, отразившагося въ законодательствѣ христіанскихъ императоровъ признаніемъ массы богоугодныхъ заведеній, самое появленіе христіанской церкви въ мірѣ, какъ справедливо говоритъ Гирке [77]), не могло пройдти безслѣдно для исторіи юридическихъ лицъ. Въ органическихъ расчлененіяхъ церкви возникъ совершенно новый видъ союзовъ, признанныхъ въ качествѣ таковыхъ и императорскимъ законодательствомъ. Но этого мало. Церковь и ея расчлененія во всѣ времена разсматривались не только какъ общенія вѣрующихъ, какъ союзы лицъ, но и какъ учрежденія для вѣры, исполняющія въ непрерывномъ рядѣ вѣковъ волю своего Основателя. Обнимая совокупность вѣрующихъ и связывая ихъ въ одно цѣлое, церковная организація выводила свои полномочія на руководство церковными дѣлами вообще и на управленіе церковнаго имущества въ частности не изъ уполномоченія общества, а изъ высшей учредительной воли: эта воля должна составлять, такъ сказать, трансцедентный, сверхчувственный центръ, изъ котораго проистекаютъ и къ которому сводятся дѣйствія церковнаго спасительнаго аппарата. Поэтому на самомъ дѣлѣ въ жизнь, какъ и въ право, проникло воззрѣніе, что церковный субъектъ, съ которымъ связывается государствомъ имущественная правоспособность, есть Богомъ установленное и епископомъ представляемое учрежденіе спасенія, хотя въ за-

---

[76]) *Моммзенъ* (De coll. 90—91) полагаетъ, что вольныя коллегіи римскаго права учреждались для тѣхъ же цѣлей, которымъ впослѣдствіи, въ христіанскія времена, служили орфанотрофіи, птохотрофіи и т. п., и что большая часть явившихся позднѣе богоугодныхъ заведеній сводится „несомнѣнно“ къ похороннымъ коллегіямъ; но предположеніе его не имѣетъ за себя рѣшительно никакихъ историческихъ свидѣтельствъ.

[77]) Ш, 110 и сл.

конахъ перваго христіанскаго императора церковь еще рѣшительно представлялась какъ союзъ, какъ одна изъ тѣхъ коллегій, которыя были хорошо извѣстны римской юридической жизни, и въ числѣ которыхъ считала себя и церковь до признанія христіанства, для того чтобы легитимировать себя передъ правительствомъ языческой имперіи [78]). На языкѣ кодекса и новеллъ техническое выраженіе для совокупности церковно-юридическихъ субъектовъ есть: „ecclesiae", а для отдѣльнаго субьекта: „ecclesia", къ чему обыкновенно присоединяются предикаты: „sacrosancta, sanctissîma, sacratissima, venerabilis" etc. [79]). Изъ этого, а также изъ параллельнаго употребленія словъ: „domus, locus, aedes, martyrium, templum, oratorium", видно, какъ справедливо замѣчаетъ Гирке [80]), что церковь представлялась законодателю не союзомъ вѣрующихъ, а домомъ Божіимъ, учрежденіемъ для спасенія, съ которымъ и связана юридическая личность, какъ субъектъ правъ и обязанностей. Абстрактное понятіе института для простонародныхъ воззрѣній дѣлалось доступнымъ отчасти благодаря тому, что церковное имущество мыслилось какъ связанное съ церковнымъ зданіемъ, которое и являлось такимъ образомъ юридическимъ средоточіемъ имущественной массы, отчасти благодаря живучести языческихъ представленій, въ сообразность которымъ Самъ Христосъ и святые могли приниматься за собственниковъ. Но юриспруденція эпохи христіанскихъ императоровъ не оказалась въ силахъ конструировать надлежащимъ образомъ это новое явленіе юридической жизни. Она рѣшительно оставалась на прежней римской точкѣ зрѣнія, что юридическимъ субъектомъ гражданскаго пра-

---

78) См. объ этомъ во II т. моего „Курса церковнаго права", стр. 387 и сл. Löning, Gesch. d. deutsch. Kirchenr. I, 220 и сл. Gierke, III, 115.

79) L. 17, 26. C. I, 2; l. 48 (49) C. I, 3. Novellae VII, CXX, CXXIII, во многихъ мѣстахъ.

80) III, 116, прим. 15.

ва, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть только союзъ людей, хотя даже и въ государственной юридической жизни, какъ будетъ указано ниже, произошли настолько важныя измѣненія, что прежнее понятіе „universitatis“ должно было сильно поколебаться. Юриспруденція продолжала подводить подъ понятіе союза не только церкви и монастыри, но и всѣ богоугодныя заведенія, явившіяся при христіанскихъ императорахъ. Поэтому наприм. кодификаторы юстиніанова вѣка, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, удержали въ l. 1 C. I, 2 выраженіе Константина Великаго: „concilio“ въ примѣненіи къ церкви [81]). И самъ Юстиніанъ весьма часто употребляетъ выраженія: „consortium, collegium, coetus, corpus“, въ смыслѣ родовыхъ понятій, подъ которыя должны подходить всѣ церкви и всѣ церковные институты [82]). Практическаго неудобства это подведеніе институтовъ подъ понятіе союзовъ не должно было представлять ни для законодателя, ни для юриспруденціи; напротивъ практика юридической жизни вполнѣ благопріятствовала этому смѣшенію, такъ какъ и самое государство въ цѣломъ, и города получили институтный отпечатокъ. Какъ скоро императоръ соединилъ въ своихъ рукахъ всю сумму власти римскаго народа, надъ волею народа, надъ союзною или корпоративною волею, стала высшая воля императорская, изъ которой, какъ изъ своего источника, должны были получать свои полномочія всѣ подчиненные органы управленія [83]). Эта перемѣна должна была отразиться и на городахъ, въ которыхъ всѣ функціи публичной власти дол-

---

[81]) „Habeat unusquisque licentiam sanctissimo catholicae venerabilique c o n c i l i o decedens bonorum quod optavit relinquere“.

[82]) Такъ въ l. 20 C. I, 2 говорится о вещахъ, принадлежащихъ „ad venerabiles ecclesias vel xenones vel monasteria vel ptochotrophia vel brephotrophia vel orphanotrophia vel si quid a l i u d t a l e c o n s o r t i u m“. Въ l. 55 (57) C. I, 3. всѣ богоугодныя заведенія называются corpora (συστήματα); ср. l. 45 (46) eod. Nov. VII c. 2. 9. 12., а также эпилогъ къ этой новеллѣ.

[83]) Ср. *Гирке*, III, 52.

жны были исполняться императорскими делегатами. Хозяйство городовъ, по разнымъ причинамъ, не смотря на поощрявшуюся императорами поллицитацію въ пользу городовъ [84]), и на послѣдовательное расширеніе ихъ гражданской правоспособности, пришло въ крайній упадокъ, и не только населенію городовъ или городской общинѣ, но даже и декуріонамъ, членамъ городскихъ совѣтовъ или сенатовъ, обратившихся въ принудительно-наслѣдственную институцію, не приходилось осуществлять какихъ либо корпоративныхъ правъ, кромѣ распредѣленія государственныхъ податей и повинностей, тяготѣющихъ на общинѣ, такъ что масса населенія играла роль скорѣе дестинатаровъ института, чѣмъ членовъ корпораціи [85]).

Нѣкоторыми изслѣдователями существованіе институтовъ, какъ особыхъ юридическихъ субъектовъ даже и по христіанско-римскому праву отчасти совершенно отрицается [86]), отчасти представляется въ ложномъ свѣтѣ [87]). Въ противность отрицательнымъ взглядамъ, большинство юристовъ справедливо высказывается за самостоятельное существованіе институтовъ, какъ субъектовъ гражданскаго права, не смотря на связь ихъ съ церковью. Не только епископамъ и экономамъ церкви, но и администраторамъ страннопріимныхъ домовъ (ксе-

84) См. титулъ 12-й книги L дигестовъ: „de pollicitationibus".

85) Ср. *Гирке*, III, 25. *Муромцевъ*, 652.

86) Раньше отрицательный взглядъ былъ высказанъ Россгиртомъ (Rosshirt, Ueber juristischen Personen въ Archiv für die civilistische Praxis, B. X., 1827), по мнѣнію котораго Stiftungen были поставлены подъ покровительство церкви, и поэтому имъ вовсе не было надобности быть особыми моральными лицами, ибо институтныя имущества были res ecclesiae (стр. 321). Позднѣе Зродловскій (Das römische Privatrecht, I, 276) высказался въ томъ же смыслѣ, сравнивая институты христіанскаго времени съ питательными учрежденіями временъ языческой имперіи и считая тѣ и другія составными частями имущества общинъ, послѣднія—политическихъ, первыя—церковныхъ, на подобіе пекулія.

87) Такъ Ротъ (Ueb. Stift. 199) утверждаетъ, что институты по римскому праву не имѣли самостоятельной личности ни въ силу закона, ни въ силу распоряженій частной воли, но имѣли личность производную отъ церкви, такъ какъ могли быть учреждены лишь въ качествѣ церковныхъ институтовъ.

нодохій въ источникахъ приписывается право отыскивать наслѣдство, оставленное по завѣщанію въ пользу бѣдныхъ, такъ что слѣдовательно администраторы дѣйствовали въ процессѣ въ качествѣ органовъ института, какъ особаго юридическаго лица[88]). Затѣмъ, хотя всѣ богоугодныя заведенія несомнѣнно состояли въ связи съ церковью, но источники различаютъ такіе институты, которые учреждены на средства церкви, и такіе, которые являются въ силу распоряженій послѣдней воли умирающихъ: въ отношеніи къ послѣднимъ тестатору предоставлялось право назначить администраторовъ, или перенести это право на наслѣдника, причемъ епископамъ оставалось лишь право надзора за этими администраторами[89]). Считать богоугодныя заведенія составными частями имущества общинъ, какъ дѣлаетъ это Зродловскій, нельзя потому, что самыя ecclesiae, какъ выше объяснено, облекались правами юридическаго субъекта въ качествѣ не общинъ, а институтовъ. Само собою разумѣется, что всѣ вообще церковные институты, въ томъ числѣ и богоугодныя заведенія, имѣли личность производную отъ церкви, въ томъ смыслѣ, что служили церковнымъ цѣлямъ, на церковныя средства учреждались, или по-крайней мѣрѣ состояли подъ церковнымъ надзоромъ; но въ этомъ смыслѣ можно бы было сказать и о разныхъ союзахъ публичнаго характера, что они имѣютъ личность производную отъ государства, въ чемъ однако нельзя бы было видѣть основанія для отрицанія особенности и самостоятельности даннаго союза, какъ субъекта гражданскаго права. Приходскія церкви несомнѣнно имѣли производную личность отъ епископ-

---

[88]) L. 48 (49) §§ 1—3 C. I, 3. Ср. *Савиньи*, System, II, 271: „рѣшительное доказательство въ пользу индивидуальной самостоятельности этихъ институтовъ тоже самое, что и въ пользу отдѣльныхъ церквей,—способность ихъ состоять другъ съ другомъ, а равно съ государствомъ, городами, церквами, въ самыхъ разнообразныхъ юридическихъ отношеніяхъ“ (мѣна, сервитуты, купля).

[89]) L. 45 (46) § 3 C. I, 3; nov. CXXXI c. 10.

ской церкви и исторически выделились изъ нея [90]), точно также какъ монастыри несомнѣнно возникли на церковной почвѣ; но ни то ни другое не мѣшало ни приходскимъ церквамъ, ни монастырямъ быть особыми юридическими субъектами въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Наконецъ разсуждая о производномъ характерѣ церковныхъ и богоугодныхъ институтовъ, не нужно забывать, что церковь въ цѣломъ, какъ всеобщій союзъ и какъ всеобщее учрежденіе, связующее всѣхъ вѣрующихъ, не была облечена правами юридическаго субъекта по законодательству христіанскихъ императоровъ, хотя буквальный смыслъ вышеприведеннаго закона Константина Великаго [91]), повидимому, благопріятствовалъ этому. Слѣдовательно производная отъ церкви личность богоугодныхъ институтовъ не могла бы быть понимаема такъ, что церковь въ цѣломъ представлялась бы единымъ юридическимъ субъектомъ, въ имуществѣ котораго составными частями являлись бы разныя piae causae. Въ такомъ случаѣ съ большимъ основаніемъ можно бы было имущества политическихъ общинъ считать составными частями имущества государства, которое несомнѣнно, какъ таковое, въ цѣломъ, обладало качествомъ юридическаго субъекта. Если все вообще церковное имущество въ римско-христіанскомъ государствѣ находило для себя нѣкоторый объединяющій центръ, то этимъ центромъ была, собственно говоря, императорская власть, включившая церковь съ ея расчлененіями въ римское публичное право. Извѣстно выраженіе Юстиніана, въ которомъ онъ сближаетъ христіанскія res sacrae съ res publicae [92]). „Въ юстиніановыхъ источникахъ права“, говоритъ Гирке, „церковь является какъ

---

[90]) См. Löning, I, 146 и сл. *Суворовъ*, Курсъ, II, стр. 410.

[91]) См. выше прим. 81.

[92]) Nov. VII c. 2 § 1: „neque enim multum inter se differunt sacerdotium et imperium, neque res sacrae a rebus communibus et publicis, quum sanctissimis ecclesiis omnes opes atque status a munificentia imperatoris perpetuo praebeantur“.

многочленный церковный организмъ, въ которомъ стоитъ лишь имя императора замѣнить папой, чтобы получить образъ іерархически расчлененнаго духовнаго государства, рядомъ съ бюрократически расчлененнымъ свѣтскимъ государствомъ; это обстоятельство сдѣлало возможнымъ для средневѣковой юриспруденціи удержать и для своего времени церковное право, содержащееся въ Corpus juris civilis"[93]).

Наконецъ, разсматривая понятіе юридическихъ лицъ по римскому праву, мы должны коснуться еще одного, весьма спорнаго предмета, именно такъ называемаго лежачаго наслѣдства. Этимъ выраженіемъ римскіе юристы обозначали[94]) наслѣдство въ періодъ времени между его открытіемъ (delatio hereditatis), т. е. смертію наслѣдодателя, и между вступленіемъ наслѣдника въ наслѣдство (aditio hereditatis). Необходимость различать оба момента и слѣдовательно необходимость теоретически конструировать промежуточное состояніе между обоими моментами должна была явиться не по поводу законнаго наслѣдованія, т. е. не для тѣхъ случаевъ, когда „sui et necessarii heredes" получаютъ наслѣдство, такъ какъ для нихъ еще законами XII таблицъ было обезпечено пріобрѣтеніе наслѣдства въ моментъ его открытія[95]), а для тѣхъ случаевъ, когда наслѣдство открывается лицамъ постороннимъ (heredes extranei) по завѣщанію наслѣдодателя. Въ источникахъ можно прослѣдить нѣсколько разнообразныхъ и даже противорѣчивыхъ пріемовъ конструкціи лежачаго наслѣдства. Въ виду этого разнообразія и противорѣчія взглядовъ, въ западно-европейской наукѣ высказалось еще большее разнообразіе сужденій о римскомъ лежачемъ наслѣдствѣ.

Нѣкоторые, какъ напр. Савиньи[96]), Іерингъ[97]), Винд-

---

[93]) Ш, 114 пр. 8.

[94]) Напр. fr. 13 § 5 D. XLIII, 24

[95]) Baron, Pandekten, §§ 389 и 420. Ср. Becker, System, I, 199.

[96]) System, II, 363—372.

[97]) Passive Wirkungen, 389. 410 и сл., тогда какъ въ Abhandlungen онъ

шейдъ[98]), Кеппенъ [99]), Беккеръ[100]), Больце [101]), отрицаютъ юридическую личность лежачаго наслѣдства по римскому праву, тогда какъ большинство высказывается за юридическую личность, хотя и тутъ часто оспаривается правильность точки зрѣнія, на которую стало римское право въ вопросѣ о лежачемъ наслѣдствѣ. Можно считать констатированнымъ тотъ любопытный фактъ, что Лабеонъ, современникъ Августа, еще ничего не зналъ объ олицетвореніи лежачаго наслѣдства [102]), и слѣдовательно теоретическія операціи по части олицетворенія лежачаго наслѣдства начались не ранѣе того времени, какъ вошло въ обращеніе между юристами понятіе юридическаго субъекта гражданскаго права, не совпадающаго съ естественнымъ лицомъ. Лабеонъ, выразившій воззрѣніе предшествующей юриспруденціи, которое, впрочемъ, проглядываетъ нерѣдко и у позднѣйшихъ юристовъ, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что наслѣдственныя вещи, въ періодъ лежачаго наслѣдства, суть вещи безхозяйныя, ничьи [103]). Безхозяйность однако не заключала въ себѣ ничего угрожающаго для инте-

---

еще защищалъ, съ разными оговорками, фиктивную личность лежачаго наслѣдства; впрочемъ и въ Passive Wirkungen на стр. 413 Іерингъ не можетъ отрицать, что римская юриспруденція прибѣгала къ попыткѣ олицетворенія, какъ къ средству крайней необходимости, не зная лучшаго средства къ тому, чтобы юридически конструировать лежачее наслѣдство.

[98]) Ruhende Erbschaft, 186, 191 и сл., а также Actio des röm. Civilrechts, 1856, въ приложеніи, стр. 236, но въ Pandekten (III, стр. 13) онъ допускаетъ, что римскому праву не чуждо было олицетвореніе.

[99]) Erbschaft, въ особен. стр. 89—90.

[100]) System, I, 199—200. 211.

[101]) 49 и сл. *Дернбургъ*, I, 144, находитъ, что лежачее наслѣдство имѣетъ только нѣкоторое сходство съ юридическими лицами.

[102]) Fr. 64 D. XXVIII, 5; fr. 13 § 5 D XLIII, 24. Ср. Pernice, Labeo, I, 358, 361, Jhering, Abhandl. № 3, стр. 194. Тоже нужно сказать и о Сабинѣ въ виду fr. 10 D. XXXVI, 3. Jhering, 195. Ср. *Муромцевъ*, 668.

[103]) Таже самая мысль выражена и въ разныхъ другихъ мѣстахъ источниковъ. Если даже fr. 1 pr. D. I, 8 понимать такъ, что res hereditariae въ томъ же смыслѣ безхозяйны, какъ и res universitatum, т. е. что онѣ не принадлежатъ никакому отдѣльному опредѣленному человѣку (Arndts, Pand. § 465;

ресовъ будущаго наслѣдника, какъ потому что уже законами XII таблицъ былъ обезпеченъ переходъ наслѣдства къ наслѣднику (впрочемъ только suo heredi), такъ и потому, что уже рано было признано продолжающееся существованіе правъ кредиторовъ въ отношеніи къ имуществу умершаго [104]), слѣдовательно тѣмъ самымъ было признано и продолжающееся существованіе наслѣдства въ цѣломъ, какъ всей совокупности (universitas) имущественныхъ отношеній умершаго. Такъ напр. о наслѣдственномъ рабѣ (servus hereditarius), т. е. принадлежащемъ къ составу наслѣдственной массы, юристъ Яволенъ говоритъ, что такого раба нельзя приравнивать къ дереликвированному, т. е. оставленному или брошенному хозяиномъ рабу, такъ какъ наслѣдственный рабъ *сдерживается* универсальнымъ правомъ наслѣдства [105]). Или наприм. Сабинъ призналъ отвѣтственными поручителей за долгъ главнаго должника по выдачѣ условнаго легата, если условіе наступаетъ, а между тѣмъ главный должникъ умеръ и наслѣдникъ его еще не вступилъ въ наслѣдство: отвѣтственность поручителей въ этомъ случаѣ юристъ не старается оправдать какими либо техническими соображеніями, а обосновываетъ просто на требованіи здраваго смысла, что „легатъ во всякомъ случаѣ долженъ быть выданъ легатару" [106]). Подобнымъ же образомъ Помпоній оправдывалъ отвѣтственность конституента, подтвердившаго и обѣщавшаго уплатить (constitutum debiti alieni) долгъ умершаго должника ante aditam hereditatem: конститутъ въ этомъ случаѣ имѣетъ юридическую силу потому, го-

---

Baron, Pand. § 389): то въ другихъ мѣстахъ трудно бы было усмотрѣть что-либо кромѣ дѣйствительной и въ собственномъ смыслѣ безхозяйности. См. fr. 3 pr. D. XV, 1; fr. 6 D. XLVII, 19; fr. 9 D. XXII, 2.

[104]) Gai, IV, 35. Jhering, Abhandl. 112. Ср. Scheurl, Beiträge, 33. Pernice, Labeo, I, 358.

[105]) Fr. 36 D. XLV, 3: „hereditatis jure retinetur... universo hereditatis jure continetur".

[106]) Fr. 10 D. XXXVI, 3: „quia omnimodo dari oportet legatum".

ворить Помпоній, что „подтвержденъ все таки *долгъ*[107]), т. е. долгъ остается долгомъ и слѣдовательно долженъ быть уплаченъ. Затѣмъ, въ интересахъ наслѣдника дѣйствовало, покрайней мѣрѣ до Юліана, правило объ обратномъ дѣйствіи вступленія наслѣдника въ наслѣдство, т. е. наслѣдникъ, какъ скоро онъ вступилъ въ наслѣдство, признавался вступившимъ со дня смерти наслѣдодателя[108]), — правило, которое, впрочемъ, и послѣ Юліана высказывалось нѣкоторыми юристами. Однако, съ формальной точки зрѣнія, наслѣдникъ былъ все таки не гарантированъ въ цѣлости наслѣдства, такъ какъ наслѣдство, въ качествѣ безхозяйнаго имущества, могъ захватить и узукапировать всякій, и притомъ не болѣе какъ въ годичный срокъ[109]). Правда, эта т. н. usucapio pro herede, какъ говоритъ проф. Муромцевъ[110]), свидѣтельствуетъ лишь объ извѣстной крѣпости общинно-родовыхъ отношеній во время возникновенія этого института: „*юридически* завладѣть наслѣдствомъ могъ любой гражданинъ по желанію, *на дѣлѣ же* это завладѣніе должно было состоять подъ ближайшимъ контролемъ родичей и вообще лицъ, близкихъ къ умершему наслѣдодателю, а затѣмъ и всего общества, общественное мнѣніе указывало, кто въ данномъ случаѣ, за отсутствіемъ ближайшихъ наслѣдниковъ, имѣлъ преимущественное право на захватъ наслѣдства, такъ что этотъ захватъ, на видъ произвольный, служилъ на самомъ дѣлѣ средствомъ регулированія наслѣдственныхъ отношеній". Однако, heredes extranei не только юридически, но и фактически не были гарантированы отъ захвата кѣмъ либо открывшагося для нихъ наслѣдства. Затѣмъ, въ связь съ безхозяйностію же наслѣдства, какъ ка-

---

107) Fr. 11 D. XIII, 5: „quoniam debita pecunia constituta est.

108) Fr. 138. 193 D. L, 17; fr. 28 § 4 D. XLV, 3; fr. 54 D. XXIX, 2. См. объ этомъ Jhering, Abhandl. 178 и сл.

109) Gai, II, 52—56.

110) 225.

жется, нужно поставить то обстоятельство, что, по римскому праву, не допускалась actio furti по поводу кражи наслѣдственныхъ вещей, т. е. присвоеніе наслѣдственныхъ вещей, въ то время пока наслѣдникъ еще не вступилъ въ наслѣдство, не разсматривалось какъ кража и слѣдовательно оставалось безнаказаннымъ [111]), что не могло казаться соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости. Кромѣ того, римское наслѣдство обыкновенно заключало въ своемъ составѣ рабовъ, которые могли пріобрѣтать своему хозяину напр. посредствомъ стипуляціи и даже путемъ полученія наслѣдства, что могло случиться не только при жизни хозяина, но и hereditate jacente, не говоря уже о томъ, что наслѣдство, даже и безъ пріобрѣтательныхъ дѣйствій рабовъ, могло подвергаться юридическимъ измѣненіямъ, т. е. приращаться или умаляться. Въ особенности, въ случаѣ назначенія наслѣдственныхъ рабовъ наслѣдниками, самъ собою возникалъ вопросъ, чьею правоспособностію опредѣляется правоспособность раба въ отношеніи къ открывшемуся наслѣдству — правоспособностію ли умершаго господина, который, если бы былъ живъ, былъ бы способенъ къ наслѣдованію, какъ обладающій законною testamenti factio, или правоспособностію будущаго наслѣдника, который, можетъ быть, не обладаетъ таковою testamenti factio.

Повидимому, Сальвію Юліану, современнику императора Адріана [112]), принадлежитъ установленіе принципіальнаго по-

---

[111]) Впрочемъ, объясненія существуютъ разныя. Юлій Павелъ весьма ясно выводитъ невозможность кражи наслѣдственныхъ вещей изъ безхозяйности ихъ (fr. 6 D. XLVII, 19; того-же мнѣнія *Дернбургъ*, Pand. III, стр. 108). Напротивъ Сцевола (fr 1 § 15 D. XLVII, 4) и за нимъ *Іерингъ*, (Abhandl. 164—166) объясняетъ эту невозможность не отсутствіемъ хозяина, а отсутствіемъ владѣльца. Нѣкоторые наконецъ объясняютъ это тѣмъ, что, по причинѣ узукапіи pro herede, кража составныхъ частей лежачаго наслѣдства невозможна юридически, ибо usucapio pro herede возможна была и при недобросовѣстномъ владѣніи. См. Unger, Oesterr. Privatrecht, III, 39 Anm. 15. Pernice, Labeo, I, 362. Unterholzner, Ausführliche Entwickelung der gesammten Verjährungslehre, Leipz. 1828, B. I, 217.

[112]) Jhering, Abhandl. стр. 200 и сл. Pernice, 367. Windscheid, Ruhende Erbschaft, 200. Dernburg, III, 109.

ложенія, что наслѣдство продолжаетъ носить на себѣ личность наслѣдодателя, функціонируетъ вмѣсто умершаго наслѣдодателя [113]). Эта мысль въ разныхъ мѣстахъ источниковъ выражается различными оборотами рѣчи: „hereditas personae defuncti vicem fungitur" [114]), „personam defuncti snstinet" [115]), „domini locum obtinet" [116]), „domini loco habetur" [117]), „pro domino habetur" [118]), „personae vicem sustinet" [119]). Но иногда говорится еще рѣшительнѣе, что само наслѣдство считается, или даже есть хозяинъ (dominus habetur, domina est) [120]). Что въ тѣхъ и другихъ оборотахъ рѣчи содержится одна и таже мысль, что наслѣдство потому и разсматривается какъ хозяинъ, что носитъ на себѣ личность умершаго хозяина, а не двѣ разныя мысли, это съ совершенною ясностію усматривается изъ синонимическаго употребленія ихъ Гаемъ: „creditum est hereditatem dominam esse defuncti locum obtinere" [121]). Наконецъ юристъ Флорентинъ даже прямо сопоставляетъ ле-

---

113) Fr. 33 § 2 D. XLI, 1: „nam et condictio, quotiens servus hereditarius stipulatur vel per traditionem accipit, ex persona defuncti vires assumit, ut Iuliano placet; cujus et valuit sententia testantis personam spectandam esse opinantis", т. е. Юліану именно приписывается мнѣніе, что, при рѣшеніи вопроса о правоспособности рабовъ къ пріобрѣтеніямъ по стипуляціи и по традиціи, должна быть принимаема во вниманіе личность тестатора, каковое мнѣніе, прибавляется въ цитированномъ фрагментѣ, и получило признаніе.

114) Fr. 116 § 3 D. de leg. I.

115) Fr. 34 D. XLI, 1.

116) Fr. 13 § 5 D. XLIII, 24.

117) Fr. 15 pr. D. XI, 1.

118) Fr. 61 pr. D. XLI, 1.

119) § 2 J. II, 14.

120) Fr. 13 § 2 D. IX, 2; fr. 1 § 1 D. XLXII, 4. Сюда же должны быть относимы многочисленныя мѣста, гдѣ о представленіи наслѣдствомъ личности наслѣдодателя ничего не говорится, а hereditas просто на просто является субъектомъ правъ и обязанностей, какъ напр. выраженія: „hereditatem obligare, hereditati adquirere, se hereditati obligare" и т. п. (fr. 55 § 1 D. de leg. II; fr. 11 § 2 D. XLVI, 4; fr. 20 (21) § 1 D. III, 5 и др.).

121) Fr. 31 § 1 D. XXVIII, 5.

жачее наслѣдство съ муниципіями и коллегіями, говоря, что hereditas точно такъ же „personae vicem fungitur", какъ и тѣ союзныя образованія, которыя юриспруденція ввела въ гражданскій оборотъ съ правами юридическихъ субъектовъ[122]). Новое теченіе въ юриспруденціи отразилось быстро и на императорскомъ законодательствѣ. При Адріанѣ же, современникѣ Юліана, состоялся сенатусконсультъ, объявившій недѣйствительною узукапію pro herede въ ущербъ наслѣднику[123]); затѣмъ при Маркѣ Авреліѣ похищеніе наслѣдственныхъ вещей было квалифицировано, какъ crimen expilatae hereditatis, подлежащее уголовному наказанію[124]).

Въ виду вышеизложеннаго, трудно отрицать, что классическая юриспруденція, при олицетвореніи лежачаго наслѣдства, прибѣгала къ помощи фикціи, т. е. лицо не существующее въ дѣйствительности, мыслила какъ существующее въ періодъ времени между delatio и aditio hereditatis. Однако эта фикція имѣла нѣчто особенное отъ позднѣйшихъ фикцій западно-европейской юриспруденціи: по позднѣйшимъ взглядамъ, юридическое лицо есть фиктивное въ томъ смыслѣ, что оно въ дѣйствительности никогда не существовало, не существуетъ и не можетъ существовать именно потому, что оно есть продуктъ мышленія, искуственно созданное лицо, а не явленіе дѣйствительной жизни; напротивъ римскіе юристы, олицетворяя лежачее наслѣдство, не увлекались такъ далеко въ область фантазіи и допускали не болѣе и не менѣе, какъ только то, что умершее лицо, существовавшее въ дѣйствительности и оставившее неизгладимый слѣдъ своей личности въ имуществѣ и въ имущественныхъ отношеніяхъ, завязанныхъ имъ при жизни, на короткое время предполагается какъ бы

---

122) Fr. 22 D. XLVI, 1: „hereditas personae vicem fungitur, sicuti municipium et decuria et societas".

123) G a i, II, 57.

124) Fr. 1 D. XLVII, 19.

живымъ еще, въ интересахъ конечно не своихъ, а въ интересахъ имѣющаго занять его мѣсто наслѣдника. Послѣдняя мысль, что интересы наслѣдника составляютъ собственно центръ тяжести всего юридическаго построенія лежачаго наслѣдства, сама собою, конечно, разумѣющаяся по требованіямъ здраваго смысла, замѣчательнымъ образомъ высказывалась и послѣ Юліана. „Наслѣдникъ и наслѣдство, говоритъ юристъ Яволенъ, это два названія, но оба они заступаютъ одно и тоже лицо" [125]). А Помпоній выразился даже, что наслѣдство представляетъ временно личность наслѣдника [126]). Насколько олицетвореніе лежачаго наслѣдства отличалось отъ другихъ олицетвореній римскаго права въ отношеніи къ объему усвояемой ему правоспособности, будетъ сказано ниже. А изъ того, что выше изложено, можно, какъ кажется, вывести совсѣмъ не то заключеніе, какое вывелъ Гирке изъ источниковъ римскаго права. Римскіе юристы были мало расположены заниматься спекуляціями, отрѣшенными отъ дѣйствительности, и умозрительное оперированіе надъ фикціями можно всецѣло отнести на счетъ средневѣковой юриспруденціи, къ которой мы те-

---

[125]) Fr. 22 D. XLI, 3: „heres et hereditas tametsi duas appellationes recipiunt, unius personae tamen vice funguntur". Ср. fr. 1 § 6 D. XLVII, 10; fr. 35 D. XLV, 3 и еще pr. J. III, 17. Фрагментъ Яволена въ Базиликахъ переведенъ по гречески такъ: „κληρονόμος καὶ κληρονομία ἓν πρόσωπον νομίζεται". См. еще Nov. XLVIII, praef.

[126]) Fr. 24. i. f. D. XLVI, 2: „morte promissoris non extinguitur stipulatio, sed transit ad h e r e d e m, c u j u s p e r s o n a m interim hereditas sustinet". Такъ читается это мѣсто по флорентинскому списку дигестовъ; въ другомъ спискѣ (Vulgata) вставлено слово: illius, такъ что читается: „ad heredem i l l i u s cujus personam etc." *Савиньи,* System, II, 366, считаетъ правильнымъ послѣднее чтеніе. Но не невѣроятно, что слово „illius" вставлено въ вульгатѣ позднѣйшею рукою неизвѣстнаго законника, которому чтеніе флорентинскаго списка казалось соблазнительнымъ, по его рѣзкому противорѣчію съ тѣмъ принципомъ, что hereditas non heredis, sed defuncti personam sustinet, какъ это ясно выражено было Ульпіаномъ (fr. 34 D. XLI, 1) и въ институціяхъ Юстиніана (§ 2 J. II, 14). K o e p p e n, 85. J h e r i n g, Abhandl. 185. A r n d t s, Pand. § 465 Anm. 1.

перъ и переходимъ, и развитіе которой превосходно представлено самимъ же Гирке[127]).

Въ средніе вѣка, какъ извѣстно, юриспруденція образовала двѣ вѣтви: свѣтскую и каноническую, представлявшіяся легистами и канонистами. Древнѣйшіе легисты-глоссаторы стояли буквально на почвѣ источниковъ римскаго права, подводя всякіе вообще юридическіе субъекты, не совпадающіе съ естественнымъ лицомъ, подъ корпоративную схему, и прилагая къ нимъ римскіе термины: „universitas“ и „collegium“. Къ universitates причислялась также и „ecclesia“, именно въ смыслѣ мѣстнаго союза, т. е. при тогдашнемъ церковномъ устройствѣ, конечно, не въ смыслѣ мѣстнаго общества вѣрующихъ, а въ смыслѣ клерикальной ассоціаціи или совокупности духовныхъ лицъ, состоящихъ при церкви. Такимъ образомъ составилась слѣдующая дефиниція церкви: „ecclesia dicitur collectio vel coadunatio virorum vel mulierum in aliquo sacro loco constitutorum vel constitutarum ad serviendum Deo“[128]). Тотъ фактъ, что въ дѣйствительности существовали такія церкви, при которыхъ состояло только одно духовное лицо, а не союзъ лицъ, просто на просто игнорировался. Еще менѣе затрудняли легистовъ богоугодныя заведенія, которыя съ одной стороны можно было причислять къ ecclesiae, а съ другой стороны можно было подводить подъ родовое понятіе: „collegia“ и „corpora“, такъ какъ находящіеся въ госпиталѣ или въ домѣ призрѣнія бѣдные (personae miserabiles), по стариннымъ представленіямъ, составляли коллегію. Мало того, глоссаторы даже и понятіе о государствѣ, какъ оно выражено было въ источникахъ римскаго права, примѣняли буквально къ импе-

---

[127]) Развитіе ученія объ юридическомъ лицѣ, основываясь главнымъ образомъ на „Deutsches Genossenschaftsrecht“ Гирке, въ русской литературѣ представилъ, не совсѣмъ впрочемъ ясно, *Л. Гервагенъ*: „Развитіе ученія объ юридическомъ лицѣ“, Спб. 1888.

[128]) Gierke, III, 196.

ріи своего времени, которую они отожествляли съ римскою имперіей императорскаго времени, упоминаніе въ источникахъ о сенатѣ и народѣ примѣняли буквально къ римскому сенату и народу своего времени, королей и другихъ свѣтскихъ властей представляли занимающими мѣсто римскихъ магистратовъ съ производною властію и территоріи ихъ занимающими мѣсто римскихъ провинцій и городовъ. Съ этой точки зрѣнія всякій народъ, всякій городъ и всякая республика въ обширномъ смыслѣ подводились подъ римское понятіе „universitatis“, причемъ однако дѣлалось сильное удареніе на то, что каждая universitas имѣетъ своего главу (rector universitatis), которому приписывается совокупность начальственныхъ, какъ бы выдѣленныхъ изъ корпоративной сферы, правомочій [129]). Но если легисты, держась за источники римскаго права, подводили церкви и церковные институты подъ римское понятіе universitatis, не смотря на то, что дѣйствительность не совсѣмъ соотвѣтствовала этому понятію; то канонисты ушли и еще дальше, передѣлавъ корпоративное понятіе universitatis въ чисто институтное, не переставая однако держаться за римскую терминологію. Съ точки зрѣнія канонистовъ тѣмъ менѣе можно было говорить о корпоративномъ союзѣ въ собственномъ смыслѣ, какъ носителѣ правъ, что среднимъ вѣкамъ вообще неизвѣстна была идея, что корпорація получаетъ качество юридическаго субъекта исключительно для имущественныхъ цѣлей, т. е. корпорація во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни разсматривалась, какъ единый юридическій субъектъ, которому даже принадлежитъ собственное jus publicum [130]). Уже въ христіанской церкви древней римской имперіи институтная идея какъ мы видѣли выше, восторжествовала надъ корпоративною, хотя юриспруденція и законода-

---

[129]) O. c. 197—199.
[130]) O. c. 359.

тельство не сошли съ почвы корпоративныхъ воззрѣній. И средневѣковые канонисты пошли въ томъ же направленіи, которому благопріятствовали ходъ развитія церковной жизни и весь строй церковный. Если и церковь разсматривается канонистами, говоритъ Гирке [131]), какъ общеніе вѣрующихъ, какъ coetus universalis или какъ universitas, то этимъ означается только ея пассивный кругъ дѣйствія, только базисъ ея мистическаго тѣла; ея живое единство лежитъ въ ея Божественномъ Главѣ и земномъ Его представителѣ. Основаніе ея единства и устройства, одушевляющаго и оживляющаго весь ея организмъ, есть не соединенная воля членовъ, а единая воля ея Основателя. Жизнь ея течетъ съ высоть единаго центральнаго пункта въ низменности состоящихъ подъ ея господствомъ областей; божественная воля проводится и распространяется сверху внизъ черезъ земнаго представителя Христа — папу, и если конструируемой такимъ образомъ универсальной церкви придавалась юридическая личность, то, разумѣется, источникомъ этой личности не могла быть совокупность членовъ, а единственно Богъ и посредственно Его земной представитель. А поэтому и отдѣльныя церкви суть не что иное, какъ получившіе самостоятельность, для внѣшнихъ цѣлей, члены универсальной церкви, имѣющіе одну съ нею природу, воспроизводящіе въ тѣсныхъ границахъ ея существо; изъ универсальной церкви проистекаетъ ихъ жизнь и туда же она возвращается; воплотившаяся въ нихъ воля есть индивидуализированная и локализованная форма проявленія одной и той же учредительной воли, которая одушевляетъ и универсальную церковь; поэтому и личность той или другой церкви стоитъ внѣ и выше ея носителей, т. е. совокупности клириковъ. Канонисты пользовались однако тѣми же римскими терминами, какъ и легисты, принимая за синонимы: corpus, collegium, societas, communitas, congregatio, collectio и т. п., впрочемъ, преиму-

131) II, 555 и III, 249.

щество обыкновенно отдавалось слову „corpus“, которымъ всего легче можно прикрыть недостатокъ корпоративной основы. Поэтому они еще менѣе, чѣмъ легисты, могли смущаться фактическимъ существованіемъ церквей не коллегіатскихъ, т. е., имѣющихъ при себѣ не совокупность духовныхъ лицъ, а одно духовное лицо, напр. приходскаго священника. Въ коллегіатскихъ же церквахъ они, подобно легистамъ, могли находить даже и корпоративную основу, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ клерикальномъ, и учили, что епископъ, аббатъ или иной прелатъ есть глава, а соединенные въ духовную ассоціацію клирики или монахи суть члены, всѣ же вмѣстѣ составляютъ единое corpus церкви. Однако на это „corpus“ и смотрѣли не болѣе и не менѣе, какъ на тѣло только, а не какъ на самую церковь; съ возрастающею рѣзкостію высказывалось, что прелатъ и коллегія *не суть* церковно-юридическій субъектъ, а только *представляютъ* его. А если такъ, если личность составляется не тѣломъ, а только оживляющимъ это тѣло духовнымъ единствомъ, и если это невидимое единство есть не что иное, какъ олицетворенная мѣстная вѣтвь универсальнаго божественнаго учрежденія для спасенія человѣчества, то не было уже никакихъ препятствій олицетворять и отдѣльныя должности съ юридически обособленнымъ имуществомъ (beneficium, mensa episcopalis, praebenda канониковъ). Такъ далеко ушли канонисты отъ римскихъ universitates, все еще держась за римскую терминологію! Не излишне будетъ добавить, что канонисты первые стали прямо и безъ обиняковъ называть universitas, какъ юридическій субъектъ, *лицомъ*, persona, примѣнивъ этотъ терминъ, конечно, прежде всего къ церкви и обосновавъ его на тѣхъ аллегорическихъ изображеніяхъ въ церковныхъ источникахъ, гдѣ церковь представляется какъ sponsa, uxor, mater или filia [132]).

---

[132]) III, 278.

Чрезвычайно важное значеніе для средне-вѣковой юриспруденціи, какъ канонической, такъ и свѣтской (легистовъ—поглоссаторовъ) имѣлъ папа Иннокентій IV, вліяніе котораго на юриспруденцію съ половины XIII в. Гирке сравниваетъ съ вліяніемъ Савиньи на юриспруденцію нынѣшняго столѣтія. Иннокентій именно былъ творцомъ того юридическаго догмата, который господствовалъ до послѣдняго времени, что юридическое лицо есть фикція. Поводомъ къ происхожденію теоріи фикціи были довольно любопытные вопросы церковнаго права, напр. можетъ ли universitas подлежать отлученію отъ церкви, допускаться къ присягѣ, быть воспріемницей дѣтей при крещеніи и наконецъ вопросъ, столько же интересовавшій цивилистовъ, какъ и канонистовъ, обнимаетъ ли встрѣчающееся въ законахъ и договорахъ выраженіе: „всякое лицо“, или „всякій“ также и юридическое лицо. Иннокентій впервые установилъ то положеніе, что корпорація, какъ таковая, есть безтѣлесное, мыслимое лишь существо,—это есть не что иное какъ юридическое понятіе, не совпадающее съ понятіемъ связанныхъ лицъ, а поэтому и не можетъ подлежать отлученію; какъ безтѣлесное существо, она не имѣетъ способности воли и не можетъ дѣйствовать сама, а только черезъ своихъ членовъ. Философскій номинализмъ послужилъ затѣмъ подспорьемъ для ученія Иннокентія: стали прибѣгать къ аналогіи родовыхъ понятій для подкрѣпленія той мысли, что и universitas, какъ universitas, т. е. какъ родовое понятіе, есть не что иное, какъ абстракція мышленія безъ всякой реальности [133]). Иннокентій же впервые сталъ проводить теоретическія границы между корпораціей и товариществомъ (societas). Корпораціи онъ раздѣлилъ на collegia realia (каковы civitates, burgi, ecclesiae) и personalia (каковы collegia professionum, negotiationum, officiorum, religionum, scholarium, вообще тѣ

---

[133]) 280—281. 348.

соедиченія, въ которыхъ, кромѣ союза лицъ, имѣется еще имущественный субстратъ), причемъ заявилъ прямо, что дѣленіе это онъ не изъ источниковъ римскаго права почерпнулъ, а самъ изобрѣлъ [134]).

Любопытную однако судьбу имѣла установленная Иннокентіемъ теорія фикціи въ средневѣковой юриспруденціи. Она сдѣлалась общимъ достояніемъ канонистовъ и легистовъ-поглоссаторовъ, но и тѣ и другіе сдѣлали существенное отступленіе отъ нея въ отношеніи къ волеспособности и деликтоспособности юридическихъ лицъ. Здѣсь жизнь, какъ говоритъ Гирке, оказывалась сильнѣе, чѣмъ теоретическая послѣдовательность: идея уголовной отвѣтственности союзовъ слишкомъ глубоко коренилась въ сознаніи времени и слишкомъ широко развѣтвилась въ законодательствѣ и практикѣ, чтобы могла быть искоренена при помощи одной логической дедукціи. Большинство канонистовъ, не оспаривая фиктивной природы universitatis, какъ существа „бездушнаго и некрещенаго“, въ отношеніи къ деликтоспособности и наказуемости корпорацій поддерживало противоположный воззрѣнію Иннокентія принципъ, опираясь на одинъ канонъ изъ лжеисидоровскаго сборника, который говоритъ, что церковь не должна брать себѣ другаго епископа при жизни своего прежняго епископа, чтобы не впасть въ преступленіе блуда или прелюбодѣянія. Глосса замѣчаетъ къ этому канону: „ergo ecclesia potest delinquere et etiam universitas“ [135]). Легисты, съ Бартоломъ во главѣ, вполнѣ усвоили каноническую теорію фикціи. Universitas, разсуждали они „tanquam universitas et persona ficta“, или „considerata in se ipsa“, есть простое „nomen juris“, нечувственное и невидимое, въ понятіи лишь существующее, и если она называется „corpus“, то это не „corpus verum, а „corpus mysticum, fictum, repraesentatum, imaginatum, intel-

---

[134]) 287.

[135]) 343.

lectuale“[136]). По мѣрѣ того какъ „persona“ становилась техническимъ терминомъ для обозначенія universitatis, тѣмъ болѣе это „лицо“ стали противополагать „истинному“ лицу, какъ представляемое лишь, воображаемое лицо — persona repraesentata et ficta. Отсюда, повидимому, слѣдовало бы, что это лицо, какъ простое понятіе, не имѣетъ ни души, ни тѣла, ни воли, а стало быть не можетъ и деликтовъ совершать. Но изъ фикціи, какъ оказалось, можно было сдѣлать и дальнѣйшее употребленіе: „universitas vel collegium, говорили легисты, licet non habeant veram personam, tamen habent personam fictam fictione iuris; et sic eadem fictione animam habent et delinquere possunt et puniri“[137]). Такимъ образомъ фикція сама себя и наказала: если фикція можетъ придать понятію личность, то таже самая фикція можетъ придать этой личности и душу, такъ что эта личность можетъ и деликты совершать, и наказанію подлежать! Въ послѣднія десятилѣтія среднихъ вѣковъ никто уже не спорилъ о деликтоспособности корпорацій, признавая, вслѣдъ за Бартоломъ, что фикція личности сообщаетъ корпораціи и деликтоспособность, и отсюда выводилась допустимость accusationis criminalis противъ нея[138]). Со времени же Бартола, получила общее признаніе юридическая личность лежачаго наслѣдства, которая, какъ различная по существу, противопоставлена всѣмъ другимъ юридическимъ лицамъ. Это различіе формулировано такимъ образомъ: hereditas представляетъ personam mortui, въ силу юридической фикціи, а всякая другая корпорація (universitas, collegium, corpus, curia, ecclesia) представляетъ personam viventem. И замѣчательно, что, при совершенно ясномъ сознаніи столь существеннаго различія между лежачимъ наслѣдствомъ и остальными юридическими ли-

---

[136]) 427.
[137]) 364.
[138]) 491.

цами, юриспруденція, вплоть до нынѣшняго столѣтія, продолжала подводить всякую юридическую личность подъ общую категорію корпорацій, т. е. понятіе юридическихъ лицъ научно развивалось только въ отношеніи къ universitates personarum. Въ первый разъ [139]) установилъ нѣсколько категорій юридическихъ лицъ *Гейзе* [140]), по ученію котораго юридическое лицо есть все, что въ государствѣ признается за отдѣльный субъектъ правъ; но всякое такое лицо должно имѣть какой нибудь субстратъ, который образуетъ или представляетъ юридическое лицо. Субстратомъ же этимъ могутъ быть: 1) люди, и именно а) отдѣльный человѣкъ въ данное время, напр. должностное лицо, б) одновременный союзъ многихъ (universitas), 2) вещи, и именно а) поземельные участки, какъ субъекты сервитутнаго права, б) цѣлое имущество лица (фискъ [141]), наслѣдство), в) какая нибудь имущественная масса, посвященная общеполезной цѣли и поставленная подъ особое управленіе. Но чье вліяніе сдѣлалось рѣшительно господствующимъ въ юриспруденціи, покрайней мѣрѣ первой половины нынѣшняго столѣтія — это вліяніе *Савиньи*, ученіе котораго объ юридическихъ лицахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Первоначальное понятіе лица или юридическаго субъекта совпадаетъ съ понятіемъ человѣка; каждый отдѣльный человѣкъ, и только отдѣльный человѣкъ правоспособенъ [142]).

---

[139]) См. Unger, Oesterr. Privatr. I, 319. Becker, System, I, 201.

[140]) Heise, Grundrisse Systems des gemeinen Civilrechts (1-е изд. 1807 г.).

[141]) Средневѣковая юриспруденція вообще далека была отъ признанія въ фискѣ отличнаго отъ государства имущественнаго субъекта: фискъ просто разсматривали какъ имущественную совокупность или кассу, соотвѣтствующимъ субъектомъ которой считали главу государства, или само государство и, въ этомъ объективномъ смыслѣ, могли приписывать фискъ каждому городу, корпораціи и церкви. Gierke, III, 359.

[142]) System, II, 2. На это Гирке (II, 25 и сл.) основательно возражаетъ, что „первоначальное“ и „естественное воззрѣніе“ вовсе незнакомо съ понятіемъ „лица“, такъ какъ самое это понятіе является, какъ продуктъ довольно мудреной абстракціи, при которой не обращается вниманія на индивидуальныя раз-

Лишь благодаря положительному праву, это понятіе лица можетъ испытать двоякую модификацію, ограничительную и распространительную, именно вопервыхъ многимъ людямъ можетъ быть вполнѣ или отчасти отказано въ правоспособности, и вовторыхъ правоспособность можетъ быть переносима на нѣчто такое, что не есть отдѣльный человѣкъ, слѣдовательно искуственнымъ образомъ можетъ быть создано юридическое лицо. Юридическое лицо—это есть искуственный, фиктивный субъектъ, допускаемый только для юридическихъ цѣлей, и искуственная способность этого субъекта распространяется только на отношенія частнаго права. Какъ простая фикція, юридическое лицо не можетъ имѣть сознанія и воли, и слѣдовательно недѣеспособно; этотъ недостатокъ дѣеспособности восполняется представительствомъ, какъ при опекѣ и попечительствѣ надъ малолѣтними и безумными. Названіе „юридическаго", лица Савиньи предпочитаетъ всякимъ другимъ названіямъ, ранѣе употреблявшимся, въ особенности названію „моральное лицо", которое нерѣдко придавалось этому субъекту. Не смотря на то, что всякое вообще юридическое лицо есть нѣ-

личія юридическихъ субъектовъ, въ пользу однообразнаго понятія,—что, затѣмъ, по „первоначальному" и „естественному воззрѣнію" индивиды являются носителями правъ, не какъ люди, а какъ члены народа, откуда вытекаетъ безправіе чужеземцевъ и отказъ въ правоспособности рабамъ, а также неравенство правоспособности даже правоспособныхъ людей,—что наконецъ имущество собирательныхъ единицъ имѣетъ одинаковую древность съ имуществомъ индивидовъ. Но Савиньи, конечно, правъ въ томъ, что понятіе *лица*, какъ абстракція отъ человѣческаго существа, явилось сначала въ примѣненіи къ естественному человѣку и позднѣе уже распространено на другіе юридическіе субъекты. Здѣсь мы встрѣчаемся съ довольно характерной контроверсой: Пухта (Vollesungen, I, 59—60) разсуждалъ, что субъектъ есть нѣчто естественное, независимое отъ права, лицо же есть созданіе права; напротивъ Цительманъ (64 и сл.) считаетъ личность реальнымъ качествомъ, присущимъ, имманентнымъ существу, независимо отъ права, тогда какъ юридическій субъектъ есть созданіе права. Слово: „субъектъ", правда, еще мудренѣе, чѣмъ слово: „лицо", но понятіе, которое мы связываемъ съ словомъ: „субъектъ", понятіе обладателя правъ прилагалось къ римскому народу съ самаго начала существованія римскаго государства, тогда какъ понятіе „лица" стало прилагаться къ общественнымъ союзамъ въ болѣе позднее время.

что *искуственное*, Савиньи различаетъ между ними такія, которымъ нужно приписать *естественное* или *необходимое* существованіе (каковы общины), и такія, существованіе которые есть искуственное и произвольное (институты и вольные союзы). Затѣмъ, смотря потому, имѣютъ ли юридическія лица видимое проявленіе въ извѣстной суммѣ отдѣльныхъ членовъ, или не имѣютъ такого видимаго субстрата, но имѣютъ болѣе идеальное существованіе, основывающееся на общей, достигаемой ими цѣли, Савиньи различаетъ корпораціи и институты (Stiftungen); хотя допускаетъ возможность перехода одного вида юридическихъ лицъ въ другой. Наконецъ послѣднее различіе между юридическими лицами устанавливается тѣмъ обстоятельствомъ, имѣютъ ли они болѣе развитое и сложное устройство, или болѣе скудное и простое. Одиноко и внѣ этихъ противоположностей Савиньи ставитъ величайшее и важнѣйшее изъ всѣхъ юридическихъ лицъ—фискъ, т. е. само государство, мыслимое какъ субъектъ частно-правовыхъ отношеній, однако не въ смыслѣ корпораціи всѣхъ гражданъ государства. Лежачему наслѣдству Савиньи отказываетъ въ личности, находя, что хотя римляне и прибѣгали къ фикціи продолженія личности умершаго наслѣдодателя и въ этомъ смыслѣ сравнивали лежачее наслѣдство съ юридическими лицами, какъ фиктивными же, но дѣлали это только для того, чтобы сдѣлать возможными для наслѣдственныхъ рабовъ пріобрѣтенія въ пользу наслѣдства[143]). Ученіе Савиньи получило въ позднѣйшей наукѣ, въ отличіе отъ разныхъ другихъ, позднѣйшихъ, построеній, названіе теоріи олицетворенія (Personificationstheorie),—названіе не совсѣмъ правильное, такъ какъ оно не указываетъ на самую сущность теоріи, на то именно, что допускаемая этою теоріей личность есть вымышленная, въ дѣйствительности не су-

---

[143]) Savigny, II, 236—241. 282. 363 и сл.

ществующая, „фингированное существо", какъ выразился *Кирульфъ* [144]), а не живое явленіе реальнаго міра.

Около половины нынѣшняго столѣтія высказались нѣкоторые ученые противъ этой теоріи, исходя притомъ изъ совершенно различныхъ принциповъ. Первые выступили германисты (*Безелеръ* и *Блунчли* въ особенности) [145]), которые изъ изученія германскаго права вынесли убѣжденіе, что корпорація не можетъ быть фиктивнымъ лицомъ, такъ какъ она есть дѣйствительное, реальное, живое лицо, а не искуственный продуктъ мышленія, и что нельзя произвольно ограничивать существованіе корпораціи областію только частнаго права, ибо нѣкоторые виды корпорацій могутъ принимать участіе въ публичной жизни съ самостоятельными правами. Въ организаціи общинъ выражается самостоятельная общинная воля, подобно тому какъ высшее и могущественнѣйшее лицо — государство выражаетъ свою собственную, государственную волю. Эта истина, говоритъ Блунчли [146]), на которой покоится автономія общинъ по германскому праву, игнорировалась въ римской доктринѣ и, благодаря новѣйшимъ юристамъ, даже въ новѣйшія законодательства проникло пагубное положеніе, что „общины по природѣ малолѣтни" и поэтому нуждаются въ опекѣ государства [147]), причемъ не замѣчалось, въ какое внутреннее противорѣчіе впадали, выводя „природное малолѣтство" общинъ изъ того

---

[144]) Стр. 129.

[145]) Beseler главнымъ образомъ въ его System des gemein. deutsch Privatr., Bluntschli въ Deutsches Privatrecht.

[146]) Въ римскомъ правѣ фиску, городскимъ общинамъ и потомъ церквамъ были предоставлены privilegia minorum (объ этомъ ниже), что однако в все не было достояніемъ всѣхъ юридическихъ лицъ и вытекало не изъ тѣхъ соображеній, о которыхъ говоритъ Блунчли, а изъ идеи привилегіи. Но онъ правъ въ томъ отношеніи, что Савиньи дѣйствительно приравнивалъ юридическія лица къ малолѣтнимъ и безумнымъ, которые, имѣя обширную правоспособность, въ тоже время совершенно недѣеспособны. System, II, 282. 283.

[147]) Bluntschli, 80.

основанія, что онѣ не суть индивиды, и искали помощи у государства, которое, однако, вѣдь тоже не есть индивидъ! Германисты, находя, что римская universitas не обнимаетъ всѣхъ корпорацій гражданскаго права, различаютъ между корпораціями вопервыхъ Genossenschaften, т. е. такія соединенія людей въ одно цѣлое, въ которыхъ права индивидовъ срослись съ правомъ цѣлаго [148]), или, какъ говоритъ Блунчли [149]) въ которыхъ части остаются видимыми, соединенные субъекты не удаляются въ область мышленія, а подчиняются общенію и составляютъ изъ себя цѣлое,—во вторыхъ universitates въ собственномъ, римскомъ смыслѣ, въ которыхъ изъ соединенія многихъ людей порождается новый, не составной, но единый и простой юридическій субъектъ, вполнѣ отличный отъ отдѣльныхъ людей, служащихъ ему субстратомъ, но не участвующихъ въ его личности. „Удаленіе частей въ область мышленія“ однако и здѣсь не связывается съ какою-либо фикціей. Требуется, конечно, бо́льшая обстракція для того, чтобы мыслить союзъ людей *только какъ единство*, чѣмъ видѣть въ союзѣ вмѣстѣ и связанныхъ въ этотъ союзъ индивидовъ. Но если ошибаются тѣ, которые „изъ за деревьевъ не видятъ лѣса“, то ошибкой же будетъ и обратное: „не видѣть деревьевъ изъ за лѣса“, или „пчелъ изъ за пчелинаго роя“ [150]). Организмъ общины есть ея тѣло, и ея органы слу-

---

[148]) Beseler, Volksrecht, 164.

[149]) Стр. 67. Если перевести это опредѣленіе на болѣе простой языкъ, подъ Genossenschaften нужно разумѣть такіе союзы, въ которомъ имущество принадлежитъ цѣлому, но вмѣстѣ и каждый отдѣльный членъ имѣетъ опредѣленную долю въ этомъ имуществѣ, или извлекаетъ изъ него опредѣленную выгоду, пользу. Ср. ниже примѣч. 204. Къ Genossenschaften германисты относятъ напр. Markgenossenschaften, которыя могли выходить за предѣлы одной общины, и члены которыхъ имѣли долю въ пользованіи выгономъ, лѣсомъ и т. п., Deichverbände—общества мѣстныхъ землевладѣльцевъ для устройства плотинъ, союзы горнопромышленниковъ, вдовьи кассы и др. Beseler, 253—254. Bluntschli, 86 и сл.

[150]) Bluntschli, 86.

жатъ духу общины, какъ органы человѣческаго тѣла духу индивида[151]). Въ послѣднее время О. Гирке въ своей Genossenschaftstheorie исправилъ разные недостатки и восполнилъ пробѣлы, допущенные первоначальными германистами, которые, предпринявъ передѣлку понятія юридическихъ лицъ, оперировали только надъ корпораціями и напротивъ не считали нужнымъ объяснять, какимъ образомъ могли бы быть приложимы ихъ воззрѣнія къ другимъ юридическимъ лицамъ[152]), и доходили, въ особенности Блунчли, до крайностей въ проведеніи параллелизма между органами человѣческаго тѣла и членами общественныхъ организмовъ. Но такъ какъ работа Гирке явилась вмѣстѣ и какъ результатъ провѣрки и оцѣнки всѣхъ ранѣе высказанныхъ въ германской юриспруденціи взглядовъ на юридическое лицо, то удобнѣе будетъ отнести изложеніе взглядовъ Гирке къ концу нашего обзора.

Вслѣдъ за германистами, выступили другіе противники теоріи олицетворенія, отправною точкою для которыхъ послужилъ тотъ принципъ, что если въ юридическихъ лицахъ реальнаго субъекта нѣтъ, то его не нужно и придумывать, ибо и фикція не можетъ создать лицо тамъ, гдѣ его нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Существо и значеніе фикціи было, съ особенною обстоятельностію, разсмотрѣно Демеліусомъ[153]). Фикція есть толь-

---

[151]) 80.

[152]) Это однако не мѣшало имъ помѣщать въ рядъ юридическихъ лицъ и институты. Beseler, System d. gem deutsch. Privatr. 234. 257 и сл. Bluntschli, Privatrecht, 67, 105 и сл.

[153]) Сначала въ его: „Rechtsfiction in ihrer geschichtlichen und dogmatischen Bedeutung“, 1858, а потомъ въ статьѣ: „Ueber fingirte Persönlichkeit“. *Унгеръ*, который, вообще говоря, принадлежитъ къ сторонникамъ теоріи олицетворенія, хотя и допускаетъ отъ нея отступленія, напр. по вопросу о томъ, что именно олицетворяется въ юридическихъ лицахъ, говоритъ, что олицетворяется не цѣль, а всегда субстратъ, т. е. въ корпораціяхъ совокупность физическихъ лицъ, а въ институтахъ имущество (Krit. Uebersch. VI, 158), и высказался противъ воззрѣнія Демеліуса на существо и значеніе фикціи, впослѣдствіи однако присоединился къ этому воззрѣнію (Oesterr. Privatr. IV, 35—36 Anm. 10).

ко орудіе юридической терминологіи и представляетъ собою лишь особую форму выраженія для юридическаго приравниванія различныхъ отношеній. Сила юридической фикціи состоитъ не въ томъ, чтобы давать бытіе тому, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, а въ томъ, чтобы допускать послѣдствія, какъ будто бы не бывшее случилось, или случившееся не произошло. Сторонники теоріи олицетворенія составляютъ такой силлогизмъ: только лица могутъ быть кредиторами; богоугодныя заведенія могутъ быть кредиторами; ergo богоугодныя заведенія суть лица. *Демеліусъ* напротивъ болѣе правильнымъ находитъ такой силлогизмъ: богоугодныя заведенія могутъ имѣть требованія; богоугодныя заведенія не суть лица; слѣдовательно требованія могутъ принадлежать не однимъ только лицамъ. Еще раньше Демеліуса *Виндшейдъ* и *Кеппенъ*, по поводу въ особенности лежачаго наслѣдства, высказались въ томъ смыслѣ, что имущество послѣ умершаго продолжаетъ существовать въ качествѣ имущества безсубъектнаго, не принадлежащаго никому и охраняемаго лишь объективнымъ правомъ въ качествѣ имущества. Виндшейдъ въ приложеніи къ своему сочиненію: „Actio des römischen Civilrechts", 1856, сдѣлалъ даже попытку философскаго обоснованія безсубъектныхъ правъ вообще. Субъективное право, говоритъ Виндшейдъ, есть признанное объективнымъ правомъ господство воли. Если законъ приписываетъ кому либо право, то это значитъ, что законъ признаетъ его волю господствующею въ опредѣленномъ отношеніи надъ волею другаго лица, или, точнѣе говоря, законъ дозволяетъ ему выразить волю опредѣленнаго содержанія, которой должны подчиниться другія воли. Если право налагаетъ на кого либо обязанность, то это значитъ, что право разсматриваетъ волю этого лица, какъ подчиненную въ опредѣленномъ отношеніи другой волѣ, или, точнѣе говоря, какъ такую, которая должна подчиниться, если противъ нея выразилась другая воля опредѣленнаго содержанія. Законъ при-

томъ предоставляетъ возможность перенесенія права съ одного лица на другое и не ограничиваетъ права жизнію перваго получателя, такъ что каждый послѣдующій обладатель имѣетъ не другое право сравнительно съ предыдущимъ, а тоже самое, не подобное, а тождественное. Право, такимъ образомъ, остается тоже самое, хотя носитель его перемѣнился, изъ чего видно, что право есть субстанція, а лицо акциденція. Слѣдовательно, право, не ограничиваемое опредѣленнымъ лицомъ, не есть признанное закономъ господство воли (Wollendürfen)[154]) *опредѣленнаго лица*, но есть признанное закономъ господство воли (Wollendürfen) *опредѣленнаго рода*, а отсюда слѣдуетъ, что субъектъ есть нѣчто несущественное для права.

Вслѣдъ за Виндшейдомъ, въ борьбу съ юридическими лицами вступилъ *Бринцъ*, который въ предисловіи къ первому изданію своего учебника пандектовъ 1857 г. обозвалъ юридическія лица чучелами (Vogelscheuche), которыя въ системѣ гражданскаго права должны имѣть столь же мало мѣста, какъ не могли бы претендовать на особое упоминаніе въ естественной исторіи тѣ чучела, которыя выставляются въ огородахъ и въ садахъ для пуганія птицъ. Догматъ: „нѣтъ имущества безъ лица“, разсуждаетъ Бринцъ, составленъ произ-

---

[154]) Впослѣдствіи Виндшейду было указано Бирлингомъ (Zur Kritik d. jur. Grundbegr. II, 50 и сл.), Тономъ (Rechtsnorm und subjectives Recht, Weimar, 1878, 221 и сл.) и другими, что Wollendürfen не означаетъ господства воли надъ другою волею и не исчерпываетъ всего содержанія субъективнаго права, а означаетъ лишь дозволенность или невозбранность хотѣнія въ томъ смыслѣ, что со стороны объективнаго права нѣтъ какихъ-либо запрещеній, запретительныхъ нормъ, которыми бы возбранялось осуществленіе хотѣнія. Слѣдовательно, существенные моменты въ понятіи субъективнаго права, именно „Können“, т. е. возможность производить юридическими сдѣлками извѣстный юридическій эффектъ, и „Anspruch“, т. е. притязаніе на законную защиту, не обнимаются выраженіемъ: „Wollendürfen“. Но если бы даже выраженіе это вполнѣ обнимало сущность субъективнаго права, взглядъ Виндшейда на безсубъектное право и на лицо, какъ на акциденцію права, не выдерживаетъ критики. Ср. ниже примѣч. 156.

вольно новѣйшими учеными; на самомъ дѣлѣ, по смыслу источниковъ римскаго права и по словоупотребленію, нѣчто (т. е. какое либо имущество или право) можетъ принадлежать не только *кому нибудь* (pertinere ad aliquem), но и *чему нибудь* (pertinere ad aliquid). Имущество боговъ, городовъ, храмовъ, принадлежали *чему-то*, такъ какъ нельзя указать лица, *кому* бы они принадлежали. Это *что-то* есть именно цѣль, которой они и принадлежали, почему самое приличное названіе для имущества такъ называемыхъ юридическихъ лицъ есть „цѣлевое имущество“ (Zweckvermögen). Бринцу справедливо возражали, что онъ не на вопросъ отвѣчаетъ, ибо вопросъ въ томъ, кому *принадлежитъ* имущество юридическихъ лицъ, а Бринцъ отвѣчаетъ: имущество *предназначается* для извѣстной цѣли: въ дѣйствительности и физическое лицо можетъ задаться извѣстною цѣлью и на достиженіе ея обращать свое имущество. Бринцъ думалъ отклонить это возраженіе, настаивая на *принадлежности* имущества цѣли[155]). Назначеніе или поставленіе цѣли для имущества (Zwecksatzung) не нужно, говоритъ онъ, смѣшивать съ обращеніемъ имущества въ принадлежность (Zuwendung) цѣли. Подобно тому какъ принадлежностію вещей одному лицу исключается принадлежность ихъ какому либо еще другому лицу, также точно исключаютъ себя взаимно pertinere ad aliquem и pertinere ad aliquid. Тутъ Бринцъ очевидно сближается съ ученіемъ Савиньи, только Савиньи олицетворялъ цѣль, а Бринцъ дѣлаетъ цѣль собственникомъ или кредиторомъ, не дѣлая ее въ то же время лицомъ, и сущность спорнаго вопроса, конечно, не стала отъ этого понятнѣе[156]). Такъ какъ и онъ самъ сознается, что цѣ-

---

[155]) 3 изд. пандектъ, стр. 206—207.

[156]) Бирлингъ (Zur Kritik, II, 92 и сл.) поэтому справедливо говоритъ, что въ допущеніи цѣлеваго имущества не менѣе фикціи, чѣмъ и въ допущеніи юридическихъ лицъ. Вопросъ не въ томъ, могутъ ли быть мыслимы права безъ субъекта, а въ томъ, могутъ-ли быть когда-либо права безъ субъекта дѣйстви-

левое имущество издревле разсматривалось такъ, „какъ если бы оно принадлежало лицу", и что ничего въ этомъ отношеніи и измѣнять не слѣдуетъ [157]), то едва ли не правъ Арндтсъ, выразившійся, что смертельные удары, направляемые на юридическія лица, въ сущности суть удары по воздуху, не могущіе оказать никакого вліянія на теорію права, такъ какъ всегда существовали и будутъ существовать права собственности, требованія и обязанности, не имѣющія человѣческаго субъекта и предполагающія иной субъектъ [158]). Достойно замѣчанія, что и Виндшейдъ, подобно Бринцу, не считая допущеніе мыслимаго лица логически неизбѣжною необходимостію, видитъ од-

---

тельными правами, вѣдь и субъективнѣйшее можетъ быть мыслимо безъ субъекта. Но изъ возможности абстрагировать отъ субъекта какое-либо качество, отношеніе, дѣятельность и т. д. отнюдь ничего не слѣдуетъ въ пользу самостоятельнаго существованія послѣднихъ. Напротивъ нельзя сомнѣваться, что качества, отношенія, дѣятельности, всегда существуютъ въ дѣйствительности, какъ качества, которыми дѣйствительно обладаютъ какіе нибудь субъекты, какъ отношенія, въ которыхъ дѣйствительно состоятъ какіе-либо субъекты, какъ дѣятельности, которыя дѣйствительно исполняются какими-либо субъектами и т. д Такимъ образомъ и цѣль, если мыслится какъ самостоятельная и сама по себѣ существующая, то тутъ опять фикція. Цѣли всегда существуютъ только въ субъектахъ, въ существахъ, которыя могутъ ставить для себя цѣли, цѣли сами никогда не дѣйствуютъ, но въ дѣйствительности всегда ставятся и преслѣдуются живыми субъектами. Сказанное вполнѣ примѣнимо и къ Wollendürfen Виндшейда, ибо и „Durfen" не мыслимо безъ субъекта, который „darf". Впрочемъ, позднѣе и самъ Виндшейдъ измѣнилъ свой взглядъ на субъективное право. Въ Пандектахъ (§ 37 стр. 97 и сл. 6 изд.) онъ понимаетъ подъ субъективнымъ правомъ дарованное юридическимъ порядкомъ господство воли (Willensmacht или Willensherrschaft), причемъ волѣ именно лица предоставляется воспользоваться или не воспользоваться тѣмъ императивомъ, который установленъ объективнымъ правомъ въ пользу управомоченнаго. Что же касается вышеприведеннаго разсужденія Бирлинга, то къ нему слѣдуетъ добавить, что если изъ возможности абстрагировать качество, отношеніе и т. д. ничего не слѣдуетъ въ пользу самостоятельнаго существованія послѣднихъ, то и наоборотъ возможностію отвлеченія какой-либо стороны отъ предмета не доказывается, чтобы предметъ самый, отъ котораго сдѣлана абстракція, тѣмъ самымъ утратилъ реальность. Операціи мышленія не могутъ измѣнить дѣйствительной природы вещей.

[157]) 1 изд. стр. 997.

[158]) Въ разборѣ сочиненія Демеліуса: Die rechtsfiction (Krit. Viertel-jahrschr. I).

нако въ немъ нѣчто естественное и цѣлесообразное,—естественное потому, что оно вытекаетъ изъ естественнаго чувства, основаннаго на глубокомъ влеченіи къ личности, проникающемъ человѣческую природу,—цѣлесообразное потому, что имъ удовлетворяется потребность юридической техники, такъ какъ, благодаря ему, становится возможнымъ дать единое выраженіе юридическимъ нормамъ, не взирая на то, принадлежать ли права субъекту, или не принадлежатъ [159]). За удержаніе же юридическихъ лицъ, въ виду обычая и удобства словоупотребленія высказался и еще одинъ поборникъ безсубъектнаго имущества — Беккеръ [160]), который довелъ положенія теоріи безсубъектнаго имущества до послѣдней крайности.

Беккеръ уже въ статьѣ: „Die Geldpapiere" [161]), доказывалъ, что бумага на предъявителя есть юридическій субъектъ, кредиторъ, или loco creditoris, носитель требованія, ибо требованіе существуетъ даже и тогда, когда бумага остается безъ хозяина и владѣльца и, стало быть, не состоитъ ни къ какому лицу ни въ какомъ юридическомъ отношеніи. Бумага, по мнѣнію Беккера, есть юридическій субъектъ постольку, поскольку бытіе требованія связывается единственно съ бумагой и ни съ какимъ другимъ кредиторомъ, кромѣ нея; осуществляется же это требованіе бумаги черезъ представителей, опредѣляемыхъ ихъ отношеніемъ къ бумагѣ, могущихъ быть хозяевами бумаги, но не кредиторами связаннаго съ бумагой требованія. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, нужно бы было признать юридическими субъектами и всѣ государственные кредитные билеты, на которыхъ значится, что предъявителю ихъ выдается

---

159) Lehrb. d. Pand. S. 134—135.

160) System, I, 198, впрочемъ съ оговоркой, что выраженіе: „юридическое лицо" безвредно лишь въ томъ случаѣ, если будетъ твердо установлено связанное съ нимъ понятіе, и если притомъ будутъ остерегаться изъ фикціи несуществующаго лица дѣлать болѣе широкіе выводы, чѣмъ нужно.

161) Jahrb. des gemein. deutschen Rechts, B. 1. 1887.

извѣстная сумма звонкою монетой, билеты въ театръ, въ концертъ, въ табль-д'отъ, а пожалуй и римскія tesserae frumentariae. Въ 1861 г. Беккеръ (Zweckvermögen, insbesondere Peculium), объясняя существо римскаго пекулія, который онъ между прочимъ сравниваетъ съ русскимъ крѣпостнымъ правомъ, высказалъ слѣдующее сужденіе объ отношеніи пекулія къ институтамъ. Пекулій есть цѣлевое имущество, т. е. совокупность (комплексъ) имущественныхъ объектовъ, сдерживаемыхъ въ своемъ единствѣ не столько лицомъ, къ которому онѣ тяготѣютъ, сколько цѣлью, которой онѣ служатъ. Этотъ имущественный комплексъ, составляющій, собственно говоря, часть имущества господина, во многихъ отношеніяхъ разсматривается такъ, какъ если бы это было самостоятельное имущество, имѣетъ своихъ должниковъ и кредиторовъ, а также свое особое управленіе. Но равнымъ образомъ и институты суть не что иное, какъ комплексы всевозможныхъ имущественныхъ частицъ, сдерживаемыхъ въ своемъ юридическомъ единствѣ присущею имъ цѣлью и соотвѣтствующимъ этой цѣли управленіемъ. Пекулій однако имѣетъ хозяина, у котораго, кромѣ того, есть еще и другое имущество, такъ что пекулій составляетъ часть имущества; институтное же имущество есть не часть, а цѣлое имущество, самостоятельное и не имѣющее себѣ хозяина[162]).

---

[162]) Подобныя же мысли, хотя и безъ подробнаго обоснованія, были высказаны Фиттингомъ въ его критической статьѣ, помѣщенной въ I томѣ Krit. Vierteljahrschr. Но Фиттингъ становится на экономическую точку зрѣнія и даже всѣ ошибки въ ученіи объ юридическомъ лицѣ приписываетъ невѣдѣнію или игнорированію хозяйственныхъ отношеній. Въ гражданскомъ обществѣ, говоритъ онъ, существуютъ не только потребности и цѣли опредѣленныхъ отдѣльныхъ лицъ, но и цѣли безличнаго характера, идущія дальше опредѣленныхъ отдѣльныхъ лицъ и часто общія цѣлому ряду поколѣній. Для достиженія такихъ цѣлей, какъ бы ни были онѣ идеальны, требуются матеріальныя блага, попеченіе же о заготовкѣ и расходованіи матеріальныхъ благъ для осуществленія извѣстныхъ цѣлей мы называемъ хозяйствомъ; поэтому и для достиженія указанныхъ безличныхъ цѣлей требуется хозяйство же. Но такъ какъ эти цѣли не суть цѣли опредѣленныхъ извѣстныхъ лицъ, а напротивъ самостоятельно противопоставляютъ себя имъ, то и въ качествѣ субъектовъ такого хозяй-

Если обособленное пекуліарное имущество можно назвать „зависимымъ цѣлевымъ имуществомъ“, то институтное имущество слѣдуетъ назвать „независимымъ цѣлевымъ имуществомъ“. Затѣмъ въ статьѣ: „Zur Lehre vom Rechtssubject“, разрывая всякую связь между юридическимъ субъектомъ и волеспособностію, на томъ основаніи, что дѣти и безумные не имѣютъ воли, а между тѣмъ признаются юридическими субъектами, Беккеръ дѣлаетъ отсюда такой выводъ, что нѣтъ никакого основанія настаивать на томъ, чтобы юридическимъ субъектомъ былъ непремѣнно *человѣкъ*: таковымъ могутъ быть и вещи, и безтѣлесныя отношенія. Субъектъ лежачаго наслѣдства, институтовъ и корпорацій—не тѣ, которымъ принадлежитъ распоряженіе, а то m e d i u m, которое даетъ имъ распоряженіе, т. е., по Беккеру, мыслимая идея, цѣль наслѣдства, института, корпораціи. Временное отсутствіе распорядителя, а равно и пользователя, не вредитъ существованію правъ. Пользователями могутъ быть и животныя, и даже безжизненныя вещи, напр. произведенія искуства, зданія. Если обыкновенно прибѣгаютъ къ условію (conditio) и наказу (modus) для того чтобы обезпечить существованіе вѣрнаго пса, лошади, картины, зданія, то вѣдь это не прямой

ства не могутъ быть разсматриваемы опредѣленныя отдѣльныя лица, а напротивъ таковое хозяйство занимаетъ самостоятельное мѣсто на ряду съ хозяйствами отдѣльныхъ лицъ. Слѣдовательно и имущество, какъ совокупность матеріальныхъ средствъ, есть нѣчто самостоятельное же, вполнѣ отдѣленное отъ имущества индивидовъ, такъ какъ иначе такія безличныя цѣли не могли бы быть достигнуты. Такимъ образомъ получается *рядъ самостоятельныхъ хозяйствъ безъ опредѣленнаго индивидуальнаго субъекта, т. е. рядъ юридическихъ лицъ,* ибо самостоятельное хозяйство, самостоятельное имущество, самостоятельное лицо суть коррелативныя понятія, и названіе: „юридическое лицо“ есть лишь иное выраженіе того, что государство признаетъ извѣстныя безличныя цѣли дозволенными и управомоченными, а потому признаетъ и соотвѣтствующее хозяйство, какъ самостоятельное, наряду съ хозяйствами физическихъ индивидовъ. Близкій къ этому взглядъ высказанъ профессоромъ с.-петербургскаго университета Дювернуа, который, впрочемъ, оговаривается въ непричастности эксцессамъ Беккера (Изъ курса лекцій, стр. 257—258).

путь, а окольный. отчего не идти прямою дорогой и не назначать прямо денежныя суммы псу, лошади и т. п.? Бринцъ въ особенности ничего не могъ бы возразить на это: вѣдь имущество можетъ принадлежать не только кому-либо, но и чему-либо. Кто тутъ субъектъ права, для Беккера вполнѣ безразлично, и этимъ вопросомъ онъ не занимается, а имѣетъ въ виду лишь реальность вещей и показанія опыта: вѣдь возможно, что наслѣдодатель только и думаетъ о своемъ вѣрномъ псѣ, о своей заслуженной лошади, о портретѣ или картинѣ, съ которыми связана тысяча воспоминаній. По мнѣнію Беккера, возможны даже и иски, напр. отъ имени пѣтуха Тираса и англійской кобылы Беллоны, хотя судья, можетъ быть, и былъ бы на первое время, какъ полагаетъ Беккеръ, нѣсколько удивленъ подобными исками. Имущество вѣдь можетъ принадлежать ad aliquid, во имя этого имущества и можетъ вчинаться искъ, причемъ, конечно, предполагается, что всякому праву, пользователемъ котораго является вещь, долженъ быть данъ въ распорядители человѣкъ. Юридическія лица вообще, насколько можетъ быть рѣчь о нихъ въ наукѣ права, суть не что иное, какъ цѣленазначенія (Zwecksatzungen) съ приспособленными къ достиженію тѣхъ или другихъ цѣлей аппаратами[163]). Беккеръ своими послѣдовательными выводами изъ теоріи цѣлеваго имущества всего лучше и нагляднѣе показалъ, до какихъ абсурдовъ можно дойдти, отправлясь отъ этой теоріи. Выводы Беккера, справедливо замѣчаетъ Цительманъ[164]), суть рѣшительно contra bonos mores и поднимаютъ волосы дыбомъ на головѣ. По его теоріи мы не должны будемъ удивляться, если когда нибудь на листкахъ газетъ прочитаемъ списокъ членовъ акціонернаго общества,

---

[163]) Однако на стр. 133-й Беккеръ и самые эти аппараты называетъ юридическими лицами.

[164]) Стр. 44.

въ которомъ будутъ значиться: тайный совѣтникъ А, мопсъ Шнауцерль и фонтаны на Лебединомъ прудѣ, или если мы получимъ повѣстку объ явкѣ въ судъ, въ качествѣ свидѣтелей, по дѣлу кобылы Беллоны съ кучеромъ X.

Нѣкоторые ученые сдѣлали попытку занять посредствующее положеніе между теоріей олицетворенія и безсубъектнымъ имуществомъ, именно *Ранда* 165) и *Белау* 166). Первый, полемизируя съ Демеліусомъ, призналъ неизбѣжнымъ въ отношеніи ко всякому имуществу вопросъ: кому оно принадлежитъ? кто кредиторъ и кто должникъ? Цѣлевое имущество Бринца, какъ противоположность личному имуществу, Ранда находитъ нелогичнымъ, ибо логичнѣе было-бы противополагать личное и безличное, цѣлевое и безцѣльное. Но онъ высказался въ тоже время и противъ теоріи олицетворенія, говоря, что даже и существующее словоупотребленіе не имѣетъ того смысла, будто объективное право создаетъ субъектъ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Съ большею обстоятельностію туже мысль развилъ Белау, съ тою однако разницей, то онъ желаетъ изгнать изъ словоупотребленія самое названіе: юридическое лицо. Противъ Савиньи онъ говоритъ, что способность имѣть права предполагаетъ наличность задатковъ воли, объективное же право не обладаетъ могуществомъ игнорировать требованія логики и дѣлать изъ чернаго бѣлое, а слѣдовательно не можетъ создавать и имущественные субъекты съ распространеніемъ на нихъ правоспособности. Белау ссылается между прочимъ на римское выраженіе: „persona vice fungi". Гдѣ въ источникахъ говорится о „vice fungi", тамъ, очевидно, пустое мѣсто, которое и занимаетъ vice fungens. А если бы hereditas, municipium и проч. были олицетворены, то мѣсто лица было бы не пусто, а юридически заполнено, такъ что нельзя было бы говорить о „vice fungi"; подобно тому, какъ наприм.

165) Siebenhaar's Arch. XV.
166) Rechtssubject und Personenrolle.

domini vice fungens не можетъ быть разсматриваемъ какъ принадлежащій ко второму роду собственниковъ, такъ и personae vice фунгирующее имущество не можетъ быть разсматриваемо, какъ второй родъ лицъ. Но съ другой стороны, Белау находитъ немыслимымъ и безличное имущество, а такъ какъ непринадлежащее индивидуальному какому либо лицу имущество есть нѣчто неотвратимо – неизбѣжное въ гражданскомъ оборотѣ, и слѣдовательно неизбѣжнымъ представляется конфликтъ между требованіями логики и требованіями гражданскаго оборота, то нужно прибѣгнуть къ фикціи, но не къ той фикціи, которою создается несуществующее лицо, а къ другой. Эта другая фикція состоитъ въ томъ, что фактически безхозяйное имущество, которое можно назвать цѣлевымъ, не связывая съ нимъ однако ошибочной идеи безсубъектнаго права, *разыгрываетъ роль лица* въ дѣйствіяхъ своихъ администраторовъ въ пользу намѣченныхъ его цѣлями физическихъ лицъ. Такъ какъ этимъ актеромъ, разыгрывающимъ роль лица, по мнѣнію Белау, всегда должно быть имущество, то нѣтъ никакого основанія проводить различіе между корпораціями и институтами въ виду различія субстрата [167]): субстратъ для личной роли (Personenrolle) и въ корпораціяхъ и въ институтахъ есть одинаково имущество. Примирительная попытка Белау никого не удовлетворила. Между юридическимъ или фингированнымъ лицомъ и ролью лица въ самомъ дѣлѣ невозможно усмотрѣть какое либо различіе, какъ справедливо говоритъ Штоббе [168]); что же касается ссылки на римское

---

[167]) Выше было упомянуто (пр. 153), что Унгеръ, которому послѣдовали и другіе цивилисты, различіе между корпораціями и институтами выводилъ именно изъ различія субстрата, полагая что въ корпораціи подкладкою для олицетворенія служитъ союзъ лицъ физическихъ, а въ институтахъ такую подкладку составляетъ имущество. Раньше еще, чѣмъ Белау, Демеліусъ также утверждалъ противъ Унгера, что если что и олицетворяется въ такъ называемыхъ юридическихъ лицахъ, то всегда имущество, все равно, корпорація это, или институты, или hereditas jacens (Ueber. fing. Persönl. 119—120).

[168]) I, 379 Anm. 2.

выраженіе: „personae vice fungi", то Арндтсомъ было остроумно замѣчено, что если кому желательно называть юридическія лица вице-лицами, то не было бы причинъ отказывать ему въ этомъ удовольствіи [169]).

Въ своей системѣ пандектъ [170]) Беккеръ такимъ образомъ оцѣниваетъ историческое значеніе теоріи цѣлеваго имущества. Существованіе юридическихъ лицъ послѣ Бринца, говоритъ онъ, лишилось всякой жизнерадостности. Если приверженцы ученія Бринца все еще находятся въ меньшинствѣ и даже между ними самими существуютъ очень важныя разности, то однако число правовѣрныхъ послѣдователей Гейзе или Савиньи еще того менѣе. Кто выступаетъ теперь въ защиту юридическихъ лицъ, дѣлаетъ это или какъ апологетъ, съ сознаніемъ того, что защищаемое ученіе сильно потрясено и безъ свѣжаго подкрѣпленія не выдержитъ разгрома, или конструируетъ какую нибудь новую теорію, которая мимоходомъ изрекаетъ обвинительный приговоръ противъ всѣхъ прежнихъ. Прогрессъ, къ которому вынудилъ юриспруденцію Бринцъ, состоитъ въ томъ преимущественно, чтобы не столько смотрѣть на то, чего нѣтъ во всѣхъ тѣхъ формаціяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, сколько на то, что есть въ дѣйствительности.

---

[169]) Krit. Vierteljahrschr. 1. По поводу ссылки Белау на римское выраженіе: „personae vice fungi", можно привести разные примѣры изъ источниковъ, гдѣ съ выраженіемъ: „vice fungi" вовсе не соединяется мысль о „пустомъ мѣстѣ". Напр. говорится: „fideicommissa vice legatorum funguntur" (fr. 35 pr. D. XXXV, 1), „in omnibus vice heredum bonorum possessores habentur" (fr. 2 D. XXXVII, 1), „aequissimum videtur emptorem hereditatis vicem heredis obtinere" (fr. 2 § 18 D. XVIII, 4). Или напр. говорится: „qui vice praesidis provinciae administrat" (l. 1 C. I, 50), а также объ императорскихъ делегатахъ говорилось, что они дѣйствуютъ vice sacra, или о самомъ императорѣ, что онъ есть замѣститель Юпитера (vice Jovis). Плиній именно говорилъ Траяну: „Jovis vice fungeris". Это не значитъ, какъ справедливо говоритъ Брунсъ (412), что Траянъ есть богъ или фигурируется какъ богъ, а что Траянъ заступаетъ мѣсто Бога. Ср. выраженіе: „unius loco habentur" о корреальныхъ кредиторахъ въ fr. 9 pr. D. II, 14.

[170]) I, 202—203.

Тѣмъ самымъ изслѣдованіе сошло съ тропинокъ произвольной спекуляціи и вступило въ колеи методической науки, которая вездѣ должна исходить изъ самого точнаго наблюденія реально-существующихъ вещей. Реально же данное—это есть цѣлевое имущество, которое и должно быть неотчуждаемымъ достояніемъ всякой истинной юридической науки. Что Бринцъ выдвинулъ чрезвычайно важный моментъ въ понятіи юридическаго лица—цѣль, въ этомъ конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но этотъ моментъ выдвинутъ былъ еще раньше, и притомъ съ такою силою, что Савиньи[171]) даже олицетворилъ цѣль. Что имущество имѣетъ также чрезвычайно важное значеніе для юридическаго лица, въ этомъ равнымъ образомъ нельзя сомнѣваться; но объ имуществѣ едва ли кто нибудь и раньше забывалъ, разсуждая объ юридическихъ лицахъ. Съ исторической точки зрѣнія, историческая оцѣнка Беккеромъ теоріи цѣлеваго имущества не можетъ быть названа правильною и потому, что исторически раньше выступили противъ фиктивныхъ субъектовъ германисты въ лицѣ Безелера и Блунчли, чѣмъ приверженцы безсубъектнаго имущества. Повидимому, болѣе правъ Гирке, который утверждаетъ[172]), что всѣ новѣйшія теоріи, изъявшія фикцію изъ ученія объ юридическихъ лицахъ, въ томъ числѣ и теорія безсубъектнаго цѣлеваго имущества, обязаны своимъ происхожденіемъ толчку, данному германистами, которые противопоставили фантому фингированнаго лица воззрѣніе на корпорацію, какъ на реальное союзное лицо. Впрочемъ, сдѣланную Беккеромъ характеристику позднѣйшихъ теорій нельзя не признать весьма мѣткою. Дѣйствительно почти каждый изъ ученыхъ съ болѣе или менѣе извѣстнымъ именемъ выставилъ свою собственную теорію юридическихъ лицъ.

Солидарность съ германистами заявили прежде всего нѣ-

---

[171]) Ср. также Puchta, Pand. Leipz. 1866, стр. 41.
[172]) Genossenschaftstheorie, 5—6.

которые романисты, какъ Кунце и Баронъ. *Кунце* [173]) считаетъ въ основаніи ложнымъ тотъ взглядъ, будто корпораціи должны быть причисляемы къ фингированнымъ лицамъ; община, народъ—это не простыя названія, а исторически-органическія реальности, которыя изъ себя самихъ, соотвѣтственно ихъ типической сущности, порождаютъ органы своего дѣйствованія и столь же естественны, какъ и отдѣльныя люди. Въ отношеніи къ институтамъ Кунце не выработалъ себѣ опредѣленнаго взгляда: то онъ считаетъ необходимою фикцію [174]) для догматической ихъ конструкціи, то считаетъ возможнымъ обойдтись безъ фикціи на томъ основаніи, что въ статутахъ увѣковѣчивается актъ воли, который есть объективная реальность, способная служить основой для имущества [175]). *Баронъ* первоначально [176]) присоединился къ воззрѣнію Блунчли, разсуждая, что не только государство, но и всѣ вообще корпораціи не изъ изобрѣтательной чьей-либо головы возникли, а даны съ началомъ исторіи. Корпорація основывается на естественной необходимости, а не на фикціи, и есть истинная естественная личность; но даже и тѣ корпораціи, которые не въ силу непреодолимыхъ естественныхъ влеченій возникли, а являются какъ продуктъ воли, свободно и сознательно дѣйствующей, намѣренно стремящейся къ извѣстнымъ юридическимъ эффектамъ, не менѣе естественны, чѣмъ и корпораціи, исторически данныя. Свое воззрѣніе Баронъ старался подкрѣпить нѣкоторыми аргументами изъ римскаго права, напр. отношеніемъ вольноотпущенника къ освободившей его на волю республикѣ [177]), институтами: hospitium

---

[173]) Heidelberg. Krit. Zeitschr. V, а также Goldschmidt's Zeitschr. VI.

[174]) Heidelb. Zeitschr. V, 360.

[175]) Goldschm. Zeitschr. VI, 232—233.

[176]) Gesammtrechtsverh. Стр. 8 и сл.

[177]) Если „libertus reipublicae honorem habere debet“, то вѣдь чувство благодарности, говоритъ Баронъ, мыслимо только въ отношеніи къ естественному лицу. Стр. 20.

и clientela [178]). Объ институтахъ, какъ другомъ родѣ юридическихъ лицъ, Баронъ не распространяется; впрочемъ обмолвился выраженіемъ, что въ universitates bonorum мы имѣемъ безсубъектное (активное или пассивное) имущество. Тѣмъ неожиданнѣе былъ поворотъ, который сдѣлалъ Баронъ въ своихъ пандектахъ [179]), гдѣ онъ возвращается къ точкѣ зрѣнія Савиньи, формулируя ее даже съ большею рѣзкостію, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Савиньи. Все право, разсуждаетъ Баронъ, существуетъ ради людей, поэтому и имущественныя права предназначены для людей. Отдѣльный человѣкъ распоряжается ими по усмотрѣнію, или правильнѣе говоря, по усмотрѣнію ставитъ тѣ цѣли, которымъ должны служить имущественныя права. Но есть цѣли, идущія дальше отдѣльнаго человѣка, и если извѣстная сумма матеріальныхъ благъ предназначается исключительно для достиженія такой цѣли, то цѣль уподобляется человѣку, ибо ей объективнымъ правомъ приписывается та же правоспособность, какъ и отдѣльному человѣку. Она фингируется какъ лицо, могущее быть собственникомъ, наслѣдникомъ, кредиторомъ, должникомъ. Такимъ образомъ юридическое лицо есть дозволенная постоянная цѣль, которой, въ силу юридической фикціи, принадлежитъ имущественная правоспособность [180]).

Болѣе рѣшительную поддержку германисты нашли въ негерманистѣ и въ неюристѣ—*Лассонѣ*, который взглянулъ на юридическія лица съ точки зрѣнія философіи права и международнаго права, имѣя въ виду главнымъ образомъ государство, но не теряя изъ вида и корпорацій вообще. Не надо забывать, говоритъ Лассонъ, что нефизическія лица выступаютъ не только въ частномъ правѣ, но и въ публичномъ

[178]) Hospitium и clientela не ограничивались индивидами, въ нихъ принимали участіе и общины, а вѣдь это такіе институты, говоритъ Баронъ, которые предполагаютъ „человѣчески чувствующую грудь“. Стр. 22.

[179]) 1-е изд. вышло въ 1872 г.

[180]) Pand. изд. 1882 г. стр. 53—54.

правѣ играютъ весьма важную роль и свое, подвергаемое ироніи и сомнѣнію „мистическое“ существованіе обнаруживаютъ весьма замѣтнымъ образомъ. Спрашивается, почему человѣкъ называется „лицомъ“ въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется правовѣдѣніемъ? Юристъ отвѣчаетъ: онъ называется такъ въ качествѣ субъекта, а субъектъ правъ онъ есть 1) потому, что имѣетъ волю, которая сама себѣ можетъ ставить цѣль, 2) потому, что онъ имѣетъ разумѣніе, необходимое для того, чтобы избирать соотвѣтствующія этой цѣли средства, 3) потому, что имѣетъ физическую возможность къ тому, чтобы своею волею, руководимою разумомъ, вызывать опредѣленные, чувственно распознаваемые, эффекты и подвергаться подобнымъ же вліяніямъ со стороны внѣшняго міра. Но человѣкъ, очевидно, имѣетъ еще и другія качества, высшаго и низшаго порядка, которыя однако правомъ не принимаются въ соображеніе; человѣкъ есть гражданинъ, членъ церкви, существо, созданное для богоподобія, для нравственной дѣятельности, для подвиговъ любви и проч. Такимъ образомъ право, собственно говоря, дѣлаетъ абстракцію и видитъ въ человѣкѣ только *лицо*, коворое не есть адекватное представленіе человѣческаго существа въ его всецѣлости. Право можетъ даже ограничивать или совсѣмъ не признавать личности человѣка, и если рабъ разсматривался только какъ составная часть имущества, то вѣдь это не что иное, какъ фикція; напротивъ, на фикціи ли основывается признаніе не людей лицами, это вопросъ сомнительный. Нельзя сказать, чтобы корпорація имѣла сознательную волю и сама ставила себѣ цѣли, но она существуетъ какъ таковая воля, цѣль, или лучше тенденція, за которою нельзя не признать объективнаго внѣшняго существованія. Этой дѣйствительности безсознательная воля, цѣль, тенденція достигаетъ такимъ образомъ, что пріобрѣтаетъ для себя интеллигенцію и физическую мощь людей, которые становятся служебными въ отношеніи

къ ней орудіями, и именно поэтому и дѣлается лицомъ. Живые люди, осуществляя эту цѣль, которая не есть ихъ собственная цѣль, въ качествѣ уполномоченныхъ и служителей чуждой имъ воли, избираютъ, при помощи собственнаго разума, цѣлесоотвѣтственныя средства къ ея осуществленію и, отдавая въ ея распоряженіе свою собственную физическую мощь, восполняютъ то, чего не достаетъ этой цѣли для личности, и такимъ образомъ она получаетъ тѣже качества, которыя человѣка дѣлаютъ лицомъ: волю, разумѣніе и физическую мощь, которыя, какъ поставленныя въ ея распоряженіе, становятся ея волею, ея интеллигенціею, ея мощію. Отказывая такимъ лицамъ въ реальности, придется отрицать и вообще существованіе какихъ-бы то ни было лицъ; ибо никто никогда не видалъ и не слыхалъ *лица*. То, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, это есть *тѣло* лица, изъ дѣятельности котораго мы заключаемъ, что оно имѣетъ самосознаніе, волю и разумѣніе, но тоже самое мы заключаемъ и изъ дѣятельности моральныхъ лицъ [181]). Моральное лицо, какъ и физическое,—оба существуютъ, какъ неопровержимыя причины эффектовъ, подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ. При этомъ до понятія физическаго лица достигаютъ путемъ абстракціи, выдѣляя изъ полнаго существа человѣческой индивидуальности одну сторону; для понятія же моральнаго лица не требуется и такой абстракціи, ибо и самое лицо не шире этого понятія. Такимъ образомъ моральное лицо мы находимъ вездѣ, гдѣ изъ хода человѣческой жизни и изъ природы ея условій естественно вытекающая цѣль находитъ человѣческіе мозги, мыслящіе въ пользу этой цѣли, и человѣческія руки, отдающія ей свою мощь, такъ что эта цѣль и со-

---

[181]) Лассонъ предпочитаетъ этотъ терминъ для обозначенія юридическихъ лицъ. Виндшейдъ, напротивъ, предпочитаетъ терминъ: „фингированныя лица“ (Pand. I, 136). Но общее словоупотребленіе въ пользу термина: „юридическое лицо“.

отвѣтствующее ей разумное дѣйствованіе въ непрерывающемся рядѣ актовъ вызываетъ явственно распознаваемые эффекты во внѣшнемъ мірѣ и подвергается таковымъ же[182]). Аргументація Лассона, которой нельзя отказать въ нѣкоторыхъ здравыхъ мысляхъ, отчасти страдаетъ неполнотою, - такъ какъ объ институтахъ Лассонъ говоритъ весьма мало, ограничиваясь весьма проблемматическимъ положеніемъ, что больничное зданіе составляетъ *тѣло* института,—отчасти неточностію,— такъ какъ, по Лассону, всякую цѣль, все то, чему могутъ служить интеллигенція и физическія силы людей, можно бы было возвести на степень юридическаго субъекта, — отчасти непослѣдовательностію, —такъ какъ авторъ, опредѣливъ корпорацію, какъ *безсознательную* волю или цѣль, пріобрѣтающую въ служащихъ ей людяхъ сознаніе, разумѣніе и мощь, о государствѣ однако говоритъ, что въ немъ не люди дѣйствуютъ, а посредствомъ людей дѣйствуетъ *уполномочившее* ихъ государство, такъ что они должны исполнять волю уполномочившаго, а не свою собственную. Остается непонятнымъ, какимъ образомъ государство, будучи само безсознательною волей, могло бы кого-либо уполномочивать къ чему-либо Не вѣрно и то, что для юридическаго лица не требуется никакой абстракціи: та именно сторона, которая интересуетъ цивилиста, должна быть отвлекаема изъ понятія государства и общинъ, иначе опять нужно бы было вернуться къ древне-римскому смѣшенію государства, какъ верховной власти, съ государствомъ, какъ собственникомъ и контрагентомъ.

Оригинальную точку зрѣнія на существо юридическихъ лицъ занялъ *Рудольфъ Іерингъ*. Его взглядъ на юридическія лица стоитъ въ связи съ его взглядами на право вообще, какъ въ субъективномъ, такъ и въ объективномъ смыслѣ. Онъ отвергаетъ фиктивныя лица, но точно также отвергаетъ и безсубъектное имущество: нѣтъ права безъ субъекта, и субъек-

182) Princ. u. Zuk. des Völkerr.

томъ этимъ могутъ быть только дѣйствительныя лица, а не фиктивныя,—таковы его юридическіе догматы. Право въ субъективномъ смыслѣ есть не что иное, какъ юридически (посредствомъ исковъ) защищаемый интересъ, юридическая обезпеченность пользованія, а право въ объективномъ смыслѣ есть обезпеченіе жизненныхъ условій общества. Способность воли не требуется для понятія субъективнаго права; важно лишь то, кто имѣетъ пользованіе правомъ. Пользованіе же правами всегда принадлежитъ естественнымъ лицамъ—людямъ какъ дестинатарамъ, т. е. тѣмъ именно лицамъ, для которыхъ они и предназначены. Въ корпораціяхъ члены настоящіе и будущіе суть истинные дестинатары юридическаго лица, хотя, въ видахъ практической осуществимости иска, не отдѣльные члены, а возведенная въ искуственное личное единство совокупность можетъ преслѣдовать общіе интересы. Юридическое лицо, какъ таковое, неспособно къ пользованію, не имѣетъ интересовъ и цѣлей, не можетъ имѣть и правъ. Не юридическое лицо, какъ таковое, а отдѣльные члены суть истинные юридискіе субъекты. Юридическое же лицо есть не что иное, какъ обращенная во внѣ форма, въ которой обнаруживаются и благодаря которой дѣлаются возможными отношенія его къ внѣшнему міру; для внутреннихъ отношеній эта форма не имѣетъ значенія, такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ индивидуальными правами, которыя каждымъ отдѣльнымъ членомъ могутъ преслѣдоваться путемъ иска. Въ институтахъ точно также центръ тяжести всей юридической машины лежитъ не въ институтѣ самомъ, а въ естественныхъ лицахъ (бѣдныхъ, больныхъ и проч.), какъ дестинатарахъ, такъ что олицетвореніе ихъ есть не что иное, какъ форма назначенія и предоставленія имущества для цѣлей и интересовъ неопредѣленныхъ лицъ [183]). Лежачему наслѣдству Іерингъ отказываетъ въ юри-

---

[183]) Эти мысли были развиты Іерингомъ въ его Geist des röm. Rechts, III, Abth. 1.

дической личности. Въ правѣ говоритъ онъ, нужно различать активную и пассивную сторону: тогда какъ активная немыслима безъ пассивной, послѣдняя напротивъ возможна и при временномъ отсутствіи управомоченнаго субъекта. Юридическій объектъ остается связаннымъ, такъ что для будущаго управомоченнаго подготовляется, такъ сказать, ложе права, которое, правда, еще пусто, но уже готово и для неуправомоченныхъ закрыто. Наслѣдственныя вещи до вступленія въ наслѣдство не состоятъ ни въ чьей собственности, возможный будущій собственникъ—наслѣдникъ въ то время еще не есть дѣйствительный собственникъ, но наслѣдственныя вещи предназначены для него, и это назначеніе исключаетъ всякаго другаго отъ юридическаго усвоенія ихъ. Связанность наслѣдственныхъ вещей, подобно связанности вещей военноплѣннаго и безвѣстно отсутствующаго, какъ пассивное дѣйствіе права, должна быть обсуживаема съ той же точки зрѣнія, какъ при условіи, суспензивномъ и резолютивномъ, при срокѣ, и въ римскомъ правѣ еще при фидеикоммиссарномъ отпущеніи на волю (fideicommissaria libertas), а также при условной манумиссіи (statuta libertas)[184]). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій: „Zweck im Becht"[185]) Іерингъ къ юридической точкѣ зрѣнія на союзы людей и на институты присоединилъ точку зрѣнія соціальнаго политика. Союзъ людей, говоритъ онъ, есть организаціонная форма общества; нѣтъ такой цѣли, къ которой бы эта форма не была примѣнима и не примѣнялась исторически. Только тамъ, гдѣ цѣль можетъ быть достигаема безъ вступленія лица въ союзъ, единственно путемъ предоставленія имущества, рядомъ съ universitas personarum, какъ дополняющая, становится universitas bonorum. Та и другая заключаютъ въ себѣ весь аппаратъ для преслѣдованія общеполезныхъ цѣлей. Обѣ принадлежатъ къ публич-

---

[184]) Эти положенія были развиты въ статьѣ Іеринга: „Passive Wirkungen" etc.
[185]) Въ I томѣ стр. 303 и сл. 453 и сл.

ному праву, или, вѣрнѣе, образуютъ его, ибо публичное есть все то, что касается цѣлей всѣхъ и всѣхъ вызываетъ къ соединенной дѣятельности; неправильно было бы ограничивать понятіе публичнаго права государствомъ и церковью. То правда, что государство и церковь заключаютъ въ себѣ столь безконечно богатое жизненное содержаніе, что, сравнительно съ ними, остальные союзы представляются мышенкомъ въ отношеніи къ льву; но вѣдь и мышенокъ, и левъ суть одинаково млекопитающія. И государство, и церковь принадлежатъ къ категоріи общеполезныхъ союзовъ. Различіе не въ структурѣ, а только функціональное, въ цѣли. Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества. Чѣмъ было первоначальное обученіе, спрашиваетъ Іерингъ? Частнымъ дѣломъ. Затѣмъ? дѣломъ союзовъ. Теперь? государственнымъ дѣломъ. Чѣмъ было нѣкогда призрѣніе бѣдныхъ? Частнымъ дѣломъ. Потомъ? дѣломъ союзовъ. А теперь что оно? государственное дѣло. Поглощеніе государствомъ всѣхъ общеполезныхъ союзовъ есть лишь вопросъ времени. Изъ того, что право, по опредѣленію Іеринга, есть обезпеченіе жизненныхъ условій общества, слѣдуетъ, что всѣ нормы объективнаго права имѣютъ цѣлью обезпеченіе жизненныхъ условій общества, и слѣдовательно общество есть цѣлевой субъектъ ихъ; но этимъ не ниспровергается тотъ раньше высказанный принципъ, что дѣйствительный цѣлевой субъектъ есть человѣкъ, индивидъ, въ пользу котораго направляется въ концѣ концовъ всякое юридическое постановленіе, принадлежитъ ли оно частному, уголовному, или государственному праву. Общественная жизнь, связуя людей общностію постоянныхъ цѣлей въ высшія образованія, расширяетъ тѣмъ самымъ формы обнаруженія человѣка. Къ человѣку, какъ индивиду, разсматриваемому въ отдѣльности, примыкаетъ человѣкъ общественный, какъ членъ высшихъ соединеній. Ставя эти соединенія на мѣсто его, въ качествѣ цѣлевыхъ субъектовъ относящихся къ нимъ юриди-

ческихъ положеній, мы въ то же время не забываемъ, что съ нихъ лишь начинаются выгодныя послѣдствія этихъ положеній, съ тѣмъ чтобы перевести ихъ на естественнаго человѣка, такъ что всѣ положенія имѣютъ въ виду его. Но это не мѣшаетъ признать различіе механизма, при помощи котораго цѣль права реализуется для человѣка, и качество субъекта перенести на всѣ формаціи, въ которыхъ индивидъ разсматривается не какъ таковой, а какъ членъ высшаго цѣлаго. Точки зрѣнія юриста и соціальнаго политика, говоритъ Іерингъ, различны: послѣдній, оставляя за юристомъ свободу въ употребленіи принадлежащаго ему понятія юридическаго субъекта, съ своей стороны свободно распоряжается понятіемъ цѣлеваго субъекта. Съ точки зрѣнія соціальнаго политика, общеполезные институты не суть цѣлевые субъекты; но юристъ, въ силу достаточныхъ, съ точки зрѣнія юридической техники, основаній, признаетъ за ними качество юридическаго субъекта. Наоборотъ, качество цѣлеваго субъекта нужно приписать не только индивидамъ, государству, церкви, союзамъ, но и обнимающему ихъ всѣхъ обществу. Пять означенныхъ цѣлевыхъ субъектовъ суть цѣлевые центры всего права: къ нимъ относится все вообще право, вокругъ нихъ группируются всѣ учрежденія и постановленія.

Теорія Іеринга во всѣхъ пунктахъ вызвала противъ себя основательныя возраженія. Вопервыхъ, нельзя согласиться съ его опредѣленіемъ объективнаго права. Вынудимость или принужденіе не есть существенный моментъ въ понятіи объективнаго права. Даже если мы будемъ имѣть въ виду только область имущественныхъ отношеній, не касаясь другихъ человѣческихъ интересовъ высшаго порядка, мы должны убѣдиться, говоритъ Берлингъ, что, гдѣ чувство долга или собственный интересъ, напр. поддержаніе кредита, не побуждаетъ къ исполненію велѣній объективнаго права, тамъ страхъ передъ искомъ лишь сравнительно рѣдко можетъ дѣйствовать. Безчис-

ленныя неисковыя дѣла, встрѣчающіяся ежедневно, напр. сдѣлки съ несовершеннолѣтними, долги по игрѣ и т. п., равно какъ жизнь въ такихъ общественныхъ союзахъ, которымъ юридическая личность со стороны государства не усвоена, показываютъ, что въ дѣйствительной жизни гораздо болѣе разсчитывается на свободное исполненіе свободно принятыхъ на себя обязательствъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ [186]). Во-вторыхъ, нельзя согласиться съ понятіемъ Іеринга о субъективномъ правѣ. Право не есть интересъ, который защищается, даже если бы понимать „интересъ" въ самомъ широкомъ смыслѣ; субъективное право есть *средство защиты* интереса [187]). Далѣе, разрывая, подобно Беккеру, связь между субъективнымъ правомъ и волей, Іерингъ субъектами права считаетъ тѣхъ, кому принадлежитъ пользованіе. Но пользователь, какъ и распорядитель, можетъ быть таковымъ только de facto, а не по праву. Убійца можетъ оказаться пользователемъ и распорядителемъ правъ, принадлежавшихъ его жертвѣ, воръ можетъ фактически пользоваться и распоряжаться правами, связанными съ владѣніемъ вещію. Стало быть важно не то, кто пользуется правомъ, а то, кому оно *принадлежитъ*, такъ что вопросъ о субъектѣ права не разрѣшается указаніемъ на пользователя. Правда, по дефиниціи Іеринга, пользованіе должно защищаться исками, которые и должны служить показателями правомѣрнаго пользованія, въ отличіе отъ неправомѣрнаго: но защита правъ есть нѣчто внѣшнее и формальное, *вытекающее* изъ ихъ внутренней природы, которую и долженъ имѣть въ виду судья, ибо и судья долженъ же руководствоваться какими нибудь критеріями, чтобы знать, когда нужно защитить пользованіе, и когда слѣдуетъ отказать въ защитѣ [188]). Считая отдѣльныхъ интерессентовъ субъектами правъ, Іерингъ

---

[186]) Bierling, II, 64.
[187]) Thon, 218 и сл. Ср. Виндшейдъ, Pandekt. I, примѣч. 3 на стр. 98—100.
[188]) Bierling, 80 и сл. Zitelmann, 50.

притомъ послѣдовательно долженъ бы былъ въ томъ случаѣ напр., когда окрадывается какой нибудь институтъ, предоставить искъ противъ вора (condictio furtiva) каждому интерессенту, т. е. каждому содержащемуся въ больницѣ или богадѣльнѣ, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бывало и не можетъ быть, а напротивъ искъ вчиняется администрацiей института. Iерингъ, правда, допускаетъ, что для внѣшнихъ отношенiй дестинатары такъ называемыхъ юридическихъ лицъ должны разсматриваться какъ коллективное единство, и слѣдовательно, въ случаяхъ исковъ противъ третьихъ лицъ, не каждый интерессентъ въ отдѣльности долженъ выступать, а собирательное единство, какъ юридическое лицо, какъ технически необходимая искуственная форма обнаруженiя жизни этого собирательнаго единства во внѣшнихъ отношенiяхъ, выгоды же пользованiя защищаемымъ правомъ во всякомъ случаѣ обезпечиваются для отдѣльныхъ лицъ. Но мы можемъ указать на такiя общества и учрежденiя, по отношенiю къ которымъ говорить объ отдѣльныхъ пользователяхъ, какъ субъектахъ правъ, чрезвычайно трудно. Напр. по теорiи Iеринга не только переселенцы должны бы были считаться субъектами имущества, принадлежащаго обществу для содѣйствiя нуждающимся переселенцамъ, но и арестанты, содержимые въ тюрьмахъ и въ исправительныхъ прiютахъ, должны бы были разсматриваться, какъ юридическiе субъекты тюремнаго и прiютскаго имущества; однако, можетъ быть, по недостаточному знакомству съ теорiей Iеринга, эти „юридическiе субъекты“ готовы при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ убѣжать отъ своихъ „правъ“. Еще менѣе удобопримѣнимою окажется эта теорiя, если дѣло касается высшихъ гуманитарныхъ интересовъ. Существуютъ напр. общества для распространенiя св. Писанiя въ народѣ, общества трезвости, общества покровительства животнымъ: ужели неопредѣленная масса людей, въ пользу которой могутъ дѣйствовать подобныя общества, или

даже животныя суть тѣ дестинатары-интерессенты, которые должны считаться юридическими субъектами имущественныхъ правъ, принадлежащихъ такимъ обществамъ? Въ послѣднемъ случаѣ Іерингу пришлось бы пожалуй отказаться и отъ основнаго его воззрѣнія, по которому только человѣческое общество и человѣкъ самъ есть цѣлевой субъектъ всѣхъ учрежденій и опредѣленій права. Невѣрно наконецъ и то сужденіе Іеринга, что т. н. юридическое лицо есть только удобная форма для внѣшнихъ отношеній собирательнаго единства дестинатаровъ и интерессентовъ, для внутреннихъ же отношеній не имѣетъ никакого значенія. Тѣмъ самымъ отвергается существенное матеріальное различіе между юридическимъ лицомъ и товариществомъ, состоящее именно въ томъ, что имущество юридическаго лица никогда не обсуживалось и не обсуживается, какъ имущество отдѣльныхъ членовъ [189]). Юридическое лицо не только во внѣшнихъ, но и во внутреннихъ отношеніяхъ, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ проявляетъ волю, распознаваемую изъ мнѣній большинства членовъ, и если бы точка зрѣнія Іеринга была вѣрна, если бы дѣйствительно для внутреннихъ отношеній такъ называемое юридическое лицо не имѣло значенія, то нельзя было бы понять, почему меньшинство должно подчиниться большинству, ибо каждый членъ, въ отдѣльности взятый, могъ бы равно претендовать на уваженіе своего мнѣнія. Поэтому теорія Іеринга непримѣнима даже и къ такимъ союзамъ, въ которыхъ члены суть вмѣстѣ и дестинатары, извлекающіе выгоду изъ имущества юридическаго лица, не говоря уже о другихъ юридическихъ лицахъ. Что касается наконецъ разсужденій Іеринга съ точки зрѣнія соціальной политики, то въ нихъ много цѣнныхъ мыслей, къ которымъ намъ придется возвратиться въ концѣ этого обзора, послѣ ознакомленія съ теоріями Гирке и Карловы.

---

[189]) См. выше стр. 25 и сл. и ср. Dernburg, I, § 61. Laband Zeitschr., f. d. gesammte Handelsrecht, XXX. Zrodlowski, I, 275—276.

Съ воззрѣніями Іеринга до извѣстной степени, но далеко не вполнѣ, солидаренъ *Сальковскій*[190]), именно въ отношеніи къ universitates personarum, такъ какъ о другихъ юридическихъ лицахъ Сальковскій ничего не говоритъ. Universitas или corpus, по мнѣнію Сальковскаго, есть организованный союзъ естественныхъ лицъ, признанный въ государствѣ въ качествѣ юридическаго субъекта. Совокупность членовъ есть особый субъектъ правъ, отличный отъ индивидовъ, причемъ эти послѣдніе не суть pro parte собственники имущества universitatis. Въ источникахъ римскаго права нѣтъ и слѣда абстрактнаго воззрѣнія, по которому индивиды, или тѣмъ болѣе совокупность индивидовъ, являлись бы простыми представителями юридическаго лица, т. е. невидимаго, на фикціи только основывающагося, юридическаго субъекта Если въ источникахъ говорится, что universitas, въ противоположность singulis, есть носительница правъ, то это не значитъ чего либо иного, кромѣ того, что совокупность *наличныхъ* членовъ корпораціи, мыслимая какъ собирательное единство, въ противоположность индивидамъ, можетъ пріобрѣтать права и обладать ими, подобно тому какъ universitas rerum distantium—собирательная вещь (напр. стадо, домъ)—можетъ стать юридическимъ объектомъ, помимо содержащихся въ ней отдѣльныхъ самостоятельныхъ предметовъ. Совокупность физическихъ лицъ *не представляетъ, а есть* юридическое лицо, подобно тому какъ universitas rerum есть юридическій объектъ, а не представитель мыслимой только юридической вещи. Индивидъ, вступающій въ корпорацію, подчиняетъ свою волю собирательной волѣ; его воля есть только часть, одинъ изъ факторовъ общей воли, и постановляемое корпораціей рѣшеніе, хотя бы большинствомъ противъ меньшинства, есть рѣшеніе самого юридическаго лица. Всѣ права корпораціи принадлежатъ составля-

---

[190]) Bemerkung. zur Lehre von d. jur. Pers.

ющимъ ее singulis, но именно какъ членамъ. Кредиторъ корпораціи, который сталъ бы привлекать къ отвѣтственности отдѣльныхъ ея членовъ pro rata, тѣмъ самымъ призналъ бы ихъ лицами, которыя существуютъ сами по себѣ, тогда какъ они именно и разсматриваются какъ члены только, какъ факторы universitatis. Въ universitas каждый членъ какъ бы распадается на два лица; напротивъ въ товариществѣ singuli суть субъекты товарищескаго имущества и всѣхъ относящихся къ нему правъ и обязанностей, не только въ ихъ качествѣ товарищей, но и какъ отдѣльныя, сами по себѣ существующія лица. *Лабандъ* въ резензіи сочиненія Сальковскаго [191]) иронизируетъ надъ распаденіемъ физическаго лица на два или на нѣсколько лицъ. До сихъ поръ, говоритъ онъ, мы имѣли трудъ фингировать юридическій субъектъ, независимый отъ отдѣльныхъ членовъ корпораціи. Сальковскій избавляетъ насъ отъ этого труда, но за то въ каждомъ физическомъ лицѣ заставляетъ насъ фингировать два или нѣсколько лицъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ того, что они живутъ въ одномъ тѣлѣ. Кто доселѣ привыкъ считать себя единымъ юридическимъ субъектомъ, а корпорацію, къ которой онъ принадлежитъ, другимъ юридическимъ субъектомъ, въ отношеніи къ которому онъ имѣетъ права и обязанности, какъ къ другимъ людямъ, получилъ теперь печальное вразумленіе насчетъ того, какъ онъ раздвоенъ и расколотъ въ своей внутренности. Какъ гражданинъ, какъ членъ общины, какъ членъ церкви, какъ акціонеръ различныхъ промышленныхъ предпріятій и проч., онъ имѣетъ различныя личности, не имѣющія ничего общаго между собою; вслѣдствіе выбытія изъ какой либо корпораціи, одно лицо обламывается, какъ осколокъ, и неизвѣстно, куда этотъ осколокъ падаетъ, а вслѣдствіе принятія въ другое государство, или въ другую общину;

---

191) Goldschmidt's Zeitschr. VII.

снова повторяется это ужасное разбдробленіе внутреннѣйшаго бытія естественной личности. Иронія Лабанда едва ли справедлива. На самомъ дѣлѣ невозможно отрицать тотъ фактъ, наблюдаемый въ явленіяхъ жизни, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ не только состоять членомъ, но и участвовать въ администраціи разныхъ союзовъ и учрежденій, причемъ конечно, дѣйствуя, въ данный моментъ, въ качествѣ администратора даннаго союза или учрежденія, онъ, такъ сказать, спеціализируется на интересахъ этого учрежденія, посвящая однако ему *весь запасъ* разумѣнія и силъ, которымъ онъ располагаетъ. Раздробленіе личности можетъ быть пожалуй и ужаснымъ, когда человѣкъ, участвуя въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, оказывается не въ силахъ служить, какъ должно, интересамъ каждаго изъ этихъ обществъ и учрежденій, откуда пожалуй можетъ возникнуть даже привлеченіе къ отвѣтственности за небрежность и т. п. Но въ указанномъ смыслѣ распаденіе личности можетъ испытать естественное лицо и безъ вступленія въ разные союзы, ведя свои собственныя только, личныя, дѣла, но въ такой массѣ и въ столь различныхъ направленіяхъ, что у него не оказывается достаточныхъ силъ на свершеніе всего задуманнаго и начатаго. Если тоже самое можетъ случиться какъ результатъ участія въ разныхъ союзахъ, то этотъ результатъ будетъ столь же естественнымъ, какъ и въ представленномъ примѣрѣ распаденія личности человѣка въ его собственныхъ личныхъ дѣлахъ. Что человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ, а не осколками личности, можетъ состоять въ нѣсколькихъ союзахъ, а не въ одномъ только, это неопровержимый фактъ: достаточно сослаться на то, что гражданинъ государства и членъ политической общины есть въ тоже время членъ церкви и церковной общины и кромѣ того можетъ быть предсѣдателемъ какого либо общества и директоромъ какого нибудь заведенія. Не приходится ли въ дѣйствительности должностнымъ лицамъ,

администраторамъ, судьямъ и проч. различать въ себѣ самихъ человѣка вообще и должностное лицо съ должностными обязанностями въ особенности? Другой вопросъ, правильно ли Сальковскій принимаетъ за юридическій субъектъ наличныхъ членовъ корпораціи. Типъ корпораціи въ ея чистомъ видѣ, какъ такого соединенія людей, въ которомъ рѣшающее значеніе имѣла бы соединенная воля членовъ, какъ разъяснено будетъ ниже, воспроизводится далеко не во всѣхъ тѣхъ союзахъ, которые принято называть корпораціями, а такъ какъ Сальковскій намѣревался дать *общее ученіе* о корпораціяхъ, то уже тѣмъ самымъ доказывается несостоятельность этого ученія, на самомъ дѣлѣ непримѣнимаго къ весьма многимъ корпораціямъ, не говоря уже объ институтахъ, о которыхъ Сальковскій совершенно умалчиваетъ и которые, однако, также суть юридическія лица. Вѣроятно онъ и о государствѣ не говоритъ потому, что относитъ его къ институтамъ, иначе трудно было бы ему, какъ надо полагать, конструировать государство, какъ корпорацію [192]), которая составляется изъ совокупности наличныхъ членовъ, и въ которой рѣшающее значеніе имѣетъ соединенная воля членовъ. Въ этомъ пунктѣ Лабандъ совершенно справедливо возразилъ, что государство и черезъ 150 лѣтъ остается тѣмъ же государствомъ, какимъ и раньше было, а по Сальковскому государство должно бы быть разсматриваемо, какъ сумма наличныхъ гражданъ, изъ которыхъ однако никто не проживетъ 150 лѣтъ.

Въ 1873 г. Эрнстъ *Цительманъ* предпринялъ критиче-

---

[192]) Любопытно, что ученые до сихъ поръ не сговорились на счетъ того, какъ понимать государство въ области частнаго права: какъ корпорацію, или какъ институтъ. Перваго мнѣнія держатся наприм.: Пфейферъ (стр. 3—6), Унгеръ (I, 327), Цительманъ (96 и сл.); послѣдняго Арндтсъ (§ 47), Баронъ (§ 30), Дернбургъ (I, § 62). Штоббе, повидимому, не причисляетъ государства ни къ корпораціямъ, ни къ институтамъ (I § 382), а Виндшейдъ дѣлаетъ изъ фиска особое юридическое лицо, въ которомъ олицетворяется самое имущество и ставитъ на одну линію съ капиталами и съ лежачимъ наслѣдствомъ (I, стр. 159).

скій разборъ всѣхъ высказанныхъ до того времени теорій юридическихъ лицъ и съ своей стороны предложилъ свою собственную, новую, теорію, которая, по соображеніямъ автора, должна была исправить недостатки, присущіе прежнимъ теоріямъ [193]). Въ противность Беккеру и Іерингу, разрывающимъ связь между волей и субъективнымъ правомъ, Цительманъ учитъ, что напротивъ единственное необходимое качество, для того чтобы быть юридическимъ субъектомъ, есть волеспособность, но для этого не нужно быть человѣкомъ. Взглядъ, будто человѣкъ только можетъ быть юридическимъ субъектомъ, есть недоказанная посылка, не вытекающая изъ понятія права. Тѣлесность человѣка есть качество неважное для его личности; важна дѣйствующая воля, которую онъ имѣетъ. Поэтому субстратъ корпораціи составляютъ не отдѣльные люди, а ихъ воли въ извѣстныхъ общихъ направленіяхъ и цѣляхъ. Возникающее изъ соединенія разныхъ воль единство есть новое цѣлое въ отношеніи къ отдѣльнымъ составнымъ частямъ. Институты и лежачее наслѣдство должны быть разсматриваемы совмѣстно, въ отличіе отъ корпораціи, ибо управляющая ими воля не есть воля многихъ въ соединеніи, а есть объективированная воля отдѣльнаго человѣка. Высказанная наслѣдодателемъ или учредителемъ заведенія воля продолжаетъ жить и послѣ его смерти, хотя самое лицо, выразившее волю, утратило уже тѣлесность. Завѣщатель и учредитель остаются субъектами предназначенныхъ для тѣхъ или другихъ цѣлей правъ,— послѣдній на все время существованія института,— т. е. собственно не они, а ихъ воли въ извѣстномъ направленіи. Въ соотвѣтствіе всему сказанному, Цительманъ предлагаетъ, вмѣсто названія: „юридическое лицо“, названіе: „безтѣлесное лицо“, и, вмѣсто принятаго дѣленія лицъ на физическія и

---

[193]) Begr. und Wesen d. jur. Pers. Позднѣе въ 1885 г. примкнулъ къ нему *Мейреръ* (Der Begriff und d. Eigenthümer der heilig. Sachen), сдѣлавшій оригинальное примѣненіе мыслей Цительмана къ церковному имуществу.

юридическія, новое дѣленіе ихъ на тѣлесныя и безтѣлесныя. Какъ ни странна, на первый взглядъ, теорія Цительмана, она однако близко сходится съ ходячимъ воззрѣніемъ, что за волю корпораціи принимается соединенная воля членовъ ея, а за волю института воля учредителя, только Цительманъ желалъ придать этой терминологіи точный смыслъ, забывъ, что юридическія лица живутъ не въ царствѣ безтѣлесныхъ духовъ, что тѣлесность человѣка не есть неважный въ юридическомъ отношеніи плюсъ къ его волѣ, а существенная составная часть его природы, и что слѣдовательно въ юридическихъ конструкціяхъ нужно брать человѣка такимъ, каковъ онъ есть по своей природѣ. Что институтовъ и даже лежачаго наслѣдства нельзя объяснить изъ одной только воли учредителя и завѣщателя, что не воля учредителя покупаетъ и продаетъ, нанимаетъ и расплачивается, ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ и проч., объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Кромѣ того, Цительманъ, рѣзко различая институты отъ корпорацій и находя въ нихъ различные субъекты правъ, забываетъ, что есть такія юридическія формаціи, въ которыхъ совмѣщаются черты институтныя и корпоративныя, которыя съ одной стороны имѣютъ членовъ, а съ другой стороны имѣютъ имущества, посвященныя разъ навсегда въ пользу извѣстной цѣли жертвователями и фундаторами. О Цительманѣ, впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что какъ ни далеко онъ удалился изъ чувственнаго міра въ міръ духовъ, онъ все таки энергическій противникъ теоріи фиктивнаго олицетворенія.

Еще энергичнѣе выступилъ противъ фикціи *Больце*[194]). Въ отношеніи къ государству въ особенности, онъ высказалъ много цѣнныхъ мыслей въ добавленіе къ тому, что высказано было германистами, и вполнѣ резонно удивляется тому противорѣчію, которое существуетъ въ юридической литературѣ.

---

194) Der Begr. der jurist. Person.

Между тѣмъ какъ одни юристы считаютъ государство, въ качествѣ юридическаго лица, существомъ искуственнымъ, неспособнымъ къ волѣ и дѣйствованію, другіе[195]) напротивъ существо юридическаго лица поставляютъ именно въ самостоятельной правоспособности и волеспособности. Въ результатѣ оказывается, что юридическая личность состоитъ то въ томъ, что она не имѣетъ воли и вслѣдствіе этой именно неспособности къ волѣ и устанавливается, то она устанавливается прямо потому, что имѣетъ волю[196]). Тоже противорѣчіе онъ усматриваетъ и въ отношеніи къ союзамъ вообще: союзъ полагается существующимъ въ виду цѣли, цѣль же можетъ быть достигаема только дѣйствіями, и все таки союзъ недѣеспособенъ[197])! Древности осталась неизвѣстною, говоритъ Больце, идея недѣеспособнаго государства, или такого народнаго собранія, которое не есть самъ рѣшающій народъ, а только представляло бы его, или такого сената, въ которомъ голосованіе сенаторовъ не было бы мнѣніемъ сената, а только считалось бы за таковое; Демосѳенъ, Ѳукидидъ, Платонъ, Цицеронъ, представляютъ народъ дѣйствующею силою, а не фикціей[198]). Если государство или города внѣ частнаго права могутъ быть чѣмъ-то другимъ, не фикціей и не мыслью, а живой реальной силой, имѣть публичныя права и публичныя обязанности, то почему же они не могутъ

---

[195]) Laband, Staatsrecht des deutschen Reichs, I, 57: „существо юридическаго лица состоитъ въ самостоятельной правоспособности, которая въ свою очередь предполагаетъ опять самостоятельную волеспособоость: для юридическаго лица частнаго права правоспособность и волеспособность ограничиваются областію имущественныхъ правъ; для государства—юридическаго лица публичнаго права—правоспособность и волеспособность простираются на область публичнаго права; юридическая личность государства состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ самостоятельныя права господства и самостоятельную волю господства“.

[196]) Стр. 8.

[197]) Стр. 104.

[198]) Стр. 112 и сл.

безъ этой клюки имѣть и частныя права? Вѣдь это же самое государство требуетъ податей, взимаетъ ихъ, пріобрѣтаетъ собственность въ собранныхъ деньгахъ, опредѣляетъ чиновниковъ, заключаетъ миръ, взимаетъ контрибуцію. Иногда одно и тоже дѣйствіе въ одномъ отношеніи имѣетъ частноправовой характеръ, а въ другихъ публичный, и гдѣ же тотъ люкъ, въ который должно проваливаться, или изъ котораго должно вновь появляться юридическое лицо, смотря по тому, какая сторона государства или дѣйствія выступаетъ, публичная или частная [199])? Что государство недѣеспособно, говоритъ Больце въ другомъ мѣстѣ, это прямо такой абсурдъ, какъ если бы кто объявилъ недѣеспособными армію и флотъ [200]). Свое нерасположеніе къ фикціи Больце переноситъ даже и на самое названіе: „юридическое лицо", укладывая его съ покойниками, хотя о союзахъ или корпораціяхъ все таки говоритъ такъ, какъ приличествуетъ говорить только объ юридическомъ лицѣ. Нужно, по его мнѣнію, различать три различныя вещи: индивидовъ независимо отъ ихъ сочленства въ корпораціи, индивидовъ, какъ членовъ цѣлаго, и цѣлое какъ соединеніе членовъ въ единство, и присоединяется къ мнѣнію Сальковскаго, что singuli въ universitas, въ ихъ качествѣ именно членовъ корпораціи, не какъ сами по *себѣ* существующія лица, а лишь поскольку они являются членами universitatis, суть носители правъ и обязанностей корпораціи; однако, въ поправку Сальковскаго (а также Іеринга), добавляетъ, что индивиды даже и какъ члены корпораціи только въ *ихъ соединеніи* въ корпорацію являются *субъектомъ* корпоративныхъ правоотношеній [201]). На сколько существенна эта поправка, позволительно усумниться. Но если бы она и имѣла значеніе, безъ особаго труда можно видѣть, что теорія

---

[199]) Стр. 125.
[200]) Стр. 105.
[201]) Стр. 80—92.

мѣняться только по отношенію къ главѣ объединеннаго чешскаго государства, въ которое вошли всѣ семьи, роды и колѣна чешскаго народа. Лехами въ это время (до конца X вѣка), обозначались родовые старѣйшины, владыками—главы семей. Первые въ XI—XII ст. составили высшій слой аристократическаго класса общества, вторые—низшій его слой. Различіе между сословіями возникло у чеховъ на экономической и религіозной почвѣ: лехи были крупными и наслѣдственными поземельными владѣтелями и жрецами и поэтому получили скоро большое вліяніе на все управленіе государствомъ. Лехи участвовали вмѣстѣ съ владыками въ *снемѣ*, гдѣ въ качествѣ представителей жупъ рѣшали всѣ дѣла страны подобно тому, какъ у древнихъ родовъ всѣ дѣла рѣшались съ совѣта всѣхъ членовъ рода. Высшій слой чешской аристократіи,—старые, мудрые и знатнѣйшіе мужи были извѣстны въ VII—XI ст. подъ именемъ кметовъ, которые въ числѣ 12 составляли при князѣ постоянный *сенатъ* или *совѣтъ*, гдѣ сосредоточивалось высшее управленіе государствомъ. Кметы были пожизненными и несмѣняемыми членами сената и играли выдающуюся роль на снемѣ Такъ на снемѣ при мудрой княгинѣ Любушѣ, дочери Крока, а потомъ женѣ Премысла, подавали голоса кметы, лехи и владыки. Главное политическое значеніе кметовъ связывалось, все-таки, съ учрежденіемъ сената. Въ VII—IX ст., когда по смерти перваго чешскаго и славянскаго князя, *Сама*, положившаго начало объединенію чешскихъ колѣнъ, была основана въ Чехіи династія Премысловцевъ, чешскій или богемскій князь былъ только первымъ знатнѣйшимъ между князьями отдѣльныхъ чешскихъ колѣнъ. Въ это время каждое изъ колѣнъ было раздѣлено на нѣсколько жупъ. Старшины жупъ подчинялись колѣннымъ князьямъ или кметамъ, которые въ свою очередь зависѣли отъ чешскаго князя. Первые князья изъ дома Премысла стремились къ тому, чтобы подчинить себѣ

колѣнныхъ князей и жупныхъ старшинъ. Но это не удавалось имъ вслѣдствіе сильнаго развитія партикуляризма въ отдѣльныхъ частяхъ страны и у кметовъ и жупныхъ старѣйшинъ [1]).

Въ концѣ IX столѣтія Богемія сдѣлалась частью *Моравіи*, бывшей и до того времени самостоятельнымъ славянскимъ княжествомъ, гдѣ власть была раздѣлена сначала между народными старѣйшинами (лехами, жупанами), пока они не должны были уступить свои права князю *Моймиру* (въ началѣ IX ст.). При Моймирѣ и его преемникѣ, *Ростиславѣ*, колѣнныя князья и весь народъ имѣли большое вліяніе на управленіе. Такъ Ростиславъ долженъ былъ совѣтоваться съ „князи своими и Моравляны" [2]). Сначала Ростиславъ, а потомъ Святополкъ желали подчинить своей неограниченной власти всѣхъ удѣльныхъ князей Моравіи. Послѣ разрушенія ея венграми и соединенія моравскихъ земель (въ X ст.) съ Чехіей королю послѣдней, *Болеславу Крутому* (935—967) удалось заставить признать свою верховную власть многихъ удѣльныхъ чешскихъ князей, бывшихъ до него совершенно независимыми. При Болеславѣ исчезаетъ старая, родовая аристократія и вмѣсто нея образуется постепенно наслѣдственное и поземельное дворянство, куда входятъ потомъ прежніе лехи и владыки. Первые стали называться въ послѣдствіи шляхтичами и панами, вторые—рыцарями. Служилое дворянство имѣло въ своихъ рукахъ всю крупную поземельную собственность, обладаніе которой было основаніемъ для участія дворянства въ государственномъ управленіи; ему принадлежало право занимать всѣ высшія государ-

---

1) F. Palacky: „Geschichte v. Böhmen", I B., 160—168, 170, 174, 176 s., H. Jireček: „Das Recht in Böhmen und Mähren", 24, 28, 70, 77—79 s., Maciejowski, I B., 87—88 s., Шафарикъ, II кн., 2-я ч., 123—124 с., Дьячанъ, 37—38 и 39 с., Успенскій, 106—107, 112—113 и 127 с., Осокинъ, 344—345 с.
2) Успенскій, 37 с. (примѣчаніе).

ственныя должности. Чешскіе снемы XI—XII стол. представляли собою собранія высшаго и низшаго дворянства; съ XIII столѣтія къ нему присоединяются въ снемахъ горожане. Во главѣ дворянскаго сословія стоятъ, какъ и ранѣе, кметы, которые составляютъ *совѣтъ* князя. Власть чешскаго князя въ концѣ XII столѣтія является въ формѣ наслѣдственнаго королевства. Болеславъ I Крутой распоряжался неограниченно государственными должностями и жупами, самостоятельность которыхъ теперь начинаетъ падать. Только главами жупъ оставались обыкновенно представители дворянства, владѣвшіе въ нихъ землями. При *Болеславѣ II Благочестивомъ* (967—999) совершилось подчиненіе чешскому князю всѣхъ правителей отдѣльныхъ колѣнъ, признавшихъ надъ собою высшую власть чешскаго государя. Все-таки, Болеславъ II и его преемники были связаны до нѣкоторой степени въ дѣлахъ законодательства и управленія необходимымъ участіемъ въ нихъ народа и особенно кметовъ, которые имѣли вѣсъ въ политическомъ управленіи страной до конца XV столѣтія. Король Пржемыслъ I утверждалъ въ 1218 г., что онъ не можетъ принудить народъ къ уплатѣ чрезвычайныхъ десятинъ, и что подобная мѣра можетъ состояться только habito consilio et consensu nobilium nostrorum [1]). Панское сословіе воспрепятствовало *Вячеславу II* (1230—1253) составить сводъ законовъ чешской земли изъ опасенія потерять при новыхъ законахъ свой авторитетъ въ отправленіи суда [2]). Такъ называемые nalezy—законодательныя опредѣленія и судебныя рѣшенія на отдѣльные частные случаи были результатомъ совѣщаній пановъ въ земскомъ судѣ, служившемъ органомъ законодательной власти. Эти опредѣленія и рѣше-

1) Jirećek, 2 Abth., 4, 30—32, 41—43, 67, 72—76 s., Palacki, II B., 1 Abth., 14—19, 25—29 s., Macieiowski, ibidem, 88 s, Дьячанъ, 51—52 с., Успенскій, 47, 114, 116 и 145 с., Осокинъ, 352—353 и 359 с. 2) Дьячанъ, 50 стр.

нія были основаны на нормахъ дѣйствовавшаго въ странѣ обычнаго права, освящавшаго привиллегіи знати [1]).

Оба Болеслава желали образовать изъ Чехіи самостоятельное и сильное славянское государство. Но это ихъ стремленіе парализовалось, начавшимся еще съ XI вѣка, вліяніемъ на Чехію сосѣдней Германіи, онѣмеченіемъ всего славянскаго края и паденіемъ вслѣдствіе того старославянской свободы. Къ этимъ внѣшнимъ причинамъ, мѣшавшимъ основанію національнаго государства въ Чехіи, присоединялись внутреннія неурядицы въ самой странѣ, продолжительное дробленіе государства на удѣлы и междоусобія удѣльныхъ князей. Къ тому же сами Премысловцы вступаютъ въ имперскій германскій союзъ и получаютъ королевскій титулъ отъ германскихъ императоровъ (Генриха IV и Фридриха I). При послѣднихъ Премысловцахъ, двухъ Оттокарахъ (XIII ст.) произошла и послѣдняя попытка возстановить политическую самостоятельность Чехіи, которая съ уничтоженіемъ дробленія всей страны на удѣлы и возстановленіемъ единодержавія заняла въ средневѣковой Европѣ первое мѣсто (1306—1419). Родъ Премысла угасъ въ XIII столѣтіи и на престолѣ Чехіи водворилась нѣмецкая династія—Люксембурги, открывшіе широкій доступъ въ Чехію нѣмецкимъ понятіямъ и порядкамъ, уже и безъ того сильно вліявшимъ на всю соціальную жизнь чеховъ. До *Оттокара II* (1253—1269) Чехія не знала различія сословій въ средневѣковомъ, феодальномъ смыслѣ: все населеніе страны дѣлилось на лицъ, владѣющихъ поземельною собственностью—земянъ и безземельныхъ (хлоповъ). Земяне были свободными людьми, которые были подчинены только князю, отправляли военную службу и пользовались за это политическими правами. Различіе между высшимъ и низшимъ дворянствомъ, появившееся въ XI

---

1) Загоскинъ: „Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго славянскаго права“, 35 с.

столѣтіи, не означало различія между замкнутымъ высшимъ сословіемъ и остальною массою свободнаго народа: каждый свободный чехъ могъ вступить въ ряды дворянства и получить отъ князя въ награду за свою службу поземельный участокъ. Число поземельныхъ владѣтелей, однако, постоянно уменьшалось въ Богеміи, благодаря тягостямъ военной службы и дорого стоющему рыцарскому вооруженію. Во время постоянныхъ войнъ при Оттокарахъ окончательно образуется сословіе рыцарей—родъ низшаго дворянства. Съ начала же XIV вѣка и особенно въ XV ст. развилось въ Чехіи подъ нѣмецкимъ вліяніемъ рѣзкое различіе сословій. Во главѣ общества стало шляхетство, знатные паны, отдѣленные отъ народа большими политическими привиллегіями. Къ высшему дворянству принадлежали теперь всѣ бароны, обладавшіе правомъ самостоятельнаго участія съ своей свитой въ войскѣ короля. Въ ряды высшаго дворянства могли вступать только крупные поземельные собственники; всѣ же его члены, неимѣвшіе большихъ поземельныхъ участковъ, должны были перейти въ рыцарское сословіе. Только члены родоваго, высшаго дворянства занимали высшія должности въ государствѣ. Земли, пожалованныя имъ королемъ за ихъ службу, дѣлались родовою, наслѣдственною собственностью. Всѣ мелкіе, свободные поземельные владѣльцы, непричисленные къ высшему сословію, составляли нѣсколько подраздѣленій рыцарскаго сословія. Привиллегіи высшаго сословія, продолжительное развитіе которыхъ въ Чехіи сопровождалось здѣсь паденіемъ древнеславянскаго, земскаго (жупнаго) устройства, принимаютъ окончательно характеръ феодальныхъ правъ нѣмецкихъ господъ при королѣ *Іоаннѣ:* онъ закрѣпляетъ за свѣтскою знатью и духовенствомъ всѣ ихъ исключительныя права (имущественныя и политическія), бывшія до сихъ поръ фактическими. При сынѣ Іоанна, *Карлѣ I* (IV), при которомъ Чехія сдѣлалась главой „священной римской имперіи нѣмец-

кой націи", а столица Чехіи, Прага стала центромъ политической жизни въ Германіи, въ Богеміи водворился вполнѣ феодализмъ, въ развитіи и укрѣпленіи котораго въ странѣ Карлъ видѣлъ вѣрное средство для укрѣпленія въ Чехіи королевскаго авторитета.

На встрѣчу этому стремленію Карла къ онѣмеченію Богеміи и уничтоженію въ ней старославянскихъ, земскихъ началъ соціальнаго и политическаго устройства шло само чешское дворянство. Многіе сильные бароны сами вступали въ вассальныя отношенія къ королю, отъ котораго они, какъ отъ сюзерена, пріобрѣтали свои же поземельныя владѣнія, бывшія до сихъ поръ свободными, съ обязательствомъ защищать съ своей свитой короля во всѣхъ возможныхъ на него нападеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бароны получали отъ короля для себя привиллегированную юрисдикцію и судебную власть надъ населеніемъ леновъ, то есть, своихъ поземельныхъ участковъ. Сообразно новому, феодальному характеру чешскаго государственнаго устройства въ XIV—XV столѣтіи все управленіе государствомъ организуется по нѣмецкимъ образцамъ. Древнее славянское вѣче съ его демократическими формами обсужденія и рѣшенія дѣлъ превращается въ сословныя собранія, созываемыя обязательно королемъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ этихъ собраніяхъ участвуютъ высшее и низшее дворянство, бывшіе кметы, а теперь феодальные господа, и городскіе жители. Дворянами,—аристократами наполняются высшій трибуналъ чешскаго королевства и королевскій совѣтъ, гдѣ на ряду съ представителями чешской знати засѣдаютъ высшіе королевскіе чиновники. Совѣтъ на первыхъ порахъ еще не связывалъ волю короля, который могъ согласиться съ его мнѣніемъ, но могъ и не обратить на него вниманія. При короляхъ Іоаннѣ и Карлѣ (IV) королевская власть была еще на столько сильна, что все управленіе государствомъ велось посредствомъ королевскихъ распоряженій чрезъ чиновниковъ.

Поэтому дворяне и другія сословія являлись на сеймы болѣе для того, чтобы выслушивать королевскія приказанія, чѣмъ совѣщаться о дѣлахъ страны. Король обходился безъ согласія сословій при взиманіи налоговъ для покрытія военныхъ расходовъ. Онъ распоряжался до извѣстной степени произвольно имуществами и доходами съ нихъ всѣхъ сословій, пользуясь тѣмъ, что дворянство стремилось превратить свои поземельныя владѣнія въ ленныя, а жители торговыхъ мѣстечекъ желали сдѣлаться гражданами королевскихъ городовъ. Но послѣ Карла I, много сдѣлавшаго для развитія благосостоянія страны, скоро стали обнаруживаться властолюбивыя притязанія новой, феодальной чешской аристократіи. Воспользовавшись произвольнымъ, кабинетнымъ управленіемъ *Вячеслава IV*, высшее дворянство Богеміи составило союзъ, потребовавшій отъ короля реформы всего высшаго управленія, удаленія изъ совѣта фаворитовъ короля и замѣщенія ихъ знатными лицами изъ родовитыхъ дворянскихъ семей. Бароны желали, повидимому, возстановить въ Чехіи старое общественное устройство страны, но несочувствіе ихъ планамъ остальнаго населенія показало, что бароны добивались только своего преобладанія въ странѣ [1]).

Введеніе въ Чехіи нѣмецкаго социально-политическаго быта, нѣмецкой религіи (католичества), нѣмецкаго языка и обычаевъ, особенно же развитіе въ Богеміи феодальной аристократіи, явно задумавшей захватить въ свои руки власть и разрушить старославянскую свободу всего населенія, вызвали энергичный въ немъ протестъ. Этотъ протестъ возникъ впервые въ религіозной сферѣ, началcя съ осужденія порочныхъ нравовъ католическаго духовенства и отрицанія догматовъ латинской церкви, но затѣмъ перешелъ и на соціальную и политическую почву.

---

1) Palacky, II, Theil., 27—28 s., III, 5—7, 22, 31, 88—91, 201—203 s., IV, 70—73 und folg., V, 9—13 s., Macieiowski, III, 76—78 und 96 s., Гильфердингъ, I т., 347—351 с., Петровъ, II т., 103 и 243—244 с.

Такъ возникло въ Чехіи гусситское движеніе,—реакція подавленной славянской народности противъ нѣмецкаго ига, религіознаго и соціально-политическаго. Результатомъ гусситскихъ войнъ (1419—1435), въ которыхъ Чехія успѣшно боролась подъ предводительствомъ своихъ геройскихъ вождей—Яна Жижки и двухъ Прокоповъ, Большаго и Малаго противъ всего тогдашняго Запада, было освобожденіе страны отъ преобладанія въ ней нѣмцевъ и уничтоженіе нѣмецкихъ общественныхъ и политическихъ порядковъ съ ихъ сословною рознью и исключительностью. Теперь снова былъ возстановленъ древній славянскій обычай участія самого народа во всѣхъ дѣлахъ страны. Весь народъ совѣщался при рѣшеніи дѣлъ вѣры и управленія и самъ избиралъ вождей для борьбы съ Западомъ. Но торжество демократической партіи было кратковременнымъ. Полной побѣдѣ славянскихъ общественныхъ началъ надъ средневѣковыми нѣмецкими мѣшало отсутствіе опредѣленной и прочной организаціи народной, демократической партіи,—*таборитовъ*, которые стремились къ совершенному ниспроверженію въ странѣ всякаго общественнаго порядка и думали обосновать свое государство въ странѣ при посредствѣ террора и водворенія коммунизма въ общественной жизни. Рядомъ съ таборитами выступила съ самого начала движенія болѣе умѣренная, *пражская партія*, заключавшая въ себѣ большую часть низшаго панства, пражскій университетъ и мѣщанское сословіе и стоявшая за монархію. Противницей обѣихъ партій и вообще всего революціоннаго движенія явилась *консервативная партія* магнатовъ и части низшаго панства. Эта партія стояла за католическую церковь и воплощала въ себѣ идею нѣмецкихъ общественныхъ и политическихъ началъ и порядковъ, пустившихъ въ странѣ глубокіе корни. Борьба, начавшаяся послѣ первыхъ же побѣдъ чеховъ надъ войсками германскаго императора между привиллегированными сословіями, аристо-

кратіей и горожанами и простымъ народомъ закончилась пораженіемъ демократической партіи (1434) и возвращеніемъ Чехіи къ прежнему соціальному и политическому строю. Снова во главѣ общества стали: аристократія, высшая знать и благородное рыцарство, и городское сословіе. Ожившій было старославянскій, земскій строй исчезъ и народъ очутился опять исключеннымъ изъ самостоятельнаго участія въ общественной жизни. Аристократія сдѣлалась неограниченною распорядительницей Чехіи, ея своеволіе достигло здѣсь крайнихъ предѣловъ. Споры изъ за власти между высшимъ и низшимъ дворянствомъ, ссоры между самими знатными панами и ихъ насилія надъ слабыми продолжали волновать общество въ эпоху безкоролевья (1440—1453) и при слабомъ королѣ Ладиславѣ. Конецъ анархическому господству аристократіи былъ положенъ *Юріемъ Подъбрадскимъ*, возвысившимся при Ладиславѣ изъ среды самой же аристократіи до званія королевскаго намѣстника и потомъ избраннаго къ явному неудовольствію знатныхъ пановъ королемъ Чехіи [1]).

Юрій Подъбрадскій (1458—1471) съ самаго начала своего воцаренія сталъ на сторонѣ народа, а не сословныхъ привиллегій аристократіи, пытался обосновать въ Чехіи государственный порядокъ на равновѣсіи королевской власти съ участіемъ въ законодательствѣ и управленіи всѣхъ трехъ сословій. Подѣбрадъ всю свою дѣятельность направилъ на то, чтобы обезпечить безопасность и благосостояніе всему чешскому народу; король имѣлъ обычай совѣщаться во всѣхъ вопросахъ управленія съ избранными имъ членами совѣта. Придворный совѣтъ Подѣбрада (Hofrath) состоялъ изъ лицъ, избранныхъ изъ различныхъ сословій страны, а иногда и ино-

---

1) Palacky, VI Theil., 157 s. und folg., VII, 249, 354 s., Гильфердингъ, I т., 351, 357, 369, 370—375 с., Петровъ, II, 245—247 с., Осокинъ, II т., 2-я ч., 928—929, 943—950, 953—956 с.

земцевъ. Этотъ совѣтъ занимался обыкновенно иностранными дѣлами и управленіемъ королевскихъ земель. Король не былъ связанъ въ своей дѣятельности мнѣніемъ членовъ своего придворнаго совѣта. Члены его участвовали и въ обсужденіи дѣлъ, на этотъ разъ только одной Богеміи, въ земскомъ совѣтѣ, который состоялъ также изъ лицъ, избираемыхъ королемъ каждый разъ для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ изъ числа высшихъ государственныхъ чиновниковъ и изъ среды различныхъ сословій и иностранцевъ. Духовенство не имѣло вліянія въ земскомъ совѣтѣ; знатные же бароны, бывшіе членами совѣта, являлись скорѣе исполнителями королевской воли, нежели самостоятельными распорядителями при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ. Компетентность земскаго совѣта, надъ которымъ стоялъ придворный совѣтъ, была ограничена: онъ не могъ вмѣшиваться ни въ дѣла о городскихъ сословіяхъ, ни въ рѣшенія церковныхъ вопросовъ и не имѣлъ также права контроля надъ всѣмъ управленіемъ. Воля короля была, такимъ образомъ, рѣшающимъ моментомъ въ ходѣ управленія и суда. Законодательство принадлежало ландтагу вмѣстѣ съ королемъ, который обращался здѣсь ко всему народу за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Все государственное управленіе при Подѣбрадѣ представляло собою соединеніе сильной власти короля въ дѣлахъ управленія и суда съ ограничивающимъ въ тоже время его волю рѣшительнымъ вліяніемъ народа въ ландтагахъ; это было подобіе конституціонной монархіи, основанной на сословныхъ началахъ и проникнутой демократической идеей славянской народности. Чехія при Подѣбрадѣ достигла до высшей степени своего политическаго значенія въ Западной Европѣ, стала первостепенной европейской державой. Чешскій король былъ сильнѣйшимъ членомъ германской имперіи и могущественнымъ посредникомъ въ раздорахъ между нѣмецкими князьями. Причина необычайнаго, нравственнаго и политическаго, вліянія Чехіи на западно-европейскую жизнь

XV столѣтія заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что западные народы видѣли въ Чехіи олицетвореніе новаго политическаго идеала, свѣтское государство, существовавшее независимо отъ католической церкви, безъ освященія и подчиненія папству единственно на юридическомъ базисѣ и для общаго блага народа. Въ средѣ самого чешскаго общества государственною дѣятельностью Подѣбрада были довольны только горожане и низшее дворянство; знатные паны—католики не могли помириться съ уменьшеніемъ своихъ политическихъ правъ и юридическимъ ограниченіемъ своего необузданнаго своеволія и охотно прислушивались къ идущему изъ Рима голосу папы, запрещавшему имъ повиноваться королю—еретику. Воспользовавшись тѣмъ, что папа (Павелъ II) принялъ подъ свое покровительство одного пана, подвергшагося по повелѣнію короля за сопротивленіе закону и вооруженный разбой строгому наказанію, чешская аристократія составила союзъ противъ Подѣбрада и провозгласила чешскимъ королемъ венгерскаго короля, Матвѣя Корвина, который желалъ присоединить Чехію къ своему государству. Подѣбрадъ умеръ въ разгарѣ борьбы съ аристократической партіей и венгерскимъ королемъ. Послѣ его смерти Чехія лишилась своего первенствующаго положенія въ Западной Европѣ, стала здѣсь второстепеннымъ государствомъ, гдѣ въ послѣдніе полтора вѣка политической независимости Чехіи царила аристократія, погубившая Чехію. Аристократическія начала, чуждыя первоначальной, славянской эпохѣ чешской исторіи, развились въ Чехіи, благодаря особеннымъ, благопріятнымъ обстоятельствамъ, оставались несвязанными съ ея общественными и политическими учрежденіями. Аристократія послѣ паденія монархіи, не встрѣчая никакого противодѣйствія среди народа, подавляетъ города, порабощаетъ простой народъ и захватываетъ въ свои руки правительственную власть. Удержать эту власть за собой аристократія оказалась не въ со-

стояніи: разрушивъ государство, она сама гибнетъ подъ его развалинами[1]).

Аристократія нашла въ преемникѣ Подѣбрада, польскомъ королевичѣ, *Владиславѣ II* (1471—1500) слабаго и безхарактернаго короля, привыкшаго въ своемъ отечествѣ къ своеволію шляхты и потому готоваго допустить полновластіе и знатныхъ пановъ Чехіи. Властолюбивымъ ихъ планамъ помогло также присоединеніе къ чешской коронѣ Венгріи послѣ смерти Матвѣя Корвина: при постоянномъ почти присутствіи Владислава въ Венгріи все управленіе государствомъ перешло къ аристократіи, которая занимала всѣ высшія государственныя должности и властвовала на сеймахъ и въ королевскомъ совѣтѣ. Чешскіе паны хотѣли обезпечить себѣ не только всѣ преимущества предъ остальными общественными классами, но желали подчинить ихъ вполнѣ своей исключительной власти, искоренить окончательно всѣ остатки старославянской свободы и сдѣлать изъ Чехіи строго аристократическое, феодальное государство. Поэтому паны потребовали, чтобы горожане не принимали никакого участія въ ландтагахъ, гдѣ собирались бароны и рыцари для совѣщаній объ общемъ благѣ страны. Эти притязанія панства не встрѣтили никакого отпора со стороны Владислава, но за то нашли энергичное сопротивленіе въ средѣ горожанъ. Отсюда произошли продолжительные раздоры и кровавая борьба между аристократіей и городами въ послѣдніе годы XV ст. и въ первой четверти XVI ст., страшно ослабившіе всю страну. Королевскій совѣтъ Владислава, разбиравшій взаимныя жалобы пановъ и горожанъ, высказался, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу первыхъ, призналъ, что только паны и рыцари имѣютъ политическія права, горожане же и остальное на-

1) Palacky, VIII Theil, 128—129, 207—210, 316—321 s., Гильфердингъ, I т., 375—383, 387—388 с., Петровъ, 347—348 с., Осокинъ, 960—967 с.

селеніе обязаны всѣми своими правами только милостямъ короля, должны повиноваться его приказаніямъ и отказаться отъ своего голоса въ ландтагахъ. На ландтагѣ 1479 г. было рѣшено аристократіей, чтобы при особѣ короля постоянно находилось извѣстное число совѣтниковъ изъ пановъ и рыцарей, съ которыми король долженъ былъ совѣщаться, обсуждать всѣ дѣла страны и судить членовъ знати, оказавшихся въ чемъ-либо виновными. Совѣтъ этотъ былъ родъ временнаго и высшаго правительственнаго учрежденія въ странѣ; онъ состоялъ изъ избираемыхъ аристократіей ежемѣсячно въ округахъ пановъ и рыцарей. Въ концѣ XV столѣтія чешская аристократія, благодаря своему умственному превосходству надъ остальной массою народа, безпрерывнымъ войнамъ и вліянію на страну нѣмецкихъ политическихъ образцовъ, достигаетъ завѣтной цѣли своихъ продолжительныхъ усилій, становится господствующимъ сословіемъ въ государствѣ и управляетъ имъ по своей волѣ. Горожане и мѣщане лишаются всякихъ политическихъ правъ; низшіе классы населенія впадаютъ въ состояніе полнаго рабскаго подчиненія панству. Вся законодательная власть вмѣстѣ съ административной и судебной переходитъ къ баронамъ съ рыцарями, которымъ, однако, недолго пришлось владѣть ею. Въ началѣ XVI ст. прекратилась въ Чехіи польская династія Ягеллоновъ и на чешскій престолъ былъ избранъ сословіями *Фердинандъ*,—эрцгерцогъ австрійскій (1526). Съ этого времени начинается систематическое искорененіе въ чешскомъ народѣ началъ славянской свободы, правъ и вольностей всѣ сословій Габсбургами—ревностными католиками и защитниками абсолютной монархіи. Противъ общаго врага сплотились, хотя и поздно, всѣ сословія Чехіи, высшая знать, рыцарство и горожане. Всѣ они рѣшились сообща отстаивать старую, сословную организацію Чехіи вмѣстѣ съ интересами всей народности и ея религіозной сво-

бодой. Борьба съ Габсбургами соединила подъ однимъ знаменемъ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей чешской аристократіи, которые защищали не одни только сословныя права, но и независимость страны, духовную и политическую. Но самопожертвованіе многихъ чешскихъ дѣятелей не привело къ желанному результату: всѣ ихъ усилія парализовались чешскими магнатами—католиками и іезуитами, которые примкнули къ Фердинанду и образовали могущественную политическую партію въ странѣ. Самъ Фердинандъ на „кровавомъ“ сеймѣ (1547 г.) отнялъ у аристократіи, принадлежащее ей при Ягеллонахъ, право составлять сеймы и рѣшать на немъ всѣ дѣла управленія безъ согласія короля и уничтожилъ всякое значеніе въ общественныхъ дѣлахъ городскаго сословія. Фердинандъ пощадилъ сословіе пановъ и даже предоставилъ имъ полное преобладаніе на ландтагахъ и отдалъ въ ихъ руки все управленіе страной. Но эти его мѣры не уничтожили, а еще болѣе увеличили рѣзкое раздвоеніе въ средѣ самой аристократіи, изъ которой все болѣе и болѣе стала выдаваться придворно-іезуитская партія магнатовъ, замѣщавшая своими членами всѣ важнѣйшія государственныя должности и оттѣснившая отъ управленія пановъ —протестантовъ. „Грамота величества“, пожалованная магнатамъ—католикамъ въ 1609 г. императоромъ Рудольфомъ, обезпечила имъ сохраненіе сословныхъ правъ и предоставила имъ право имѣть дефенсоровъ, которые могли бы защищать эти права и въ крайнемъ случаѣ даже оружіемъ. Но эта нѣсколько вынужденная уступка Рудольфомъ магнатамъ не спасла ни ихъ, ни всю страну отъ полнаго подчиненія Чехіи австрійскому дому Габсбурговъ, которое совершилось послѣ битвы при Бѣлой Горѣ (1620), положившей конецъ политической самостоятельности Чехіи. На такъ называемомъ „похоронномъ“ сеймѣ 1627 г. Фердинандъ II, австрійскій императоръ, объявилъ упраздненными всѣ политическія и религіоз-

ныя права и вольности чешской земли и она была присоединена навсегда къ владѣніямъ Габсбургскаго дома [1]).

СЕРБІЯ.

Политическая исторія *Сербіи* представляетъ собою много сходнаго съ исторіей Хорватіи, соединенной одно время съ Сербіей (въ половинѣ X в.), и исторіей Болгаріи, часть которой составляла сама Сербія при царѣ Симеонѣ. Всѣ три страны принуждены были бороться за свою политическую независимость съ греками, мадьярами, мусульманами, франками и другими сосѣдними народностями. Всѣ онѣ подпадаютъ по очереди византійскому господству и достигаютъ на короткое время необычайнаго политическаго развитія (Сербія при династіи Неманей въ XII ст., Хорватія при королѣ Людевитѣ въ XI ст., Болгарія при царѣ Симеонѣ и Асеняхъ—X и XIII ст.). Наконецъ, между Сербіей, Хорватіей и Болгаріей есть и то общее, что политическая ихъ самостоятельность, развивающаяся какими-то порывами, скоро исчезаетъ совершенно. Взаимныя отношенія между ними характеризуются обычною славянскою рознью, которая была, вѣроятно, одной изъ причинъ кратковременнаго ихъ политическаго существованія. Въ теченіе этого періода самостоятельной политической жизни народныя силы въ каждой изъ нихъ достигали до крайняго напряженія. Но вслѣдъ за эпохой политическаго блеска и процвѣтанія наступала реакція—періодъ политическаго ничтожества, которымъ, наконецъ, воспользовались враги славянъ (мадьяры и мусульмане) для того, чтобы окончательно подчинить себѣ сербовъ, хорватовъ и болгаровъ.

До половины XII ст. соціально-политическій бытъ Сербіи носилъ явно дружинный характеръ. Всѣ владѣнія сер-

---

1) Palacky, IX Theil, 210—211, 216—217, 268—271, 39 —398 s. und folg., X, 29, 144—145, 179, 196, 225, 227 и 306 s., Гильфердингъ, I, 389—409 с., Петровъ, II, 251—254 с.

бовъ, удержавшихъ за собою общее имя всѣхъ славянскихъ племенъ въ первые пять вѣковъ ихъ политической жизни (VII—XII ст.), раздѣлялись на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга *жупъ*. Во главѣ каждой изъ жупъ были самостоятельные правители, жупаны или баны. Всѣ жупы вмѣстѣ составляли одинъ общій политическій союзъ подъ властью великаго жупана, избирательнаго короля. Но власть послѣдняго была скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною. Жупаны постоянно ссорились между собою изъ за „великого жупанства", и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ достаточно силы для того, чтобы возвыситься надъ остальными своими соперниками. Причинами разрозненности въ общественной жизни Сербіи были, кромѣ раздоровъ между жупанами, еще географическія условія, которыя позволяли болгарамъ часто вмѣшиваться въ сербскія дѣла, а Византіи подчинять Сербію своей власти, и аристократическій составъ населенія жупъ. Великимъ жупаномъ Сербіи въ теченіе первой четверти X вѣка былъ жупанъ г. Десницы. Но въ 924 г. болгарскій царь, Симеонъ сильно опустошилъ Сербію и подчинилъ ее Болгаріи. Приэтомъ Симеономъ были взяты въ плѣнъ многіе сербскіе бояре и начальники. Знатные сербы должны были жить при дворѣ болгарскаго царя. Въ 934 году одинъ изъ народившихся въ болгарскомъ плѣну сербскихъ князей, Чеславъ бѣжалъ изъ Болгаріи вмѣстѣ съ четырьмя плѣнными сербскими жупанами и съ помощью византійскаго императора возстановилъ Сербію въ первоначальномъ ея политическомъ видѣ. Послѣ смерти Чеслава, съ которымъ прекратилась древняя сербская династія великихъ жупановъ, сербская земля осталась безъ государя и баны сдѣлались, каждый въ своей области, независимыми властителями, подчинившими себѣ всѣхъ жупановъ—начальниковъ мелкихъ, сельскихъ волостей или жупъ. Областные великіе жупаны или князья пользовались политическою независимостью до появленія на престолѣ

Сербіи династіи *Неманичей*, называвшихъ себя уже „кралями всей сербской земли“. Рашскій жупанъ, *Стефанъ Неманя* (1159—1195) первый уничтожилъ существовавшую до сихъ поръ обособленность сербскихъ земель и собралъ ихъ въ одно государство. При Стефанѣ всѣ независимые, областные жупаны потеряли свою самостоятельность и вошли въ сословіе бояръ. Образованіе самобытнаго сербскаго королевства было закрѣплено вѣнчаніемъ на царство сына Стефана Немани, *Стефана Первовѣнчаннаго* (1195—1224). Все время существованія сербскаго государства отъ Стефана Немани и до *Милутина* (1282—1320) было наполнено безпрерывными смутами и усобицами въ средѣ королевской семьи, члены которой еще не отрѣшились отъ частновладѣльческихъ взглядовъ на государственныя земли. При королѣ Милутинѣ, стоявшемъ на государственной точкѣ зрѣнія на управленіе, Сербія быстро возвысилась надъ остальными славянскими государствами балканскаго полуострова. Но высшаго процвѣтанія Сербія достигла при знаменитомъ ея королѣ, *Стефанѣ Душанѣ* (1335—1355), который значительно расширилъ своими завоеваніями границы Сербіи и подчинилъ ей болгаръ, хорватовъ и другія народности покоренныхъ имъ земель (Македоніи, Албаніи и др.). Стефанъ же издалъ извѣстный „Сербскій законникъ“, придавшій юридическую форму существовавшимъ при немъ общественнымъ отношеніямъ. Стефанъ Душанъ въ гордомъ сознаніи своего политическаго могущества принялъ титулъ „короля ромеовъ“ и думалъ сдѣлаться имъ и на самомъ дѣлѣ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ походъ противъ Византіи, но внезапная смерть Душана во время этого похода положила конецъ его честолюбивымъ замысламъ и была началомъ быстраго паденія Сербіи при его преемникахъ. Сынъ Душана, Стефанъ IV былъ убитъ однимъ изъ королевскихъ намѣстниковъ, Вукашиномъ, который потомъ завладѣлъ пре-

столомъ Сербіи. Вукашинъ погибъ въ битвѣ съ турками при Марицѣ (1371 г.), а въ роковой для Сербіи битвѣ турокъ съ сербами на Коссовомъ Полѣ (1389 г.) палъ и послѣдній сербскій король, Лазарь I, замученный на глазахъ умирающаго турецкаго султана, Мурада. Послѣ Коссовской битвы Сербія утратила свою политическую независимость и подчинилась Турціи.

Одной изъ главныхъ причинъ такого недолгаго политическаго существованія Сербіи и ея паденія было то пагубное вліяніе, которое имѣли на общественную и государственную жизнь властели—высшій классъ сербскаго общества, издавна составлявшій въ Сербіи высшій его слой. Властели были знатнымъ сословіемъ, господствовавшимъ надъ простолюдинами (себрами). Съ объединеніемъ Неманичами удѣловъ въ одно сербское государство „краль“ управлялъ нѣкоторыми жупами и городами посредствомъ назначаемыхъ имъ намѣстниковъ („владальци градски“, жупаны, кефали, челники). Остальными общинами и городами правили властели по праву собственности; они платили королю опредѣленную дань и выставляли по его требованію войско. Такія полунезависимыя поземельныя владѣнія, которыя образовались при Стефанѣ Неманѣ, вѣроятно, изъ мелкихъ жупанствъ, назывались *баштинами*. Обладаніе этими крупными поземельными участками, соединенное съ правами государственной власти и господствомъ властелей надъ себрами и меропхами (крѣпостными, прикрѣпленными къ баштинамъ), повело къ возникновенію въ Сербіи общественнаго порядка, сходнаго съ западно-европейскимъ феодализмомъ и связаннаго съ политическимъ преобладаніемъ боярскаго сословія въ общественной жизни. Сербскій „краль“ находился въ большой зависимости отъ многочисленнаго и сильнаго сословія властелей, которые были главными дѣятелями въ безпрерывныхъ взаимныхъ раздорахъ и дворцовыхъ переворотахъ въ домѣ Неманичей. Такъ, когда

Стефанъ Урошъ III (1321—1331) устранилъ бояръ отъ государственныхъ дѣлъ, властели составили противъ него заговоръ, принудили примкнуть къ нему сына „краля", Стефана Душана, силою захватили слѣпаго короля въ Дечанахъ и тамъ задушили его. Стефанъ Душанъ, хотя и отстранилъ также въ первое время своего царствованія бояръ отъ управленія государствомъ, однако, вскорѣ самъ же подчинился ихъ вліянію. Подражая Византіи, Стефанъ раздѣлилъ всю Сербію на намѣстничества, управляемыя деспотами и кесарями (властелями), предоставилъ большія права въ управленіи знатнымъ грекамъ въ завоеванной Македоніи, оставилъ властелямъ наслѣдственное владѣніе баштинами или же отдалъ многимъ изъ нихъ помѣстья въ временное пользованіе [1]). Законникъ Душана, укрѣпившій только существующія отношенія между общественными классами въ Сербіи, освящаетъ многія привиллегіи властелей и высшаго духовенства. Такъ, напримѣръ, онъ прикрѣпилъ меропховъ навсегда къ баштинамъ [2]). Властелямъ были предоставлены многія судебныя привиллегіи [3]). Властели не признавали королемъ сына Стефана Душана, Стефана Уроша IV, который былъ королемъ только по имени; бояре ненавидѣли и Вукашина, потомки котораго не могли утвердиться на престолѣ Сербіи. Нѣсколько властелей возвели по смерти Вукашина на сербскій престолъ Лазаря, но остальные бояре не благоволили къ нему и не оказали Лазарю энергичной поддержки въ борьбѣ съ турками, конецъ которой оказался роковымъ для политической самостоятельности Сербіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что властели играютъ видную, первенствующую роль въ соціальной и политической исторіи Сербіи: они распоряжаются судьбой ея кралей и всего сербскаго народа. При кралѣ властели составляли посто-

1, 2 и 3) „Законникъ благовѣрнаго царя Стефана", статьи: 37, 39, 42, 44, 52, 54, 61, 94 и 97-я (см. въ приложеніи къ сочиненію Ѳ. Зигеля: „Законникъ Стефана Душана", Спб., 1872).

янное учрежденіе—*совѣтъ*. Такъ при Стефанѣ Душанѣ властели вмѣстѣ съ членами высшаго духовенства были приглашаемы постоянно королемъ для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ и своимъ вліяніемъ на нихъ сильно ограничивали власть Душана. На народныхъ собраніяхъ—сербскихъ соборахъ, созываемыхъ Неманичами для рѣшенія общегосударственныхъ дѣлъ, присутствуютъ только бояре—властели и духовенство, „вельмоуже вси, отъ мала и до велика ихъ". На собраніи, на которомъ краль (Стефанъ Неманя) объявилъ о своемъ желаніи удалиться на Аѳонъ, были „высшія власти" Сербіи, бояре, „великіе и малые". При полученіи св. Саввой изъ Рима короны его братъ, Стефанъ Первовѣнчанный созываетъ „малыхъ въ коупѣ съ великими". При избраніи новаго архіепископа Сербіи вмѣсто Саввы, удалившагося въ монастырь, на соборѣ присутствовали изъ свѣтскихъ лицъ только важные сановники. Драгутинъ, умирая, созываетъ соборъ изъ „вьсѣхъ іелицихъ сильнихъ отьчьствія іего". „Велиславнiи властели" оказываютъ большое вліяніе на избраніе сербскаго архіепископа, главы сербской церкви. Такъ при Стефанѣ Дечанскомъ по смерти архіепископа Никодима для избранія ему преемника были созваны на соборѣ „вьси велемоштьнiи земле срьбьскые". На соборахъ при Душанѣ вмѣстѣ съ духовенствомъ участвовали и всѣ властели, сербскіе и греческіе. Что соборы имѣли аристократическій характеръ задолго до Стефана Душана, это видно изъ введенія къ его Законнику, составленному кралемъ для закрѣпленія древнихъ обычаевъ и учрежденій народныхъ съ духовенствомъ и „всѣми властелями сербскаго царства, малыми и великими". Законникъ прямо запрещаетъ приглашать на соборы себровъ. 68 статья Законника гласитъ: „да не будетъ сбора себровъ. Если же найдетъ какой собиратель, да отрѣжутъ ему уши и да выжгутся ему рѣсницы". Эта статья, слѣдовательно, рѣшительно вычеркиваетъ народную массу изъ собранія аристо-

кратіи, которая продолжаетъ властно распоряжаться на соборахъ и во все послѣдующее время политической самостоятельности Сербіи. Такъ Урошъ, сынъ Душана, совѣтуется при рѣшеніи дѣлъ управленія со всѣми вельможными властелями. Краль Лазарь былъ избранъ соборомъ. Сословіе властелей и высшее духовенство, издавна присутствовавшіе на сербскихъ соборахъ, рѣшали здѣсь всѣ важнѣйшія государственныя дѣла (законодательныя и административныя): избраніе и вѣнчаніе на царство новыхъ кралей, избраніе и посвященіе сербскаго архіепископа, составленіе и изданіе новыхъ законовъ, грамотъ (хрисовулъ), дѣла церкви и областнаго управленія. Крали, даже такіе могущественные, какъ Стефанъ Душанъ, должны были подчиняться безусловно волѣ собора, котораго они были только членами, но не главами [1]).

ХОРВАТІЯ.

Хорваты были призваны въ половинѣ VII в. изъ за карпатскихъ горъ византійскимъ императоромъ Иракліемъ противъ дикихъ аваровъ, грабившихъ и даже завоевавшихъ Далмацію. Разбивши аваровъ, хорваты поселились на мѣстахъ, ими занятыхъ, и основали здѣсь свое государство, устройство котораго было сходно съ первоначальнымъ сербскимъ политическимъ бытомъ. Какъ и въ Сербіи, земли хорватовъ (Полавской и Далматской Хорватіи) составляли нѣсколько во-

1) Шафарикъ, II. т., 1 кн., 411—412, 415—416, 420—421 с., Macieiowski, I, 122—123 s., Гильфердингъ, I, 19, 165—167 и 238 с., II, 169—170 с., Зигель, 2—3, 19—21, 30, 33—34, 142 с., Дьячанъ, 129—147, 154—167 с., Дриновъ: „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“. Москва. 1876, 39—40, 135—139 с., Флоринскій: „Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в.“, Спб. 1882, 2 вып., 10, 11, 14, 26—30, 60—61, 1 2—115 с., Макушевъ: „Задунайскіе и адріатическіе славяне“. Спб. 1867, 49—50 с., Петровъ, II, 97—98, 232—235 с., Осокинъ, I, 330—332, II т., 2-я ч., 800—826 с., Латкинъ: „Земскіе соборы древней Руси сравнительно съ западно-европ. представ. учрежденіями“. Спб. 1885, 29 с.

лостей или жупъ, управляемыхъ жупанами, которые были подчинены банамъ—правителямъ отдѣльныхъ частей Хорватіи. По словамъ Константина Богрянороднаго, у далматскихъ славянъ „не было иныхъ правителей, кромѣ жупановъ, старостъ, которыхъ они избирали изъ рода, наиболѣе любимаго". Одинадцатью областями управляли жупаны и тремя банъ, который находился подъ властью князя или великаго жупана [1]). Въ концѣ XII вѣка хорваты были раздѣлены на 12 жупъ между такимъ же числомъ жупановъ изъ главъ родовъ [2]). Политическая судьба Хорватіи имѣетъ также много общаго съ сербской политической исторіей. Также, какъ и сербы, хорваты находились нѣсколько разъ подъ властью Византіи, которая замѣнялась властью надъ ними франковъ. Хорваты жили недолго самостоятельною политическою жизнью, отъ половины VII и до 1/2 IX вѣка и отъ 1/2 X до начала XII ст., когда Хорватія сдѣлалась вполнѣ независимымъ государствомъ. Но уже въ концѣ XI столѣтія православная Хорватія подпадаетъ вліянію католической церкви и западныхъ странъ. Послѣ смерти короля Звониміра (1089 г.) „хорватскіе бары и вельможи, добиваясь одинъ за другимъ королевскаго престола, породили кровопролитныя войны и привели цвѣтущее государство въ конечную гибель и раздѣленіе". Одинъ изъ жупановъ призвалъ на хорватскій престолъ венгерскаго короля Ладислава, послѣ смерти котораго Хорватіей начинаютъ управлять намѣстники или баны венгерскихъ королей и Хорватія дѣлается составною частью Венгріи [3]).

Въ теченіе всей исторической жизни хорватовъ высшій ихъ классъ (жупаны) играетъ главную роль въ управленіи государствомъ. Изъ жупановъ состоялъ *совѣтъ* хорватскихъ

---

1) Макушевъ: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ", 176 с. 2) Шафарикъ, II, 2, 27 с. 3) Шафарикъ, 2, 4, 14 и сл., 27—28 с., Гильфердингъ, I, 16—19, 37, II, 154—155 с., Дриновъ, 35—38, 40—41, 120 с. и сл., Петровъ, II, 94—97 с.

королей въ пору политической самостоятельности Хорватіи. Такъ въ грамотѣ отъ времени Терпиміра (852 г.) говорится, что король совѣтуется въ церковныхъ дѣлахъ со всѣми своими жупанами [1]). Король Звониміръ жалуетъ свободу Брачанамъ послѣ совѣщаній со всѣми благородными. Знать занимаетъ издавна первое мѣсто въ народныхъ собраніяхъ хорватовъ, извѣстныхъ подъ пменемъ соборовъ или скупщины. На этихъ соборахъ, гдѣ рѣшались важнѣйшія государственныя дѣла, высшее духовенство и свѣтская знать имѣли рѣшающій голосъ, съ которыми должны были сообразоваться и сами короли, избираемые съ древнѣйшихъ временъ, главнымъ образомъ, прелатами и свѣтскими вельможами. Кромѣ избранія короля, бановъ и жупановъ, хорватскіе соборы имѣли законодательную власть и рѣшали различныя, административныя и судебныя дѣла. Такимъ образомъ, соборы въ Хорватіи являются преимущественно собраніями высшихъ классовъ населенія, низшій слой котораго рано отстраняется отъ участія въ скупщинѣ [2]).

БОЛГАРІЯ.

Основаніе древнѣйшему изъ славянскихъ государствъ, *Болгаріи* на сѣверѣ балканскаго полуострова было положено въ VIII в. урало-чудскимъ или финскимъ племенемъ, жившимъ на берегахъ Волги и Камы. Одна изъ ордъ, принадлежавшихъ къ этому племени,—орда Аспарухова, явившись на полуостровѣ, покорила славянъ, жившихъ на земляхъ по нижнему теченію Дуная. Болгаре постепенно слились съ славянами въ одно цѣлое, восприняли отъ нихъ языкъ и нравы, такъ что къ концу VIII в. пришельцы-побѣдители ничѣмъ не отличались отъ туземцевъ-побѣжденныхъ. Высшія госу-

---

1) Гильфердингъ, I, 44—45 с. 2) Дьячанъ, 112—128 с., Латкинъ, 29 с.

дарственныя должности находились у болгаръ одинаково въ рукахъ болгаръ и славянъ. Такъ при сильномъ болгарскомъ государѣ, Крумѣ или Кремѣ мы встрѣчаемъ славянскихъ вельможъ, пирующихъ заодно съ княземъ (811 г.). Благодаря своему происхожденію изъ завоеванія, болгарское государство съ самого начала приняло аристократическій характеръ. Болгарскій государь (ханъ) былъ ограниченъ въ своей власти шестью знатными родовыми старѣйшинами, великими боярами или былями, которые составляли при немъ *думу* или государственный *совѣтъ*. О боярской думѣ у болгаръ упоминаютъ византійскіе историки: Кедринъ, Левъ Діаконъ и Анна Комнина. Самое слово „бояринъ" передается у нихъ греческимъ словомъ Συγκλητικός, боярская дума или совѣтъ — Βουλευτήριον. Какимъ особеннымъ политическимъ вліяніемъ обладали въ X вѣкѣ бояре въ Болгаріи, извѣстные изъ славянскихъ народностей, кромѣ болгаръ, еще только русскимъ [1]), на это указываетъ описаніе Константиномъ Багрянороднымъ пріема болгарскихъ пословъ при византійскомъ дворѣ. На привѣтствіе посла логофетъ (канцлеръ) послѣ того, какъ онъ освѣдомился о здоровьи болгарскаго царя и его семьи, долженъ былъ спросить о здоровьи шести великихъ былей (βολιάδες οἱ μεγάλοι) и прочихъ былей, внутреннихъ и внѣшнихъ, то есть, болярь, занимавшихъ придворныя и главныя государственныя должности, и болярь, управлявшихъ отдѣльными областями болгарскаго царства. Внѣшніе боляре, называвшіеся также князьями, были полузависимыми областными правителями, которые подобно внутреннимъ болярамъ пользовались слабостью болгарскихъ царей для того, чтобы распоряжаться престоломъ и всѣмъ государствомъ. Одинъ изъ могущественныхъ внѣшнихъ болярь,

1) Сербскіе властели называются боярами у различныхъ изслѣдователей славянскаго быта только примѣнительно къ такому названію высшаго класса у русскихъ.

Шишманъ сталъ во главѣ возстанія противъ Петра, сына знаменитаго болгарскаго царя, Симеона и сдѣлался при жизни Петра самостоятельнымъ государемъ западной части болгарскаго царства.

Болгарское государство достигло апогея своего политическаго развитія въ долгое и славное царствованіе *Симеона* (893—927), при которомъ монархическая власть въ Болгаріи сдѣлалась могучимъ двигателемъ всей общественной и политической жизни болгаръ. Бояре были только помощниками Симеона при осуществленіи его завоевательныхъ плановъ и культурныхъ цѣлей въ общественной жизни болгаръ. Но неспособность и ограниченность слабыхъ преемниковъ Симеона, возбудивши честолюбивыя надежды бояръ, были причиной паденія перваго болгарскаго царства, подчиненія его Византіи (1018 г.). Сорокалѣтняя національная борьба болгаръ съ Византіей при одномъ изъ болѣе сильныхъ послѣ Симеона болгарскихъ царей, сынѣ Шишмана, *Самуилѣ* (976—1014), объединившемъ всѣ части Болгаріи, не ослабила честолюбія бояръ, которымъ Симеонъ былъ принужденъ раздавать въ управленіе города и цѣлыя области. Бояре, бывшіе сильнымъ сословіемъ при Самуилѣ, владѣли подчиненными ихъ управленію областями почти независимо отъ царя, имѣли собственное войско и часто измѣняли своему государю. Вскорѣ послѣ смерти Самуила болгарское царство пало. Почти цѣлыхъ 170 лѣтъ Болгарія находилась подъ византійскимъ господствомъ и только въ концѣ XII вѣка Болгарія могла возстановить свою политическую самостоятельность. Въ это время при слабой династіи византійскихъ царей—Ангелахъ было основано тремя братьями Асенями—родовыми старѣйшинами второе болгарское царство. Асени желали положить предѣлъ своеволію бояръ, которые не хотѣли отказаться отъ своихъ вольностей. Первая же попытка Асеней завоевать независимость Болгаріи отъ Византіи (въ 1185 г.)

встрѣтила въ боярахъ противодѣйствіе. Византія склонила на свою сторону одного изъ болгарскихъ бояръ, Ивана, который обѣщалъ боярамъ своимъ друзьямъ и помощникамъ въ борьбѣ ихъ противъ Асеней возстановить всѣ боярскія вольности. Въ этомъ возстаніи были убиты два брата Асени (Петръ и Асеня), но третій и младшій изъ нихъ, *Іоаннъ Асеня* добился единоличной власти въ государствѣ и освобожденія Болгаріи отъ Византіи. При *Іоаннѣ Асенѣ II* (1213—1241) Болгарія снова дѣлается могущественнымъ славянскимъ государствомъ, но опять ненадолго. При сыновьяхъ Іоанна II болгарское царство распадается и подчиняется сначала Сербіи (1330 г.), а потомъ въ концѣ XIV ст. туркамъ, окончательно завоевавшимъ Болгарію.

Одной изъ главныхъ причинъ непрочности политическаго устройства и паденія Болгаріи были безпрерывныя интриги и смуты въ государствѣ, производимыя боярами въ чисто личныхъ интересахъ. Бояре стремились къ независимости, не любили сильныхъ царей и старались присвоить себѣ право распоряжаться болгарской короной. Такъ въ 1285 г. бояре, собравшись на соборъ, избрали на царство внука сербскаго короля Стефана Немани, Константина. Также и послѣ царя Тертерія (1322) болгарскіе бояре провозгласили царемъ бдинскаго деспота, Михаила. Царь Іоаннъ Александръ былъ избранъ (1331) на болгарскій престолъ боярами. Во второмъ болгарскомъ царствѣ, какъ и первомъ, вся политическая сила была въ рукахъ бояръ, которые занимали всѣ высшія государственныя и придворныя должности. Сами болгарскіе цари хорошо сознавали все важное значеніе бояръ въ общественной жизни, видѣли въ нихъ своихъ братьевъ, дѣтей и любимѣйшихъ друзей, оказывали боярамъ уваженіе, надѣляли ихъ высокими, почетными титулами и предоставляли боярамъ полную власть въ управленіи государствомъ. Болгарскій царь былъ только первымъ между знатными бол-

гарской земли; при его особѣ постоянно находилась боярская дума (совѣтъ), безъ которой не рѣшалось ни одно дѣло въ государствѣ [1]).

Балтійскіе славяне.

Древнѣйшій политическій бытъ балтійскихъ славянъ: велетовъ или лютичей, бодричей, поморянъ и жителей острова Рана представляется болѣе сходнымъ съ государственнымъ бытомъ нашихъ предковъ, нежели съ политическимъ устройствомъ другихъ славянскихъ народностей. Государство у балтійскихъ славянъ есть какъ бы переходъ отъ демократической организаціи древне-русскаго государства къ политическому быту западно-европейскихъ славянъ: въ политическихъ учрежденіяхъ балтійскихъ славянъ смѣшаны исконныя славянскія начала въ соединеніи съ германскими, воспринятыми подъ вліяніемъ сношеній и столкновеній славянъ съ германскими племенами. Въ основаніе всего общественнаго и политическаго устройства балтійскихъ славянъ легла древне-славянская община, въ которой всѣми дѣлами управляло народное собраніе, рѣшавшее ихъ единогласно. Князья, существовавшіе у отдѣльныхъ племенъ, были мудрѣйшими, опытнѣйшими въ управленіи и богатыми людьми, пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ, но не имѣли самостоятельной и независимой отъ общины власти. Эти основанія примитивнаго быта балтійскихъ славянъ потерпѣли существенное измѣненіе при началѣ ихъ исторической жизни. Такъ у лютичей мы встрѣчаемъ (въ VIII ст.) рядомъ съ многочисленными

---

1) C. Jireček: „Geschichte der Bulgaren“, Prag. 1876. 129, 133—134, 166, 191, 374, 385, 391—393 s., Macieiowski, I, 90 s., Шафарикъ, II, 1, 276, 280 281 с., Гильфердингъ, I, 26—27, 35, 110, 117—118, 120—121 и 246 с., Макушевъ, 177—178 с., Дьячанъ, 170—174 с., Дриновъ, 81—91 с., Петровъ, II т., 91—93 и 231—232 с., Латкинъ, 9—10 и 29 с., Осокинъ, I, 341 с., II т., 1 ч., 48—49 и 2 ч., 790—797 с.

князьями и независимыхъ отъ нихъ людей, членовъ знатныхъ родовъ. Къ знатнѣйшему роду принадлежалъ старѣйшій изъ князей у лютичей, которому были подчинены остальные, мелкіе ихъ князья. Самъ же онъ признавалъ надъ собою высшую власть Карла Великаго. Такой же старѣйшій князь былъ и у бодричей, у которыхъ знать рѣшала всѣ важныя общественныя и политическія дѣла. Такъ, когда нѣкоторые знатные бодричи пожаловались императору Людовику Благочестивому (826 г.) на своего князя, Чедрага, императоръ послалъ узнать къ бодричамъ, желаетъ ли народъ имѣть его своимъ княземъ. Возвратившіеся послы донесли Людовику, что въ народѣ взгляды на этотъ вопросъ различны, но что всѣ *лучшіе и знатнѣйшіе люди* желаютъ имѣть Чедрага своимъ княземъ, который и былъ утвержденъ послѣ этого императоромъ въ княжескомъ званіи. Въ X вѣкѣ у лютичей княжеская власть совершенно изчезла и всѣми общественными дѣлами распоряжалась сама община, въ которой властвовала знать. У бодричей же, наоборотъ, вмѣсто исчезнувшей общины управляли въ это время князья, но опять при сильномъ ограниченіи ихъ власти аристократіей [1]).

У поморянъ князь въ началѣ XII ст. былъ только общимъ главой всего народа, наиболѣе богатымъ изъ знатнѣйшихъ людей земли. Власть князя носила священный характеръ. Онъ имѣлъ право почина въ общественныхъ дѣлахъ, созывалъ въ сеймы знать для обсужденія и рѣшенія дѣлъ, обладалъ военною властью, но не могъ препринять ничего важнаго безъ согласія общины, знатныхъ ея членовъ. Такое же положеніе занимала княжеская власть и на островѣ Ранѣ. Какъ у славянъ поморскихъ, такъ и у ранскихъ народъ рѣзко раздѣлялся на два сословія: знать и простыхъ людей. Аристократія (barones, nobiles, primores, principes) была са-

---

1) Гильфердингъ, IV, 71—82 с., Макушевъ, 175—176 с., Латкинъ, 8 с., Дьячанъ, 24—27 с.

мостоятельнымъ, независимымъ отъ князя сословіемъ, которое заключало въ себѣ нѣсколько знатныхъ родовъ. Изъ числа главъ представителей этихъ родовъ нѣкоторые особенно выдавались по своему богатству и могуществу. Поморская знать обладала въ XII столѣтіи большими преимуществами. Каждый знатный человѣкъ былъ окруженъ своей дружиной. Всѣ мѣры по управленію страны принимались княземъ только по совѣту и согласію ея съ знатью, органомъ которой былъ постоянный *совѣтъ*, аристократическое собраніе, состоявшее при князѣ и народной сходкѣ. На послѣдней рѣшались всѣ общественныя дѣла, разсмотрѣнныя предварительно въ совѣтѣ. Совѣтъ поморскихъ старѣйшинъ, происходившій въ особыхъ помѣщеніяхъ (континахъ), состоялъ изъ знатныхъ лицъ и стариковъ—представителей народа, его выборныхъ. Вслѣдствіе присутствія въ засѣданіяхъ совѣта знати народныхъ представителей рѣшенія совѣта становились иногда прямо законами, хотя вліяніе у поморянъ аристократіи было такъ велико, что она могла провести свои рѣшенія и безъ согласія народныхъ выборныхъ въ ея собраніяхъ. Когда епископъ Оттонъ Бамбергскій явился (1124) проповѣдывать христіанство поморянамъ, онъ обратился прежде всего къ старѣйшинамъ, которые послѣ взаимныхъ совѣщаній и полученнаго отъ народа согласія пригласили Оттона и приняли отъ него крещеніе. При вторичномъ посѣщеніи Оттономъ поморянъ (въ 1128), успѣвшихъ возвратиться опять къ язычеству, христіанство было снова возстановлено въ странѣ при энергичномъ участіи совѣта знатныхъ и стариковъ. Также и у ранскихъ славянъ, которымъ однимъ изъ древнихъ славянскихъ народностей былъ извѣстенъ съ самого начала царь, сословіе знатныхъ собиралось для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ особо отъ народной сходки. У ранъ, какъ и у поморянъ, аристократія, благодаря нѣмецкимъ вліяніямъ, получила такую власть, какую она имѣла и у германскихъ народовъ. Вскорѣ послѣ

этого онѣмеченія поморянъ и ранскихъ славянъ народная община вмѣстѣ съ княземъ потеряла всякое значеніе въ общественной ихъ жизни и поморье обратилось изъ славянской земли въ нѣмецкую [1]).

---

1) Гильфердингъ, IV, 82—100 с., Дьячанъ, 28, 30—21 с.

ГЛАВА І-я.

Общественное и политическое устройство въ удѣльно-вѣчевой (862—1462) и московскій періодъ русской исторіи (1462—1703).

Въ первоначальномъ общественномъ быту древней Руси мы встрѣчаемся съ тѣми же тремя первичными элементами политическаго быта, какіе находятся въ каждомъ первобытномъ обществѣ. Этими элементами были: народное собраніе или вѣче, боярская дума и князь[1]). Взаимное отношеніе между ними находилось въ зависимости отъ соціальнаго состава древне-русской земли и своеобразныхъ особенностей первоначальнаго и послѣдующаго историческаго развитія отдѣльныхъ ея частей. Народный элементъ развился преимущественно (въ XII вѣкѣ) на сѣверѣ Россіи: въ Новгородѣ, Псковѣ, Вяткѣ, аристократическій—юго-западной и, отчасти, южной Руси: галицкой землѣ, Волыни, Литвѣ и кіевскомъ княжествѣ, монархическій—въ Ростово-Суздальской волости[2]). До призванія князей ильменскими славянами (новгородцами) славянскія племена, по словамъ Нестора, „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ“ [3]). Основаніемъ всей древне-русской соціальной жизни былъ общинно-городской бытъ съ свойственнымъ ему общимъ землевладѣніемъ, отсутствіемъ сословій и демократическимъ, политическимъ устройствомъ[4]). Такимъ, напр., городомъ—общиной былъ Кі-

---

1) Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскаго права“, 2 изд., 36 с., Романовичъ-Славатинскій: „Система русскаго государственнаго права“, 1886 43, 86 с 2) В.-Будановъ, 56—64 с., Р.-Славатинскій, 44—45 с. 3) „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“, I т., 4 с. 4) Бестужевъ-Рюминъ: „Русская исторія“, 1 т., Спб. 1872, 43 с. и сл., Бѣляевъ: „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“, Москва. 1879, 7—12 с., И. Забѣлинъ: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, Москва, 1876, I т., 520—550 с.

евъ, основанный тремя братьями (Кіемъ, Щіемъ и Хоривомъ)[1]). Въ VIII вѣкѣ возникаютъ и другіе большіе города на Руси: Черниговъ, Переяславль, Новгородъ, Ростовъ и др.[2]). Княжеская власть была извѣстна на Руси еще до призванія князей славянами (862 г.); такъ Несторъ упоминаетъ о князьяхъ у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородскихъ славянъ и полочанъ[3]). На ряду съ племенными князьями были извѣстны древнимъ славянамъ и „старѣйшины града", называемые Несторомъ „нарочитыми", „лучшими мужами", которые принимали участіе въ управленіи. Такъ у древлянъ „лучше мужи держаху деревску землю"; изъ нихъ же былъ составленъ совѣтъ при князѣ Малѣ[4]). Послѣ того, какъ Ольгѣ покорился главный городъ древлянской земли, она поспѣшила взять въ плѣнъ „старѣйшинъ града"[5]). Эти городскіе старѣйшины или лучшіе люди были богатыми поземельными владѣльцами[6]), которые составляли военную дружину у славянъ до призванія Рюрика[7]) и назывались земскими боярами[8]). На военную профессію земскихъ бояръ и ихъ выдающуюся роль въ первоначальномъ русскомъ быту указываетъ самое названіе „бояринъ", которое происходитъ отъ словъ „бой" (вой) и — „боль", большій, лучшій, сильный, вліятельный человѣкъ[9]). Однимъ изъ такихъ земскихъ бояръ — старѣйшинъ былъ въ Новгородѣ Гостомыслъ, который по преданію посовѣтовалъ новгородцамъ предъ своею смертью идти за море къ варягамъ и просить ихъ „княжить и володѣть" русской землей: она была „велика и обильна, а наряда въ ней не было"[10]). Вмѣстѣ съ призванными новгородцами варяжскими

1, 3—5 и 10) „Полное собр. рус. лѣтописей", I т., 25, 5, 23—25, 35 и 8 с. 2) Ключевскій: „Боярская дума древней Руси", 2 изд., Москва, 1883, 21 с. 6) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности", Спб., 1890, I т., 297 с., В.-Будановъ, 27 с., Бѣляевъ, 13—14 с., Яблочковъ: „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи", Спб., 1876, 5—7 с. 7) Забѣлинъ, I т., 559 с. 8) В.-Будановъ, ibidem. 9) Сергѣевичъ, ibidem, Загоскинъ: „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси", Казань, 1876, 47—48 с.

князьями: Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ прибыла на Русь ихъ свита—дружина, которая, какъ пришлый элементъ, долго стояла особнякомъ отъ земскихъ бояръ и остального населенія [1]). Отнынѣ отношенія князя къ земщинѣ основываются на договорномъ началѣ. Князь—одинъ изъ членовъ рюрикова дома—долженъ былъ управлять землею, судить и защищать ее отъ враговъ. За это земщина обязывалась повиноваться справедливымъ требованіямъ княжеской власти, доставлять князю войско и содержать князя и его дружину [2]). Такъ призваніе князей не убило на Руси самостоятельности общины, вѣча, которое съ этого времени встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Руси, хотя и не съ одинаковымъ политическимъ значеніемъ [3]).

Благодаря такому характеру взаимныхъ отношеній земщины и князя, на Руси не могло образоваться ни феодальнаго порядка, ни замкнутаго дружиннаго сословія [4]). До призванія князей древняя Русь не знала сословныхъ раздѣленій общества: все населеніе городовъ дѣлилось на лучшихъ, старѣйшихъ людей (бояръ) и младшихъ (купцовъ и чернь) [5]). Такой характеръ кореннаго населенія городовъ мало измѣнился съ пришествіемъ на Русь варяговъ. Дружинники, пришедшіе съ княземъ на Русь, не могли имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими незавоеванную; они явились лишь затѣмъ, чтобы служить князю извѣстнаго племени, извѣстной страны [6]). Дружина князя состояла изъ свободныхъ людей, для которыхъ война была главнымъ занятіемъ и которые презирали земледѣліе и ремесла, предпочитали имъ жизнь, исполненную безпрерывныхъ тревогъ и опасностей [7]). Дружина по

1) Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, Москва, 1866, 4 изд., I т., 244 с. 2) Загоскинъ, 14—15 с., Яблочковъ, 12 с. 3) Сергѣевичъ: „Вѣче и князь“, Москва, 1867, 1-я глава. 4—5) Бѣляевъ, Лекціи etc., 51 и 45—48 с., Загоскинъ, 15—17 с. 6) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, I т., 244 с. 7) С.-Петровскій: „О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“, Москва, 1875, 5 стр.

своей волѣ вступала на службу къ князю, ожидая отъ нея только своихъ личныхъ выгодъ. Составъ дружины пополнялся постоянно новыми варяжскими выходцами. Такъ Игорь предъ вторымъ походомъ на Царьградъ „посла по варязи мнози за море“ [1]). Дружина Аскольда и Дира сама оставляетъ вмѣстѣ съ ними Рюрика и уходитъ на югъ, гдѣ Аскольдъ и Диръ дѣлаются кіевскими князьями. Дружинники ничѣмъ не были связаны съ князьями, имѣли полное право во всякое время оставить службу у одного князя, „отъѣхать“ отъ него къ другому или избрать какое-либо другое занятіе [2]). Князья, сознавая всю необходимость пріобрѣсти твердую точку опоры для своей власти въ чужой странѣ, стремятся къ тому, чтобы привлечь въ свою службу лучшихъ дружинниковъ, угождаютъ имъ всячески и выполняютъ даже ихъ прихоти. Такъ Владиміръ Святой „устави по вся недѣли пиръ творити и приходити боляромъ... и нарочитымъ мужемъ при князѣ и безъ князя“. Когда же дружина возроптала на то, что она ѣстъ деревянными ложками, Владиміръ приказалъ сдѣлать для нея серебряныя, говоря: „яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиной налѣзу сребро и злато“ [3]). Лѣтописецъ хвалитъ Владиміра за то, что онъ любитъ дружину [4]). Проводя все время въ походахъ, дружина не заботилась о пріобрѣтеніи поземельной собственности на Руси, которая оставалась въ рукахъ земскихъ бояръ. Дружинники жили на княжескихъ земляхъ или княжескихъ дворахъ въ особыхъ помѣщеніяхъ (дѣтинцахъ, кремляхъ), не сливаясь съ земскими людьми [5]). Впрочемъ, дружина уже при первыхъ варяжскихъ князьяхъ владѣла

1, 3 и 4) Полн. Собр. Рус. Лѣтописей, I т., 19 и 54 с. 2) П. С. Р. Л., см. года: 1146, 1154, 1169, 1171, 1172 и др., Бѣляевъ: „Разсказы изъ русской исторіи“, Москва, 1865—1872, 2-е изд., I ч., 55 с., Яблочковъ, 19 с., Загоскинъ, 12 с., Порай-Кошицъ: „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX и до конца XVIII вѣка“, Спб. 1874, 4 с. 5) Бѣляевъ, Лекціи, 37 с., Разсказы, ibidem,

домами, селами, челядью, конями, золотомъ и серебромъ [1]). Вполнѣ независимое отъ земщины и князя, положеніе дружины должно было усилиться и окрѣпнуть съ развитіемъ удѣльно-вѣчевой системы съ *Ярослава I* (1016—1054), когда по всей Руси развѣтвляется одинъ княжескій родъ, члены котораго призываются на княженіе отдѣльными волостями (городами) [2]). На Руси теперь образуется цѣлый рядъ независимыхъ другъ отъ другъ княжествъ, и для дружинника является полная возможность выбора службы при томъ или другомъ князѣ. Дружина сдѣлалась безусловно необходимой для удѣльнаго князя, который только съ ней могъ добывать себѣ княжескій столъ и опираться на нее же при безпрерывныхъ раздорахъ и усобицахъ между всѣми удѣльными князьями. Дружина раздѣляетъ судьбу своего князя, неразлучна съ нимъ, сопровождаетъ князя при всѣхъ походахъ, принимаетъ участіе во всѣхъ событіяхъ жизни князя [3]). Лѣтописи полны указаніями па такія близкія и неразрывныя сношенія дружины съ княземъ. Великій князь кіевскій Изяславъ часто „сѣдящу на сѣнехъ съ дружиной своей“ [4]). Дружина съ княземъ Глѣбомъ, „иде и сташа у епископа“ въ то время, когда „люди вси идоша за волхва (1071)“ [5]). По смерти сына Ярослава (1078 г.), Изяслава, Ярополкъ, „идяще по немъ, плача съ дружиною своей“ [6]). Кіевскій князь Всеволодъ приходитъ на свадьбу Рогвольда Борисовича „со всѣми боляры“ [7]). Ростиславъ Георгіевичъ идетъ (1147 г.) съ своей дружиной на помощь Ольговичамъ противъ Изяслава Мстиславича [8]). Черниговскій князь Святославъ, напавши на Ярослава Изяславича кіевскаго (1175 г.), „дружину его изима, а князь Ярославъ утече“ [9]). Кочевый образъ жизни, который понеобходимости вели удѣльные князья при постоянныхъ пере-

---

1) П. С. Р. Л., I т, 1146, 1150, 1159, 1186 г. и др. 2) П. С. Р. Л., 63, 98, 103, 136, 141, 148 с. и др. 3) Загоскинъ, 29—32 с. 4—9) П. С. Р. Л., I т., 73, 77, 86, 135, 138, 156 стр.

ходахъ ихъ съ дружиной съ одного мѣста на другое и общее стремленіе князей добиться старшаго на Руси великокняжескаго стола—кіевскаго княженія дѣлали невозможнымъ прикрѣпленіе дружинниковъ къ извѣстному, опредѣленному мѣсту, пріобрѣтеніе ими постоянной осѣдлости, поземельной собственности. Дружинникъ долженъ былъ или слѣдовать за своимъ княземъ съ одного мѣста на другое, или же, оставаясь па мѣстѣ въ то время, какъ его князь уходилъ на другое княженіе, рисковалъ лишиться всего своего имущества, которое захватывалъ новый князь съ его дружиной. Такъ, напр., Всеволодъ Ольговичъ, выгнавъ (въ 1127 г.) своего дядю (стрыя) Ярослава изъ Чернигова, „и дружину его исѣче и разграби". Изяславъ Давыдовичъ, подступая съ своимъ братомъ Владиміромъ и венграми къ Кіеву (1150 г.), „рече дружинѣ своей: „вы есте по мнѣ изъ русскія земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній (животовъ) лишився"... и даетъ ей обѣщаніе: „либо голову свою сложу, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь" [1]). При каждой перемѣнѣ князя дружина боялась лишиться своего прежняго вліянія и потому спѣшила перейти къ болѣе сильному. Такъ князь Игорь, посаженный въ Кіевѣ братомъ Всеволодомъ (1146 г.), спѣшитъ послѣ его смерти заручиться союзомъ съ главными боярами Всеволода: „Игорь же, позва Глѣба и Ивана Войтишича и Лазаря Саковскаго, и рече имъ: „како еста были у брата моего, такоже будете и у мене". Но эти бояре уже передались Изяславу, который и сталъ кіевскимъ княземъ [2]). Но если дружинники не сопровождали своего князя, а оставались на старомъ мѣстѣ, желая служить новому князю, послѣдній признавалъ за ними первенствующее значеніе по сравненію съ своей дружиной. Поэтому лѣтописецъ осуждаетъ князей, которые отдаютъ предпочтеніе своей дружинѣ предъ

1—2) П. С. Р. Л., II т. (Ипатьевская лѣтопись), 54 и 23 с.

старыми дружинниками. Такъ онъ порицаетъ (1093 г.) сына Ярослава, Всеволода за то, что онъ „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними“. Оттого „нача завидѣти и негодовати дружины своея первыя и людямъ не доходити княжіе правды“ [1]). Напротивъ, лѣтописецъ хвалитъ тѣхъ князей, которые были хороши съ своей дружиной, старались угодить ей всѣми силами, любили дружинниковъ, какъ своихъ вѣрныхъ и незамѣнимыхъ друзей, какими они были и на самомъ дѣлѣ для удѣльныхъ русскихъ князей. Такую похвалу за любовь къ своей дружинѣ лѣтописецъ высказываетъ о Владимірѣ Святомъ [2]). Мстиславъ Владиміровичъ, „любяще дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше“ [3]). Святославъ Ростиславовичъ „имаше дружину и имѣнья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружинѣ“ [4]). Новгородскій князь, Мстиславъ Ростиславовичъ „бѣ бо любезнивъ на дружину и имѣнья не щадящеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даяше дружинѣ своей“ [5]). Также и Давидъ Ростиславичъ „злата и сребра не сбираетъ, но даетъ дружинѣ, бѣ бо любя дружину“ [6]). Убитый татарами въ 1237 г., князь Василько Константиновичъ „былъ до бояръ ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣба его ѣлъ, и чашу пилъ, и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слуги свои любяше“ [7]).

При такихъ тѣсныхъ и неразрывныхъ отношеніяхъ дружины съ княземъ являлось естественнымъ, что дружина раздѣляла труды князя по управленію. Князь назначалъ изъ числа лучшихъ дружинниковъ посадниковъ въ города [8]) и раздавалъ имъ въ управленіе волости съ правомъ пользоваться доходами съ нихъ, чѣмъ еще болѣе закрѣплялась взаимная связь князя съ дружиной. Русскій князь ходилъ съ

1, 2, 3 и 7) П. С. Р. Л., I т. (Лавр. л.), 93, 54, 199 и 65 с. 4—6) П. С. Р. Л., II, 102, 121 и 151 с. 8) П. С. Р. Л., I, 9, 10 и 34 с.

своей дружиной въ извѣстное время въ *полюдье*, объѣзжалъ съ ней всю свою волость, „вершилъ въ ней дѣла судныя и бралъ дары“[1]). Старшіе друженники были предводителями войскъ: Свѣнельдъ при Игорѣ, Олегѣ, Святославѣ и Ярополкѣ[2]), Волчій Хвостъ при Владимірѣ[3]); они же воспитывали малолѣтнихъ князей. Такъ напр., Асмульдъ былъ „кормильцемъ“ Святослава[4]), Добрыня—Владиміра[5]), Будый—Ярослава[6]). Далѣе, старшіе же дружинники отправляли посольства[7]). Они занимали первое мѣсто въ дружинѣ князя, которая раздѣлялась на старшую и младшую дружину. Старшіе дружинники назывались еще княжими мужами, просто мужами и боярами[8]). Младшая дружина носила названіе отроковъ (дѣтскихъ)[9]). Бояре сами имѣли свою дружину: Свѣнельдъ у Игоря, Янъ Вышатичъ у Святослава Ярославича[10]). Изъ среды бояръ, въ свою очередь, выдѣляются наиболѣе лучшіе, богатые и знатные; они называются большими боярами, мужами великими, нарочитыми. Владиміръ угощаетъ нарочитыхъ мужей[11]). Въ Софійской лѣтописи говорится, что когда князь Ярославъ, разгнѣвавшись на новгородцевъ за то, что они желали лишить волостей Жирослава Давыдовича, Михаила Мишанича и Олферія Сбыславича, хотѣлъ уѣхать изъ города, „новгородцы же послаша за княземъ владыку *съ большими бояры* съ челобитьемъ и воротиша князя Ярослава съ Броннича“[12]). Въ Воскресенской лѣтописи послѣ поименнаго перечисленія убитыхъ на Мамаевомъ побоищѣ князей и лучшихъ бояръ сказано: „здѣсь же не всѣхъ писахъ избіенныхъ имена, токмо князи и *бояри нарочитіи*, а прочихъ бояръ и слугъ остави имена“[13]). Старшіе дружинники были

---

1) Соловьевъ, I, 240—241 с. 2—6) П. С. Р. Л., 24 и 31, 36, 24, 29, 62 с. 7) П. С. Р. Л., I, 16, 24 и 31 с. 8) П. С. Р. Л., I, года: 1093, 1136, 1146, 1147, 1149, 1150, 1169, 1173, 1177, 1179, 1180, 1197. 9) П. С. Р. Л., II, 97 с., 10) Загоскинъ, 50 с., 11—13) П. С. Р. Л., I, 54, V т., I, 195 с., VIII, 40 стр.

названы еще князьями и свѣтлыми боярами въ договорахъ Олега и Игоря съ греками[1]). Званіе боярина не было наслѣдственнымъ, но князь не могъ и лишать боярскаго сана того, кто имѣлъ его. Такъ, когда старшая дружина отказалась ѣхать съ Владиміромъ Мстиславичемъ въ походъ на его племянника, Мстислава Изяславича, князя кіевскаго, Владиміръ могъ только, взглянувъ на дѣтскихъ, сказать: „а се будутъ мои бояре“ [2]). Княжескіе мужи и бояре пользовались при князѣ независимымъ положеніемъ, были силой, съ которой поневолѣ приходилось считаться всѣмъ удѣльнымъ князьямъ [3]). Въ кіевской Руси дружина имѣла рѣшительное значеніе съ конца IX и по вторую половину XII столѣтія[4]). Дружинникамъ принадлежало неотъемлемое право „отъѣзда“[5]) отъ одного князя къ другому, которое включалось въ договоры удѣльныхъ князей между собою[6]) и впослѣдствіи (въ московскій періодъ) выражалось въ нихъ обычной формулой: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“ [7]). Старшіе дружинники были посредниками между князьями и скрѣпляли своею клятвою договоры между ними. Такъ при заключеніи союза между Изяславомъ и Вячеславомъ (въ 1150 г.), изъ которыхъ первый долженъ былъ признавать послѣдняго вмѣсто отца, „на томъ же и мужи его цѣловаша крестъ, яко между ими добра хотѣти и чести его стеречи, а не сваживати его“ [8]). Дружинники принимали даже участіе въ судѣ надъ князьями, откуда произошло право суда ихъ надъ князьями, которое въ московскомъ періодѣ постоянно включалось въ договорныя грамоты московскихъ великихъ князей съ удѣльными князьями до конца XV вѣка[9]). Такъ Свято-

---

1—2) П. С. Р. Л, I, 13, 19, 20 и 31 с., II т., 97 с. 3) Сергѣевичъ: „Лекціи по исторіи русскаго права“, 2 изд., Спб., 1890, 379—380 с. 4) Бѣловъ: „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в.“, Ж. М. Н. П., 1886, I кн., 75 с. 5) Бестужевъ-Рюминъ: „Русская исторія“, I т., 208 с., Соловьевъ: „Исторія Россіи“, Ш, 17 с. 6) Соловьевъ, ibidem. 7 и 9) См. ниже. 8) П. С. Р. Л., II, 50 с.

полкъ и Владиміръ Мономахъ, желая примириться съ Олегомъ черниговскимъ, послали сказать ему (1096 г.): „поиде къ Кіеву, да порядъ положимъ о русстѣ землѣ предъ епископы и предъ игумены, и *предъ мужи отецъ нашихъ*, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили русскую землю отъ поганыхъ". Когда же Олегъ, послушавъ злыхъ совѣтниковъ, не захотѣлъ идти къ своимъ братьямъ, говоря; „нѣсте мене лѣпо судити, епископу, ли игумномъ, ли смердомъ", тѣ пошли къ Чернигову и заставили Олега дать обѣщаніе придти въ Кіевъ и „положити порядъ" 1). На княжескомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ (1100 г.) князья: Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ и Олегъ Святославичи судили Давыда Игоревича, по проискамъ котораго былъ ослѣпленъ Василько Ростиславичъ, и въ этомъ судѣ надъ нимъ принимали участіе мужи каждаго изъ князей—судей: Путята—Святополка, Орогастъ и Ратиборъ—Владиміра и Торчинъ—Давыда и Олега 2). Обо всемъ, что ни задумывалъ князь, онъ долженъ былъ повѣдать своимъ старшимъ дружинникамъ; бояръ надо было убѣждать въ томъ, чтобы они согласились съ планами князя. Такъ, когда Владиміръ Мономахъ задумалъ вмѣстѣ съ Святополкомъ отправиться въ походъ „на поганыхъ" (половцевъ) и братья собрались вмѣстѣ съ своими дружинами для совѣщанія, Владиміръ долженъ былъ доказывать дружинѣ Святополка необходимость этого похода, который состоялся только тогда, когда вся его дружина согласилась съ нимъ 3). Если старшей дружинѣ не нравилось предложеніе князя, она отказывалась идти за княземъ, который терпѣлъ отъ этого неудачу. Когда Владиміръ Мстиславовичъ задумалъ напасть на Мстислава Изяславовича, „рекоша ему дружина его: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали", и не поѣхала съ княземъ, который отправился къ союзникамъ

---

1) П. С. Р. Л., I, 98 с. 2—3) П. С. Р. Л., I, 116, 118 и II, 1 с.

берендичамъ только съ своими „дѣтскими“. Но берендичи, увидя его безъ старшей дружины (мужей), сочли Владиміра за обманщика и „начаша пускати стрѣлы и удариша князя двѣма стрѣлами“ [1]).

Право совѣщанія съ княземъ старшей дружины, бояръ, ихъ участія въ управленіи государствомъ было важнѣйшимъ и неотъемлемымъ ихъ правомъ не только въ кіевской Руси, но долго и въ теченіе московскаго періода (до Іоанна Грознаго) [2]). Участіе дружины въ княжескомъ совѣтѣ и управленіи было оффиціально признано въ договорахъ съ греками первыхъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава [3]). Совѣщанія князя съ дружиной по всѣмъ дѣламъ управленія считаются въ первую половину удѣльно-вѣчеваго періода (до основанія московскаго княжества) вполнѣ необходимыми для князя. Лѣтописецъ хвалитъ Владиміра Святого за то, что онъ думалъ съ дружиной „о строѣ земленѣмъ, о ратехъ и уставѣ землянѣмъ“ [4]). Такія же похвалы высказываются лѣтописцемъ и Всеволоду, кіевскому князю [5]), Мстиславу Ростиславичу новгородскому [6])и др.. Наоборотъ, князья, уклоняющіеся отъ совѣта съ дружиной, порицаются лѣтописцемъ. Такъ галицкій князь, Владиміръ былъ, по словамъ лѣтописца, изгнанъ изъ Галича боярами (1188 г.) за то, что „онъ думы не любяшеть съ мужьми своими“ [7]). Впрочемъ, обыкновенно сами князья, опиравшіеся на дружину, считали необходимымъ совѣтоваться съ своими боярами, которые называются поэтому „думцами“ князя. Князья цѣнили мудрыхъ совѣтниковъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ всѣхъ ихъ предпріятій. „Думцамъ“

---

1) П. С. Р. Л., II, 97 с. 2) Соловьевъ, II, 243—248, Ш, 18 с., Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 1883, Спб., 380—382 с., Д. Иловайскій: „Исторія Россіи“, Москва, 1880, II т., 299 с., Б.-Рюминъ, ibid., Загоскинъ, 20, 28 и 32 с., „Боярская дума“, Казань, 1879, 7 с., В.-Будановъ, 44 с., см. его же рецензію на соч. Ключевскаго, „Сборн. госуд. знаній“, VIII т., 118—119 с., Бѣляевъ, 41—42 с., Яблочковъ, 24 с и сл., Порай-Кошицъ, 3 с., 3—5) Лавр. лѣт., 13, 19, 20 и 31, 54, 93 с. 6—7) Ипат. лѣт., 120, 136 с.

князей приписываются самимъ обществомъ въ древней Руси всѣ хорошія и дурныя стороны въ ихъ дѣятельности, направленіе которой зависѣло отъ вліянія на князя его бояръ. „Князь не самъ впадаетъ во многія злыя вещи, говорится въ словѣ Даніила Заточника, но думцы вводятъ: за добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ" [1]). Въ виду такого важнаго значенія совѣщаній князя съ боярами для правильнаго хода управленія становится понятнымъ, почему лѣтописецъ всегда отмѣчаетъ случаи совѣщаній и участія бояръ вмѣстѣ съ княземъ въ дѣлахъ управленія: безъ этого участія не обходится почти ни одинъ шагъ въ дѣятельности удѣльнаго русскаго князя, какъ это доказывается неоспоримо лѣтописями. Такъ во время войны Игоря съ греками (946 г.), когда византійскій императоръ, Романъ предложилъ ему прекратить войну подъ условіемъ уплаты греками русскимъ дани, „Игорь же, дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь цареву". Когда же дружина посовѣтовала князю принять предложеніе императора, „послуша ихъ Игорь", добавляетъ лѣтописецъ [2]). Игорь, какъ и ранѣе Олегъ, заключалъ договоры съ греками отъ своего имени и отъ имени, „свѣтлыхъ бояръ, иже суть подъ рукой великаго князя русскаго" [3]). По совѣту дружины Игорь отправляется въ походъ противъ древлянъ, гдѣ и погибаетъ: „рекоша дружина Игорева: отроци свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази, поиде, княже, съ нами въ дань, да и ты добудешь и мы. Послуша ихъ Игорь" [4]). Когда императоръ Романъ прислалъ подарки Святославу, стоявшему съ войскомъ подъ стѣнами Царьграда, и выразилъ желаніе заключить съ нимъ миръ, „Святославъ прія дары и нача думати съ дружиной своею", предлагая ей заключить съ гре-

1) Бѣляевъ, „Лекціи по исторіи русскаго законодательства", 128 стр.
2—4) П. С. Р. Л., I т., 19, 13 и 20 и 23 с.

ками миръ. „Люба бысть рѣчь его дружинѣ и послаша лѣпшѣ мужи ко цареви“. Миръ былъ заключенъ отъ имени князя и бояръ, которые поклялись хранить его [1]). Святославъ сильно дорожилъ мнѣніемъ своей дружины. Когда Ольга убѣждала Святослава принять крещеніе, „онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть“ [2]). Сынъ Святослава, Ярополкъ по совѣту своего дружинника, Свѣнельда напалъ на своего брата, Олега, князя древлянскаго, который убилъ на охотѣ сына Свѣнельда. Когда, въ свою очередь, самъ Олегъ былъ убитъ въ битвѣ съ Ярополкомъ, послѣдній „надъ нимъ плакася и рече Свѣнельду: „виждь сего, еже еси хотѣлъ“ [3]). Мы уже знаемъ, что Владиміръ Святой „думалъ“ съ дружиной о разныхъ предметахъ управленія. По совѣту старцевъ и бояръ Владиміръ приказалъ взять сына варяга—христіанина для принесенія въ жертву языческимъ богамъ [4]). Когда Владиміръ рѣшился оставить языческую вѣру, „созва боляры свои и старцы градскіе“ и по ихъ совѣту послалъ „добрыхъ и смысленныхъ мужей“ для испытанія вѣры у различныхъ народовъ: магометанъ, нѣмцевъ, евреевъ и грековъ. Возвратившееся посольство было выслушано Владиміромъ вмѣстѣ съ дружиною и по совѣту бояръ было имъ рѣшено принять „законъ греческій“ [5]). Владиміръ созываетъ бояръ для того, чтобы сообщить имъ о покушеніи на его жизнь Рогнѣды и по ихъ совѣту отдаетъ ей вмѣстѣ съ сыномъ въ отчину городъ Изяславль [6]). По смерти Владиміра его дружина, бояре, старые думцы желали имѣть кіевскимъ княземъ младшаго его сына Бориса, потому что онъ привыкъ быть постоянно съ ними и думать обо всемъ съ боярами, между тѣмъ какъ старшій сынъ Владиміра, Святополкъ (Окаянный) любилъ „пить вино съ гусльми и младыми совѣтни-

---

1—6) П. С. Р. Л., I т., стр.: 30—31, 27, 32—33, 35, 45—46 и 131 стр.

ки“ [1]). Ко времени Ярослава и его сыновей относится появленіе извѣстнаго древне-русскаго законодательнаго памятника „Русской Правды“, въ составленіи которой участвовали на ряду съ князьями и ихъ старшіе дружинники. „Правда уставлена русской земли, говорится въ 17 статьѣ Русской Правды, (академическомъ спискѣ), егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ (князья), Коснячко, Перенѣгъ, Микифоръ Кіянинъ, Чудинъ, Микула“ (бояре) [2]). Во 2 ст. Русской Правды (троицкомъ спискѣ) сказано: „по Ярославѣ же паки совкупивше ся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“ [3]). Русская Правда опредѣляетъ за убійство княжа мужа или огнищанина такой высшій размѣръ виры (80 гривенъ), какой платится и при убіеніи княжескаго тивуна и—конюшаго [4]). Русская Правда не говоритъ прямо о боярахъ, но въ ней упоминается о боярскихъ тіунахъ, холопахъ и боярской дружинѣ [5]). Значитъ, бояре были люди богатые и знатные.

Послѣ Ярослава I удѣльная система владѣнія русской землею однимъ княжескимъ родомъ развивается въ полной силѣ, а вмѣстѣ съ нею увеличивается и сила дружины при князьяхъ и въ управленіи. Князья съ ея помощью подъискиваютъ себѣ столы и совѣщаются съ нею обо всѣхъ дѣлахъ. Такъ одинъ изъ Ярославичей, кіевскій князь Всеволодъ (†1093) любилъ совѣтоваться съ дружиной, приведен-

---

1) Лавр. лѣт., 57, 60 с., Соловьевъ: „Исторія Россіи“, I т., 213—214 с. 2) H. Jireček: „Swod zakonuv slowanskych“, 1880, 14 с. 3) Jireček, ibidem, 17 с. Въ 48 ст. троицкаго списка Русской Правды говорится, что внукъ Ярослава, „Владиміръ Всеволодовичъ, по Святополкѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, кіевскаго тысяцкаго, Прокопья, бѣлгородскаго тысяцкаго, Станислава, переяславскаго тысяцкаго, Нажира, Мирослава, Ивана Чудиновича, Ольгова мужа и уставили до третьяго рѣза“ (Jireček, 23 стр.). 4 и 5) 18 и 21 ст. акад. списка и 3 и 10 ст. троицкаго списка Русской Правды“ (Jireček, 14, 17—18 с.).

ной имъ изъ Чернигова, а не съ старыми кіевскими боярами [1]). Святополкъ Изяславовичъ, занявшій кіевскій престолъ послѣ Всеволода, при безпрерывныхъ войнахъ съ половцами, „сдумавъ не съ большею дружиною отчею и строя своего, а съ пришедшими съ нимъ“ [2]),—дружиной, приведенной имъ въ Кіевъ изъ Новгорода. По совѣту „мужей смысленіихъ“ Святополкъ приглашаетъ братьевъ: Владиміра Мономаха, (черниговскаго князя) и Ростислава (переяславскаго) для нападенія на половцевъ. При нападеніи на нихъ при р. Стугнѣ братья, „созваша дружину свою на совѣтъ и начаша думати“ [3]). Предъ походомъ на половцевъ (1103 г.) Владиміра съ Святополкомъ дружина послѣдняго не хотѣла идти съ князьями, указывая на то, что война весною можетъ „погубити смерды и ролью ихъ“. Но когда Владиміръ сталъ говорить, что половцы погубятъ не только пашню, но и самихъ крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ семьями, „не могоша отвѣщати дружина Святополка“ [4]). Въ своемъ поученіи дѣтямъ Владиміръ Мономахъ совѣтъ съ дружиной о дѣлахъ правленія считаетъ необходимымъ, ежедневнымъ занятіемъ князя, который долженъ утромъ „сѣдше думати съ дружиной“ [5]). Когда Всеволодъ Ольговичъ предложилъ переяславскому князю Андрею (Мономаховичу) вмѣсто Переяславля курское княженіе, тотъ „сдумавъ съ дружиной, тако рѣче: лѣплѣе ми того смерть, а съ своей дружиной на своей вотчинѣ и дѣдинѣ, нежели курское княженіе“ [6]). Старшій изъ Мономаховичей, Вячеславъ, послушавъ бояръ своихъ, „отъя опять городы, иже бяше отъ него Всеволодъ отъялъ“ [7]). Святославъ Ольговичъ въ долгой распрѣ съ своими двоюродными братьями Ольговичами часто совѣщался съ своими боярами [8]). Ростиславъ Юрьевичъ, суздальскій князь, посланный отцемъ своимъ, ростовскимъ княземъ (Мономаховичемъ) на помощь Ольгови-

---

1—3) П. С. Р. Л., 93, 93—94 с. 4) Лавр., 118 с., Ипат., 1 с., 5) Лавр, 103 с. 6) Лавр., 134 с. 7) Лавр., 136 с., Ипат., 25 с. 8) Ипат., 26—27 с.

чамъ противъ Изяслава Мстиславича кіевскаго, „сдумавъ съ дружиной своей, река: любо си ся на мя отцу гнѣвати, не иду къ ворогамъ своимъ... но поидемъ, дружина моя, къ Изяславу... и послася къ Изяславу“ [1]). По совѣту нѣкоторыхъ мужей своихъ Изяславъ отнялъ у Ростислава все его имѣніе и дружину и отослалъ его къ отцу [2]). Изяславъ, замышляя походъ съ Давыдовичами, Владиміромъ и Изяславомъ, и Святославомъ Всеволодовичемъ на Юрія ростовскаго и Святослава Ольговича, „созва бояры своя и всю дружину свою“ [3]). Въ своей упорной борьбѣ съ Юріемъ Изяславъ не разъ созывалъ на совѣтъ своихъ бояръ [4]). Когда Юрій хотѣлъ уступить Кіевъ старшему дядѣ Изяслава, Вячеславу, „бояре размолвиша Дюргя, рекуче: брату твоему не удержать Кіева; да не будетъ его ни тебѣ, ни оному. Дюргеви же послушавше бояръ“ [5]). Когда послѣ смерти Изяслава, который отбился отъ Юрія и княжилъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ дядей, Вячеславомъ, туда прибылъ Изяславъ Давыдовичъ, черниговскій князь и родственникъ Ольговичей, Вячеславъ, „сдумавъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ и съ мужьями, не пусти его въ Кіевъ“ [6]). Преемникъ и племянникъ Вячеслава, Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій совѣтовался съ боярами относительно предполагаемаго похода на Изяслава Черниговскаго [7]). Юрій, выгнавши Ростислава изъ Кіева, пожелалъ добыть для своего племянника, Владиміра Андреевича г. Владиміръ (Волынскій), гдѣ княжилъ Мстиславъ Изяславичъ; когда же осада города не удалась, „Дюрги, сдумавъ съ дѣтьми своими и съ мужи своими, возвратился въ Кіевъ“ [8]). Изяславъ Давыдовичъ, „взборзѣ сгадавъ съ дружиною, поима ратники своя и поѣха изъѣздомъ къ Чернигову“ [9]). Когда открылся ложный навѣтъ двухъ бояръ Бориславичей, Петра и Нестора, на Мстислава Изяславича, что онъ хочетъ схва-

1—2) Лавр., 138 и 139 с. 3—9) Ипат., 31, 43—44, и 54—55 48, 74, 76, 80 и 87 стр.

тить Давыда и брата его, Рюрика, Мстиславъ „ужасеся мыслею и яви дружинѣ своей“, которая успокоила князя, говоря: „ты всякъ правъ предъ Богомъ и предъ людьми: *тебѣ безъ насъ того нельзя было замыслити, ни сотворити*“ [1]). Мы уже знаемъ сходный отвѣтъ дружины Владиміра Мстиславича, когда онъ вздумалъ было идти съ берендичами на своего племянника, Мстислава Волынскаго, занявшаго кіевскій престолъ послѣ смерти Ростислава Мстиславича (1168): *о собѣ еси, княже, замыслилъ*, говорила Владиміру Мстиславичу его дружина, *а не ѣдемъ по тебѣ, мы того не вѣдали*. Походъ Владиміра, предпринятый безъ старшей дружины, съ одними дѣтскими, не удался: берендичи, увидавъ его безъ бояръ, упрекнули его въ обманѣ и даже напали на него [2]). Ростовскій князь, Мстиславъ Ростиславичъ, по словамъ лѣтописца, „всегда бо на великія дѣла тѣсняся, размышливая съ мужи своими“. По совѣту своей дружины Мстиславъ принялъ предложеніе новгородцевъ княжить у нихъ [3]). Рюрикъ Ростиславовичъ совѣщался съ дружиной предъ походомъ и во время самого похода на половцевъ и послѣ жестокой битвы съ ними русскихъ сожалѣлъ о потерѣ „бояръ думающихъ“ [4]). Тотъ же Рюрикъ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ послѣ смерти Святослава Всеволодовича (въ 1194), „нача думати съ мужи своими, како бы дати волость Всеволоду“, суздальскому князю, потребовавшему отъ Рюрика своей части въ русской землѣ. „Сдумавъ съ братьею и съ мужьми своими“, Рюрикъ отдалъ Всеволоду все Поросье, которое ранѣе находилось во владѣніи зятя Рюрика, Романа Волынскаго [5]). Въ возгорѣвшейся вслѣдствіе такого поступка Рю-

---

1) Ипат., 99 с. 2) Ипат., 97 с. Такъ прочно жило тогда на Руси убѣжденіе, что только такой „князь законный, который былъ окруженъ своими боярами и безъ которыхъ онъ былъ авантюристомъ въ глазахъ варваровъ, знакомыхъ съ порядками на Руси“ (В.-Будановъ, Рецензія на сочин. о Боярской Думѣ Ключевскаго и Загоскина, см. Сб. Гос. Знаній, Безобразова, VIII т., 120 с. 3—4) Ипат., 120, 129—131 с. 5) Ипат., 144—145 с., Соловьевъ, II, 291—292 с.

рика съ Романомъ враждѣ между ними дружина обоихъ князей принимаетъ самое дѣятельное участіе: оба они предпринимаютъ другъ противъ друга походы послѣ думы съ своими мужами [1]).

Бояре играли видную роль въ исторіи ростовскаго княженія, гдѣ въ концѣ XII ст. образовалось два старшихъ города: Ростовъ и Суздаль съ пригородомъ Владиміромъ. Бояре принимали участіе въ упорной борьбѣ старыхъ городовъ съ пригородами, отстаивая права первыхъ на исключительное преобладаніе въ ростовской землѣ. Лѣтописецъ, упомянувши объ обычаѣ Новгородцевъ, Смольнянъ, Кіевлянъ и Полочанъ сходиться на вѣче, гдѣ „на чтоже старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороди станутъ“, продолжаетъ: „а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды божія, но како намъ любо рекоша, такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашъ“ [2]). Князь Юрій Долгорукій предпочитаетъ Ростову, гдѣ было много сильныхъ бояръ, стремившихся управлять всѣми дѣлами, Суздаль, который поэтому сдѣлался стольнымъ городомъ ростовской волости [3]). Все-таки, Юрій слушался бояръ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ [4]). Бояре погубили сына Юрія, Андрея Боголюбскаго († 1175 г.), котораго они ненавидѣли за презрѣніе къ нимъ князя и его явное стремленіе къ ограниченію власти бояръ и развитію на сѣверѣ Руси монархической власти: Андрей „хотя самовластецъ быти всей суздальской земли“ [5]). Послѣ смерти Андрея ростовцы, суздальцы и переяславцы съѣхались въ Владимірѣ и избрали здѣсь княземъ ростовской земли не сыновей и не братьевъ умершаго, а пригласили на княженіе

1) Ипат., 145—146 с. 2) Лавр, 160 с 3) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, т. I, Спб., 1890, 18 и 20 с. 4) Лавр., 141 и 146 с. 5) Ипат., 91, 111—114 с., Соловьевъ, II, 260 и сл., 266 с., Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, 20—21 с., Бѣловъ, 81 с., Костомаровъ: „Русская Исторія“, Спб., 1873, I т., 89 с., Загоскинъ: „Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія“, 33 с.

подъ предлогомъ опасности отъ сосѣднихъ рязанскихъ князей внуковъ Юрія, двухъ Мстиславичей, Мстислава и Ярополка. Первый „былъ посаженъ боярами съ радостью великой“ въ Ростовѣ, а второй—въ Владимірѣ [1]). Но жители Владиміра скоро стали высказывать неудовольствіе по поводу дѣятельности молодаго князя: „а сама князья молода бяста, слушаста бояръ, а боляре учахуть я на многое иманіе“. Владимірцы послали къ ростовцамъ и суздальцамъ, „являюще имъ обиду свою. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ суще далече, а бояре князю тою крѣпко держахуся“ [2]): Ростиславичи слушались во всемъ своихъ бояръ [3]). Тогда Владимірцы рѣшились сами призвать Михалку Юрьевича, дядю Ростиславичей, который пришелъ было вмѣстѣ съ своимъ братомъ Всеволодомъ въ ростовскую волость по приглашенію Ростиславичей, но былъ прогнанъ ростовцами [4]). Когда Михалко съ братомъ и Владиміромъ Святославичемъ подошли къ Москвѣ, Мстиславъ и Ярополкъ, „сдумаста съ дружиной своей“ (то есть, боярами), не хотѣли допустить Михалка къ Владиміру. Михалко, однако, побѣдилъ Мстиславичей, которые были принуждены бѣжать изъ ростовской земли. Михалко сдѣлался владимірскимъ княземъ, а потомъ его признали своимъ княземъ ростовцы и суздальцы. Послѣдніе сваливали всю вину своего сопротивленія на бояръ: „мы, княже, говорили они Михалкѣ, на полку томъ съ Мстиславомъ не были, но были съ нимъ боляре“. Разсказывая объ этихъ событіяхъ, лѣтописецъ хвалитъ владимірцевъ за то, что они „не убояшеся князя два имуще въ власти сей, и болярь ихъ прещенія ни вочтоже положиши“ [5]). Михалко сталъ княжить въ Владимірѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ, очевидно, опасаясь противодѣйствія себѣ въ старыхъ городахъ

---

1) Лавр., 158—159 с., Ипат., 116—117 с., Сергѣевичъ, ibidem, 22—23 с. 2) Лавр., 159 с., Ипат., 117 с. 3) Соловьевъ, II, 267 с., Сергѣевичъ, 25 с. 4) Лавр. и Ипат. л., ibidem. 5) Лавр., 159—160 с.

(Ростовѣ и Суздалѣ) сильной и противной обоимъ князьямъ партіи бояръ [1]). Михалко вскорѣ скончался и владимірцы призвали на его мѣсто Всеволода. Тогда ростовскіе бояре рѣшились воспользоваться случаемъ для того, чтобы заставить владимірцевъ признать старшинство Ростова. Съ этою цѣлью ростовскіе бояре „приведоша Мстислава Ростиславича изъ Новгорода, рекуще: поиде, княже къ намъ.... а мы хочемъ тебѣ, а иного не хотимъ“. Мстиславъ согласился на предложеніе ростовскихъ бояръ и немедленно выступилъ съ ними и со всею дружиной къ Владиміру. Всеволодъ, „не хотя крови пролъяти“, послалъ сказать Мстиславу: „брате, оже тя привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову, а оттолѣ миръ възмевѣ; тобе ростовцы привели и боляре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и владимірцы, а Суздаль буди нама обче, да кого всхотятъ, то имъ буди князь“. Мстиславъ же, „послушавъ рѣчи ростовскіе и болярское, величавы будуще, молвяхуть бо ему: аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“. Мстиславъ „слушатеть Добрыны Долгаго и Матѣяши Бутовича (двухъ главныхъ ростовскихъ бояръ)“, вступилъ въ битву съ Всеволодомъ, въ которой ростовцы были разбиты. Добрыня Долгой и другой бояринъ, Иванка Степановичъ были убиты, остальные бояре взяты въ плѣнъ (1177). Села ростовскихъ бояръ были разграблены. Мстиславъ убѣжалъ сначала въ Ростовъ, а потомъ Новгородъ, который не принялъ его. Тогда Мстиславъ отправился къ своему зятю, Глѣбу, рязанскому князю и вмѣстѣ съ нимъ выступилъ къ Владиміру. Но счастье и на этотъ разъ измѣнило Мстиславу: Всеволодъ разбилъ союзниковъ, взялъ въ плѣнъ Глѣба и Мстислава съ сыномъ „и дружину его всю изъимаша, и думци (вельможи) его извязаша вսѣ, и Бориса Жидиславича, и Ольстина, и Дѣдильца“ [2]).

1) Сергѣевичъ, ibidem. 2) Лавр., 151—162 с., Ипат., 119 с, Сергѣевичъ: „Русскія юрид. древности“, 27—28 с.

Но побѣдивши ростовцевъ и утвердившись въ Владимірѣ, какъ стольномъ городѣ ростовскаго княженія, Всеволодъ долженъ былъ, все таки, слушаться собственныхъ бояръ, которые „уже успѣли развестись въ Владимірѣ" [1]). Такъ по настойчивому требованію бояръ и всего остального населенія города, хотя и вопреки желанію самого Всеволода, Глѣбъ рязанскій былъ убитъ, а Ростиславичи ослѣплены. Также, противъ желанія Всеволода, былъ взятъ и разграбленъ дружиной г. Торжокъ [2]). Владимірскіе же бояре управляли въ Новгородѣ именемъ малолѣтняго сына Всеволода, Святослава, посаженнаго имъ въ Новгородѣ [3]). Предъ своею смертію Всеволодъ, прозванный за многочисленность своей семьи Большимъ Гнѣздомъ, послѣ совѣщаній съ боярами рѣшилъ отнять старшинство у своего непослушнаго сына, Константина и передать его младшему, Юрію, который сдѣлался княземъ въ Владимірѣ [4]). Лѣтописецъ, описывая высокія нравственныя качества Всеволода, говоритъ, что онъ былъ „нелицемѣренъ, не обинуяся лица *сильныхъ своихъ бояръ*, обидящихъ меньшихъ и роботящихъ сироты и насилье творящихъ" [5]). При преемникахъ Всеволода произошло дальнѣйшее дѣленіе ростовской волости; въ ней образовалось нѣсколько самостоятельныхъ княженій и въ числѣ ихъ московское. Тотъ же процессъ дальнѣйшаго дробленія волостей совершался въ это время и въ кіевской Руси по мѣрѣ развѣтвленія рода Рюриковичей. Каждая волость составляла отчину всѣхъ дѣтей князя этой волости, которые имѣли право добиваться стола своего отца [6]). Каждая волость или княженіе имѣло и своихъ бояръ, которые играли важную роль во всѣхъ дѣлахъ управленія въ южной Руси при потомствѣ Св. Владиміра, Ярослава I, его сыновьяхъ, внукахъ, правнукахъ и ихъ по-

1) Сергѣевичъ, ibidem, 28 с. 2) Лавр., 163 с., Ипат., 119—120 с. 3) Лавр., 175 и 179 с., Троицкая л., 210 с., Соловьевъ, II, 331 с., Сергѣевичъ, ibidem, 29 с. 4) П. С. Р. Л., VII (Воскр. л.), 117 с., Соловьевъ, II, 335 с. 5) Лавр., 185 с. 6) Сергѣевичъ, ibidem, 31 с.

томкахъ [1]). Постоянный переходъ бояръ съ княземъ изъ одной волости въ другую ослабляетъ первенствующее значеніе бояръ въ управленіи въ пользу вѣча; при этихъ переходахъ бояре дѣйствовали изъ личныхъ, а не сословныхъ выгодъ [2]). Не смотря, однако, на сильное дробленіе княженій между многочисленными потомками Рюрика, на Руси начинаютъ появляться (въ XI—XIII ст.) признаки новаго общественнаго и политическаго порядка. Въ одно время съ размноженіемъ отраслей княжескаго дома начинается процессъ осѣданія его вѣтвей въ извѣстныхъ княженіяхъ и болѣе тѣсной, взаимной ихъ связи съ дружиной и земщиной. Тѣ земщины, въ которыхъ укрѣпляется какой-либо княжескій домъ, становятся болѣе сильными, могущественными по сравненію съ другими, которымъ не удалось закрѣпить за собою какой-либо княжеской отрасли. Такъ Кіевъ потерялъ свою самостоятельность, такъ какъ не успѣлъ соединить съ собою какого-либо княжескаго дома: со взятіемъ Кіева войсками Андрея Боголюбскаго (въ 1169 г.) онъ пересталъ быть самостоятельнымъ княжествомъ. Послѣ того имъ владѣютъ попеременно смоленскіе, волынскіе, черниговскіе и другіе князья, но не самостоятельные кіевскіе [3]). Наоборотъ, въ Рязани, Смоленскѣ и особенно на сѣверѣ Руси, въ Суздальской землѣ обосновались свои княжескіе дома, которые много сдѣлали для усиленія своихъ отчинъ. Князья постоянно живутъ въ своихъ отчинахъ и естественно заботятся объ интересахъ жителей своей отчины, о лучшемъ устройствѣ своихъ волостей, колонизаціи земель, построеніи городовъ и слободъ и развитіи въ нихъ промышленности и торговли [4]). Въ тоже время дружина князя начинаетъ сближаться съ земщиной, осѣдать вмѣстѣ съ князьями въ ихъ отчинахъ и пріобрѣтать здѣсь земли [5]).

---

1) Соловьевъ, II, стр. 36—37, 86—88, 199—210, 235—237 и 365—367 с. 2) Соловьевъ, Ш, 14—15 с. 3—5) Бѣляевъ: „Разсказы изъ русской исторіи“, I т., 332—333 и 326—329 с., Лекціи etc., 278—279 с.

Сближенію между дружиной и земщиной помогаетъ нашествіе на Русь татаръ (XIII в.), которые заставили платить себѣ дань одинаково всѣхъ жителей покоренныхъ ими странъ. Земскіе бояре, которые до сихъ поръ составляли высшій классъ въ земщинѣ и были представителями его интересовъ на вѣчахъ, вступаютъ въ ряды дружинниковъ и сливаются съ ними въ одинъ боярскій, высшій классъ общества, обладающій значительнымъ богатствомъ въ земляхъ и пользующійся наслѣдственно правительственными должностями въ вновь образовавшемся московскомъ княжествѣ [1]). Московскимъ боярамъ принадлежали земли, села, деньги (казна) и другое имущество. Въ договорахъ великихъ князей московскихъ съ удѣльными князьями встрѣчается почти до Іоанна IV Грознаго (начала XVI ст.) торжественное взаимное обѣщаніе князей обезпечить за боярами владѣніе принадлежащими имъ селами, землями и казной при переходѣ ихъ со службы отъ московскаго князя къ удѣльному и наоборотъ. Такъ, напр., въ договорной грамотѣ Димитрія Ивановича съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Александровичемъ сказано: „а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобѣ къ намъ, а *села* ихъ въ нашей вотчинѣ великомъ княженіи или въ твоей вотчинѣ въ Твери, вь ты *села* намъ и тобѣ не вступатися“ [2]). Во многихъ договорныхъ грамотахъ упоминается о запрещеніи боярамъ покупать *села* безъ позволенія князей [3]). Изъ договорной грамоты Василія Дмитріевича съ дядями, Андреемъ и Константиномъ Дмитріевичами видно, что *села боярскія* „вѣдались“ княжескими намѣстниками и волостелями [4]). Въ договорной грамотѣ Василія Васильевича Темнаго съ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякой заключается

1) Соловьевъ, IV, 194 с., В.-Будановъ, 30 с. 2) „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, Москва, 1813, т. І-й, № 28. 3) Собр. гос. гр. и дог., ibidem, №№ 27, 33, 35, 36, 40, 45, 78, 79, 84 и 86. 4) Собр. гос. гр. и дог., №№ 43 и 44, 87 и 89.

взаимное требованіе князей, чтобы были разобраны судомъ всѣ дѣла о грабежѣ *боярскихъ селъ* [1]). Въ договорной грамотѣ суздальскихъ князей Василія и Ѳеодора Юрьевичей съ Шемякой упоминается о *селахъ*, купленныхъ московскими боярами въ Суздалѣ, и о продажѣ княземъ Иваномъ Андреевичемъ своему боярину, Петру слободки Шиповской [2]). Во многихъ договорныхъ грамотахъ московскаго князя съ удѣльными заключается обѣщаніе возвратить *казну бояръ*, какая могла попасть къ каждому изъ нихъ отъ „недруговъ князя" и „отынуда отколѣ" [3]). По договорной грамотѣ Василія Васильевича съ тверскими князьями обѣ стороны обѣщаются не „вступатися въ владѣніе *домами и селами бояръ* и взяти на нихъ дань и судъ, какъ на своихъ" [4]). Послѣднее обѣщаніе было условіемъ при переходѣ бояръ со службы отъ одного князя къ другому и, какъ увидимъ ниже, включается во всѣ грамоты князей до конца XV столѣтія. Въ духовной грамотѣ Василія Васильевича (1462 г.) говорится о *селахъ*, которыя великій князь жаловалъ своимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ [5]). Въ договорныхъ грамотахъ, заключенныхъ при Иванѣ Васильевичѣ III и Василіѣ Ивановичѣ, рѣже попадаются свѣдѣнія о боярскихъ селахъ и земляхъ и, наоборотъ, чаще перечисляются „прикупки" и „примыслы" самихъ великихъ князей московскихъ. Попрежнему, однако, князья жалуютъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ земли, села и деревни [6]), не „вступаются" въ боярскія земли, села и казну [7]), „бояре и боярскіе дѣти держатъ свои земли по старинѣ" [8]) границы ихъ владѣній опредѣляются межевыми грамотами [9]) и закрѣпляются за боярами грамотами жалованными [10]) и духовной грамотой Ивана Васильевича, въ силу которой Василій

---

1) Собр. гос. гр. и дог., №№ 52 и 53. 2) № 62. 3) №№ 66, 67, 72—75, 79, 84 и 85. 4) №№ 76, 77 и др. 5) № 86. 6) №№ 106, 107, 110, 111, 123, 124, 125 и 126. 7) №№ 115 и 116. 8) №№ 129, 138, 141. 9) №№ 13-, 141. 10) № 148.

Ивановичъ не долженъ былъ вступаться въ „дворы, отчины, купли бояръ и боярскихъ дѣтей“ [1]). Бояре сами продаютъ и дарятъ свои села великому князю московскому и удѣльнымъ князьмъ [2]).

Такимъ образомъ, московскіе бояре являются богатыми землевладѣльцами; кромѣ своихъ поземельныхъ участковъ или *вотчинъ*, они рано (со времени Ивана Даниловича) [3]) начинаютъ получать отъ московскихъ князей за свою службу *помѣстья* [4]). Съ образованіемъ ростовско-суздальскаго княженія, а потомъ московскаго княжества названіе дружины исчезаетъ и вмѣсто его появляются названія членовъ всего высшаго класса боярами, боярскими дѣтьми, вольными слугами и дворянами. Первыя два названія относятся преимущественно къ старшей дружинѣ, послѣднія два къ младшей. Боярскими дѣтьми назывались сначала всѣ законныя дѣти бояръ [5]), а потомъ обѣднѣвшіе потомки бояръ, которые не пользовались правами бояръ, но могли ими сдѣлаться [6]). Со времени великаго князя Василія Васильевича (1433 г.) боярскими дѣтьми стали называться всѣ старшіе дружинники, какъ члены боярскаго класса [7]). Этотъ классъ состоялъ изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, находившихся на службѣ князя. Боярство, бывшее въ кіевской Руси фактическимъ состояніемъ, въ московскомъ княжествѣ постепенно превращается въ юридическое, дѣлается высшимъ служилымъ *чиномъ* (въ XIV в.), жалуемымъ великимъ княземъ за службу. Такъ уже Иванъ Даниловичъ „даде болярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Несторовичу [8]). Боярство теперь „сказывается“ тѣмъ изъ членовъ боярскаго класса, которыхъ великій князь удостоиваетъ особаго довѣрія. Такіе бояре называются „введенными боярами“, которые должны были находиться при

---

1) Собр. гос. гр. и дог., № 144. 2) №№ 106, 111, 123 и 124. 3) № 22. 4) Б.-Рюминъ, I, 446—448 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 305 с., Загоскинъ, 63—64 с. 5) Сергѣевичъ: „Русскія юридич. древности“, 326 с. 6) В.-Будановъ, 116 с., Бѣляевъ, 300 с. 7) Бѣляевъ, 301 с. 8) Загоскинъ, 53 с.

дворѣ великаго князя [1]). Поэтому въ договоры между князьями включалось условіе, чтобы *введенные и путные бояре* [2]) не участвовали въ походахъ [3]) и не сидѣли въ городахъ, которые осаждались князьями [4]). Въ „введенные бояре" назначаются обыкновенно члены именитѣйшихъ фамилій, хотя это и не было общимъ правиломъ [5]). Впрочемъ, обыкновенно однѣ и тѣже боярскія фамиліи служатъ послѣдовательно многимъ московскимъ князьямъ. Такова, напр., была фамилія боярина Ѳеодора Кошки и др..

Каждый членъ боярскаго рода становился бояриномъ, какъ только поступалъ на службу къ князю [6]). Однако, независимо отъ этой службы, боярамъ принадлежало въ 2-й половинѣ удѣльнаго періода право быть посредниками въ столкновеніяхъ между князьями [7]), которые поручали боярамъ разбирать и дѣла, гдѣ замѣшаны интересы князей и бояръ. „А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, говорится въ договорной грамотѣ Димитрія Ивановича съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Александровичемъ, ино съѣдутся бояре наши на рубежѣ, да межи насъ поговорятъ" [8]). „А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ или чего тобѣ искати на моихъ боярехъ, сказано въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ его братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинятъ исправу" [9]). Въ случаѣ спора и несогласія посредниковъ—бояръ дѣло окончательно рѣшалось третьимъ лицомъ, избраннымъ ими самими или же назначеннымъ великимъ княземъ (митрополитомъ) или—самимъ великимъ княземъ: „а ци о каковомъ дѣлѣ сопрутся, а не уговорятся, ѣдутъ.... А кото-

1) Сергѣевичъ, 362—365 с. 2) Путные бояре это тѣ, которые получали въ *кормленіе* доходы, соединяемые со службою (Сергѣевичъ, 344 с., Загоскинъ, 72 с.). 3) Собр. гр. и дог., №№ 52, 53, 54—57. 4) №№ 58—61 и др. 5) Сергѣевичъ, 366—368 с. 6 и 7) Яблочковъ, 80 и 85 с. 8) Собр. гр. и дог., I т., № 28, ср. № 34. 9) № 27.

рые бояре умолвятъ, то подойметъ князь, котораго умолвятъ, а бояромъ вины нѣтъ"[1]). Въ духовной грамотѣ Димитрія Ивановича говорится: „а что вытягалъ бояринъ мой, Ѳеодоръ Андреевичъ на *обчемъ рѣтѣ* Товь и Медынь у Смольнянъ, а то сыну же моему князю Андрею"[2]). Княжескія договорныя грамоты называютъ бояръ—посредниковъ „судьями нашими (княжескими) вопчіими" и содержатъ обѣщаніе князей въ „судъ въ вопчій не вступатися"[3]). При Василіи Дмитріевичѣ боярамъ прямо предоставляется избирать самимъ третьихъ лицъ, которыя могли бы разрѣшать ихъ взаимные споры: „а о чемъ сопрутся, они ѣдутъ на третій, кого себѣ изберутъ"[4]). Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ сыновьями съ Владиміромъ Андреевичемъ и рязанскимъ княземъ Ѳеодоромъ указывается предметъ разбирательства для боярскаго суда: „а что ся учинитъ межи васъ по любви слово о земли или о водѣ и вамъ отослати бояръ, они соехався да учинятъ исправу"[5]). Тотъ же порядокъ посредническаго между князьями боярскаго суда продолжается и при Василіи Васильевичѣ Темномъ[6]). Но въ договорѣ его съ Шемякой третьими лицами для бояръ должны были быть два большихъ боярина (т. е., старѣйшихъ, знатнѣйшихъ[7]) или же, въ крайнемъ случаѣ, самъ великій князь[8]), —ограниченіе, имѣвшее основаніе, вѣроятно, въ особенныхъ, недовѣрчивыхъ и даже враждебныхъ отношеніяхъ Василія Васильевича съ Шемякой. По договору Василія Васильевича съ тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ „судъ опчій" поручается „людемъ старѣйшимъ"[9]). Тѣже „старѣйшіе люди" (бояре) вѣдаютъ „опчій судъ" и въ началѣ княженія Ивана Васильевича[10]). Въ договорѣ Ивана Васильевича и его братьевъ съ рязанскимъ княземъ, Иваномъ Васильевичемъ третьими ли-

1) № 33 и др. 2) № 34. 3) № 28 и др. 4) № 35. 5) № 36. 6) №№ 45, 48; князья договариваются между собою „держати по старинѣ судъ о всѣхъ обидныхъ дѣлехъ"; см. №№ 65, 69, 71—74, 78—81, 84 и 85. 7) Загоскинъ, 51—52 с. 8) №№ 52, 54 и 55, 9–10) № 76, 77, 88, 89, 119, 120, 123 и 124.

цами для посредниковъ—бояръ являются три князя московскихъ земель, „а на комъ ищутъ и тотъ судья себѣ беретъ изъ трехъ одного“ [1]). Наконецъ, въ договорѣ Ивана Васильевича съ братомъ своимъ Андреемъ Васильевичемъ просто сказано: „а судити судъ вопчій судіямъ нашимъ, цѣловавъ крестъ“ [2]).

Московскіе бояре продолжали сохранять за собою во вторую половину удѣльнаго періода почти до возшествія на престолъ Іоанна Васильевича IV (до 1/2 XVI столѣтія) право свободнаго отъѣзда со службы московскаго князя къ удѣльнымъ князьямъ и обратно, хотя это право бояръ постепенно ограничивается, а потомъ и совершенно уничтожается [3]). Московскіе бояре долго не знали обязательной службы при московскихъ князьяхъ, которые сами должны были признавать за ними право „отъѣзда“. Для предупрежденія нарушеній этого права со стороны князей, московскихъ и удѣльныхъ, въ договоры между ними включалось условіе: „а боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ промежъ насъ вольнымъ воля“. Бояре, переходившіе отъ московскаго князя къ удѣльному, были увѣрены въ томъ, что ихъ переходъ не навлечетъ на нихъ никакихъ непріятностей: князья обязывались „не держати нелюбья“ на отъѣзжающихъ бояръ. „А кто иметъ жити нашихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ твоей вотчинѣ, говорилось обыкновенно въ договорныхъ грамотахъ между московскимъ княземъ и удѣльными, и тобѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ: а кто твоихъ бояръ.... имутъ жити въ нашей отчинѣ въ великомъ княженіи и намъ ихъ блюсти, какъ своихъ и дань взяти, какъ на своихъ“ [4]). Отъѣхавшіе бояре, слѣдовательно, уравнивались въ своихъ служебныхъ и имущественныхъ правахъ съ боярами князя, къ которому они

---

1) № 115. 2) №№ 125 и 126. Ср. Соловьевъ, IV, 198 с. 3) См. ниже. 4) №№ 27, 32, 33, 35, 36, 37, 43—48, 64, 66, 69—81, 84, 85, 89—95, 97—102, 106—111, 113, 114, 119—121, 124—128, 133—134 и 160, 161.

поступили на службу. Они сохраняли за собою и вотчины въ землѣ князя, отъ котораго они отъѣхали: князья обязывались въ своихъ договорахъ „не вступатися въ селы и домы“ отъѣхавшихъ бояръ [1]). Только удѣльные князья, поступившіе на службу московскаго или другаго великаго князя (тверскаго, рязанскаго) и отъѣхавшіе отъ одного изъ нихъ къ другому или удѣльнымъ князьямъ, теряли право собственности на свои вотчины. Поэтому въ договорныя грамоты между князьями обыкновенно включалось (съ 1428 г.) условіе „не принимать на службу служебныхъ князей съ вотчинами и имъ въ вотчину свою не вступатися“ [2]). Старшіе дружинники или бояре удержали за собой на Руси при татарахъ, во всю вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, въ московскомъ княжествѣ тоже почти правительственное значеніе, какое они имѣли и въ кіевской Руси. Они были важнѣйшими *совѣтниками* князей и принимали участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ [3]). Князья должны были приглашать на совѣтъ свою старшую дружину не столько по доброй волѣ, сколько по обязанности [4]). Особенно сильно сказалось вліяніе бояръ въ Москвѣ въ то время, когда она только что начала выдѣляться изъ среды другихъ удѣльныхъ княжествъ и постепенно складываться въ сильное и могущественное московское государство.

По народному преданію мѣстность, занимаемая городомъ Москвою, издавна принадлежала Степану Ивановичу *Кучкѣ*, одному изъ богатыхъ и сильныхъ земскихъ бояръ въ суздальскомъ краю, упорно сопротивляющихся политикѣ суздальскихъ князей, которые стремились объединить и подчинить своей власти все населеніе ростовской волости. Гордые земскіе, ростовскіе и суздальскіе, бояре сторонились княжеской

---

1) №№ 28, 76, 77, 119. 2) №№ 43, 49, 52, 56, 60, 61, 64, 66, 69 и др. 3) Соловьевъ, IV, 197 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 304 с. 4) Бѣляевъ, ibidem, Яблочковъ, 84—86 с.

службы, предпочитая ей независимую жизнь въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ они могли произвольно распоряжаться подвластнымъ имъ населеніемъ [1]). Суздальскіе бояре были полными хозяевами всего края, пока княжескій столъ въ ростовской волости не занялъ сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій. Владѣнія Кучки были гнѣздомъ бояръ, недовольныхъ дѣятельностью Ю. Долгорукаго, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ по краю („полюдья") натолкнулся на грубую встрѣчу со стороны Кучки, приказалъ схватить и казнить его, а въ владѣніяхъ Кучки основалъ городъ Москву [2]). Но Кучковичи не исчезли въ ростовско-суздальской землѣ. Вмѣстѣ съ другими земскими боярами ростовской земли они призвали княжить въ Ростовъ сына Юрія, Андрея вопреки волѣ отца [3]). Послѣ насильственной смерти Андрея Боголюбскаго отъ рукъ Кучковичей и другихъ ростовскихъ бояръ [4]), ненавидѣвшихъ Андрея за то, что онъ хотѣлъ подчинить бояръ своей власти и „самовластецъ быти всей суздальской земли" [5]), ростовскіе бояре вздумали было захватить въ свои руки власть, но это имъ не удалось. Счеты и соперничество старыхъ ростовскихъ бояръ съ новыми владимірскими возобновились было послѣ смерти Всеволода, при которомъ боярство, ослабленное взаимными раздорами, жило мирно и въ послушаніи у князя. При сыновьяхъ Всеволода эти боярскіе раздоры должны были окончиться сами собою вслѣдствіе полюбовнаго раздѣла родовыхъ владѣній княжескаго дома ростовской волости между дѣтьми Всеволода, которыя сдѣлались со времени Святослава Всеволодовича (1246 г.) самостоятельными князьями отдѣльныхъ вотчинъ [6]). Москва, какъ удѣльное княжество, вошла при раздѣлѣ Всеволодомъ удѣловъ между князьями, въ составъ владимірскаго княженія.

Бояре ростовско-суздальской земли, принимавшіе такое

1—2) Бѣляевъ, Лекціи etc., 390—393 и 381 с. 3—5) Лавр. лѣт., 78, 91 и 113 с. 6) Бѣловъ, ibidem, 88 с.

видное участіе въ столкновеніяхъ между князьями ростовской и суздальской земли, преслѣдовали, прежде всего, при ихъ постоянномъ соперничествѣ изъ за княжескаго стола ростовской волости свои личные интересы. Но возможно, однако, предположить, что стремленія къ объединенію всей ростовско-суздальской земли подъ властью одного князя могли скорѣе зародиться у бояръ, ясно видѣвшихъ весь вредъ многокняжія и безпрерывной борьбы князей: эти послѣдніе заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы взять верхъ надъ своими соперниками и обезпечить своихъ дѣтей въ владѣніи удѣлами [1]). Дружина на сѣверѣ была, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ основанія ростовской волости, не слабѣе, нежели на югѣ, гдѣ безъ совѣта и согласія съ дружиной ничто не предпринималось князьями [2]). Мы видѣли, какъ ростовская дружина сама призываетъ угодныхъ ей князей и изгоняетъ неугодныхъ. Такое первенствующее значеніе бояре получаютъ и въ Москвѣ въ періодъ ея образованія при господствѣ татаръ на Руси. При первомъ же настоящемъ московскомъ князѣ, съ котораго начинается безпрерывная линіи московскихъ князей, сынѣ Александра Невскаго, *Даніилѣ Александровичѣ* (1282—1303) бояре управляютъ Москвой въ періодъ его малолѣтства, какъ и въ то время, когда Даніилъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и вступилъ на престолъ [3]). Послѣ смерти Даніила московскимъ княземъ сдѣлался старшій сынъ его, *Юрій Даниловичъ* (1303—1325), который въ первый же годъ своего княженія напалъ вмѣстѣ съ своими боярами на можайскаго князя Святослава и, разбивши его, присоединилъ, хотя и временно, Можайскъ къ Москвѣ [4]). Бояре подъ предводительствомъ Іакинфа, служившаго сначала московскому князю, а потомъ перешедшаго по неудовольствію на него

---

1) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, 27 и 30 с. 2) Бѣловъ, 78 и 80 с. 3) Бѣляевъ, Лекціи etc., 403 с. 4) П. С Р. Л , VII т. (Воскр. лѣт.), 183 стр.

къ Андрею, владимірскому князю приняли дѣятельное участіе въ борьбѣ Юрія Даниловича изъ за владимірскаго княженія съ сыномъ умершаго Андрея и дядей Юрія, Михаиломъ, тверскимъ княземъ. Соперники отправились въ орду (1304 г.), гдѣ разрѣшались тогда всѣ споры между князьями. Іакинфъ съ своими союзниками хотѣлъ было захватить Юрія Даниловича, но онъ успѣлъ ускользнуть изъ ихъ рукъ и бояре должны были ограничиться только тѣмъ, что захватили его брата, Бориса, посланнаго Юріемъ въ Кострому, и отвели его въ Тверь. Въ тоже время народъ возсталъ въ Костромѣ на бояръ „Давыда Явидовича, да на Жеребца и иныхъ"; въ этой смутѣ былъ убитъ Александръ, братъ Юрія. Третій его братъ, Иванъ Даниловичъ занялъ въ отсутствіе Юрія Переяславль, гдѣ хотѣлъ его захватить Іакинфъ съ товарищами. Но въ битвѣ подъ Переяславлемъ Иванъ разбилъ Іакинфа съ помощью его соперника, боярина Родіона Несторовича, прибывшаго изъ Кіева на службу къ московскому князю съ своимъ сыномъ, Иваномъ, княжатами, боярскими дѣтьми и многочисленнымъ дворомъ. Іакинфъ былъ убитъ вмѣстѣ съ зятемъ, Давыдомъ и старшими боярами; оставшіяся въ живыхъ его дѣти убѣжали въ Тверь [1]). Между тѣмъ Михаилъ тверской былъ убитъ въ ордѣ и Юрій Даниловичъ былъ признанъ ханомъ великимъ княземъ владимірскимъ, старшимъ на сѣверѣ Руси [2]). Вскорѣ, однако, Юрій былъ убитъ въ Ордѣ изъ мести сыномъ Михаила, Димитріемъ и московскій столъ занялъ *Иванъ Даниловичъ* (1328—1341) *Калита*, также получившій отъ хана ярлыкъ на великое княженіе владимірское. Но этому признанію Калиты со стороны хана великимъ княземъ предшествовала борьба Ивана Даниловича съ Алексѣемъ Михайловичемъ тверскимъ, которому сначала удалось получить отъ хана Узбека великокняжескій ярлыкъ, но потомъ онъ

1) Воскр. лѣт., I, 184 с., Бѣловъ, 89, 93–94 с., Бѣляевъ, 406 с. 2) Воскр. лѣт., I, 188—197 с.

разгнѣвалъ хана убійствомъ въ Твери ханскаго посла, Шевкала и былъ лишенъ Узбекомъ титула великаго князя. По проискамъ Ивана Даниловича и московскихъ бояръ въ ордѣ Алексѣй съ его сыномъ были здѣсь убиты, вся ростовско-суздальская земля была разорена и подчинена московскому князю, котораго должны были слушаться и тверскіе князья [1]). Умирая, Иванъ Даниловичъ раздѣлилъ все московское княженіе на нѣсколько частей: изъ городовъ и волостей, входившихъ въ составъ московскаго княженія, больше всего получилъ старшій сынъ Ивана Даниловича, Симеонъ (Можайскъ, Коломну съ волостьми и еще поименно 16 волостей), потомъ великая княгиня съ дочерью (14 волостей) и второй сынъ Иванъ (13 волостей); младшему сыну, князю Андрею досталось только 11 волостей. Кромѣ того, каждый изъ сыновей Ивана Даниловича и великая княгиня получили по извѣстному числу селъ и деревень, принадлежавшихъ ему на правѣ частной собственности [2]). Завѣщаніе Ивана Даниловича было подтверждено въ годъ кончины Ивана Даниловича („у отня гроба") договорной грамотой между его сыновьями. Иванъ и Андрей, признавши старшинство Симеона надъ собою, обѣщались чтить его „во отцево мѣсто"; но младшіе братья потребовали отъ старшаго: „како ны отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ти подъ нами блюсти, а не обидѣти" [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Иванъ Даниловичъ былъ далекъ отъ мысли установить единодержавіе въ Москвѣ: иначе онъ не раздѣлилъ бы между своими сыновьями и женой съ дочерьми всѣхъ городовъ и волостей московскихъ на правѣ частнаго наслѣдованія и наравнѣ съ своими, лично принадлежавшими князю, селами и драгоцѣнностями. Иванъ Даниловичъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. В. И. Сергѣевичъ, не былъ первымъ основателемъ государственнаго

---

1) Воскр. л., 200—201, 205, Бѣляевъ, 410 415 с. 2) Соб. гр. и дог., I т., №№ 21 и 22. 3) № 23.

могущества Москвы: онъ скорѣе затормозилъ его созданіе своимъ взглядомъ на московское княженіе, какъ только на частную собственность князя, которою онъ могъ распоряжаться сообразно съ своими личными, родственными симпатіями. Начало пріобрѣтенія, собиранія земель около Москвы было сдѣлано еще предшественниками Ивана Даниловича, братъ котораго, Юрій былъ единымъ княземъ московскаго княжества [1]). Иванъ Даниловичъ думалъ не о величіи московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ всѣхъ членовъ своей семьи: княгиня и дочери князя были надѣлены большимъ количествомъ волостей, чѣмъ оба младшіе сыновья князя. Въ началѣ XIV столѣтія власть татаръ на Руси была еще такъ велика, что Иванъ Даниловичъ не могъ и мечтать о созданіи независимаго и самостоятельнаго московскаго государства. Онъ самъ сознавалъ эту невозможность и потому постоянно ѣздилъ въ орду за помощью противъ тверскаго князя [2]). Все-таки, Иванъ Даниловичъ сравнительно съ своими предшественниками болѣе сдѣлалъ для усиленія Москвы расширеніемъ ея внѣшнихъ границъ, за что и получилъ отъ лѣтописца названіе „собирателя русской земли“ [3]). Самъ Иванъ Даниловичъ называлъ себя великимъ княземъ всея Руси [4]). Москва усилилась при немъ и внутри вслѣдствіе перенесенія въ Москву изъ Владиміра митрополичьей кафедры: Москва сдѣлалась теперь духовно-религіознымъ центромъ всей русской земли. Митрополиты (Петръ, Алексѣй, Іона и др.) вмѣстѣ съ подвластнымъ имъ духовенствомъ стали поддерживать своимъ религіозно-нравственнымъ авторитетомъ власть московскаго князя, распространяя взглядъ о божественномъ ея происхожденіи [5]). Моральная сила митрополита сдерживала

---

1) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности“, 52—59 с. 2) Воскр. лѣт., I, 200—201, 203—205 с. 3) Воскр. л., I, 53 с. 4) Б.-Рюминъ, 395 с. 5) Соловьевъ, III, 284 с., Костомаровъ, I, 183—185 с., Загоскинъ: „Исторія права московскаго государства“, Казань, 1877, т. I-й, 19—23 с., Бѣловъ, 92—93 с.

до нѣкоторой степени политическую силу боярства, которое пользовалось большимъ вліяніемъ на управленіе при Иванѣ Даниловичѣ и его преемникахъ и своею дѣятельностью помогало объединенію московскаго княжества болѣе, нежели первые московскіе князья. Интересы московскихъ бояръ, какъ богатыхъ землевладѣльцевъ, были солидарны съ интересами московскаго князя, который самъ былъ также богатъ землями[1]). Поэтому бояре дѣйствовали дружно и вмѣстѣ съ княземъ на пользу Москвы, стремились къ ея усиленію на счетъ сосѣднихъ княжествъ[2]).

Бояре играли большую роль при *Симеонѣ Ивановичѣ* (1341—1353). Въ первый же годъ своего возшествія на престолъ князь отправилъ въ Торжокъ и Новгородъ „бояръ дани брати“, но „они начаша сильно дѣяти“. Жители обоихъ городовъ были оскорблены такимъ насильственнымъ образомъ дѣятельности бояръ и послали сказать Симеону Ивановичу: „еще, господине, на столѣ въ Новгородѣ не сѣлъ, а уже бояре твои сильно дѣютъ“[3]). Въ томъ же году (1341) вспыхнула въ Москвѣ смута между боярами, что подало поводъ, между прочимъ, къ заключенію упомянутой договорной грамоты между Симеономъ и его братьями, гдѣ въ числѣ взаимныхъ обязательствъ сторонъ стояло условіе не принимать къ себѣ на службу одного изъ крамольныхъ бояръ, вѣроятно, ихъ главу, Алексѣя Петровича Хвоста[4]). Симеонъ Ивановичъ отнялъ у опальнаго боярина его имѣніе и отдалъ его своему брату, князю Ивану, который далъ обѣщаніе, „что далъ князь великій изъ Алексѣева живота, того Алексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтямъ, ни инымъ ничѣмъ не подмогати

1) См. духовное завѣщаніе Ивана Даниловича, Собр. гр. и договор., I, № 23. 2) Бѣляевъ, Лекціи etc, 418 с. 3) П. С. Р. Л., VII т., Воскр. л., 206 с. 4) „А что Олекса Петровичъ вшелъ въ крамолу къ великому князю, сказано въ договорной грамотѣ, намъ князю Ивану и князю Андрею къ себѣ его не пріимати, ни его дѣтей и не надѣитись ны къ себѣ до Олексѣева живота. А тобѣ, господине, князь великій къ собѣ его не пріимати же въ бояре“ (№ 37).

ихъ“[1]). Причиной боярской крамолы при Симеонѣ Ивановичѣ было, отчасти, высокомѣрное и презрительное обращеніе съ боярами князя Симеона, недаромъ прозваннаго Гордымъ, отчасти же, примѣръ сосѣднихъ тверскихъ бояръ[2]). Боярская смута при немъ указываетъ также на тотъ фактъ, что бояре были на столько могущественны при Симеонѣ, что князья—братья должны были соединиться между собою для того, чтобы гарантировать себя отъ возможности повторенія боярскихъ крамолъ, опасныхъ для московскаго княжества при тогдашнемъ его соперничествѣ съ сосѣдними княжествами. Договоръ, заключенный между Симеономъ Ивановичемъ и его братьями о недопущеніи на службу крамольнаго боярина, Алексѣя Петровича скоро былъ нарушенъ великимъ княземъ, который принялъ его снова на службу, быть можетъ, подъ давленіемъ состоявшихъ при дворѣ единомышленниковъ опальнаго боярина. Какъ бы то ни было, Симеонъ Ивановичъ допускаетъ въ свою службу боярина Алексѣя и посылаетъ его (въ 1347 г.) вмѣстѣ съ другимъ своимъ бояриномъ, Андреемъ Кобылой (родоначальникомъ бояръ Романовыхъ) сватомъ къ тверскому князю, дочь котораго, Марья Александровна дѣлается женой великаго князя[3]). Бракъ Симеона Ивановича на дочери тверскаго князя, одного изъ заклятыхъ враговъ Москвы, былъ однимъ изъ средствъ, которыя употреблялъ вмѣстѣ съ боярами этотъ великій князь для то-

---

1) Собр. гр. и дог., I, № 37. 2) Бѣляевъ, Лекціи etc., 424 с. 3) Воскр. лѣт., I, 210 с. Бѣляевъ пріурочиваетъ смуту среди бояръ при Симеонѣ Ивановичѣ къ этой поѣздкѣ въ Тверь боярина Алексѣя Петровича Босоволкова или Хвоста, гдѣ онъ будто-бы познакомился съ своеволіемъ тверскихъ бояръ и по возвращеніи въ Москву и самъ завелъ крамолу (Лекціи, 423 с.). Но этому мнѣнію Бѣляева противорѣчитъ тотъ фактъ, что условіе о недопущеніи на службу Алексѣя Петровича было включено въ договорную грамоту князей въ 1341 г., а сватовство князя было въ 1347 г. Къ тому же, если принять взглядъ Бѣляева, тогда трудно объяснить вліяніе, пріобрѣтенное Алексѣемъ Петровичемъ при Иванѣ Ивановичѣ, когда онъ сдѣлался тысяцкимъ и былъ убитъ боярами же, завидовавшими его могуществу.

го, чтобы возвысить значеніе Москвы надъ всѣми сосѣдними княжествами (тверскимъ, ярославскимъ и др.) и пріобрѣсти вліяніе на дѣла тверскаго княжества [1]). Симеонъ Ивановичъ успѣлъ своею энергичною дѣятельностью возвысить значеніе Москвы надъ многими сосѣдними княжествами (тверскимъ, суздальскимъ, ростовскимъ и ярославскимъ); послѣ своей поѣздки со всѣми сѣверными князьями къ хану онъ возвратился оттуда (1349 г.) съ великою честью, „съ пожалованіемъ“ [2]). Умирая, Симеонъ Ивановичъ приказываетъ своимъ дѣтямъ слушаться митрополита Алексѣя и старыхъ бояръ: „слушали бо есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“ [3]). Симеонъ Ивановичъ передалъ весь свой удѣлъ со всѣми селами не своему сыну, а княгинѣ, Марьѣ Александровнѣ, принадлежавшей къ враждебному Москвѣ княжескому дому. Тѣ бояре князя, которые могли завѣдовать ея волостями, должны были отдавать ей „прибытка половину“ [4]). Симеонъ, слѣдовательно, проникнутый подобно своему отцу тѣми же частновладѣльческими взглядами, заботится только о своей семьѣ, а не о московскомъ государствѣ [5]), хотя въ тоже время онъ называетъ себя подобно отцу, Ивану Даниловичу „великимъ княземъ всея Руси“ [6]).

Москва по смерти Симеона Ивановича была захвачена еще при жизни его вдовы братомъ Симеона, *Иваномъ Ивановичемъ* (1353—1359), при которомъ мы встрѣчаемся съ продолженіемъ боярской смуты, возникшей при Симеонѣ Ивановичѣ. Тотъ же Алексѣй Петровичъ Хвостъ, который былъ сначала изгнанъ изъ Москвы Симеономъ, а потомъ снова былъ принятъ имъ на службу, занялъ при Иванѣ Ивановичѣ санъ тысяцкаго, начальника городовыхъ полковъ, избиравшагося изъ бояръ. Тысяцкій въ качествѣ представителя,

---

1) Бѣляевъ, 420 с. 2) Воскр. л., I, 215 с. 3 и 4) Собр. гр. и дог., № 24 и 38. 5) Сергѣевичъ, ibidem, 61 с. 6) Собр. гр. и дог., I, № 23.

иногда наслѣдственнаго, боярскаго сословія, сдѣлавшагося тогда уже осѣдлымъ въ Москвѣ [1]), имѣлъ большое вліяніе на все управленіе, уменьшавшее значеніе остальныхъ бояръ и могъ сдѣлаться также опаснымъ для власти самого великаго князя [2]). Поэтому становится понятнымъ, почему бояре поспѣшили отдѣлаться отъ Алексѣя Петровича, который былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ въ 1356 году. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу, что „убіеніе его дивно нѣкако и незнаемо, аки ни отъ кого же, никѣмъ же, токмо обрѣтеся на площади лежаща; нѣцые же глаголютъ, яко втаю совѣтъ сотвориша и ковъ коваша нань и *тако всѣхъ бояръ общею думою убіенъ бысть*, да яко же Андрей Боголюбскій отъ своихъ рабовъ отъ Кучковичъ, тако и сей отъ своея дружины пострадаша" [3]). Вслѣдъ за смертью Алексѣя Петровича въ Москвѣ вспыхнулъ „велій мятежъ" и знатнѣйшіе изъ московскихъ бояръ отъѣхали съ своими женами и дѣтьми въ Рязань, но въ слѣдующемъ же году двое изъ нихъ, большіе бояре, Михаилъ и зять его, Василій Васильевичъ, соперники убитаго боярина [4]), возвратились въ Москву по желанію самого великаго князя, который сдѣлалъ одного изъ нихъ (Василія Васильевича Вельяминова) тысяцкимъ [5]). Князь Иванъ Ивановичъ отличался кроткимъ и уступчивымъ характеромъ, былъ не въ состояніи смирить непокорныхъ бояръ [6]) и продолжать дѣло объединенія Москвы: при немъ происходили ссоры между сосѣдними, муромскими и тверскими, князьями, которые не хотѣли знать московскаго князя и предпочитали ему посредничество хана [7]). Татары снова возобновили свои нападенія на Русь „и велика бысть истома княземъ русскимъ" [8]). Только большое вліяніе въ ордѣ митрополита Алексѣя (изъ боярскаго рода Плещеевыхъ), исцѣлившаго жену

1) Соловьевъ, Ш 322 с., Бѣловъ, 94 с. 2) Соловьевъ, ibidem. 3 и 8) П. С. Р. Л., VIII (Воскр.), 10 с. 4) Соловьевъ, Ш, 328 с. 5) Бѣловъ, 95 с. 6) Бѣляевъ, Лекціи etc., 426 с. 7) Соловьевъ, Ш, 323 с., Б.-Рюминъ, 397 с.

хана, Тайдулу, и московскихъ бояръ спасло на этотъ разъ Русь отъ большихъ притѣсненій и разоренія [1]). Князь Иванъ Ивановичъ, слѣдуя примѣру своего отца, Ивана Даниловича, раздробилъ московское княженіе на три участка, раздѣлилъ его въ своей духовной между старшимъ сыномъ, Димитріемъ, младшимъ Иваномъ и двоюроднымъ ихъ братомъ, Владиміромъ [2]). Но Иванъ скоро умеръ и Димитрій присоединилъ его участокъ къ своему; князь же Владиміръ долженъ былъ признать старѣйшинство Димитрія [3]), конечно, при помощи бояръ: оба князя были малолѣтніе.

Никогда еще ни прежде, ни послѣ не была такъ велика политическая сила бояръ въ Москвѣ, какъ при великомъ князѣ, Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, дѣйствовавшемъ во всемъ согласно съ боярами, такъ что „невозможно отдѣлить, что въ его дѣйствіяхъ принадлежитъ ему и что боярамъ" [4]). Въ тоже время никогда до сихъ поръ московское княжество не было такъ сильно, какъ при этомъ знаменитомъ древнерусскомъ князѣ. Московскіе бояре были сторонниками объединенія Руси подъ московскимъ владычествомъ съ самого начала возникновенія московскаго княжества; эта политическая цѣль ихъ дѣятельности совпадала съ ихъ желаніемъ разбогатѣть и играть первую роль при великомъ князѣ всея Руси [5]). Бояре успѣли добыть *Димитрію Ивановичу* (1362—1389) ярлыкъ на великое княженіе владимірское „по отчинѣ и дѣдинѣ", хотя ранѣе оно и было отдано ханомъ сопернику московскаго князя, Дмитрію Константиновичу суздальскому „не по отчинѣ и не по дѣдинѣ" [6]). Бояре правили Москвой во время малолѣтства Димитрія Ивановича [7]) и уже въ 1363 г., когда ему было только 14 лѣтъ, успѣли присое-

---

1) П. С. Р. Л, VIII (Воскр.), 10 с. 2) Собр. гр. и дог., I, №№ 25 и 26. 3) №№ 25—27, 32 и 33. 4) Костомаровъ, I, 208 с. Соловьевъ, III, 381 с. 5) Сергѣевичъ, 64 с. 6) П. С. Р. Л., VIII, 11 с., Соловьевъ, III, 327 с., Костомаровъ, 205—206 с. 7) Сергѣевичъ, 63 с., Бѣляевъ, 427 с.

динить къ Москвѣ три удѣльныхъ княжества: Владиміръ, Галичъ и Стародубъ [1]). Заодно съ боярами и также въ пользу московскаго великаго князя дѣйствовалъ митрополитъ Алексѣй, игравшій роль примирителя въ взаимныхъ раздорахъ московскихъ и тверскихъ князей: митрополитъ становится при этихъ княжескихъ распряхъ на сторону московскаго князя [2]). Благодаря мудрой политикѣ московскихъ бояръ, была ослаблена политическая сила тверскаго княжества и тверской князь, Михаилъ Александровичъ отказался отъ притязаній на соперничество съ Москвой, а его союзникъ Ольгердъ, великій князь литовскій, отъ вмѣшательства въ внутреннія дѣла московскаго княжества (1372 г.). Въ продолжительной распрѣ московскаго и тверскаго князя ихъ бояре раздѣляютъ успѣхи и неудачи своихъ князей. Такъ, когда Дмитрій Ивановичъ заманилъ Михаила Александровича въ Москву, то „поимаша его и бояръ его всѣхъ и разведоша ихъ разно и державъ ихъ въ истомѣ“ [3]). Тоже сдѣлалъ и тверской князь съ московскими боярами и ихъ семьями, пребывавшими въ Дмитровѣ—удѣлѣ кашинскаго князя, московскаго союзника [4]). При „розмиріи“ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ „поимани быша бояре старѣйшіи княже Володимеровы и разведени вси разно по городамъ и сидѣша вси въ нятіи у приставовъ“ [5]). Какъ только былъ произведенъ московскимъ княземъ этотъ арестъ важнѣйшихъ владиміровыхъ бояръ, Владиміръ Андреевичъ поспѣшилъ примириться (1389 г.) съ Димитріемъ Ивановичемъ [6]). Предъ великимъ княземъ московскимъ долженъ былъ смириться другой враждебный ему, рязанскій князь Олегъ и опять-таки не безъ содѣйствія московскихъ бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ были захвачены Олегомъ въ Коломнѣ (въ 1385 г.); но въ томъ же году преподобный Сергій съ московскими боярами

1 и 2) Бѣляевъ, 427—428 и 430 с. 3—5) П. С. Р. Л., VIII, 15, 52 и 19 с., 6) Собр. гр. и дог., I, № 33.

заключилъ съ Олегомъ „вѣчный миръ“ [1]). При Димитріи Ивановичѣ произошло первое значительное столкновеніе русскихъ съ татарами (1380 г.), окончившееся побѣдой русскихъ надъ своими врагами и доставившее Димитрію Ивановичу безсмертную славу и названіе „Донскаго“. Рѣшительной его битвѣ съ татарами на Куликовомъ полѣ (на р. Непрядвѣ) предшествовало пораженіе имъ татаръ на р. Вожѣ (1378) и казнь въ Москвѣ сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Вельяминова, боярина Ивана Васильевича, прибывшаго тайно въ Москву по порученію ожесточеннаго Мамая для возбужденія крамолы среди московскихъ бояръ [2]). Паденіе должности тысяцкаго было вызвано опасеніемъ Димитрія Ивановича, чтобы онъ не пріобрѣлъ особеннаго вліянія на управленіе московскимъ княжествомъ [3]). При казни Ивана Васильевича бояре не выразили никакого протеста, быть можетъ, потому, что они ничего не потеряли изъ своихъ правъ отъ уничтоженія сана тысяцкаго [4]). Когда Димитрій Ивановичъ получилъ извѣстіе о нападеніи татаръ на Русь, онъ сначала „призва вельможи свои“, а потомъ и „вся князи русскія земли, сущая подъ его властью“ и по совѣту съ тѣми и другими рѣшился выступить противъ Мамая [5]). Въ ожесточенномъ и кровавомъ Куликовскомъ побоищѣ пало множество русскихъ князей и бояръ. Перечисляя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ упоминаетъ только о „князьяхъ, боярахъ нарочитыхъ и воеводахъ, а прочихъ бояръ и слугъ оставихъ имена, не писахъ ради множества именъ, мнози бо на той брани побіени быша“ [6]): такое дѣятельное участіе приняли бояре въ Куликовской битвѣ, положившей начало освобожденію Руси отъ татаръ. Московскіе бояре были неразлучны съ Дмитріемъ

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 49 с. 2) П. С. Р. Л., VIII, 33 с., Соловьевъ, III, 362—363 с. 3) Бѣляевъ, 434 с. 4) Бѣловъ, 95—96 с. 5—6) П. С. Р. Л., VIII, 54, 40, 47 и 28 с.

Ивановичемъ, раздѣляли съ нимъ всѣ радости и печали въ его жизни. Когда преемникъ Мамая въ ордѣ, ханъ Тохтамышъ напалъ на Москву (1382 г.) и, безпощадно опустошивъ ее, удалился, въ столицу московскаго княжества возвратился изъ Костромы Димитрій Ивановичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ „кійждо съ своими боярами старѣйшими“ и и при видѣ всѣхъ бѣдствій жителей Москвы „яко расплакатися имъ велми слезно“ [1]). Бояре московскіе присутствуютъ съ Димитріемъ Ивановичемъ также па погребеніи митрополита Алексѣя (1377 г.) [2]).

Освободившись отъ своихъ внутреннихъ враговъ и ослабивши силу татаръ, Москва къ концу княженія Димитрія Ивановича возвысилась на степень первенствующаго княженія въ сѣверной Руси. Это усиленіе Москвы произошло, какъ мы видѣли, вслѣдствіе дружной дѣятельности московскихъ бояръ съ великимъ княземъ. На сколько голосъ бояръ имѣлъ вѣсъ въ управленіи при Димитріи Ивановичѣ, это видно изъ предсмертнаго его прощанія со своей семьей и боярами, которыхъ князь призвалъ къ своему смертному одру. Димитрій Ивановичъ заповѣдуетъ своимъ сыновьямъ: „бояры свои любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, *безъ воли ихъ ничтоже не творите*“. Обращаясь къ боярамъ, Димитрій Ивановичъ напоминаетъ имъ всю свою совмѣстную съ ними жизнь и дѣятельность, необыкновенныя заслуги бояръ для усиленія могущества Москвы и ихъ первое выдающее положеніе въ государствѣ. „Родихся предъ вами, говоритъ умирающій князь боярамъ, и при васъ возрастохъ, *и съ вами царствовахъ*, землю русскую держахъ лѣтъ 29, а отъ рожденія ми 40 лѣтъ; и мужествовахъ съ вами на многія страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранехъ, великое княженіе свое велми укрѣпихъ, миръ и тишину земли русскія

1—2) П. С. Р. Л., VIII, 54, 40, 47 и 28 с., см. еще 16 с.

сотворихъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, и вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами города держахъ и великія власти.... всѣхъ любихъ и въ чти держахъ, и веселихся съ вами, съ вами и поскорбихъ; *вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей*" [1]). Въ виду такого исключительнаго, первенствующаго значенія бояръ въ княженіе Димитрія Ивановича возможно предположить, что идея объ единеніи всей Руси подъ скипетромъ московскаго князя и недѣлимости московскаго княжества, для усиленія котораго московскіе бояре сдѣлали такъ много при Димитріѣ Ивановичѣ, явилась у него не безъ внушенія тѣхъ же бояръ [2]). Умирая, Димитрій Ивановичъ отказываетъ великое княженіе безъ раздѣла своему старшему сыну Василію: „а се благословляю, сказано въ его завѣщаніи, сына своего князя Василія своею отчиною, великимъ княженіемъ" [3]). Въ случаѣ же его бездѣтной смерти оно должно было перейти также въ цѣломъ видѣ къ слѣдующему за нимъ по возрасту брату, между тѣмъ какъ при смерти младшихъ сыновей Димитрія Ивановича ихъ удѣлы должна была подѣлить между остальными ихъ мать, великая княгиня: „княгиня моя подѣлитъ удѣловъ сыновъ моихъ". Димитрій Ивановичъ завѣщаетъ своимъ дѣтямъ „блюсти съ единаго" тѣхъ изъ его бояръ, которые будутъ служить его княгинѣ. Духовное его завѣщаніе было составлено при многихъ боярахъ: Димитріѣ Михайловичѣ, Тимофеѣ Васильевичѣ, Иванѣ Родивоновичѣ и др. [4]). Всѣ эти бояре сдѣлались главными совѣтниками преемника Димитрія Ивановича, его сына, Василія [5]).

При *Василіѣ Димитріевичѣ* (1389—1425) Москва продолжаетъ усиливаться, благодаря все тѣмъ же боярамъ, настоявшимъ на томъ, чтобы великій князь овладѣлъ суздальскимъ княжествомъ, въ которое входилъ и Нижній-Новго-

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 56 с., 2) Сергѣевичъ: „Русскія юридическія древности", 64—65 с. 3—4) Собр. гос. гр. и дог., I, № 34. 5) Яблочковъ, 84—85 с.

родъ. Подговоренные московскими боярами, нижегородскіе бояре заставили своего князя, Бориса Константиновича уступить свое княженіе Василію Димитріевичу. Великій князь московскій получилъ отъ хана ярлыкъ на Торусу, Мещеру и Муромъ и пріобрѣлъ ихъ въ свое владѣніе [1]). Въ княженіе Василія Димитріевича Москвѣ были подчинены всѣ сѣверныя и восточныя русскія княжества за исключеніемъ тверскаго и рязанскаго. Великій князь московскій также мало уважалъ права удѣльныхъ князей, какъ и московскіе бояре, которые не признавали княжескихъ правъ за удѣльными князьями. Поэтому то въ договорной грамотѣ, заключенной между Василіемъ Димитріевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ (1389 г.) послѣ „розмирья" между ними [2]) великій князь обѣщался не посылать въ удѣлъ Владиміра Андреевича своихъ „данщиковъ и приставовъ" и запретить московскимъ боярамъ покупать села въ землѣ Владиміра Андреевича безъ его вѣдома [3]). Московскіе бояре стремились къ тому, чтобы Москва была выше остальныхъ русскихъ княжествъ, а сами они выше бояръ удѣльныхъ князей, поступавшихъ на службу къ московскому государю [4]). Нѣкоторые бояре пользовались особенною довѣренностью Василія Димитріевича и вслѣдствіе этого особеннымъ вліяніемъ на дѣла. Таковы были: Илья Ивановичъ, внукъ Родіона Несторовича, сынъ боярина Андрея Кобылы, Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка съ своими сыновьями: Иваномъ, Ѳеодоромъ и Михаиломъ Ѳеодоровичами и ихъ племянникъ Игнатій Жеребцовъ [5]). Смерть одного изъ вліятельныхъ бояръ, Даніила Ѳеофановича (1392 г.) лѣтописецъ считаетъ даже нужнымъ отмѣтить: „иже бѣ, говоритъ про него лѣтописецъ, истинный бояринъ великаго князя и правый доброхотъ, служаще государю безо всякія льсти въ ордѣ

---

1) Сергѣевичъ, 66 с., Костомаровъ, 241 с., Бѣляевъ, 443—444 с. 2) П. С. Р. Л., VIII, 60 с. 3) Собр. гос. гр. и дог., I, № 35. 4) Бѣляевъ, 451—452 с. 5) Бѣловъ, 96 с., Соловьевъ, IV, 48 с.

и на Руси паче всѣхъ". Великій князь „любве ради иже къ нему на погребеніе его сжалився по немъ, прослезися и плака на многъ часъ" [1]). Старѣйшіе бояре великаго князя сопровождали Василія Дмитріевича въ его путешествіяхъ по Руси [2]) и при ихъ же содѣйствіи произошло сближеніе великаго князя съ Витовтомъ, литовскимъ княземъ, на дочери котораго, Софьѣ Витовтовнѣ, былъ потомъ женатъ Василій Димитріевичъ [3]). Попеченію Витовта онъ поручилъ своего старшаго сына и наслѣдника престола, десятилѣтняго Василія Васильевича, которому Василій Димитріевичъ отказалъ Москву въ завѣщаніи, составленномъ при участіи митрополита Фотія и бояръ: литовскаго выходца, князя Юрія Патрикѣева, Ивана Димитріевича, Михаила Андреевича и др. [4]).

Въ малолѣтство Василія Васильевича бояре вновь заявили о своихъ дипломатическихъ способностяхъ, съумѣвши отстоять въ ордѣ права своего князя на великокняжескій престолъ противъ его дяди, Юрія Димитріевича: Василія Васильевича сопровождалъ въ орду, упомянутый въ завѣщаніи его отца, бояринъ Иванъ Димитріевичъ, который убѣдилъ всѣхъ ордынскихъ князей ходатайствовать за князя Василія вмѣстѣ съ нимъ предъ ханомъ. Князь Василій, говоритъ хану Иванъ Димитріевичъ, „ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу по твоему цареву жалованью; а князь Юрій Димитріевичъ хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, а ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого восхощешь жаловати на твоей волѣ" [5]). Ханъ отдалъ великое княженіе *Василію Васильевичу Темному* (1425—1462). Но споръ о немъ между дядей и племянникомъ этимъ не окончился. Все княженіе въ Москвѣ Василія Васильевича было бурнымъ и бояре принимали самое дѣятельное участіе въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ

1—3) П. С. Р. Л., VIII, 62—63 с. 4) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 30, 41 и 42. 5) П. С. Р. Л., VIII, 96 с.

Василія Васильевича съ Юріемъ Димитріевичемъ и его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, и неоднократныхъ переходахъ Москвы отъ одной стороны къ другой. Враждебныя отношенія между племянникомъ и дядей начались вскорѣ послѣ того, какъ изъ Москвы отъѣхалъ къ Юрію Димитріевичу бояринъ Иванъ Димитріевичъ (Всеволожскій), оскорбленный отказомъ княгини Софьи Витовтовны женить великаго князя на его дочери [1]). Юрій Димитріевичъ былъ въ это время въ Галичѣ, куда онъ ушелъ изъ пожалованнаго ханомъ г. Дмитріева изъ боязни происковъ московскихъ бояръ. Иванъ Димитріевичъ „началъ подговаривать Юрія Димитріевича на великое княженіе“. Князь Юрій „по его думѣ“ послалъ въ Москву за своими дѣтьми, Василіемъ и Димитріемъ, которые поспѣшили къ отцу, оскорбленные на свадьбѣ великаго князя Софьей Витовтовной. Князь Юрій съ дѣтьми и бояриномъ Иваномъ Димитріевичемъ отправились къ Москвѣ, гдѣ были не приготовлены къ ихъ встрѣчѣ. Великій князь выслалъ было пословъ, своихъ бояръ, Ѳеодора Андреевича Лжа и Ѳеодора Товаркова. Но Юрій „мира не восхотѣ, а Иванъ Димитріевичъ о миру не далъ слова молвити и бысть межи обоихъ бояръ брань велика“. Въ битвѣ на Клязьмѣ Юрій Димитріевичъ разбилъ Василія Васильевича и захватилъ Москву [2]). Однако, московскіе бояре съумѣли расположить въ пользу своего князя любимца Юрія, галицкаго боярина, Семена Морозова, который поссорилъ отца съ сыновьями, убившими за это Морозова и удалившимися изъ Москвы. Оставленный дѣтьми, Юрій Димитріевичъ увидалъ, что онъ не можетъ удержать за собою Москвы, откуда бояре и граждане толпами направились въ Коломну, отданную Юріемъ въ удѣлъ Василію Васильевичу. Юрій Димитріевичъ самъ уступилъ своему племяннику Москву, обѣщался ему не прини-

1) Соловьевъ, IV, 56 с., Б.-Рюминъ, I, 410 с. 2) Воск. л., II, 97 с.

мать къ себѣ на службу и не помогать своимъ старшимъ сыновьямъ [1]), а самъ удалился въ свою отчину—Галичъ [2]). Обѣщаніе Юрія было, впрочемъ, скоро имъ нарушено: онъ послалъ воеводъ своихъ съ полками къ Костромѣ, гдѣ засѣли Василій съ Димитріемъ, когда московскія войска подъ предводительствомъ князя, Юрія Патрикѣева приступили къ городу. Въ этой битвѣ москвичамъ не посчастливилось: они были разбиты и самъ московскій воевода былъ взятъ въ плѣнъ. Московское войско потерпѣло и еще неудачу, когда произошла новая битва между самимъ Юріемъ, соединившимся съ своими сыновьями послѣ своего пораженія московскимъ княземъ и разоренія имъ Галича, и Василіемъ Васильевичемъ. Юрій Димитріевичъ разбилъ на голову своего племянника, убѣжавшаго въ Нижній-Новгородъ, и снова захватилъ Москву, гдѣ скоро и скончался [3]).

Послѣ смерти Юрія Димитріевича междоусобія въ княжескомъ московскомъ домѣ не прекратились, а вспыхнули съ еще большей силой. Теперь изъ за Москвы вступили между собою въ борьбу сначала Василій Васильевичъ съ сыновьями Юрія, Димитріемъ Шемякою и Димитріемъ Краснымъ противъ Василія Юрьевича (Косаго), а потомъ, когда послѣдній былъ ослѣпленъ по приказанію Василія Васильевича, между великимъ княземъ и Димитріемъ Шемякой съ братомъ и союзниками, тверскимъ и можайскимъ князьями. Димитрій Шемяка рѣшился захватить Москву, „сдумавше съ своими совѣтники злыми. Мнози же и отъ москвичъ въ думѣ съ ними бяша, бояре же и гости; бѣше и отъ чернцовъ въ той думѣ съ ними“. Воспользовавшись отсутствіемъ великаго князя изъ Москвы, который отправился съ своими дѣтьми въ Троицко-Сергіевскій монастырь, Димитрій съ своими союзниками напалъ на Москву, захватилъ княгиню, „а бояръ

---

1) Собр. гос. гр. и дог., I, № 49 и 50. 2—3) Воскр. л., II, 95 и 100 с.

сущихъ ту изнимавше и пограбиша" [1]). Въ ту же ночь князь Иванъ Можайскій схватилъ Василія Васильевича вмѣстѣ съ его боярами въ Троицкомъ монастырѣ и привезъ ихъ въ Москву. Шемяка приказалъ его ослѣпить и отправить въ ссылку въ Углече Поле. Утвердившись въ Москвѣ, Димитрій заставилъ присягнуть себѣ всѣхъ московскихъ бояръ; боярина же Ѳеодора Басенка, который „не восхотѣ служити ему", велѣлъ сковать и бросить въ тюрьму, откуда, впрочемъ, Басенокъ успѣлъ скоро убѣжать въ Литву. Малолѣтнихъ дѣтей Василія Васильевича спасъ отъ гибели князь Юрій Ряполовскій, который отправился съ ними и своими братьями, Семеномъ и Димитріемъ, въ Муромъ. Шемяка, опасаясь какихъ-либо нападеній на себя со стороны бояръ, окружавшихъ дѣтей Василія Васильевича, подослалъ къ нимъ митрополита Іону, который долженъ былъ убѣдить Ряполовскихъ и другихъ бояръ привезти дѣтей въ Москву. Но когда бояре, послушавши Іоны, прибыли съ дѣтьми и владыкой, Шемяка отослалъ всѣхъ ихъ въ ссылку къ отцу въ Угличъ. Князья Ряполовскіе, оскорбленные такимъ вѣроломнымъ поступкомъ съ ними Шемяки, „начаша мыслити, како бы князя великаго выняти". Къ нимъ пристало много другихъ московскихъ бояръ: князь Иванъ Васильевичъ Стрига, Иванъ Ощера съ братомъ, Бобромъ, Юшко Драница, Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно „и иные многіе дѣти боярскіе, дворовые великаго князя". Когда вѣсть о боярскомъ заговорѣ дошла до Шемяки, тотъ послалъ къ Угличу войско, которое и было разбито. Шемяка, видя то, что „про великаго князя мнози людіе отступаютъ отъ него, начатъ думати съ княземъ Иваномъ и съ владыками и съ боляры выпустити ли его или ни" [2]). Уступая просьбамъ митрополита Іоны, Шемяка рѣшился дать Василію Васильевичу въ удѣлъ

1—2) Воскр. л., II, 115 и 117—118 с.

Вологду, взявши съ него клятву „не искати подъ нимъ великаго княженія“. Услыхавши про освобожденіе великаго князя, московскіе бояре оставили Димитрія и ушли въ Вологду, а потомъ и Тверь, куда перебрался изъ Вологды Василій Васильевичъ, несчитавшій себя связаннымъ невольной клятвой, которую онъ далъ Шемякѣ. Къ Василію Васильевичу примкнулъ князь Василій Ярославовичъ вмѣстѣ съ московскими боярами, уже выступившими на защиту правъ великаго князя (Иванъ Стрига, Ощера, Басенокъ и др.). Воспользовавшись отсутствіемъ Шемяки изъ Москвы, Василій Васильевичъ „послалъ къ Москвѣ боярина своего Михаила Борисовича Плещеева „съ малыми зѣло людьми“, который и захватилъ ее. Послѣ этого Василій Васильевичъ отправился слѣдомъ за Шемякой, который убѣжалъ въ Каргополь, захвативъ съ собой мать великаго князя, Софью Витовтовну. Изъ Ярославля Василій Васильевичъ отправилъ къ Шемякѣ своего боярина, Василія Θеодоровича Кутузова съ просьбою отпустить его мать. „Князь же Димитрій, обдумавше съ бояры своими“, отпустилъ Софью Витовтовтовну вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, Михаиломъ Θеодоровичемъ Сабуровымъ и боярскими дѣтьми, которые всѣ и остались на службѣ князя[1]). Василій Васильевичъ укрѣпился на московскомъ престолѣ посредствомъ цѣлаго ряда договоровъ съ Шемякой, можайскими князьями и Василіемъ Ярославичемъ серпуховскимъ[2]). Димитрій Шемяка порывался было снова выступить противъ Василія Васильевича, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны московскихъ бояръ (при Костромѣ) и самого великаго князя (при Галичѣ)[3]). Послѣ своего послѣдняго пораженія при Устюгѣ Шемяка жилъ недолго; онъ умеръ въ 1454 г. въ Новгородѣ[4]). Союзники же Шемяки, можайскій и серпуховскій князья были лишены Василіемъ

1, 3 4) Воскр. л., II, 119—121, 122—123, 125 и 144 с. 2) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 63—75, 78—79.

Васильевичемъ своихъ удѣловъ, которые были присоединены имъ къ Москвѣ [1]). Василій Васильевичъ пріобрѣлъ значительное вліяніе на Новгородъ при помощи своихъ бояръ (Ивана Васильевича Оболенскаго Стриги, Басенка и др.), съ которыми онъ ходилъ на Новгородъ по смерти Шемяки. Новгородцы были разбиты при Русѣ Стригой и Басенкомъ. Великій князь, „послуша моленья новгородскаго архіепископа, Евфимія и братіи своей и бояръ“ заключилъ съ Новгородомъ миръ на тяжелыхъ для него условіяхъ [2]). Въ остальные годы своей жизни Василій Васильевичъ правилъ Москвой мирно съ помощью своего сына, Ивана и бояръ, сдѣлавшихъ такъ много при немъ для укрѣпленія Москвы и усиленія въ ней монархической власти [3]). Слѣпота Василія Васильевича не помѣшала ему отстаивать свои права на великое княженіе московское, въ чемъ ему усердно помогали, какъ мы видѣли, умные и рѣшительные бояре: князья Патрикѣевы, Ряполовскіе, Басенокъ и др. [4]).

Мы видимъ теперь, какъ много значили бояре въ Москвѣ въ первое время ея самостоятельной политической жизни. Съ самого возникновенія, и особенно въ теченіе всего дальнѣйшаго развитія московскаго княжества до времени Іоанна Васильевича III московскіе бояре руководили князьями и твердо и энергично отстаивали интересы Москвы въ ордѣ и при ея столкновеніяхъ съ удѣльными князьями. Мы знаемъ, что въ это первое время самостоятельности московскаго государства боярамъ принадлежало важное право участія въ *совѣтѣ* князя и въ управленіи государствомъ и посредничество въ спорахъ между московскими князьями и удѣльными, также какъ и право рѣшенія споровъ между боярами различныхъ княжествъ. Бояре сохранили за собою и право „отъѣзда“ отъ московскаго князя къ кому-либо изъ удѣль-

---

1—2) В. скр. л., II, 144 и 147 с. 3) Сергѣевичъ, 67—70 с. 4) Соловьевъ, IV, 53—122 с., Костомаровъ, I, 246 с.

ныхъ въ случаѣ неудовольствія или просто нежеланія служить великому князю. Причемъ князья, отъ которыхъ отъѣзжали бояре, обѣщались въ своихъ договорныхъ грамотахъ сохранять неприкосновеннымъ оставшееся послѣ нихъ имущество (вотчины, селы и дома), судить и брать съ пріѣхавшихъ на службу бояръ „дань“ такую же, какъ и съ своихъ. Бояре широко пользовались всѣми этими правами, поощряемые самими московскими князьями, нуждавшимися въ службѣ большаго ихъ числа для усиленія Москвы. Если мы теперь припомнимъ, что бояре пользовались своими важными политическими правами еще ранѣе возникновенія Москвы, гдѣ эти права были признаны и сохранены за ними даже до времени Ивана Васильевича Грознаго [1]), предпринявшаго рѣшительную борьбу съ боярами изъ за политическаго преобладанія въ странѣ, то мы вправѣ утверждать, что это ихъ преобладаніе въ управленіи существовало въ теченіе всего удѣльно-вѣчеваго періода русской исторіи и сообщало ему аристократическій характеръ. Въ особенности это можно сказать о второй половинѣ удѣльной эпохи,—времени возникновенія и развитія московскаго княжества (XIII—XV ст.), когда бояре постепенно складываются въ богатый землевладѣльческій классъ, пріобрѣтаютъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими классами русскаго общества и принимаютъ видное участіе въ созданіи и управленіи всѣми дѣлами московскаго государства. Политическое значеніе бояръ должно было усилиться въ Москвѣ, отчасти, вслѣдствіе нашествія на Русь татаръ, благодаря которому прекратились древне-русскія народныя собранія, существовавшія на Руси еще до призванія князей, какъ само-

1) Въ послѣдней договорной грамотѣ между Василіемъ Ивановичемъ (1531 г.) и его братомъ еще предоставляется „боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и слугамъ вольнымъ воля“ и содержится обѣщаніе „блюсти“ чужихъ бояръ, какъ и своихъ, и не стѣснять ихъ въ выборѣ службы князю: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, съ тѣмъ ему ѣхати, которому служитъ“ (Собр. гос. гр. и дог., I №№ 160 и 161).

стоятельный органъ государственной власти, первоначальная форма древне-русскаго политическаго быта [1]). При господствѣ татаръ надъ Русью народъ не могъ сопротивляться преобладающей силѣ татаръ и рѣшать самостоятельно общественныя дѣла, а долженъ былъ молчаливо исполнять волю завоевателей и подчиняться возрастающей постепенно власти московскихъ князей. Кромѣ того, народъ не могъ собираться на вѣча при страшномъ опустошеніи всей страны татарами и періодическихъ ихъ нашествіяхъ на Русь, когда каждому приходилось думать только о своемъ спасеніи, а не объ общественныхъ дѣлахъ [2]). На сѣверѣ Руси (въ Новгородѣ и Псковѣ) вѣче продолжало существовать до начала XVI ст. и здѣсь ему должны были подчиняться князь и бояре, между тѣмъ какъ въ южной, кіевской Руси вѣче не имѣло опредѣленнаго и устойчиваго характера даже въ пору своего здѣсь существованія (до нашествія татаръ) [3]). Мы видѣли, какую важную роль играла дружина въ кіевской Руси: князья здѣсь должны были сообразоваться съ мнѣніемъ своихъ дружинниковъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ управленія подъ опасеніемъ неудачи своихъ плановъ въ случаѣ игнорированія ими мнѣнія дружины. Вліяніе ея увеличивалось еще и тѣмъ, что вѣча въ кіевской Руси собирались сравнительно рѣдко [4]) и притомъ въ числѣ народныхъ собраній было нѣсколько такихъ, которыя имѣли характеръ скорѣе засѣданій боярской думы, нежели вѣча. Таковы были совѣщанія Владиміра (983 г.) съ городскими старѣйшинами и боярами о принесеніи жертвы идоламъ и о принятіи христіанской вѣры (987 г.): въ этихъ собраніяхъ „людіе“ только выслушивали мнѣнія князя и лучшихъ бояръ, а въ первомъ еще

1) Сергѣевичъ: „Вѣче и князь“, 1 и 66 с., В.-Будановъ, 48—50 с., Б.-Руминъ, I, 206 с. 2) Сергѣевичъ, ibidem, 21 с, Загоскинъ: „Очеркъ организаціи московскаго служилаго сословія“, 62 с., „Исторія права моск. государства“, 16 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 310 с. 3) Латкинъ, 4—7 с., Бѣловъ, 75 с. 4) Бѣловъ, 76—77 с.

исполнили ихъ рѣшеніе. Можно предположить, что на усиленіе дружиннаго элемента въ кіевской Руси имѣли вліяніе сношенія кіевской дружины съ галицкими боярами, которые сильно ограничивали власть своихъ князей [1]). Какъ бы то ни было даже и немногочисленныя кіевскія вѣча должны были до извѣстной степени ограничивать политическую силу дружины своимъ участіемъ въ управленіи (призваніи князя и рядѣ съ нимъ, въ внѣшнихъ сношеніяхъ и пр.) [2]), хотя и не такимъ обширнымъ и опредѣленнымъ, какимъ пользовалось вѣче въ Новгородѣ и Псковѣ [3]). Съ нашествіемъ татаръ, опустошившихъ кіевскую Русь и подчинившихъ себѣ все ея населеніе, государственная жизнь переходитъ съ юга на сѣверъ Руси, въ ростовско-суздальскую волость, гдѣ и образуется московское княжество. Почти съ перваго момента возникновенія Москвы въ ней начинаетъ складываться сильная монархическая власть московскихъ князей, благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ обстоятельствъ.

Съ самого начала основанія Руси были принесены въ нее греческимъ духовенствомъ вмѣстѣ съ христіанской вѣрой и византійскія теократическія воззрѣнія на высшую, верховную власть князя. Идея о самодержавіи проявилась впервые въ опредѣленной формѣ въ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, желавшаго „быти единымъ властелемъ всея русскія земли". Московскіе князья поспѣшили на первыхъ же порахъ самостоятельной жизни московскаго княжества вступить въ союзъ съ духовенствомъ и сдѣлать изъ Москвы центръ религіозно-нравственной жизни для всей Руси: князья хорошо сознавали всю важность для развитія ихъ власти проводимаго въ проповѣдяхъ духовенствомъ взгляда на ихъ княжескую власть, какъ на божественное учрежденіе. Поэтому уже при Иванѣ Даниловичѣ митрополичья кафедра переносится изъ Владиміра въ Москву. Ожиданія и надежды московскаго

---

1) См. ниже. 2—3) Сергѣевичъ, 66—85 с., Латкинъ, ibidem.

князя скоро оправдались. Митрополиты: Петръ, Алексѣй, Іона и ихъ преемники дѣятельно помогаютъ московскимъ князьямъ въ достиженіи ими единодержавія на Руси, путешествуютъ въ орду для того, чтобы отстоять тамъ ихъ интересы, и становятся на сторону московскихъ князей при ихъ столкновеніяхъ съ удѣльными князьями и непокорнымъ населеніемъ. Власть московскихъ князей должна была усилиться и вслѣдствіе завоеванія Руси татарами: въ это время пала самостоятельность земщины и ея органа—вѣча и московскій князь сдѣлался посредникомъ между ханомъ и русскими удѣльными князьями. Московскіе князья, отличавшіеся особеннымъ тактомъ, ловкостью и изворотливостью въ своихъ сношеніяхъ съ ордой, умѣли воспользоваться почти безпрерывными безпорядками въ ордѣ и соперничествомъ разныхъ претендентовъ на ханскій престолъ для того, чтобы взять верхъ надъ другими удѣльными князьями (въ особенности тверскимъ) и подчинить ихъ Москвѣ, какъ великому и главнѣйшему русскому княженію. Въ этомъ случаѣ много помогалъ московскимъ князьямъ постепенно установившійся обычай сбора дани (ордынскаго выхода) со всѣхъ удѣльныхъ князей московскими князьями, которые выговаривали себѣ это право въ договорахъ съ ними [1]). Собирая дань для хана, московскіе князья брали ее въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько сами отвозили въ орду, и употребляли остатки на покупку городовъ, селъ и земель у сосѣднихъ удѣльныхъ князей. Свои „прикупки" и „промысли" московскія князья обыкновенно передавали членамъ своей же семьи [2]). Это обогащеніе московскихъ князей способствовало усиленію политическаго ихъ могущества и преобладанію ихъ надъ остальными удѣльными князьями [3]). Но эта цѣль не могла бы быть

---

1) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 27, 33, 49, 50, 52, 53—59 и др. 2) №№ 30, 34, 42, 86, 87 и др.; ср., Соловьевъ, IV, 35 стр. и сл. 3) Въ договорахъ между московскими и удѣльными князьями обыкновенно послѣдніе обязывались

такъ скоро и полно достигнута, если бы московскимъ князьямъ не оказали энергичной помощи московскіе бояре, личные разсчеты которыхъ совпадали съ централизаціонной политикой московскихъ князей. Служба у богатаго московскаго князя, который могъ надѣлять ихъ большимъ имуществомъ и лучше другихъ удѣльныхъ князей могъ охранить его и личность самихъ бояръ отъ татарскаго произвола, представлялась имъ выгодною во всѣхъ отношеніяхъ. Отсюда понятно, почему въ Москву стекались бояре изъ всѣхъ частей Руси: здѣсь они надѣялись пріобрѣсти вліяніе при дворѣ великихъ московскихъ князей, щедро жаловавшихъ знатнымъ пришельцамъ разнаго рода льготы и преимущества [2]). Наплывъ въ Москву бояръ изъ разныхъ княженій начинается со времени Ивана Даниловича, при которомъ прибылъ изъ Кіева (въ 1332) въ Москву бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ своими сыновьями и огромной свитой. При Димитріи Ивановичѣ явился съ юга же бояринъ Димитрій Боброкъ, при Василіи Васильевичѣ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевъ и т. д. Въ тоже время совершается постоянный притокъ въ среду московскихъ бояръ другихъ иностранныхъ аристократическихъ элементовъ (знатныхъ фамилій,—татарскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и др. [3]). Знатные выходцы съ юга и изъ разныхъ сосѣднихъ странъ, являясь въ Москву, находили здѣсь себѣ соперниковъ въ боярахъ, занимавшихъ первыя мѣста при дворѣ великаго князя. Новые бояре, понятно, не желали мириться съ тѣмъ, чтобы быть на службѣ князя ниже этихъ старыхъ московскихъ бояръ и рѣшались вступить къ нему на службу только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы князь далъ имъ такое же высокое

„держати честно и грозно великое московское княженіе“ (Собр. гр. и дог., I, №№ 27, 61, 64, 66, 69, 70 и др.), т. е., признавать высшій авторитетъ московскаго князя. 1) Соловьевъ, IV, 132—135 с., Б.-Рюминъ, I, 387—391 с., Загоскинъ, „Исторія права московскаго государства“, I, 11—25 с. 2) Загоскинъ, Очеркъ etc., 124 с. и сл., Яблочковъ, 76—79 с.

мѣсто при своемъ дворѣ, какое имѣли при немъ и другіе знатные бояре. Но чтобы удовлетворить эту претензію пришлыхъ бояръ, услугъ которыхъ московскій князь не хотѣлъ лишаться, онъ долженъ былъ сначала лишить высокаго мѣста при дворѣ соперника пріѣхавшаго боярина, понизить его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ тѣхъ бояръ, которые находились подъ нимъ. Подобный способъ обезпеченія преобладанія при дворѣ и въ управленіи пріѣхавшимъ въ Москву боярамъ на счетъ бояръ московскихъ назывался „заѣздомъ". Такъ упомянутый не разъ бояринъ Родіонъ Несторовичъ „заѣхалъ" при Иванѣ Даниловичѣ боярина Іакинфа Шубу, который поспѣшилъ отъѣхать къ младшему тверскому князю и былъ потомъ убитъ своимъ соперникомъ. Въ это время еще можно было мѣнять Москву на Тверь, такъ какъ Москва еще не была такъ сильна и богата, какъ впослѣдствіи. Но потомъ, когда Москва взяла явный перевѣсъ надъ другими удѣльными княжествами и боярскіе роды обжились въ ней, имъ стало невыгодно отъѣзжать изъ Москвы и они соглашались лучше уступить свое мѣсто заѣхавшему ихъ пришельцу, чѣмъ оставить Москву. Такъ при Димитріи Донскомъ бояринъ Димитрій Михайловичъ Боброкъ заѣхалъ Тимофея Васильевича Вельяминова, который уступилъ ему свое мѣсто. При Василіи Димитріевичѣ князь Юрій Патрикѣевъ заѣхалъ нѣсколькихъ бояръ (Шею, Голтяя и др.) и занялъ высшее мѣсто при дворѣ, породнившись съ великимъ княземъ [1]). Московскіе князья охотно допускали подобные заѣзды однихъ бояръ другими—выходцами, которые потомъ становились преданными имъ людьми. Заѣзды эти были выгодны московскимъ князьямъ, увеличивали ихъ власть, такъ какъ они вносили зависть и раздоры въ среду боярства и препятствовали образованію изъ него крѣпко сплоченнаго и

---

1) Соловьевъ, IV, 196—197 с., Бѣляевъ, Лекціи etc., 305 с., Яблочковъ, 91 с.

могущественнаго сословія. Раздоры между боярами усилились еще болѣе при послѣдующемъ увеличеніи заѣздовъ бояръ удѣльными князьями, переходившими на службу московскихъ князей послѣ присоединенія ихъ удѣловъ къ Москвѣ. Заѣзды бояръ другъ другомъ положили начало ихъ родовымъ счетамъ и борьбѣ изъ за первенства на службѣ у московскаго князя и породили *мѣстничество*[1]), которое поддерживало среди бояръ безпрерывную вражду, разъединяло между собою членовъ боярскаго сословія, развивало въ нихъ личные, эгоистическіе разсчеты и тѣмъ подрывало соціально-политическое значеніе боярства, какъ одного корпоративнаго цѣлаго. Приливъ въ Москву Рюриковичей и литовскихъ князей (Гедиминовичей) особенно сталъ замѣтнымъ со времени Василія Васильевича Темнаго[2]). Политическая сила бояръ, которую они успѣли тогда пріобрѣсти, ослаблялась еще вліяніемъ московскихъ митрополитовъ, поддерживавшихъ своею дѣятельностью власть московскихъ князей[3]). Сами московскіе князья спѣшатъ закрѣпить свою единодержавную власть на Руси такой организаціей служилаго сословія, которая совершается, съ одной стороны, приниженіемъ правъ бояръ, какъ членовъ самостоятельнаго сословія, а съ другой постепеннымъ возвышеніемъ правъ дворянъ[4]).

Ослабленіе политическаго значенія боярства достигается мудро разсчитанной и настойчиво проводимой, объединительной политикой московскихъ князей, стремившихся къ тому, чтобы усилить свою власть на счетъ удѣльныхъ князей и всѣхъ служилыхъ людей. Удѣльные князья, переходившіе на службу московскихъ, становились въ ряды бояръ, занимали высшее среди нихъ мѣсто; но они не смѣшались сразу съ боярами, а сохранили за собою нѣкоторыя владѣльческія права, идущія въ разрѣзъ съ политическими стремленіями

---

1) В.-Будановъ, 123 с., Бѣляевъ, ibidem. 2) Бѣловъ, 91, 96 с. 3) Бѣловъ, 93 с. 4) В.-Будановъ, 117 с.

московскихъ князей [1]). Поэтому въ Москвѣ рано (со времени Василія Васильевича—съ 1428 г.) появляется взглядъ, что необходимо ограничить полное право удѣльныхъ князей распоряженія своими вотчинами, не позволять имъ переходить съ своими вотчинами на службу къ другимъ удѣльнымъ князьямъ. Этотъ взглядъ московскихъ князей выразился въ договорныхъ ихъ грамотахъ съ удѣльными князьями въ условіи, которое должны были соблюдать обѣ стороны: „а князей ти моихъ служебныхъ себѣ не принимати, а которые имутъ тобѣ служити и имъ въ вотчину въ свою не вступатися“ [2]). Слѣдовательно, отъѣзжать съ вотчинами къ другимъ князьямъ позволялось только простымъ боярамъ, которые сохранили это право до смерти Іоанна Васильевича III. Въ его духовномъ завѣщаніи (1504 г.) мы находимъ отмѣну этого права по отношенію къ ярославскимъ боярамъ: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и куплями отъ моего сына, сказано въ завѣщаніи, никуда не отъѣхати, а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается“ [3]). Вѣрные своей объединительной политикѣ, московскіе князья стараются ограничить право отъѣзда всѣхъ служилыхъ людей съ самого начала образованіи московскаго княжества [4]), хотя ихъ стремленія долго разбивались объ упорство бояръ, стойко отстаивавшихъ это свое право. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на первыхъ порахъ было въ интересахъ Москвы сохранить за служилыми людьми право свободнаго отъѣзда: московскіе князья сильно нуждались въ безпрерывномъ притокѣ въ Москву свѣжихъ силъ, новыхъ служилыхъ людей, такъ дѣятельно помогавшихъ усиленію власти Москвы надъ удѣльными князьями и ордой [5]). Съ ослабленіемъ и совер-

---

1) В.-Будановъ, 117—118 с., Загоскинъ, 71 с. 2) Собр. гос. гр. и дог., I, №№ 43, 44, 49, 50, 52, 53—59 и др. 3) № 144. 4—5) М. Дьяконовъ: „Власть московскихъ государей“, Спб., 1889, 171 с. и сл. и 172 с.

шеннымъ сверженіемъ татарскаго ига, также какъ и уничтоженіемъ послѣдняго удѣла Верейскаго князя при Иванѣ Васильевичѣ III [1]) должно было исчезнуть и право перехода бояръ къ удѣльнымъ князьямъ. Для отъѣздовъ бояръ оставалась одна только Литва,—государство иновѣрное и враждебное Москвѣ, которая стала смотрѣть теперь на переходъ московскихъ бояръ къ литовскому князю, какъ на измѣну. Поэтому при Иванѣ Васильевичѣ встрѣчается первый примѣръ клятвенной записи князя Даніила Димитріевича Холмскаго, который даетъ обѣщаніе (1474) великому князю: „не отъѣхати отъ своего Осподаря, отъ великаго князя Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей къ иному ни къ кому“ [2]). Служилые князья и бояре прикрѣплялись къ мѣсту налагаемою на нихъ въ Москвѣ обязанностью нести военную службу въ силу владѣнія вотчинами, своими и жалуемыми князьями. И служебные князья, и бояре не могли покупать земли другъ у друга въ удѣлахъ въ виду того, чтобы земля не потеряла своей служебной силы [3]).

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ правъ служилыхъ князей и ихъ приравненіемъ къ остальнымъ служилымъ людямъ московскихъ князей ими предпринимается расширеніе правительственнаго значенія дворянъ, находившихся на службѣ у московскихъ князей. Дворянами назывались со времени Андрея Боголюбскаго лица, принадлежавшія къ низшему классу придворныхъ чиновъ [4]). Дворяне обозначались въ княжескихъ договорахъ, какъ вольные слуги и слуги подъ дворскимъ; первые были лично свободными людьми, пользовавшимися правомъ свободнаго отъѣзда отъ одного князя къ другому наравнѣ съ боярами и боярскими дѣтьми: „а боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“, говорилось въ договорахъ. Слуги, подчиненные дворскому, были

---

1) Соловьевъ, V, 107—108 и 64—67 с., Собр. гос. гр. и дог., I, № 121. 2) № 103., 3) Загоскинъ, 64—67 с., 4) Соловьевъ, I, 248, II, 262 с.

несвободны лично и не имѣли права отъѣзда: „а боярамъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А кто будетъ подъ дворскимъ, слугъ тѣхъ дѣти мои (Василія Димитріевича) промежи себе не принимаютъ“ [1]. Дворяне получали за свою невольную службу при дворѣ во владѣніе наравнѣ съ боярами *помѣстья* еще со времени Ивана Даниловича, въ духовномъ завѣщаніи котораго упоминается о первомъ русскомъ помѣщикѣ, Борискѣ Ворчковѣ, которому князь пожаловалъ на помѣстномъ правѣ село Богородское въ Ростовѣ [2]. По мѣрѣ увеличенія имущественныхъ правъ дворянъ возникаетъ и ихъ личная свобода, пока, наконецъ, они не сливаются (при Іоаннѣ Грозномъ) вмѣстѣ съ боярами въ одно служилое сословіе московскаго государства. Но составляло ли боярство уже въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи самостоятельное сословіе съ характерными признаками этой общественной группы: опредѣленной, привиллегированной и наслѣдственной, профессіей, признанной со стороны государства за ея корпоративное право [3]? Отъ того или другаго отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и рѣшеніе другаго, можно ли назвать удѣльно-вѣчевой періодъ аристократическимъ, или же уже тогда на Руси появилась чистая, неограниченная монархія? Отвѣчать на всѣ эти важные вопросы можно только послѣ предварительнаго, но необходимаго замѣчанія, что къ изученію первоначальнаго періода исторической жизни у каждаго народа невозможно примѣнять тѣже взгляды и термины, которые составляютъ достояніе эпохъ съ болѣе развитой культурой. Въ первое время исторической жизни общества трудно уловить систематическое развитіе одного начала, указать на опредѣленныя юридическія и политическія формы первоначальнаго общества; здѣсь въ одно и тоже время возникаютъ, смѣ-

1) Собр. гр. и дог., I, № 40. 2) № 22. 3) В.-Будановъ: „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка“. Ярославль, 1874, 90—93 с., Bluntschli: „Allgemeines Staatsrecht“, 4 Auflage, 102—103 s. und folg. и 182 s.

шиваются и переплетаются другъ съ другомъ самые разнообразные принципы, изъ совмѣстнаго существованія въ жизни и взаимныхъ столкновеній которыхъ вырабатываются впослѣдствіи опредѣленныя общественныя учрежденія. Чистая монархія съ ея юридически опредѣленною, единоличною и неограниченною властью появляется у насъ только со времени Петра I, хотя процессъ образованія этой формы политическаго быта начался еще съ самого перваго времени основанія московскаго княжества [1]); только она не успѣла еще сложиться въ московскомъ государствѣ [2]). Въ первоначальный же, удѣльный періодъ русской исторіи, когда вся общественная жизнь отличалась отсутствіемъ юридической правильности [3]), рядомъ съ монархическимъ началомъ существовали и власть вѣча въ южной Руси и на ея сѣверѣ (въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ), и власть дружины, бояръ, слѣдовательно, какъ демократическое, такъ и аристократическое начало. Вліяніе вѣча на жизнь московскаго государства парализовалось нашествіемъ татаръ на Русь, уничтожившимъ самостоятельность общинной жизни въ русской землѣ. Но боярство перешло съ юга на сѣверъ Россіи съ такими же правами, какими оно обладало въ кіевской Руси. Не смотря на то вліяніе на управленіе, какое дружина имѣла въ теченіе кіевскаго періода, она не могла образовать въ это время единой и прочной корпораціи вслѣдствіе разнородности своего состава, отсутствія осѣдлости, постоянныхъ отъѣздовъ отъ одного князя къ другому и извѣстнаго вліянія вѣча и князя на все управленіе [4]). На сѣверѣ Руси, въ ростовской землѣ бояре принимаютъ рѣшительное участіе въ борьбѣ старыхъ городовъ съ ихъ пригородами и съ такими политическими традиціями переходятъ на службу къ московскимъ князьямъ. Во всю первую половину его образованія и вторую—удѣльнаго періода мы замѣ-

---

1) Латкинъ, 5—7 с. 2) Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 702 с. 3) Б.-Рюминъ, I, 206 с. 4) В.-Будановъ, ibidem, 31—33 с.

чаемъ два процесса, совершающихся параллельно: рядомъ съ постепенно усиливающеюся властью московскихъ государей развивается политическая сила московскаго боярства, представлявшаго собою группу богатыхъ землевладѣльцевъ, которые обладали такими важными правительственными правами, какъ *неотъемлемое* отъ бояръ право совѣщаній и участія съ княземъ въ дѣлахъ управленія, право свободнаго отъѣзда и — посредничества въ междукняжескихъ столкновеніяхъ. Но процессъ развитія власти московскихъ князей шелъ быстрѣе процесса образованія самостоятельнаго боярскаго сословія съ опредѣленными корпоративными правами. Первый изъ нихъ парализовалъ послѣдній. Но прежде, однако, чѣмъ произошла побѣда монархическаго начала надъ аристократическимъ въ московскомъ государствѣ, боярство было долго дѣйствительной политической силой, которую не могли игнорировать ни кіевскіе князья, ни московскіе. Мы знаемъ, какъ бояре въ кіевской Руси напоминали при случаѣ князю о томъ, что онъ не можетъ безъ ихъ совѣта и согласія ничего „ни замыслити, ни сотворити“, и отказывались участвовать въ предпріятіяхъ, затѣянныхъ безъ предварительныхъ совѣщаній съ ними. Каждому также бросается въ глаза несомнѣнный фактъ безчисленныхъ *совѣщаній* съ боярами о дѣлахъ управленія князей кіевскихъ и первыхъ московскихъ, свѣдѣніями о которыхъ испещрены многочисленныя страницы лѣтописей. Исторія дѣятельности первыхъ московскихъ князей полна фактами виднаго участія бояръ въ управленіи и образованіи московскаго княжества при продолжительномъ сохраненіи права свободной, необязательной службы бояръ московскому князю. Если теперь мы обратимъ вниманіе на то, что общественная жизнь московскаго государства регулировалась, въ особенности на первыхъ порахъ, нормами обычнаго права („пошлиной“, „стариной“) [1]), дѣй-

---

1) Сергѣевичъ: „Опыты изслѣдованія обычнаго права“. Наблюдатель, 1882, 1—2 кн.

ствіе котораго не зависитъ ни отъ уставовъ, ни отъ регламентовъ [1]), то мы вправѣ заключить, что московскому боярству дѣйствительно принадлежала не одна только важная фактическая, но и значительная юридическая роль въ управленіи московскимъ государствомъ. Для такого ихъ господства здѣсь не было недостатка даже въ формальномъ признаніи правительственныхъ правъ бояръ московскими князьями, которое заключалось въ междукняжескихъ договорахъ. Политическое значеніе боярства ослаблялось централизаціонной политикой московскихъ князей, но оно исчезало только постепенно: слѣды когда-то могущественнаго значенія бояръ встрѣчаются не только въ началѣ собственно московскаго періода (съ Іоанна Васильевича III), но заходятъ далеко и въ императорскій періодъ русской исторіи. Вслѣдствіе безпрерывно развивающейся власти московскихъ великихъ князей, благодаря цѣлому ряду благопріятныхъ обстоятельствъ, и, между прочимъ, настойчиво и послѣдовательно преслѣдуемому ими плану лишить бояръ всѣхъ ихъ политическихъ правъ и обратить ихъ только въ *служилое сословіе*, московскіе бояре не могли сложиться въ самостоятельное, независимое сословіе, обладающее исключительнымъ вліяніемъ на все управленіе. Тѣмъ не менѣе можно утверждать, что въ удѣльный періодъ было много данныхъ для образованія изъ бояръ сословія съ самостоятельнымъ политическимъ значеніемъ. Московское боярство было близко къ тому, чтобы сдѣлаться въ московскомъ государствѣ необходимымъ и самостоятельнымъ факторомъ всего управленія. Право участія въ немъ принадлежало всѣмъ боярамъ и было признано московскими князьями за всѣми членами боярскихъ родовъ, какъ скоро они поступали къ нимъ на службу. Только бояре могли переходить съ своими вотчинами отъ одного князя къ другому, хотя въ тоже время

---

1) В.-Будановъ, Рецензія на соч. Ключевскаго и Загоскина, 118 с.

московскіе князья рано устанавливаютъ ограниченія въ этомъ отношеніи для служилыхъ (удѣльныхъ) князей. Только бояре имѣли независимое право собственности, право владѣть вотчинами, своими и пожалованными имъ княземъ съ обязательствомъ отправлять службу государеву; въ своихъ вотчинахъ бояре пользовались многими правами самостоятельнаго управленія и суда надъ ихъ населеніемъ [1]). Бояре же издавна получали отъ московскихъ князей въ кормленіе города и волости съ судомъ и данью [2]),—право, признанное за ними также въ договорахъ [3]). Наконецъ, только бояре содержали свои дворы (дружины) и были необходимыми посредниками въ спорахъ между князьями. Сами бояре хорошо понимали всю важность своихъ сословныхъ, политическихъ правъ, крѣпко держались за нихъ и упорно и долго отстаивали ихъ впослѣдствіи, какъ это доказываетъ ожесточенная борьба съ боярскимъ сословіемъ Іоанна Грознаго, сломившаго политическую силу бояръ, но не уничтожившаго окончательно властолюбивыя ихъ притязанія. Эти послѣднія оживали не разъ послѣ Грознаго при всякаго рода благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ критическія эпохи русской исторіи, когда монархическая власть русскихъ государей ослабѣвала. Въ такія времена бояре спѣшили захватить въ свои руки все управленіе государствомъ, которое, однако, они не могли удержать въ нихъ послѣ того, какъ прекращалась въ государствѣ смута и на русскій престолъ снова всходилъ монархъ, начинавшій управлять Россіей со всею полнотою и неограниченностью своей власти. Такую продолжительную живучесть боярскихъ притязаній на исключительное значеніе въ управленіи трудно объяснить, не имѣя въ виду факта дѣйствительнаго преобладанія въ управленіи бояръ въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исто-

1—2) В.-Будановъ: „Обзоръ исторіи русскага права“, 11 с. 3) Собр. гос. гр. и дог., I, № 27.

ріи, когда они имѣли и самостоятельный органъ своей власти въ видѣ *боярской думы*.

Боярская дума была въ древней Руси высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, соціально-политическое значеніе котораго связывалось съ исторіей образованія боярскаго сословія, всѣми измѣненіями въ его составѣ и отношеніемъ его къ власти князей, также какъ и съ развитіемъ княжеской власти въ московскомъ государствѣ. Конечно, трудно опредѣлить точнымъ образомъ взаимное отношеніе боярской думы къ другимъ элементамъ власти въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи, особенно же во вторую его половину, когда на ряду съ образованіемъ самостоятельнаго боярскаго сословія совершался въ московскомъ княжествѣ процессъ развитія монархической власти московскихъ великихъ князей, парализовавшій во многомъ превращеніе боярства въ замкнутое отъ остальнаго населенія сословіе. Разрѣшеніе даннаго вопроса усложняется еще свойственнымъ первоначальной эпохѣ жизни всякаго, а также и русскаго общества отсутствіемъ опредѣленныхъ формъ соціальнаго и политическаго быта. Мы можемъ только указать на разницу въ политическомъ значеніи боярской думы въ кіевской Руси и первое время существованія московскаго государства (до начала XVI ст.): на югѣ боярская дума была земскимъ совѣтомъ лучшихъ людей каждой волости, рѣшавшихъ съ княземъ всѣ дѣла управленія [1]). Въ сѣверной, московской Руси боярская дума сдѣлалась органомъ княжеской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ боярскаго сословія, дѣйствовавшаго заодно съ московскими князьями и пріобрѣтшаго при усиленіи ихъ власти богатство и могущество въ государствѣ [2]). Но какъ въ кіевской Руси, такъ и московскомъ государствѣ боярская дума имѣла опредѣленный составъ и функціи, по крайней

1—2) В.-Будановъ, ibidem, 43 и 155—156 с.

мѣрѣ, на сколько это можно сказать на основаніи лѣтописныхъ данныхъ. Обыкновенно лицами, участвовавшими въ засѣданіяхъ боярской думы были старшіе дружинники—мужи и бояре [1]). Лѣтописецъ считаетъ ненормальными совѣщанія князей не съ боярами, а съ младшими дружинниками. Такъ онъ осуждаетъ кіевскаго князя, Всеволода за то, что онъ, состарившись, „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними“ [2]). Лѣтописецъ отмѣчаетъ также случай, когда Святославъ Всеволодовичъ нападаетъ на Давыда Ростиславича, „сдумавъ съ княгиней своей и съ Кочькаремъ милостьникомъ [3]) своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“ [4]). Кромѣ бояръ—дружинниковъ въ боярской думѣ кіевскаго князя участвовали „старцы градскіе“, городскіе старѣйшины (земскіе бояре) [5]). Во всѣхъ совѣщаніяхъ Владиміра Святаго съ своей дружиной мы встрѣчаемъ этихъ „градскихъ старцевъ“ [6]). Городскіе старѣйшины исчезаютъ изъ боярской думы въ XI столѣтіи, когда они сливаются въ одну группу вмѣстѣ съ дружинниками—служилыми боярами [7]). Третьимъ элементомъ въ составѣ боярской думы были епископы и игумены въ кіевской Руси, митрополиты въ московскомъ государствѣ. Епископы сначала совѣтуютъ Св. Владиміру отмѣнить виры и казнить разбойниковъ, а потомъ съ старцами даютъ противоположный совѣтъ [8]), очевидно, подчиняясь ихъ вліянію. Олегъ Черниговскій по требованію Владиміра Мономаха и Святополка долженъ былъ „порядъ положить о русстѣй землѣ предъ епископы, игумены, мужи и людьми градскими“ [9]). Кіевскій митрополитъ и всѣ игу-

---

1) Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 382 с., Соловьевъ, I, 247 с, III, 17 с. и IV, 197 с., В.-Будановъ, 44 с, Загоскинъ: „Дума боярская“, 9 с., Ключевскій, 13 с., Б.-Рюминъ, I, 445 с., Иловайскій, I, 298 с., Яблочковъ, 44 с. 2) Лавр., 93 с. 3) Милостники были ближайшіе бояре князя, пользовавшіеся особеннымъ его довѣріемъ (Загоскинъ, Очеркъ etc., 41—42 с.). 4) Ипат., 122 с. 5) В.-Будановъ, Рецензія etc., 117 с. 6) См. выше. 7) Ключевскій, 50 с., В.-Будановъ, ibidem. 8—9) Лавр., 54 и 98 с.

мены посовѣтовали князю Юрію (1157 г.) отпустить отъ себя, освободить князя Ивана Ростиславича (Берладника), котораго онъ привелъ изъ Суздаля въ Кіевъ въ оковахъ [1]). Мы уже видѣли, что бояре участвовали при изданіи Русской Правды при Ярославѣ I, его сыновьяхъ и внукахъ. Иногда происходили соединенныя засѣданія боярскихъ совѣтовъ двухъ князей. Такъ, напр., было при совѣщаніяхъ Владиміра и Святополка съ своими дружинами относительно похода на половцевъ [2]). Бояре же участвовали въ рѣшеніи дѣлъ на княжескомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ. Составъ боярской думы на сѣверѣ Руси сдѣлался болѣе постояннымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ на югѣ: дружина на сѣверѣ пріобрѣтаетъ постепенно осѣдлость сначала въ ростовско-суздальской волости, а потомъ въ московскомъ государствѣ. Кромѣ того, сѣверные князья, особенно первые московскіе, укрѣпляя за собою и своимъ потомствомъ извѣстныя, опредѣленныя волости на счетъ сосѣднихъ земель, управляли своими волостями на вотчинномъ правѣ, между тѣмъ какъ князья кіевской Руси, которые всѣ стремились къ добыванію старшаго здѣсь стола— кіевскаго княженія, переходили постоянно съ своими дружинами изъ одного города въ другой [3]), оберегая въ тоже время русскую землю отъ нашествія „поганыхъ" [4]). Въ силу такой особенности въ характерѣ дѣятельности московскихъ великихъ князей боярская дума удѣльнаго періода состояла изъ знатнѣйшихъ лицъ, которымъ князь довѣрялъ управленіе отдѣльными частями дворцоваго хозяйства,—введенныхъ бояръ [5]). Дума засѣдала при князѣ каждый день поутру, какъ это видно изъ поученія Мономаха своимъ дѣтямъ, а также изъ сказанія о жизни Св. Ѳеодосія Печерскаго, гдѣ говорится, что онъ однажды на зарѣ встрѣтилъ бояръ, ѣдущихъ къ князю на думу [6]). Въ дѣятельности боярской думы въ древней Руси

1) Ипат., 80—81 с. 2) Лавр., 118 с. 3) Градовскій: „Политика, исторія и администрація", Спб., 1871, 82 с. 4—5) Ключевскій, 75 и 131 с. и сл. 8) Б.-Рюминъ, I, 204 с.

необходимо отличать нѣсколько эпохъ. Сначала (IX—X в.) боярская дума еще сливается съ вѣчемъ, какъ это доказывается многими случаями такого соединенія совѣщаній князя съ боярами и всѣми остальными городскими жителями при Св. Владимірѣ. Такъ онъ созвалъ для совѣщанія о перемѣнѣ вѣры бояръ, старцевъ и *людей*; когда бояре и старцы предложили послать мудрыхъ мужей къ различнымъ народамъ для испытанія у нихъ вѣры, „и бысть люба рѣчь ихъ князю и всѣмъ *людемъ*“ [1]). Владиміръ созывалъ на пиры и вмѣстѣ съ тѣмъ на совѣщанія вмѣстѣ съ старцами и боярами и всѣхъ кіевлянъ: „се же паки творяще *людемъ* своимъ по вся недѣли устави пиръ творити и приходити“... [2]). Послѣ побѣды Владиміра надъ ятвягами (983 г.) было рѣшено имъ вмѣстѣ съ старцами и боярами принести жертву языческимъ богамъ, но когда варягъ-христіанинъ, на сына котораго палъ жребій, отказался выдать его посланнымъ, „людіе“ напали на ослушника толпою „и посѣкоша сѣни подъ нима и тако побиша я“ [3]). На вѣчѣ въ Бѣлгородѣ (997 г.), на которомъ было рѣшено сдаться Печенѣгамъ, осадившимъ городъ, одинъ старецъ, небывшій на вѣчѣ, предложилъ созвать на него всѣхъ городскихъ старѣйшинъ и употребить хитрость для того, чтобы отвратить опасность нашествія враговъ, что и удалось [4]). Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ призывали Олега Черниговскаго „положить порядъ о русстѣй земли“ предъ духовенствомъ, боярами и „*людьми градскими*“ [5]). Въ XI—XIII ст. кіевская боярская дума, состоявшая теперь изъ князя и его дружинниковъ [6]), отдѣляется отъ вѣча [7]), но она должна была считаться съ мнѣніемъ вѣча, которое стало въ это время самостоятельнымъ органомъ власти общины [8]). Между вѣчемъ и боярской думой происходятъ постоянныя сношенія: черезъ депутатовъ вѣча князь сообщалъ ему

---

1) П. С. Р. Л., V т. (Софійская лѣт., I), 116 с. 2—5) Лавр., 54, 35, 55 и 93 с. 6—8) Ключевскій, 45 с., В.-Будановъ, 50 с.

о рѣшеніяхъ совѣта и черезъ нихъ же совѣтъ узнавалъ и о постановленіяхъ самого вѣча [1]). Боярская дума дѣйствуетъ раздѣльно или вмѣстѣ съ вѣчемъ, съ которымъ она не сливается: дума и вѣче были двумя различными политическими силами, соперничающими другъ съ другомъ [2]). Права ихъ въ управленіи (напр., призваніи князей и рядѣ съ ними) были равны, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дума пользовалась сравнительно большимъ политическимъ значеніемъ. Русская правда была составлена и издана при непосредственномъ участіи членовъ боярской думы въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, какъ ранѣе при Владимірѣ Святомъ боярская дума разсуждала о „строѣ и уставѣ земленѣмъ" и возстановленіи виръ и отмѣнѣ казни разбойниковъ. Послѣ отдѣленія боярской думы отъ вѣча имъ заправляютъ земскіе бояре, удалившіеся изъ думы. Въ боярской же думѣ въ сѣверной Руси, а также и въ московскомъ княжествѣ участвуютъ на ряду съ дружинниками и земскіе бояре, слившіеся съ ними въ одинъ высшій служилый классъ вслѣдствіе нашествія татаръ на Русь и осѣдлости дружины.

Боярская дума обладала всѣми правами управленія вмѣстѣ съ княземъ и вѣчемъ: въ ней обсуждались всѣ предметы тогдашняго управленія [3]). Боярская дума рѣшаетъ религіозные вопросы и обсуждаетъ законодательныя и административныя дѣла, регулируетъ отношенія между князьями [4]). Такъ въ присутствіи думы долженъ былъ произойти договоръ между князьями Владиміромъ, Святополкомъ и Олегомъ. Дума распредѣляетъ столы между князьями. На Увѣтическомъ съѣздѣ князей, на которомъ Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи совѣщались, каждый отдѣльно, съ своими дружинами о винѣ и наказаніи

1—2) Ключевскій, 46—49 с. 3) Ключевскій, 73 с., Сергѣевичъ: „Вѣче и князь", 361 с. 4) См. вышеприведенные факты о законодательной и административной дѣятельности боярской думы.

Давыда Игоревича, князья отнимаютъ у него владимірскій столъ и назначаютъ ему особый удѣлъ (Дорогобужъ и др. города) [1]). Боярской думѣ принадлежитъ право приглашать вмѣстѣ съ вѣчемъ князей и рядиться съ ними. Такъ князь Мстиславъ Изяславовичъ въ 1169 г. „взялъ рядъ съ братьею, дружиной и кіянами“ [2]). Владимірскій князь Всеволодъ говоритъ своему сопернику, Мстиславу Ростовскому: „брате, оже *тя привели старѣйшая дружина*, а поѣди Ростову; *тобѣ ростовцы привели и боляре*, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и владимірцы“ [3]). Въ область вѣдомства боярской думы входятъ, далѣе, вопросы внѣшней политики—объявленіе войны и заключеніе мира и договоровъ. Игорь идетъ въ походъ на древлянъ по совѣту дружины [4]). Игорь и Святославъ совѣщаются съ дружиной о предложеніи византійскаго императора заключить съ ними миръ [5]). Договоры Олега и Игоря съ греками заключаются отъ имени князя и „свѣтлыхъ бояръ“ [6]). На Долобскомъ съѣздѣ князей (1103 г.) Святополка и Владиміра вопросъ о походѣ на половцевъ обсуждается князьями вмѣстѣ съ думой [7]). Наконецъ, боярская же дума судитъ князей и членовъ ихъ семействъ. Извѣстно, что Владиміръ Святой отдалъ на обсужденіе своей думы вопросъ о томъ, что дѣлать съ Рогнѣдой, покушавшейся на его жизнь: Владиміръ созвалъ бояръ и „повѣдаша имъ. Они же рекоша: уже не убій ея дитяти дѣля сего, но воздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ“ [8]). Князья съ своими дружинами производили судъ надъ Давыдомъ Игоревичемъ [9]). Мы уже знаемъ, что съ возникновеніемъ московскаго княжества боярская дума участвовала вмѣстѣ съ княземъ въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ управленія. Предсмертныя слова Димитрія Донскаго своимъ боярамъ показываютъ, что боярская дума завѣдовала при немъ всѣми дѣлами внутренней и внѣш-

---

1) Лавр., 116 с. 2) Б.-Будановъ, 48 с. 3—9) Лавр., стр.: 161, 23, 19 и 30, 13 и 20, 118, 131 и 116.

ней политики и что она дѣйствительно управляла всѣмъ государствомъ [1]). Боярская дума играла первую роль въ малолѣтство многихъ первыхъ московскихъ князей: Даніила Александровича, Димитрія Ивановича, Василія Димитріевича и Василія Васильевича, а при послѣднемъ и въ то время, когда онъ былъ ослѣпленъ Шемякой [2]). Отъ бояръ—членовъ думы зависѣло утвержденіе великаго князя на столѣ „отчинѣ и дѣдинѣ", на московскомъ княженіи: они добывали ему въ ордѣ ярлыкъ на княженіе. Боярская же дума помогала князю въ присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ и усиленіи ея политическаго могущества; въ присутствіи ея членовъ составлялись договоры между князьями. Такъ, напр., при заключеніи договорной грамоты между Симеономъ Ивановичемъ и его братьями были бояре: Михаилъ Алексѣевичъ, *Окольничей* Онанья и др. [3]). Въ договорной грамотѣ между Димитріемъ Ивановичемъ и Ольгердомъ упоминаются бояре: Димитрій Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ и др. [4]). Члены же боярской думы были свидѣтелями при составленіи князьями ихъ духовныхъ завѣщаній [5]); только они—„думцы" князя по всѣмъ государственнымъ дѣламъ [6]).

Такимъ образомъ, обычай постояннаго обсужденія всѣхъ дѣлъ управленія княземъ съ его боярами былъ общепринятымъ въ удѣльно-вѣчевой Руси какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, въ Москвѣ. Совѣщанія удѣльнаго князя съ боярами, вытекавшія изъ особенныхъ и повсюду однообразныхъ отношеній между ними и самаго характера удѣльной системы, были тогда обыкновеннымъ явленіемъ: *одинаковость* подобнаго рода совѣщаній, о безпрерывномъ *повтореніи* которыхъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, должны были создать въ удѣльной Руси

---

1) П. С. Р. Л., VIII, 56 с. 2) Костомаровъ, I, 246 с. 3—5) Собр. гос. гр. и договоровъ, I, №№ 23, 31, 34, 39, 41, 42, 86, 87 и 144. 6) Соловьевъ, IV, 197 стр.

юридическій обычай [1]), *обязательная сила* котораго признавалась всѣмъ тогдашнимъ обществомъ и самими князьями. Обязательный обычай совѣщаній князя съ его боярами былъ даже въ Москвѣ, которая стала складываться въ крѣпкое государство съ самаго начала своей политической самостоятельности, частью общаго обычнаго права, замѣнявшаго законъ въ теченіе всего долгаго процесса развитія московскаго государства. Даже Иванъ Васильевичъ Грозный исправлялъ Судебникъ „по старинѣ", то есть, согласно съ московскими юридическими обычаями [2]). Все удѣльное общество считало необходимыми совѣщанія князя съ боярами—старшими дружинниками [3]). Лѣтописецъ вмѣняетъ обыкновенно князю въ высокое нравственное качество частыя совѣщанія его съ боярами. Такъ онъ хвалитъ Владиміра за то, что онъ думаетъ съ дружиной о разныхъ государственныхъ дѣлахъ [4]) и, наоборотъ, упрекаетъ князя Владиміра Галицкаго, что онъ „думы не любяшеть съ мужми своими" [5]). Лѣтописецъ тщательно отмѣчаетъ всѣ случаи совѣщаній князя съ дружиной по всѣмъ вопросамъ управленія и негодуетъ по поводу отступленія отъ принятаго обычая у всѣхъ князей совѣщаться съ одними старѣйшими дружинниками. „Лютѣ бо граду тому, восклицаетъ лѣтописецъ, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и младыми совѣтники" [6]). Лѣтописецъ также укоряетъ Всеволода Ярославича за то, что онъ „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними" и приписываетъ этому обстоятельству увеличеніе въ кіевской землѣ преступленій [7]). Впрочемъ, такія отступленія отъ сложившагося обычая совѣщаній князя съ боярами были рѣдки: сами князья постоянно нуждались въ совѣщаніяхъ со своей старшей дру-

---

1—2) См. статьи объ обычномъ правѣ Сергѣевича (въ Наблюдателѣ за 1882 г., 1 и 2 кн.) и его-же: Лекціи и изслѣдованія etc., 592—594 с.; ср. В.-Будановъ, 84 с. 3) Ключевскій, 53 с. 4) Лавр., 54 с. 5) Ипат., 136 с. 6—7) Лавр., 60 и 93 с.

жиной, на которую они опирались для укрѣпленія своей власти въ чужой странѣ. Еще болѣе значенія получилъ указанный обычай съ развитіемъ на Руси удѣльной системы, при которой князья подъискивали столы съ помощью дружины и при ея же содѣйствіи правили своими удѣлами и охраняли ихъ отъ притязаній соперниковъ. Эта необходимая связь удѣльнаго князя съ его дружиной была подмѣчена и самимъ обществомъ: „съ мудрымъ думцею, говорило оно въ лицѣ Даніила Заточника, князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ“. Солидарность интересовъ дружины и князя во всѣхъ случаяхъ хорошо сознается самой дружиной, которая считаетъ обычай совѣщаній съ княземъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, установившимся издавна. При этихъ совѣщаніяхъ членамъ боярской думы принадлежало не одно только право дѣлать предложенія князю или безпрекословно соглашаться съ нимъ: бояре въ думѣ имѣли право „встрѣчи“, возраженія князю на его предложенія, которое нерѣдко заставляло его отступать отъ своихъ намѣреній или предпріятій. Право „встрѣчи“ существовало до Василія Ивановича, который „встрѣчу противу себя не любилъ и кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется“. Такъ жаловался на великаго князя Максиму Греку бояринъ Берсень, котораго Василій Ивановичъ „отставилъ отъ себя“ за то, что Берсень „говорилъ встрѣчу великому князю о Смоленскѣ“. Берсень выражалъ свое неодобреніе поступку съ ними Василія Ивановича, который „перемѣнилъ *старые обычаи*. Которая земля переставливаетъ *обычаи свои*, разсуждалъ Берсень, и та земля недолго стоитъ; лучше *старыхъ обычаевъ* держатися, и людей жаловати и старыхъ почитати. А нынѣ государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ“ [1]).

---

1) Акты археографической экспедиціи, Спб., 1836, I т., 142—144 с.

А обычай совѣщаній князя съ боярами былъ дѣйствительно древнимъ обычаемъ, сложившимся еще въ южной Руси. Мы знакомы уже съ двумя характерными, указываемыми въ лѣтописяхъ, случаями, когда обязательность этого обычая выступаетъ съ наглядною очевидностью. Такъ дружина заявляетъ Владиміру Мстиславичу, вздумавшему было безъ ея согласія напасть на кіевскаго князя Мстислава: *„о собѣ еси, княже замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ; мы того не вѣдали“* [1]). Такой же характеръ имѣютъ успокоительныя слова бояръ Мстиславу: *„тобѣ безъ насъ того* (заговора Мстислава противъ князей: Давыда и Рюрика, въ которомъ они подозрѣвалъ его по наущенію одного боярина) *нелзѣ было замыслити, ни сотворити“* [2]). Во вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, въ московскомъ княжествѣ безъ совѣщаній и согласія съ боярской думой не предпринималось княземъ ни одно важное дѣло въ управленіи [3]). Московскіе бояре были посредниками въ столкновеніяхъ между московскими и удѣльными князьями и отъ того, на чьей сторонѣ они въ данный моментъ становились, зависѣлъ и успѣхъ князя въ взаимной борьбѣ изъ за московскаго стола. Такъ, напр., было при частыхъ переходахъ Москвы отъ одного князя къ другому въ княженіе Василія Васильевича Темнаго.

Если мы теперь примемъ во вниманіе всѣ приведенные нами факты и соображенія о политической роли боярской думы въ удѣльно вѣчевой періодъ русской исторіи, въ теченіе котораго и даже до конца московскаго государства существовало на Руси обычное право, какъ главная его форма, то вопросъ объ обязательной силѣ рѣшеній думы для князя разрѣшается самъ собою: безъ сомнѣнія дѣятельность князя была связана и ограничена постояннымъ участіемъ боярской

1—2) Ипат., 97 и 99 с. 3) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 832 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 23.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литог. М. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 23-го Юридической Библіографіи.

1. Русское Уголовное Судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Д. Г. *Тальберга.* Кіевъ. Томъ 1-й 1887 г. стр. 1—318; Томъ 2-й выпускъ 1-й 1891 г. стр. 1—214+I—XIV.

Пособіе къ лекціямъ по Уголовному Судопроизводству Д. Г. Тальберга, первый томъ котораго (судоустройство) появился въ 1889 году, въ послѣднее время продолжено напечатаніемъ 1-го выпуска втораго тома, излагающаго основныя понятія судопроизводства. Недавняя смерть автора, къ сожалѣнію, положила конецъ его ученой дѣятельности. Но хотя, такимъ образомъ, изданіе и осталось незаконченнымъ, его объемъ и характеръ настолько уже успѣли опредѣлиться, что намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ дать отзывъ о немъ на страницахъ Юридической Библіографіи.

Какъ тонъ дѣлаетъ музыку, такъ система курса прежде всего опредѣляетъ его достоинства. При изложеніи Уголовнаго Судопроизводства возможны двѣ системы: комментаторская и научная. Первая, по большей части, рабски слѣдуетъ кодексу и ведетъ отъ статьи къ статьѣ, чаще всего въ порядкѣ ихъ нумераціи, вторая ведетъ отъ понятія къ понятію, опираясь на ихъ внутреннее соотношеніе. Та и другая могутъ имѣть свои специальныя преимущества, но при университетскомъ преподаваніи во всякомъ случаѣ нельзя не отдать предпочтенія второй: она лучше воспитываетъ умъ и даетъ болѣе широкія точки зрѣнія. Пособіе къ лекціямъ Д. Г. Тальберга составлено по системѣ научной, въ основу которой положены два начала: отдѣленіе вопросовъ объ организаціи отъ вопросовъ о процедурѣ и концентрированіе матерьяла по основнымъ понятіямъ каждаго отдѣла. Въ

общемъ система эта выдержана довольно послѣдовательно за нѣкоторыми лишь исключеніями, на наиболѣе крупныя изъ коихъ мы позволимъ себѣ указать теперь же. Такъ, излагая въ 1-мъ выпускѣ втораго тома элементы уголовнаго процесса или такъ называемую статику его (уголовное преслѣдованіе, гражданскій искъ, ученіе о доказательствахъ и о мѣрахъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда), авторъ ни слова не говоритъ о защитѣ по дѣламъ уголовнымъ, отсылая за этимъ къ первому тому, гдѣ въ гл. VII-й „объ адвокатурѣ" онъ говоритъ также и о существѣ, формахъ и задачахъ защиты. Но такой пріемъ, не смотря на то, что авторъ сознательно допускаетъ его, кажется намъ все-же ничѣмъ немотивированнымъ нарушеніемъ принятой системы изложенія. Съ одной стороны и по существу дѣла, изложеніе функціи обвинительной логически неизбѣжно ставитъ вопросъ объ ея антиподѣ — функціи защиты, какъ основномъ элементѣ процесса, отнюдь не зависящемъ въ своемъ существованіи отъ того или инаго склада послѣдняго. Съ другой стороны, разъ авторъ нашелъ возможнымъ и удобнымъ отдѣлить вопросы о прокуратурѣ отъ вопросовъ объ уголовномъ преслѣдованіи, мы не видимъ причины, почему онъ не сдѣлалъ того же относительно адвокатуры. Далѣе, въ томъ же второмъ томѣ встрѣчается и другая погрѣшность противъ системы, наглядно уясняющая, къ какимъ иногда невыгоднымъ послѣдствіямъ приводитъ незначительное, повидимому, отступленіе отъ требованій послѣдней. Погрѣшность заключается въ разъединеніи авторомъ двухъ родственныхъ вопросовъ: о пріостановленіи и прекращеніи уголовнаго преслѣдованія. Проф. Тальбергъ въ главѣ II втораго тома своего курса, трактующей объ уголовномъ преслѣдованіи и уголовномъ искѣ, совершенно умѣстно излагаетъ, между прочимъ, причины, прекращающія движеніе уголовнаго иска, тогда какъ по вопросу о пріостановкѣ обвиненія отсылаетъ къ главѣ 1-й „о судопроизводствѣ вообще", къ §§ 154—156. Между тѣмъ, въ названныхъ параграфахъ говорится отнюдь не о причинахъ пріостановленія уголовнаго преслѣдованія вообще, а только о такъ называемыхъ преюдиціальныхъ вопросахъ. Получается безусловно неправильный

выводъ, что пріостановленіе уголовнаго преслѣдованія возможно и бываетъ исключительно только при наличности предсудимыхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, благодаря неправильному распредѣленію матерьяла, авторъ не только проходитъ молчаніемъ случаи пріостановленія уголовнаго преслѣдованія въ виду какихъ-либо фактическихъ препятствій: болѣзни обвиняемаго, его побѣга и т. п., но кромѣ того ни слова не говоритъ и о юридическомъ значеніи и условіяхъ пріостановленія разъ начатаго преслѣдованія. Да и само по себѣ, т. е. съ точки зрѣнія принципіальной, отнесеніе вопросовъ о преюдиціальномъ разбирательствѣ въ главу „о судопроизводствѣ вообще" ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано. При нежеланіи разсматривать ихъ въ главѣ объ уголовномъ преслѣдованіи, гораздо логичнѣе говорить о нихъ, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. Фойницкій (Курсъ, I, стр. 481 и сл.) въ ученіи о распредѣленіи подсудности по роду дѣлъ.

Таковы немногія предварительныя замѣчанія, какія мы считаемъ возможнымъ сдѣлать по поводу системы Пособія профессора Тальберга. Остальные пробѣлы въ этомъ направленіи будутъ указаны при ближайшемъ разборѣ его труда.

Обращаемся къ ознакомленію съ содержаніемъ изданнаго профессоромъ Тальбергомъ Пособія.

Первый томъ Пособія дѣлится на двѣ почти равныя части: введеніе (стр. 1—130) и судоустройство (стр. 131—318). Значительный объемъ введенія объясняется тѣмъ, что здѣсь, кромѣ общихъ понятій объ уголовномъ процессѣ и положеніи его среди другихъ отраслей права, подробно излагаются основныя начала уголовнаго процесса (процессъ состязательный и слѣдственный, начало непосредственности и письменности процесса, публичность процесса, участіе въ немъ элементовъ народнаго и короннаго) предлагается довольно обстоятельный очеркъ исторіи русскаго уголовнаго процесса и дѣйствующихъ началъ современнаго процессуальнаго права и въ заключеніе говорится объ источникахъ уголовно-процессуальныхъ законовъ.

Наиболѣе выпуклый пунктъ введенія — изложеніе основныхъ

началъ процесса. Постановка и разработка отдѣльныхъ вопросовъ этого отдѣла сдѣланы въ общемъ вполнѣ удовлетворительно, къ сожалѣнію только авторъ слишкомъ усердно придерживался иногда нѣмецкихъ построеній. Такъ первая антитеза: процессъ слѣдственный и обвинительный излагаются проф. Тальбергомъ, по примѣру нѣкоторыхъ нѣмецкихъ процессуалистовъ (напр. Гейера) не только путемъ историческимъ, но и путемъ чистой дедукціи. Лично намъ послѣдній пріемъ представляется въ данномъ случаѣ безусловно неправильнымъ. Мы соглашаемся съ замѣчаніемъ высказаннымъ I. Глазеромъ и проф. Фойницкимъ, что дѣйствительная жизнь не знала чистыхъ типовъ процесса: слѣдственнаго и обвинительнаго и что поэтому нельзя ихъ признаки выводить путемъ дедукціи. Тѣмъ болѣе, что это безполезно и съ точки зрѣнія практической. Если процессъ слѣдственный, какъ справедливо указываетъ проф. Тальбергъ, „весьма мало обезпечиваетъ интересы правосудія“ (вып. 1 стр. 23), то съ другой стороны и процессъ состязательный въ чистомъ видѣ, съ тѣми основными признаками его, какіе авторъ перечисляетъ на стр. 23-й Пособія, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ признанъ безусловно благодѣтельной формой процесса уголовнаго. Совершенно правъ г. Случевскій, который на стр. 14—15 своего курса въ параграфѣ, озаглавленномъ: „невозможность научнаго построенія уголовнаго процесса по основаніямъ юридическаго отношенія“, приходитъ къ выводу, что конструкція гражданскаго процесса непримѣнима къ уголовному въ силу публичнаго характера уголовнаго иска, налагающаго свою печать на весь строй уголовнаго процесса.

Изъ другихъ вопросовъ введенія проф. Тальбергъ болѣе подробно обслѣдуетъ вопросъ объ участіи въ правосудіи народнаго элемента. Авторъ различаетъ три формы народной юстиціи: 1) судъ народнаго собранія, 2) судъ избранныхъ народомъ судей и 3) судъ при участіи народныхъ представителей. Указавъ затѣмъ на историческіе примѣры народнаго суда и суда его выборныхъ (комиціи, вѣче, ареопагъ, quaestiones perpetuae, шеффены), онъ останавливается на происхожденіи суда присяжныхъ,

условіяхъ и формахъ его дѣятельности на островахъ и континентѣ, разбираетъ попытку замѣны въ Германіи суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ и въ заключеніе перечисляетъ выгодныя стороны участія въ отправленіи уголовной юстиціи народнаго элемента вообще и въ формѣ суда присяжныхъ въ частности.

Слѣдующій за введеніемъ отдѣлъ о судоустройствѣ открывается изложеніемъ ученія о судебной власти вообще (гл. I), о замѣщеніи судебныхъ должностей и объ условіяхъ судебной службы (права, обязанности, надзоръ и отвѣтственность) (гл. II), и о внутреннемъ устройствѣ и отношеніяхъ судебныхъ установленій (гл. III). Затѣмъ въ гл. IV-й авторъ даетъ очеркъ системы уголовныхъ судовъ въ важнѣйшихъ государствахъ западной Европы и въ Россіи, а три заключительныя главы посвящаетъ изложенію вопросовъ о подсудности (гл. V), о прокуратурѣ (гл. VI) и объ адвокатурѣ (гл. VII).

Изъ представленнаго очерка содержанія перваго выпуска пособія ясно, что проф. Тальбергъ слѣдуетъ той-же системѣ изложенія, какая принята въ нѣмецкомъ учебникѣ Гейера и въ извѣстномъ Курсѣ русскаго уголовнаго судопроизводства проф. Фойницкаго и которая обусловливается для насъ отчасти порядкомъ расположенія матеріала въ самомъ Учрежденіи судебныхъ установленій. Наиболѣе замѣтное отступленіе отъ системы Курса проф. Фойницкаго заключается лишь въ томъ, что проф. Тальбергъ не считаетъ нужнымъ отводить особой главы очерку органовъ предварительнаго производства (дознанія, предварительнаго слѣдствія, преданія суду), и говоритъ о нихъ, иногда по нѣскольку словъ только, въ другихъ отдѣлахъ Пособія (ср. стр. 219—221, 234, 238).

Самое изложеніе, сравнительно съ Курсомъ Фойницкаго, отличается гораздо болѣе общимъ характеромъ, не даетъ такой всесторонней, детальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ, какъ послѣдній, и вообще ничего по существу новаго не представляетъ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, совершенно понятно: оно объясняется спеціальнымъ назначеніемъ книги проф. Тальберга служить пособіемъ къ устнымъ лекціямъ. Поэтому намъ кажется совершенно неосновательнымъ, да и по существу дѣла невѣрнымъ,

замѣчаніе нѣкоторыхъ рецензентовъ, что первый выпускъ Пособія Тальберга есть простой сколокъ съ книги Фойницкаго. Неосновательнымъ замѣчаніе кажется потому, что отъ систематическаго курса нельзя требовать ни оригинальности во что бы то ни стало, ни тѣмъ менѣе монографической разработки отдѣльныхъ вопросовъ, которая была бы здѣсь совершенно неумѣстна и съ педагогической точки зрѣнія нецѣлесообразна. По существу неправильнымъ замѣчаніе о несамостоятельномъ характерѣ пособія Тальберга является въ виду того обстоятельства, что автору настоящія замѣтки, бывшему слушателю уважаемаго профессора, еще въ 1883 году довелось прослушать курсъ лекцій въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ появился теперь въ печати. А такъ какъ курсъ Фойницкаго датированъ 1884 годомъ, то само собою разумѣется, что не можетъ быть и вопроса о такомъ зависимомъ отношеніи къ нему Пособія проф. Тальберга.

Слабѣе всего въ 1-мъ выпускѣ Пособія Тальберга, на нашъ взглядъ, изложены вопросы: во 1-хъ объ отводѣ судей, гдѣ авторъ совсѣмъ не проводитъ различія по юридическимъ послѣдствіямъ между устраненіемъ (Ausschlissung) судьи, съ одной стороны, и отводомъ его (Ablehnung) въ тѣсномъ смыслѣ съ другой и во 2-хъ, вопросъ объ адвокатурѣ, гдѣ, какъ указано выше, авторъ совершенно неумѣстно говоритъ о видахъ защиты (защита формальной и матеріальной). Неправильнымъ также представляется намъ отнесеніе къ числу функцій судебнаго верховенства случаевъ участія Верховной власти въ производствѣ дѣлъ по преступленіямъ должностнымъ нѣкоторыхъ лицъ и по преступленіямъ государственнымъ (стр. 136 Пособія). Дѣло въ томъ, что это суть формы непосредственнаго участія Верховной власти въ судоговореніи, а отнюдь не проявленія ея суверенности. Нельзя не указать, кромѣ того, на нѣкоторыя фактическія ошибки и искажающіе смыслъ недосмотры, встрѣчаемые въ Пособіи. Такъ, напр., на стр. 202-й проф. Тальбергъ неправильно обозначаетъ предѣлы компетенціи англійскихъ мировыхъ судей при рѣшеніи дѣлъ въ порядкѣ суммарномъ. По его словамъ, они могутъ приговаривать къ денежному штрафу до 5 фунтовъ, тогда какъ, согласно Summary Iurisdic-

tion Act 1879 г., которымъ въ послѣдній разъ была опредѣлена юрисдикція мировыхъ судей въ суммарномъ порядкѣ, они имѣютъ право приговаривать (именно малолѣтнихъ, т. н. young persons въ возрастѣ отъ 12—16 лѣтъ за большинство имущественныхъ преступленій) къ штрафу въ 10 фунт. (ten pounds)[1]). Далѣе, на стр. 232 Пособія находимъ, что будто-бы „присяжнымъ засѣдателямъ воспрещается, въ силу общаго начала непосредственности судебныхъ дѣйствій, дѣлать на судѣ письменныя замѣтки“, причемъ дѣлается ссылка на ст. 674-й Уст. угол. суд., которая говоритъ какъ разъ противоположное. Курьезный недосмотръ встрѣчается на стр. 219 Пособія. Здѣсь авторъ говоритъ о законныхъ причинахъ неприбытія въ судъ присяжныхъ и между прочимъ оказывается, что одною изъ такихъ причинъ можетъ быть смерть родителей, *мужа*, жены или дѣтей присяжнаго засѣдателя или тяжкая грозящая смертью болѣзнь ихъ (п. 5). Получается несообразный выводъ, что присяжнымъ засѣдателемъ можетъ быть не только мужчина, но и женщина. Все дѣло въ томъ, что авторъ буквально привелъ содержаніе ст. 388 Уст. уг. суд. имѣвшей въ виду прежде всего свидѣтелей, которыми, разумѣется, бываютъ также и лица женскаго пола.

Первый выпускъ втораго тома Пособія посвященъ статикѣ уголовнаго судопроизводства, т. е. изложенію основныхъ понятій процесса (о судопроизводствѣ вообще, объ уголовномъ преслѣдованіи, о гражданскомъ искѣ въ уголовномъ судѣ) и ученія объ уголовныхъ доказательствахъ. Предполагавшійся къ напечатанію второй выпускъ долженъ былъ обнять динамику уголовнаго процесса или, иначе говоря, движеніе уголовнаго иска, начиная съ возникновенія и кончая моментомъ удовлетворенія по нему.

Въ первой главѣ „о судопроизводствѣ вообще“, имѣющей характеръ какъ-бы введенія, авторъ даетъ общее понятіе объ уголовномъ судопроизводствѣ въ объективномъ смыслѣ слова, гово-

---

[1]) См. напр. Harris, Principles of the criminal law. 4 Ed. 1886 p. 513—514. Ту же ошибку, что и Тальбергъ, дѣлаетъ Фойницкій въ своемъ Курсѣ стр. 336.

ритъ объ языкѣ на которомъ должно происходить судоговоренie, объ отношенiи уголовныхъ дѣлъ между собою, о вопросахъ преюдицiальныхъ и наконецъ о вознагражденiи лицъ, потерпѣвшихъ отъ судебной ошибки.

Какъ видно изъ перечня содержанiя, первая глава II тома есть глава, что называется, сборная, не выдерживающая, съ точки зрѣнiя систематики, даже и самой слабой критики. Прежде всего, на какомъ основанiи авторъ непосредственно вслѣдъ за опредѣленiемъ понятiя и составныхъ частей судопроизводства, заговорилъ ни съ того, ни съ сего о судебномъ языкѣ? Намъ думается, что этотъ вопросъ всего умѣстнѣе было бы излагать въ главѣ о порядкѣ дѣлопроизводства судебныхъ органовъ, т. е. въ отдѣлѣ судоустройства а не судопроизводства, такъ какъ правила относительно судебнаго языка имѣютъ до нѣкоторой степени значенiе организацiонное и во всякомъ случаѣ касаются не только судоговоренiя въ тѣсномъ смыслѣ слова но и сферы взаимныхъ отношенiй судебныхъ органовъ и ихъ дѣлопроизводства. Если, затѣмъ, авторъ почему-либо не хотѣлъ держаться такой системы, то во всякомъ случаѣ (хотя и это неправильно) вопросъ о судебномъ языкѣ ему слѣдовало-бы перенести въ главу объ общихъ началахъ и условiяхъ судебнаго слѣдствiя. Но, какъ оказывается, такой главы въ пособiи Тальберга не имѣется и быть не могло, такъ какъ общiя начала уголовнаго процесса (непосредственность, устность, гласность и т. д.) излагаются имъ во введенiи къ судоустройству. Очевидно, такимъ образомъ, что вопросъ о судебномъ языкѣ попалъ въ первую главу II тома исключительно только потому, что иначе ему нигдѣ бы во II томѣ не нашлось мѣста. Идемъ далѣе. Какая, спрашивается, связь между вопросомъ объ отношенiи уголовныхъ дѣлъ между собою (§ 153) и вопросомъ о преюдицiальномъ разбирательствѣ? Повидимому связи нѣтъ никакой или если и есть, то слишкомъ отдаленная и при томъ характера чисто внѣшняго, формальнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ученiе о преюдицiальномъ разбирательствѣ ставитъ вопросъ отнюдь не о связи и отношенiи уголовныхъ дѣлъ между собою, а объ отношенiи между рѣшенiями судовъ различныхъ

порядковъ, т. е. между рѣшеніями судовъ гражданскихъ, духовныхъ, коммерческихъ и т. д., съ одной стороны, и уголовныхъ— съ другой. Въ виду послѣдняго обстоятельства, мѣсто вопросамъ о преюдиціальномъ разбирательствѣ или въ главѣ о компетенціи и подсудности, какъ это и сдѣлано напр. въ Курсѣ Фойницкаго, или, что гораздо удобнѣе и проще, въ главѣ о причинахъ пріостановленія уголовнаго преслѣдованія. Но проф. Тальбергъ, говоря въ I-мъ томѣ о подсудности, ограничилъ это понятіе такъ назыв. подсудностью мѣстною (forum personale), имѣющею задачею своею разграниченіе предѣловъ вѣдомства судовъ одного и того же порядка или типа, въ отличіе отъ родовой подсудности (forum reale), занимающейся размежеваніемъ судовъ разнаго типа. Само собою разумѣется, что при такомъ условіи ученіе о преюдиціальномъ разбирательствѣ не могло быть изложено въ главѣ о подсудности. Съ другой стороны, какъ было выше замѣчено, авторъ не отвелъ самостоятельнаго параграфа и вопросу о пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія и такимъ образомъ volens nolens вынужденъ былъ разсмотрѣніе преюдиціальнаго разбирательства чисто механически присоединить къ ученію объ отношеніи уголовныхъ дѣлъ между собою.

Болѣе у мѣста въ первой главѣ вопросъ о вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, введеніе котораго (вопроса) въ курсъ уголовнаго судопроизводства представляется во всякомъ случаѣ пока новостью.

Предметомъ второй главы является изложеніе ученія объ уголовномъ преслѣдованіи. „Уголовное преслѣдованіе“, „уголовный искъ“, „возбужденіе, пріостановленіе и прекращеніе уголовнаго преслѣдованія“, „обличеніе на судѣ“—вотъ тѣ понятія, надъ которыми приходится оперировать въ этомъ случаѣ. Нельзя сказать, чтобы автору удалось вполнѣ удовлетворительно выяснить и освѣтить эти понятія. Прежде всего, безусловно неправильно, на нашъ взглядъ, уже самое названіе второй главы: „уголовное преслѣдованіе *или* уголовный искъ“, доказывающее, что авторъ смѣшиваетъ эти два процессуальные термина. Между тѣмъ они имѣютъ каждый свое самостоятельное значеніе Уголовный искъ—

это, если такъ можно выразиться, статическое начало процессуальнаго производства, уголовное преслѣдованіе —динамическое. Уголовный искъ лежитъ въ основѣ понятія уголовное преслѣдованіе и опредѣляетъ его направленіе, содержаніе и объемъ. Уголовный искъ—это требованіе, обращаемое къ судебному органу и имѣющее своею цѣлью осуществленіе карательной власти государства въ отношеніи лица или лицъ, совершившихъ уголовное правонарушеніе. Уголовное преслѣдованіе — это обширная и сложная дѣятельность, развиваемая разнаго рода должностными органами или частными лицами и имѣющая своею задачею возбужденіе, обоснованіе и проведеніе предъ судебною властью уголовнаго иска.

Иначе, и по нашему мнѣнію не совсѣмъ правильно, опредѣляетъ уголовный искъ или (по терминологіи автора) уголовное преслѣдованіе проф. Тальбергъ въ своемъ Пособіи. „Уголовнымъ искомъ, говоритъ онъ, называется *полномочіе* государства, а въ извѣстныхъ случаяхъ и частныхъ лицъ, требовать судебнымъ порядкомъ преслѣдованія и наказанія виновныхъ въ преступномъ дѣяніи“. Невольно возникаетъ вопросъ: отъ кого же получаетъ такое полномочіе само государство? Очевидно въ опредѣленіи допущена крупная ошибка. Право государства на наказаніе и вообще на примѣненіе карательной власти не есть для него право производное. Другое дѣло осуществленіе этого права: послѣднее дѣйствительно, за невозможностью для государства непосредственно самому отправлять функцію преслѣдованія, возлагается имъ на спеціальные служебные органы (прокуратуру, администрацію, иногда на органы судебные) или делегируется частнымъ лицамъ и такимъ образомъ становится для нихъ правомъ не самостоятельнымъ, осуществляемымъ nomine delegato.

Точно такое-же замѣчаніе вызываетъ, далѣе, проводимое проф. Тальбергомъ различіе между формами уголовнаго иска. Онъ говоритъ, что исторіи уголовнаго процесса извѣстны три формы уголовнаго иска: частное обвиненіе, народное и публичное. Но подобная группировка формъ уголовнаго иска можетъ дать ложное представленіе объ ихъ юридическомъ характерѣ и по существу является неправильною. Народное обвиненіе отнюдь нельзя

противополагать публичному, потому что и само оно носитъ характеръ публичный. Исторіи извѣстны только два основныхъ типа обвиненія: частное, господствовавшее въ эпоху мести, когда преступленіе разсматривалось еще какъ частная обида, преслѣдованіе или прощеніе которой вполнѣ и исключительно зависѣло отъ потерпѣвшаго, и обвиненіе публичное, постепенно заступившее мѣсто перваго и осуществляемое не во имя частныхъ интересовъ, а во имя интересовъ государства, какъ источника и верховнаго хранителя правъ гражданъ. Но публичное обвиненіе не вездѣ отлилось въ одну форму: въ своемъ историческомъ развитіи оно дало двѣ чистыхъ системы и нѣсколько смѣшанныхъ. Чистыми системами являются: обвиненіе народное (Римъ, Англія до закона 1879 г.) и обвиненіе должностное (Франція), смѣшанными — народное обвиненіе, какъ главное, въ соединеніи съ должностнымъ (Англія послѣ закона 1879 г.) и должностное, какъ главное, съ допущеніемъ (самостоятельно или субсидіарно) къ участію въ немъ частныхъ лицъ (Россія, Австрія, Германія). Такимъ образомъ, понятіе „публичное обвиненіе“ обнимаетъ собою два подчиненныхъ: „должностное“ и „народное“ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть противополагаемо первому.

Такая же сбивчивость понятій, неточность терминологіи, и отчасти небрежность языка, обнаруживается, когда проф. Тальбергъ переходитъ къ выясненію „поводовъ или основаній уголовнаго иска“ (§ 164). Авторъ всюду смѣшиваетъ двѣ вещи: съ одной стороны, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и привлеченіе лица къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, съ другой — законность повода и достаточность основаній.

„*Привлеченіе кого-либо къ слѣдствію* по обвиненію въ совершеніи того или другаго преступнаго дѣянія, говоритъ онъ, ... можетъ имѣть мѣсто только при наличности законныхъ поводовъ *или* основаній (стр. 39) и далѣе (стр. 40) „Законными поводами для привлеченія къ слѣдствію служатъ: жалоба потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка и т. д. (слѣдуетъ изложеніе содержанія ст. 297 Уст. уг. суд.).

Очевидно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ проф. Таль-

боргъ ведетъ рѣчь не о привлеченіи къ слѣдствію, а о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, т. е. о томъ начальномъ моментѣ процесса, когда судебной власти предъявляется обязательное для нея требованіе о начатія дѣла производствомъ въ уголовно-судебномъ порядкѣ. Между тѣмъ привлеченіе кого либо къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго характеризуетъ собою уже другой моментъ процессуальнаго изслѣдованія, именно тотъ моментъ, когда изслѣдованіе это начинаетъ принимать индивидуальную окраску, превращается, такъ сказать, изъ inquisitio generalis въ inquisitio specialis. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и привлеченіе кого-либо къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго могутъ не совпадать между собою, ни по времени, ни по основаніямъ и во всякомъ случаѣ никогда не совпадаютъ одно съ другимъ по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ. По времени возбужденіе уголовнаго преслѣдованія обыкновенно предшествуетъ привлеченію кого либо къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Судебный слѣдователь, получивъ законный поводъ и находя достаточныя основанія къ возбужденію по извѣстному дѣлу уголовнаго преслѣдованія составляетъ особое постановленіе о принятіи дѣла къ своему производству. Съ этого момента уголовное преслѣдованіе признается возбужденнымъ, но это не значитъ еще, что вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно кто-либо привлекается и къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. У насъ между означенными двумя моментами надлежитъ проводить различіе тѣмъ болѣе строгое, что производство слѣдствія не предполагаетъ необходимо наличности обвиняемаго или подозрѣваемаго. Согласно ст. 276-й Уст. уг. суд. „судебный слѣдователь не останавливается въ производствѣ слѣдствія по тому случаю, что обвиняемый скрылся, или что *нѣтъ въ виду* подозрѣваемаго въ совершеніи преступленія". Само собою разумѣется, что возбужденіе дѣла и привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго могутъ иногда и сливаться на практикѣ, но это отнюдь не даетъ права смѣшивать ихъ въ теоріи. Различаясь по времени, указанные два момента уголовнаго процесса различаются по своимъ поводамъ и основаніямъ. Законные поводы къ возбужденію уголов-

наго преслѣдованія перечисляются въ ст. 297 Уст. уг. суд.,— ст. 262-я, сверхъ того, требуетъ наличности и достаточныхъ основаній къ этому. Однако, будучи достаточны для возбужденія дѣла, тѣ же поводы и основанія не всегда являются таковыми для привлеченія кого либо къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Видно это изъ того, что Уставъ уголовнаго судопроизводства признаетъ нужнымъ въ ст. 396-й (вторая половина) поставить слѣдователю специальное требованіе, согласно которому „слѣдователь не долженъ ни приводить, ни призывать кого-либо къ допросу безъ достаточнаго основанія“. Такое требованіе было бы совершенно излишнимъ повтореніемъ, если бы слѣдователь всегда, по однимъ и тѣмъ же первоначально даннымъ основаніямъ, могъ составлять и постановленіе о принятіи дѣла къ производству и постановленіе о привлеченіи извѣстнаго лица къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Основанія, разъ данныя, обыкновенно остаются въ наличности въ теченіе всего послѣдующаго времени, но очевидно законъ не всегда считаетъ ихъ достаточными для болѣе важныхъ процессуальныхъ актовъ.

Наконецъ, два указанныхъ момента различаются между собою и по юридическимъ послѣдствіямъ. Несомнѣнно, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія является чрезвычайно важнымъ актомъ уголовнаго процесса. Имъ открывается и приводится въ движеніе уголовный искъ, а слѣдовательно прерывается теченіе давности, затѣмъ оно обязательно вызываетъ со стороны судебной власти производство по дѣлу, такъ какъ, согласно ст. 277 Уст. угол. суд., разъ возбужденное уголовное преслѣдованіе можетъ быть прекращено только судомъ. Но, съ другой стороны, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, имѣя громадное значеніе для органовъ судебной власти, само по себѣ представляется инертнымъ началомъ, прямо не затрогиваетъ интересовъ 3-хъ лицъ, а лишь открываетъ возможность къ этому. Иное дѣло привлеченіе лица къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Оно сопровождается цѣлымъ рядомъ стѣсненій и ограниченій: привлеченный, напр., лишается права поступать на службу по судебному вѣдомству (Учр. 201 п. 1), а если онъ уже состоитъ на ней, то можетъ

быть временно-устраненъ отъ должности впредь до окончанія дѣла (Учр. ст. 205-я), теряетъ право быть избирателемъ (Гор. Пол. ст. 18 п. 3; Зем. Пол. 12 Іюня 1890 г. ст. 27 п. 3) ему запрещается, безъ разрѣшенія слѣдователя, отлучаться за черту города или слѣдственнаго участка (Уст. угол. суд. ст. 415), наконецъ, онъ можетъ быть вызванъ или приведенъ къ вопросу (ib. ст. 396, 377, 389) и подвергнутъ ряду стѣснительныхъ мѣръ, до ареста включительно, въ интересахъ обезпеченія явки его къ слѣдствію и суду (ib. ст. 416).

Изъ сказанно ясно, какая произойдетъ путаница понятій и какіе результаты получатся отъ этого на практикѣ, если игнорировать проводимое въ законѣ различіе между возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія и привлеченіемъ лица къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ и вторая изъ указанныхъ нами ошибокъ: смѣшеніе понятій законный поводъ и достаточное основаніе, тѣмъ болѣе что коренится она въ невнимательномъ чтеніи текста Судебныхъ Уставовъ. Невѣрно цитируемая проф. Тальбергомъ на стр. 39-й Пособія ст. 262-я Уст. уг. суд. изложена отнюдь не въ формѣ альтернативной: законный поводъ *или* достаточное основаніе, она гласитъ, напротивъ, что „предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато судебнымъ слѣдователемъ безъ законнаго повода *и* достаточнаго основанія". Такимъ образомъ законъ, хотя, правда, и не всегда достаточно опредѣленно, проводитъ все же различіе между поводомъ и основаніемъ. Съ точки зрѣнія Устава уголовнаго судопроизводства законнымъ поводомъ называется такое, напередъ въ законѣ обозначенное, обстоятельство, безъ наступленія котораго органъ судебной власти не имѣетъ права начать производства по дѣлу; между тѣмъ какъ подъ достаточнымъ основаніемъ разумѣется внутренняя, подлежащая самостоятельной оцѣнкѣ этого органа, содержательность уголовно-исковаго требованія или, иначе говоря, соотвѣтствіе его наличной фактической обстановкѣ. Объявленіе, напр., неочевидца преступленія можетъ быть вполнѣ законнымъ поводомъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія, но только лишь въ томъ слу-

чаѣ, если рядомъ съ нимъ у слѣдователя будетъ и достаточное основаніе къ этому, иначе произойдетъ существенное нарушеніе ст. 262 и 299 Уст. угол. суд.

Разбираемая нами глава объ уголовномъ преслѣдованіи заканчивается изложеніемъ причинъ и порядка прекращенія уголовнаго преслѣдованія. Изложеніе это сводится главнымъ образомъ къ передачѣ постановленій Устава уголовнаго судопроизводства, сопровождаемой краткими комментаріями и по существу дѣла не можетъ дать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Только на одно позволимъ мы себѣ обратить вниманіе: на оригинальное толкованіе авторомъ ст. 529[1] Уст. угол. суд., съ которымъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Названная статья даетъ право судебной палатѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя получитъ свѣдѣніе о томъ, что уголовное преслѣдованіе по извѣстному дѣлу пріостановлено или прекращено окружнымъ судомъ неправильно, потребовать къ своему разсмотрѣнію дѣло, по которому послѣдовало прекращеніе или пріостановка слѣдствія, хотя бы въ вуду палаты и не было жалобы потерпѣвшаго лица на опредѣленіе суда по означенному предмету. Приведя это постановленіе, проф. Тальбергъ замѣчаетъ: „въ законѣ не указано — можетъ ли палата, разсмотрѣвъ дѣло, вновь его возбудить, но слѣдуетъ думать, что палата не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ въ числѣ случаевъ, когда допускается возобновленіе однажды прекращенныхъ дѣлъ, вовсе не указанъ случай, когда палата признаетъ, что окружной судъ неправильно прекратилъ дѣло (ст. 542-я)“.

Такое толкованіе ст. 529[1] представляется намъ безусловно неправильнымъ. Оно основано единственно лишь на томъ соображеніи, характера чисто отрицательнаго, что обстоятельство, предусмотрѣнное ст. 529[1], не указано въ числѣ поводовъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, перечисляемыхъ въ ст. 542-й. Однако, самъ по себѣ этотъ доводъ не убѣдителенъ: систематическое толкованіе законовъ не всегда имѣетъ рѣшающее значеніе, особенно когда дѣло идетъ о законахъ русскихъ и въ частности о законахъ разновременныхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящемъ

случаѣ. Ст. 522 явилась 20 Ноября 1864 года, тогда какъ ст. 529^1 есть продуктъ позднѣйшей законодательной дѣятельности (В. У. М. Г. С. 3-го Мая 1883 года); нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что создавая новое правило, законодатель поставилъ его, по несовершенству законодательной техники или просто по недосмотру, особо, а не подвелъ подъ одну изъ существовавшихъ уже законныхъ категорій. По нашему мнѣнію, аргументъ автора въ пользу защищаемаго имъ положенія основанъ именно на редакціонномъ недосмотрѣ. Поставь редакторы новое правило подъ цифрой 542^1, а не подъ 529^1 и вышеприведенный доводъ проф. Тальберга отпалъ бы самъ собою. Но этого мало. Если принять предлагаемое имъ толкованіе, то ст. 529^1 потеряетъ всякій смыслъ и всякое практическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, для чего палатѣ требовать къ себѣ неправильно прекращенное или пріостановленное дѣло, разъ оно не можетъ быть возстановлено производствомъ? Въ интересахъ надзора? Но, во 1-хъ, тогда мѣсто ст. 529^1 не въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства, а въ Учрежденіи судебныхъ установленій, а, во 2-хъ, такой надзоръ и безъ того уже установленъ ст. 249 и 250 Учр. суд. уст., такъ что вторичное и притомъ частное возстановленіе его ст. 529^1 совершенно излишне. Думается, что мѣсто, занимаемое ст. 529^1, обстоятельства ея происхожденія, да и самый буквальный смыслъ ея говорятъ, напротивъ, за то, что согласно ей палата именно управомочена proprio motu возобновить неправильно пріостановленное или прекращенное производство. Ст. 529^1 помѣщена въ гл. 2-й разд. III-мъ (о преданіи суду) Уст. уг. суд. подъ титуломъ: „о дѣйствіяхъ судебной палаты и состоящаго при ней прокурора". Первая статья этой главы—529-я устанавливаетъ общее правило, что „Судебная Палата приступаетъ къ разсмотрѣнію обвинительныхъ актовъ или представленій о прекращеніи или пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія не иначе, какъ по письменнымъ предложеніямъ состоящаго при ней прокурора". Слѣдующая затѣмъ ст. 529^1 очевидно представляетъ собою постановленіе дополнительное, которымъ вводится исключеніе изъ общаго порядка для дѣлъ о

прекращенія и пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія: предусматривается случай разсмотрѣнія палатою дѣла по собственной инициативѣ, безъ наличности прокурорскаго предложенія. Съ другой стороны, понятна и ratio этой дополнительной статьи. До закона 3 мая 1883 г. у насъ не существовало точно опредѣленнаго порядка прекращенія уголовныхъ дѣлъ. Согласно ст. 277 Уст. уг. суд., въ ея прежней редакціи, разъ начатое дѣло могло быть прекращено только судомъ, но какимъ судомъ: окружнымъ или судебною палатою—этого названная статья не опредѣляла. Въ виду практическихъ затрудненій, въ разъясненіе ст. 277-й состоялось въ 1868 году опредѣленіе Сената, которымъ прекращеніе однихъ дѣлъ возлагалось на окружные суды (прекращеніе всякаго рода дѣлъ по причинамъ законнымъ за неоткрытіемъ въ дѣяніи признаковъ преступленія, за неимѣніемъ въ виду подозрѣваемаго, и только дѣлъ подсудныхъ окружному суду въ коронномъ составѣ—по недостатку уликъ), прекращеніе другихъ дѣлъ на судебныя палаты, (дѣла подсудныя суду присяжныхъ и прекращаемыя единственно только по недостатку уликъ) съ правомъ послѣднихъ, кромѣ того, пересматривать опротестованныя прокуроромъ опредѣленія окружныхъ судовъ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 3-го мая 1883 года ст. 277-я а вмѣстѣ съ нею ст. 523-я и др. были измѣнены въ томъ смыслѣ, что прекращеніе уголовнаго преслѣдованія по всякаго рода дѣламъ производится окружными судами, а судебной палатѣ принадлежитъ только пересмотръ опредѣленій и то лишь въ случаѣ несогласія окружнаго суда съ мнѣніемъ представляющаго дѣло къ прекращенію слѣдователя (ст. 277) или съ заключеніемъ прокурора (ст. 528) или въ виду жалобы потерпѣвшихъ лицъ (ст. 528^2). Измѣненіе статей Устава уголовнаго судопроизводства о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія въ указанномъ смыслѣ, очевидно, приводило къ тому, что судебныя палаты совершенно устранялись отъ рѣшенія вопроса объ этомъ въ первой инстанціи. Чтобы, такъ сказать, компенсировать такое умаленіе ихъ компетенціи по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ слѣдственнаго производства и создать болѣе

дѣятельное отношеніе къ послѣднему—тѣмъ же закономъ 3-го мая 1883 года допущено было, съ одной стороны, обжалованіе опредѣленій окружныхъ судовъ по данному вопросу потерпѣвшими, а съ другой—введено было дополнительное правило ст. 529[1] на тѣ исключительные случаи, когда Палата усмотритъ неправильно прекращенное или пріостановленное дѣло, не имѣя въ то же время ни одного изъ вышеуказанныхъ поводовъ вмѣшательства.

Защищаемое нами толкованіе ст. 529[1] подтверждается, наконецъ, и ея буквальнымъ смысломъ. Статья 529[1] говоритъ не просто только объ истребованіи судебной палатой неправильно прекращеннаго или пріостановленнаго дѣла, а объ истребованіи его къ своему разсмотрѣнію, т. е. къ обсужденію по существу вопроса—насколько правильно или неправильно направлено было дѣло и постановленію опредѣленія о дачѣ ему надлежащаго направленія.

Третья глава Пособія отведена изложенію ученія о гражданскомъ искѣ въ уголовномъ судѣ. По этому вопросу авторомъ написана была нѣсколько раньше спеціальная монографія (докторская диссертація), въ которой, какъ и въ Пособіи, онъ является защитникомъ соединеннаго процесса.

Вообще говоря, ученіе о гражданскомъ искѣ въ уголовномъ судѣ изложено проф. Тальбергомъ весьма обстоятельно, хотя нельзя не замѣтить, что и здѣсь встрѣчаются нѣкоторые частные промахи, налагающіе на его трудъ печать нѣкоторой торопливости и вредящіе цѣльности впечатлѣнія. Такъ напр., авторъ, говоря о положеніи соединеннаго процесса въ западныхъ законодательствахъ, утверждаетъ (стр. 62), что „особенность соединеннаго процесса, допускаемаго австрійскимъ уставомъ, заключается въ томъ, что всѣ частноправныя послѣдствія, вытекающія изъ наказуемаго дѣянія, въ томъ числѣ и вознагражденіе за вредъ и убытки, устанавливаются въ уголовномъ судѣ ex officio (von Amtswegen), независимо отъ требованія потерпѣвшаго (§ 365)“. При чтеніи приведеннаго мѣста получается впечатлѣніе, что какъ будто бы частному потерпѣвшему лицу совсѣмъ не приходится выступать въ австрійскомъ процессѣ на защиту своихъ частно-

правныхъ интересовъ въ уголовномъ судѣ, что тамъ все это дѣлается безъ него, само собою. Между тѣмъ это далеко не такъ. Цитируемый авторомъ § 365 австрійскаго устава буквально содержитъ въ себѣ слѣдующее: „der aus der strafbaren Handlung entstandene Schade und die sonstigen hinsichtlich der privatrechtlichen Folgen wichtigen Nebenumstände sind von Amtswegen zu berücksichtigen", а рядомъ съ этимъ § 4 того же устава гласитъ: „privatrechtliche Ansprüche aus strafbaren Handlungen sind auf Antrag des Beschädigten im Strafverfahren mit zu erledigen". Такимъ образомъ оказывается, что уголовный судъ ни въ какомъ случаѣ не установляетъ ex officio *вознагражденіе* за вредъ и убытки, а ограничивается лишь констатированіемъ ex officio самаго вреда и убытковъ, предоставляя затѣмъ частному потерпѣвшему лицу отыскивать соотвѣтствующее вознагражденіе путемъ предъявленія гражданскаго иска ex delicto въ судѣ уголовномъ или гражданскомъ. Подобнаго же рода неточность встрѣчается на стр. 66-й, гдѣ авторъ говоритъ объ основаніяхъ гражданскаго иска, предъявляемаго въ судѣ уголовномъ. „Только дѣйствительное, читаемъ мы здѣсь, а не мнимое или воображаемое, настоящее, а не *возможное въ будущемъ*, нарушеніе имущественныхъ интересовъ лица можетъ дать основаніе гражданскому иску, рождаетъ право потерпѣвшаго обратиться въ судъ съ требованіемъ вознагражденія". Такое положеніе, если придерживаться его строго-буквально, помимо соображеній теоретическихъ, противорѣчитъ даннымъ нашей судебной практики, признающей, напр., за страховыми отъ огня обществами право выступать въ роли гражданскихъ истцовъ по дѣламъ о поджогахъ застрахованнаго у нихъ имущества, хотя бы обвиняемые и не требовали еще возмѣщенія пожарнаго вреда по страховымъ полисамъ (Рѣш. по дѣлу Овсянникова 1876 г. № 97-й).

Большую часть перваго выпуска II тома (стр. 82—200), какъ и слѣдовало ожидать по существу дѣла, занимаетъ ученіе о доказательствахъ, которое, по справедливому замѣчанію автора, „составляетъ наиболѣе существенную и важную часть уголовнаго судопроизводства, такъ какъ всѣ судебныя дѣйствія, въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ, направлены къ собранію, установленію и оцѣнкѣ доказательствъ для достиженія истины по вопросамъ о фактѣ преступленія и виновности лица" (стр. 82).

Этотъ отдѣлъ Пособія дѣлится на двѣ части: 1) общее ученіе о доказательствахъ и 2) изложеніе отдѣльныхъ доказательствъ: личнаго судейскаго осмотра, показаній обвиняемаго, показаній свидѣтелей, показаній свѣдующихъ людей, дознанія чрезъ окольныхъ людей, вещественныхъ и письменныхъ доказательствъ и косвенныхъ доказательствъ или уликъ.

Общее ученіе, въ которомъ изслѣдуются вопросы объ источникахъ и предметѣ доказательствъ, объ условіяхъ ихъ предъявленія и способахъ оцѣнки, открывается опредѣленіемъ понятія „уголовное доказательство". „Подъ уголовнымъ доказательствомъ, говоритъ авторъ, мы понимаемъ тѣ факты или данныя судебнаго производства, которые служатъ основаніемъ убѣжденія нашего въ виновности или невиновности обвиняемаго". Такое опредѣленіе представляется намъ не вполнѣ точнымъ. Противъ него могутъ быть сдѣланы два замѣчанія: во-первыхъ, что не всѣ факты, демонстрируемые на судѣ въ качествѣ доказательствъ, дѣйствительно ложатся послѣ въ основу судейскаго убѣжденія и во-вторыхъ, что отнюдь не всякій фактъ, непосредственно доказываетъ событіе преступленія или виновность въ немъ лица, такъ какъ на судѣ въ качествѣ доказательствъ продуцируются и такіе факты, которые доказываютъ это непрямо, посредственно.

Въ особенной части ученія объ уголовныхъ доказательствахъ наиболѣе подробно изложены отдѣлы о свидѣтельскихъ показаніяхъ и о показаніяхъ свѣдущихъ людей; менѣе подробно—отдѣлы о вещественныхъ и письменныхъ доказательствахъ и косвенныхъ доказательствахъ или уликахъ. При изложеніи послѣдняго рода доказательствъ авторъ даже не опредѣляетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ косвенными уликами. Правда, онъ говоритъ нѣсколько словъ объ этомъ въ общемъ ученіи о доказательствахъ (стр. 91), но проводимое имъ здѣсь различіе между прямыми и косвенными доказательствами представляется слишкомъ неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Заключительная (VI) глава Пособія излагаетъ ученіе о мѣрахъ сохраненія слѣдовъ преступленія и обезпеченія явки обвиняемаго (стр. 201—214), а затѣмъ слѣдуетъ небольшое приложеніе (стр. I—XIV) о судебныхъ и административно-судебныхъ учрежденіяхъ по закону 12 Іюля 1889 г., которымъ и заканчивается второй выпускъ Пособія.

Подобно первому выпуску, этотъ второй выпускъ, помимо указанныхъ болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ, заключаетъ въ себѣ также и рядъ мелкихъ ошибокъ и неточностей, разсѣянныхъ по разнымъ страницамъ труда. Такъ, напр., авторъ на стр. 12-й утверждаетъ, что изъ всѣхъ видовъ несостоятельности „только *злостная* несостоятельность или злонамѣренное банкротство составляетъ наказуемое дѣяніе". Такое утвержденіе, если только оно вообще на чемъ нибудь основано, можетъ опираться до нѣкоторой степени лишь на буквальное чтеніе ст. 1165-й Улож. о наказ. ...„и по требованію и усмотрѣнію заимодавцевъ заключается въ тюрьму" и т. д. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что правило ст. 1165 Уложенія, противорѣча и буквѣ и духу Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, съ изданіемъ послѣднихъ утратило свою силу и должно быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что уголовный судъ не можетъ назначить наказанія, не имѣя предъ собою жалобы со стороны кредиторовъ, а не въ томъ, что наказаніе неосторожному банкроту можетъ быть опредѣлено помимо уголовнаго суда. Далѣе, на стр. 139-й Пособія авторъ, цитируя ст. 310 Уст. уг. суд., говоритъ, что „явка съ повинною служитъ законнымъ поводомъ для начатія слѣдствія лишь въ томъ случаѣ, если подтвердится имѣющимися у судебнаго слѣдователя свѣдѣніями". Такое толкованіе ст. 310-й противорѣчитъ и исторіи ея возникновенія и ея буквальному смыслу. Извѣстно, что по Своду Законовъ явка съ повинною представляла собою безусловный поводъ къ начатію формальнаго слѣдствія. Въ коммиссіи по составленію Устава уголовнаго судопроизводства 1863 г. 11 членовъ настаивали на сохраненіи прежняго значенія за явкой съ повинною, на законодательную санкцію получило мнѣніе остальныхъ 12-ти членовъ

рѣшительно высказавшихся за уничтоженіе этого остатка инквизиціоннаго процесса. Однако прежній порядокъ вещей и взглядъ меньшинства не остались безъ вліянія и наложили спеціальный отпечатокъ на форму ст. 310, которая редактирована слѣдующимъ образомъ: „по явкѣ съ повинною, судебный слѣдователь обязанъ приступить къ слѣдствію; но если признаніе явившагося съ повинною опровергается имѣющимися у слѣдователя свѣдѣніями, то онъ составляетъ протоколъ о причинахъ, побудившихъ его оставить явку съ повинною безъ послѣдствій, и сообщаетъ копію съ протокола Прокурэру или его товарищу". Оказывается, такимъ образомъ, что явка съ повинною и сама по себѣ составляетъ достаточный и законный поводъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія и что даже невозбужденіе послѣдняго при наличности повинной должно быть мотивировано слѣдователемъ въ особомъ протоколѣ.

Всѣ подобнаго рода мелкіе промахи и недосмотры, равно какъ и встрѣчающаяся по мѣстамъ неравномѣрность въ обработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, свидѣтельствуя о нѣкоторой торопливости автора, о желаніи его по тѣмъ или инымъ причинамъ скорѣе увидать выходъ въ свѣтъ своего труда, тѣмъ не менѣе не могутъ умалить значенія и достоинствъ послѣдняго. Пособіе проф. Тальберга ставитъ и въ большинствѣ случаевъ вполнѣ удачно и обстоятельно разрѣшаетъ всѣ входящіе въ его рамки вопросы уголовно-процессуальнаго права и можетъ быть рекомендуемо, какъ хорошее краткое руководство для студентовъ юристовъ. Еще разъ позволимъ себѣ повторить, что Пособіе проф. Тальберга не есть компиляція курса Фойницкаго и другихъ, а плодъ самостоятельной многолѣтней работы автора, въ лицѣ котораго наука утратила добросовѣстнаго и трудолюбиваго работника, а университетъ прекраснаго, любившаго свое дѣло, профессора.

П. Бесѣдкинъ.

---

2. *М. Ковалевскій*: «Законъ и обычай на Кавказѣ», I томъ, 290 стр., Москва, 1890 г.

Сочиненіе проф. М. М. Ковалевскаго принадлежитъ къ числу работъ по примитивному праву, — одному изъ мало разработанныхъ, но чрезвычайно важныхъ отдѣловъ въ сравнительной исторіи права. Ковалевскій задается въ своей работѣ цѣлью найти въ этнографическихъ и юридическихъ данныхъ относительно общественнаго быта разныхъ племенъ Кавказа основанія для провѣрки существующихъ въ наукѣ теорій о происхожденіи первобытной семьи. Но, кромѣ того, его интересуетъ и болѣе общій вопросъ о томъ, что такое горскій адатъ (т. е. обычное право), изъ какихъ элементовъ онъ сложился, есть ли онъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ воззрѣній, или же онъ сложился также подъ вліяніемъ различныхъ воздѣйствій на историческую жизнь кавказскихъ племенъ со стороны, опредѣлившихъ ее, религіозно-юридическихъ системъ (иранскаго, римскаго, византійскаго, армянскаго и грузинскаго права) разныхъ народностей (арабовъ, болгаръ, татаръ и др.) и русской культуры. Отъ отвѣта на эти вопросы, говоритъ Ковалевскій, зависитъ возможность опредѣлить, въ чемъ именно заключаются оригинальныя и чисто народныя нормы кавказскаго права, а также то положеніе, какое русское законодательство и суды должны занять по отношенію къ горскому адату, выполненіе принятой нами культурной миссіи на Кавказѣ. Безъ выясненія туземныхъ и чужеродныхъ элементовъ кавказскаго права русское правительство навсегда останется въ неизвѣстности на счетъ того, что оно должно сохранить и что отвергнуть въ существующемъ адатѣ. Этнографія и исторія должны на этотъ разъ придти на помощь законодательству и судебной практикѣ [1]).

Первый томъ работы Ковалевскаго посвященъ изслѣдованію народныхъ элементовъ въ обычномъ правѣ горцевъ и отраженій

---

1) См. предисловіе къ I тому, V—VI стр.

на ихъ правѣ различныхъ культурныхъ вліяній. Главу перваго отдѣла о матріархатѣ Ковалевскій начинаетъ заявленіемъ о томъ значеніи, какое можетъ имѣть для сравнительной этнографіи и исторіи права, не говоря уже о языкознаніи и исторіи религій, всестороннее изученіе быта кавказскихъ народностей. Въ сочиненіяхъ по сравнительной исторіи права все чаще и чаще стали теперь попадаться ссылки на современные обычаи осетинъ, черкесовъ или грузинскихъ горцевъ. Европейскихъ ученыхъ (Дареста, Колера и друг.) интересуетъ то, въ какой степени изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ разныя гипотезы о первобытномъ состояніи общества, составившіяся въ наукѣ на основаніи наблюденій надъ бытомъ современныхъ дикихъ племенъ. По мнѣнію Ковалевскаго этнографія Кавказа вслѣдствіе многочисленности и разнообразія обнимаемыхъ ею народностей и типовъ культуры можетъ быть привлечена къ изученію древнѣйшихъ стадій общежитія съ гораздо большимъ успѣхомъ, нежели описанія быта американскихъ и другихъ дикарей и индѣйскихъ племенъ, на которыхъ строятъ свои заключенія Мэнъ, Бахофенъ, Макъ-Леннанъ, Морганъ, Спенсеръ и др. современные этнологи. Указавши на контрастъ между патріархальной и матріархальной теоріей, разногласія среди ученыхъ относительно причинъ происхожденія матріархата и массу вопросовъ, возбужденныхъ въ наукѣ матріархальной теоріей, Ковалевскій замѣчаетъ, что всѣ обобщенія объ этихъ вопросахъ нуждаются въ повѣркѣ. А для такой повѣрки кавказовѣдѣніе даетъ самый надежный матеріалъ. Мы имѣетъ дѣло съ народностями, стародавніе нравы и обычаи которыхъ сохранились неизмѣнно вслѣдствіе особенно благопріятныхъ условій мѣстности. Древніе греческіе писатели, средневѣковые ученые путешественники по Кавказу, новые европейскіе ученые даютъ въ своихъ сочиненіяхъ подробныя и обстоятельныя описанія быта кавказскихъ племенъ. Въ свою очередь, русская администрація собираетъ въ интересахъ управленія точныя и полныя свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ туземныхъ племенъ, публикуемыя въ прессѣ и спеціальныхъ сборникахъ. Однимъ словомъ, заключаетъ

Ковалевскій, преимущество, представляемое кавказскимъ матеріаломъ, сводится къ превосходству матеріала историко-этнографическаго надъ матеріаломъ чисто этнографическимъ (3—8 с)

Кавказовѣдѣніе, продолжаетъ Ковалевскій, не только не противорѣчитъ выводамъ соціологическихъ изслѣдованій о матріархатѣ, родовомъ бытѣ, общинной и феодальной собственности, но представляетъ данныя для ихъ болѣе правильной формулировки и обоснованія. Въ средѣ различныхъ по своему происхожденію народностей Кавказа „можно отмѣтить цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ и обрядовъ, происхожденіе которыхъ не можетъ быть объяснено порядками родового агнатическаго устройства и необходимо предполагаетъ существованіе матріархата и связанныхъ съ нимъ учрежденій“. Такова, напр., общественная организація въ средѣ абазинскихъ племенъ,—братства; между мужчинами и женщинами этихъ братствъ существуютъ брачные запреты и въ нихъ находятся общность землевладѣнія и круговая порука въ отношеніи обидъ постороннихъ кому-либо изъ членовъ братства. Это тѣже черты соціальнаго примитивнаго быта, которыя найдены Морганомъ у австралійскихъ дикарей. Экзогамическія запрещенія брачныхъ союзовъ наблюдаются, напр., въ одномъ изъ этихъ племенъ, раздѣляющихся на двѣ экзогамическихъ группы: Кумитовъ и Кроки. Браки заключаются только между членами этихъ двухъ группъ и запрещены безусловно между членами каждой изъ нихъ. Братства черкесовъ, слѣдовательно, остатокъ первоначальныхъ общественныхъ порядковъ. Наблюдаемый у нихъ обычай, въ силу котораго мужъ чуждается своей жены и даже оказываетъ къ ней публично явное пренебреженіе, имѣетъ также сходство съ обычаями всѣхъ экзогамическихъ обществъ, гдѣ считается обиднымъ для каждаго изъ его членовъ, если одинъ изъ нихъ заявляетъ исключительное право на свою жену чужеродку. Черкесскій обычай „аталычества“, который состоитъ въ воспитаніи новорожденнаго въ чужой семьѣ до совершеннолѣтія, когда аталыкъ передаетъ торжественно своего воспитанника его отцу, также объясняется когда-то бывшимъ, стародавнимъ господствомъ въ средѣ черкесовъ экзогамическихъ запрещеній. Этотъ обычай

являлся необходимымъ въ ту пору, когда принадлежность дѣтей тому или другому отцу была спорной именно потому, что для брачныхъ союзовъ между членами одного и того же братства не существовало никакихъ запрещеній. Подобныя эндогамическія братства встрѣчаются у чеченцевъ подъ именемъ „тайпъ", у которыхъ женщина составляетъ собственность той семьи, къ которой принадлежитъ ея мужъ (9—18 с.).

Въ матріархальной семьѣ особенно большая роль выпадаетъ на долю брата матери. Поэтому совершенно понятно право брата у ингушей распоряжатся рукою своей сестры, какъ и право сына его сестры требовать отъ дяди по матери въ моментъ совершеннолѣтія особаго подарка (барчъ), представляющаго собою форму зазаконнаго наслѣдованія племянникомъ имущества своего дяди. Строгая экзогамія и не менѣе строгое соблюденіе супругами правила о сохраненіи въ тайнѣ существующихъ между ними отношеній еще недавно составляли общую черту быта всего крестьянскаго населенія Грузіи. По смерти отца опекуномъ надъ дѣтьми назначается здѣсь обыкновенно дядя ихъ по матери. Въ Пшавіи остался отъ временъ матріархата обычай искуственнаго братства или точнѣе посестримства. Въ этой же мѣстности Кавказа сохранился обычай религіознаго гетеризма, который есть ничто иное, какъ пережитокъ того отдаленнаго періода времени, когда отношенія между полами были свободными и случайными подъ условіемъ строгаго соблюденія экзогамическихъ требованій. Древнѣйшей формой экзогаміи должна быть признана экзогамія не агнатическихъ, а когнатическихъ родовъ: такимъ только путемъ можетъ быть избѣгнуто кровосмѣшеніе между братьями и сестрами — дѣтьми одной матери. Такого рода запрещенія браковъ когнатовъ существуютъ и у пшавовъ. Обязательное заключеніе браковъ съ чужеродками, характеръ таинственности, придаваемой отношеніямъ между мужемъ и женой, обычай аталычества—всѣ эти черты материнскаго права встрѣчаются и у осетинъ. У послѣднихъ мы находимъ экзогамическій бракъ, обычаи снохачества (при бракахъ съ малолѣтними), деверства или левирата и привиллегированное положеніе брата матери. При замужествѣ племянницъ—

дочерей сестры онъ получаетъ отъ жениха особый подарокъ. Наличность всѣхъ этихъ обычаевъ въ средѣ осетинъ даетъ право Ковалевскому сдѣлать то заключеніе, что и у нихъ материнство предшествовало развитію патріархата и агнатическаго родства. Если принять во вниманіе всѣ эти сохранившіяся у кавказскихъ племенъ черты матріархата, то не представятся вполнѣ баснословными и разсказы древнихъ писателей (Страбона и др.) объ амазонкахъ, жившихъ къ востоку отъ черкесовъ. У горцевъ сохранилось преданіе о примиреніи амазонокъ и заключеніи ими браковъ съ черкесами. Это преданіе указываетъ на окончательный разрывъ съ матріархальными порядками, на смѣну которыхъ явилась потомъ патріархальная семья съ властью мужа и отца надъ всѣми ея членами. По разсказу Помпонія у одного изъ кавказскихъ племенъ—у лошисовъ существовалъ коммунальный бракъ, а другому—тибаренамъ былъ извѣстенъ обычай кувады, симулирующій зарожденіе въ ихъ семейныхъ отношеніяхъ отеческой власти.

Резюмируя все сказанное о матріархатѣ у кавказскихъ народностей, Ковалевскій приходитъ къ тому заключенію, что данныя кавказской этнографіи не подтверждаютъ собою ни ученія Бахофена о гинекократіи, какъ первоначальномъ періодѣ въ исторіи первобытныхъ семейныхъ отношеній, ни ученія другихъ этнологовъ о господствѣ безпорядочныхъ отношеній между полами въ примитивной семьѣ. Власть въ материнскомъ родѣ принадлежитъ не самой матери, а ея мужскимъ когнатамъ: дядѣ и брату. На племянникахъ и внукахъ по матери лежитъ обязанность повиноваться своимъ материнскимъ дядямъ, какъ и—отмщенія за нихъ. Трудно назвать, замѣчаетъ Ковалевскій, безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ строгое соблюденіе кавказскими племенами началъ экзогаміи, при которомъ члены одного и того же братства лишены права взаимнаго супружества. На Кавказѣ также неизвѣстны полигамія, поліандрія и моногамія. Можно утверждать, что предки современныхъ намъ горцевъ знали только „групповой бракъ", при которомъ существовали экзогамическіе запреты и экзогамическая свобода въ отношеніяхъ между муж-

чинами и замужними женщинами (19—27 г.). Но какъ эти „групповые браки“, такъ и власть въ матріархальной семьѣ не самой матери, а ея дяди или брата, — явленія, давно извѣстныя всѣмъ изслѣдователямъ примитивнаго быта, и сообщаемыя Ковалевскимъ данныя не прибавляютъ ничего новаго къ уже имѣющимся выводамъ о состояніи первоначальной семьи. Другой вопросъ, на сколько свѣдѣнія, сообщаемыя Ковалевскимъ о семейныхъ отношеніяхъ у кавказскихъ племенъ, подтверждаютъ теорію Макъ-Леннана, Моргана и самого Ковалевскаго о материнской семьѣ, какъ примитивной формѣ семьи, которая вездѣ предшествовала патріархату. Не входя здѣсь въ изслѣдованіе этого чрезвычайнаго спорнаго въ наукѣ вопроса, мы позволимъ себѣ указать читателю на нашу библіографическую статью по поводу сочиненія того же Ковалевскаго: „Первобытное право“, гдѣ мы старались доказать, на сколько трудно и неосновательно примѣнять цѣликомъ къ изученію общественныхъ отношеній между людьми общую эволюціонную теорію Дарвина [1]).

Во 2 главѣ Ковалевскій трактуетъ: „Объ агнатическомъ родѣ“, который представляется въ средѣ горцевъ вполнѣ жизненнымъ явленіемъ, между тѣмъ какъ отъ матріархата остались у нихъ только нѣкоторые слѣды. Въ соціальномъ быту кавказскихъ племенъ выражается съ наглядною очевидностью точная связь общественнаго устройства съ древней религіей — культомъ предковъ, который оказываетъ вліяніе на умственный складъ, нравы, обычаи, привычки и экономическій строй жизни горцевъ. При изученіи родоваго у нихъ устройства Ковалевскій останавливается лишь на тѣхъ сторонахъ родовыхъ порядковъ у горцевъ, которыя до сихъ поръ мало выяснены и на которыя „кавказская этнографія призвана пролить новый свѣтъ“ (29 с.). Сюда относится вопросъ о связи учрежденій родоваго быта съ религіей вообще и особенно съ культомъ предковъ. Родовое устройство вообще совпадаетъ во времени своего появленія съ періодомъ полнѣйшаго развитія анимизма, т. е., съ одухотвореніемъ всѣхъ явленій природы и представленіемъ

---

[1]) См. 5 № Юрид. библіографіи Д. Ю. Лицея.

о загробной жизни, какъ продолженіи настоящей. Поэтому родовой бытъ разсчитанъ на то, чтобы въ одинаковой мѣрѣ удовлетворялись потребности какъ живыхъ, такъ и умершихъ. У всѣхъ кавказскихъ племенъ поэтому смотрять на болѣзнь, какъ на проявленіе вражды къ роду злаго духа, а на смерть, какъ на обиду, причиненную однимъ родомъ или, вѣрнѣе, его умершими другому. При погребеніи у горцевъ, черкесовъ, осетинъ, грузинъ и др. покойникъ надѣляется одеждою, пищей и питьемъ для того, чтобы расположить его въ свою пользу и сдѣлать изъ него духа покровителя и помощника въ дѣлахъ рода и мстителя за обиды, причиненныя его роду чужими. Потомокъ можетъ провиниться предъ предкомъ не только въ томъ случаѣ, если оставляетъ его безъ нужной ему пищи или питья, но даже и тогда, когда онъ не отомститъ за его смерть. Поэтому кровная месть является въ родовомъ быту священнымъ долгомъ. Отсюда же объясняется обычное прежде у разныхъ кавказскихъ племенъ умерщвленіе кровныхъ враговъ на самой могилѣ ихъ жертвъ. Такъ какъ культъ предковъ—родовая религія, исключающая изъ общенія всѣхъ членовъ чужихъ родовъ, то единственнымъ средствомъ для убійцы уклониться отъ кровной мести является поступленіе въ члены обиженнаго имъ рода. Съ этою цѣлью у кабардинцевъ практикуется похищеніе ребенка у обиженнаго имъ рода: убійца его воспитываетъ и тѣмъ вступаетъ въ искусственное родство съ родомъ ребенка. Осетинскій же обрядъ „самопосвященія" выражаетъ готовность убійцы умилостивить свою жертву добровольнымъ поступленіемъ въ ряды послѣдователей ея культа. Причиной недовольства предка на своего потомка можетъ быть также произнесенная послѣднимъ ложная присяга. Поэтому у кавказскихъ горцевъ важнѣйшимъ видомъ судебныхъ доказательствъ является присяга отвѣтчика и соприсяга его родственниковъ. Сакраментальнымъ характеромъ семейнаго очага объясняется то, что всякій чужеродецъ, вступившій въ соприкосновеніе съ нимъ тѣмъ или другимъ способомъ, дѣлается временнымъ членомъ семьи и получаетъ право на помощь и защиту отъ своихъ враговъ со стороны

ея. Сообразно этому представленію существуетъ на Кавказѣ всюду обычай гостепріимства, въ силу котораго чужеродецъ становится членомъ семьи, разъ онъ переступаетъ порогъ дома. Въ связи съ культомъ предковъ находится практикуемый въ родовыхъ обществахъ обычай установленія искуственнаго родства или побратимства, которое у черкесовъ, осетинъ и грузинъ возникаетъ съ момента совмѣстнаго вкушенія пищи и питья изъ одной чаши. Культомъ предковъ, далѣе, объясняется вражда между членами разныхъ родовъ, въ интересахъ предковъ которыхъ совершаются жертвоприношенія на ихъ могилахъ. Изъ общности домашняго культа вытекаетъ и тотъ фактъ, что всякій, принимающій то или другое участіе въ отправленіяхъ этого культа, вступаетъ въ число его членовъ. У кавказскихъ племенъ мы замѣчаемъ какъ враждебное отношеніе между братствами—родами, такъ и гуманное отношеніе горцевъ къ ихъ домашнимъ рабамъ, которые всегда пользовались у черкесовъ, кабардинцевъ и особенно осетинъ большими привиллегіями сравнительно съ покупными рабами или военноплѣнными. Тѣсными, родственными отношеніями между всѣми членами одного и того же рода объясняется тотъ фактъ, что не только дѣтоубійство, но и братоубійство въ нѣдрахъ и между членами рода остаются безъ отомщенія. Преступникъ обыкновенно изгоняется въ этомъ случаѣ изъ рода и съ нимъ прекращаются всякія отношенія его сородичей. Таковы были: славяно-русскій „изгой“, древне-германскій „wargus“; таковы на Кавказѣ абреки. Во всѣхъ родовыхъ обществахъ устраненіе изъ среды рода преступнаго его члена совершается или посредствомъ формальнаго отреченія отъ всякаго съ нимъ общенія, или разрушеніемъ его жилища, или же конфискаціей принадлежащей преступнику собственности. Отсюда понятно, почему въ обычномъ правѣ кавказскихъ горцевъ устанавливается строгое различіе между воровствомъ въ средѣ рода и похищеніемъ вещи у чужеродца. Воровство у членовъ чужихъ родовъ не считается у кавказскихъ горцевъ уголовнымъ преступленіемъ; въ случаѣ открытія вора онъ долженъ только возвратить стоимость вещи ея хозяину. При воровствѣ же внутри рода практикуется конфискація имущества

вора или же стоимость украденнаго увеличивается въ нѣсколько разъ. Культъ предковъ допускаетъ только къ участію въ жертвоприношеніяхъ въ честь умершихъ однихъ родственниковъ кровныхъ или искуственныхъ. Ясно поэтому, почему обычаи кавказскихъ горцевъ требуютъ въ одно и тоже время умерщвленія незаконнорожденныхъ дѣтей и убійства обоихъ виновниковъ прелюбодѣянія (30—43 с.).

Культъ предковъ совершаетъ сильное вліяніе на выдѣленіе дворовой собственности изъ племенной или родовой. Усадебная земля, оставленная вымершимъ родомъ, становится обиталищемъ умершихъ рода, которые превращаются въ злыхъ геніевъ мѣстности вслѣдствіе прекращенія принесенія имъ жертвъ. Поэтому такіе поземельные участки исключаются изъ общаго правила о нераздѣльномъ поземельномъ владѣніи цѣлымъ племенемъ и дѣлаются предметомъ подворнаго владѣнія. Но тотъ же культъ предковъ можетъ послужить и причиною отчужденія земли, часть которой продается ея собственникомъ — родомъ для того, чтобы устроить поминки по умершимъ. При продажѣ предпочитается переходъ земли къ родственнымъ родамъ, способнымъ вслѣдствіе этого поддержать культъ предковъ рода—продавца земли. Если же земля переходитъ къ чужеродцу, то послѣдній считаетъ своимъ долгомъ совершить поминки въ честь предковъ продавца въ надеждѣ расположить ихъ въ свою пользу. Такъ именно дѣлается до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ Осетіи и Грузіи. Вообще культъ предковъ является связующимъ началомъ въ взаимныхъ отношеніяхъ членовъ рода. Поэтому-то всѣ кавказскія генеалогіи, имѣющія за собою только нѣсколько вѣковъ, ничего не говорятъ противъ такого именно тѣснаго соотношенія кавказскихъ родовъ съ культомъ ихъ предковъ. Гораздо большее значеніе имѣютъ сказанія горцевъ о великанахъ или „нартахъ“, которыя происходятъ обыкновенно отъ одной общей матери. „Нарты“ представляются въ сказаніяхъ собирателями людей, начальниками постоянныхъ союзовъ для взаимной обороны и нападеній. „Нарты“—народные герои, объединяющіе съ помощью дружины разрозненные элементы общества. Эти смѣлые витязи, покрытые

при жизни славой объ ихъ подвигахъ, становятся послѣ своей смерти центромъ особаго культа. Обаяніе, которымъ окружается личность умершаго, дѣлается причиною перехода его власти къ кому-либо изъ родственниковъ покойнаго. Такъ совершается постепенный процессъ превращенія материнскихъ экзогамическихъ родовъ въ экзогамическіе агнатическіе роды. Въ такомъ видѣ представляется образованіе агнатическихъ родовъ у кавказскихъ племенъ. Изученіе родовыхъ у нихъ порядковъ, которое дастъ возможность проникнуть въ мельчайшія подробности родоваго міросозерцанія, можетъ оказать, по мнѣнію Ковалевскаго, неоцѣнимую услугу наукѣ общественной эмбріологіи: всѣ древнѣйшіе памятники нѣмецкаго, славянскаго или кельтическаго права возникли уже въ христіанскую эру и потому не могутъ дать точное и опредѣленное представленіе объ образованіи древнѣйшихъ родовыхъ порядковъ, такъ противорѣчащихъ нашимъ понятіямъ о правѣ и справедливости (43—52 с.).

Кавказская этнографія помогаетъ разъяснить и спорный вопросъ родового устройства объ отношеніи человѣка къ землѣ. Именно кавказская этнографія указываетъ намъ на возможность сохраненія родовыхъ порядковъ при переходѣ отъ кочевого быта къ осѣдлому и на произвольность утвержденія, что возникновеніе частной собственности непремѣнно совпадаетъ съ пріобрѣтеніемъ племенемъ осѣдлости. Владѣніе землею цѣлыми родами не исключаетъ выдѣленія изъ родовой поземельной собственности отдѣльныхъ участковъ въ владѣніе дворовыхъ общинъ. Предъ нашествіемъ на Кавказъ тюркскихъ племенъ всѣ племена сѣвернаго Кавказа вели полуосѣдлый образъ жизни. Замкнутость мѣстностей, гдѣ они поселились, и неизбѣжная вслѣдствіе физическихъ условій изолированность ихъ другъ отъ друга заставили ихъ обратиться къ земледѣлію и жить дворовыми общинами. При нашествіи кабардинцевъ на Сѣверный Кавказъ его народности возвращаются снова къ своимъ кочевымъ привычкамъ. Періодическія переселенія цѣлыми аулами съ одного мѣста на другое были обычаемъ, котораго держались съ давнихъ поръ многія племена Кавказа. Кабардинцы, напр., не остаются на одной

мѣстности болѣе 4 или 5 лѣтъ; тѣже порядки были извѣстны вообще черкесамъ, осетинамъ, алланамъ, индусамъ и чеченцамъ. Ели же у кавказскихъ горцевъ до сихъ поръ держится родовое устройство вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ земельнымъ владѣніемъ, то отсюда выходитъ, что переходъ ихъ къ осѣдлости не сопровождался упадкомъ родовой организаціи и общаго поземельнаго владѣнія. И до сихъ поръ черкесы только пользуются занятыми отдѣльными дворами участками земли, но не могутъ ни продать ихъ, ни подарить. Переживаніе старинныхъ аграрныхъ порядковъ сказывается, между прочимъ. въ правѣ каждаго свободнаго кабардинца предъявлять къ каждому изъ своихъ сосѣдей требованіе, чтобы онъ уступилъ ему безвозмездно лошадь или другое животное, которое ему нравится. Аналогичный этому обычаю у адигейцевъ существуетъ другой — обычай добровольнаго обложенія себя каждымъ въ пользу сосѣда, потерпѣвшаго какой-либо ущербъ. Система дворовыхъ поселеній до сихъ поръ еще встрѣчается у сванетъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, а также ингушей и чеченцевъ. Совмѣстное владѣніе пастбищами и лѣсами рядомъ съ подворною собственностію встрѣчается также у горцевъ Дагестана. Всѣ эти факты изъ общественной жизни кавказскихъ племенъ даютъ поводъ Ковалевскому сдѣлать тотъ общій выводъ, что „родовые порядки не предполагаютъ необходимо господства одной какой-либо формы землевладѣнія", и что въ данномъ случаѣ все зависитъ отъ характера мѣстности, на которой селятся родовыя группы. Племенная поземельная собственность встрѣчается на ровныхъ и обширныхъ плоскостяхъ, дворовая на узкихъ, замкнутыхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. На Кавказѣ мы не встрѣчаемъ только частной поземельной собственности; отсутствуетъ здѣсь и рѣзкая грань между общинно-родовымъ и общинно-сельскимъ землевладѣніемъ, на которую обращаютъ такое сильное вниманіе изслѣдователи германскихъ или славянскихъ народностей. Родъ и сельская община—формы общежитія, слишкомъ близкія другъ къ другу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже совпадающія другъ съ другомъ. Все различіе между ними сводится лишь къ тому, что родъ является не только

экономическимъ, но и религіознымъ союзомъ, и что первый обязательно придерживается началъ экзогаміи, которая для сельской общины необязательна. Изученіе порядковъ кавказскаго землевладѣнія, наконецъ, указываетъ на неправильность общепринятой теоріи о системѣ періодическихъ передѣловъ, яко бы неразлучныхъ съ древнѣйшими порядками землевладѣнія. На самомъ дѣлѣ при существованіи у черкесовъ, кабардинцовъ, чеченцевъ и ингушей племенной, братской, родовой и нераздѣльно-семейной поземельной собственности не встрѣчается никакого слѣда такого обычая періодическаго раздѣла земель въ пользованіе отдѣльнымъ членамъ племени, братства, рода или семьи. Такимъ образомъ, заключаетъ Ковалевскій, на низшихъ ступеняхъ общественной жизни существуетъ семейная община, чуждая передѣловъ и придерживающаяся началъ полнаго имущественнаго коммунизма въ средѣ производства и потребленія (53—64 с.).

Спорный вопросъ въ теоріи родоваго быта о характерѣ въ немъ суда и управленія разрѣшается германскими и славянскими историками обыкновенно въ томъ смыслѣ, что первыми органами власти считаются родовые старѣйшины и народныя собранія. Данныя кавказской этнографіи проливаютъ свѣтъ и на этотъ вопросъ. Разборъ спорныхъ случаевъ принадлежитъ у осетинъ и черкесовъ избраннымъ дворомъ или цѣлой общиной лицамъ, старшимъ по своему возрасту по сравненію съ остальными членами рода или семьи или наиболѣе способнымъ быть ихъ главою. Старѣйшина не обладаетъ деспотическою властью; онъ только первый между равными. Въ рѣшеніяхъ всѣхъ дѣлъ онъ участвуетъ наравнѣ съ остальными совершеннолѣтними членами семейной общины. Власть мужа надъ семьей, ограничивающаяся въ дворахъ старѣйшинами съ совѣтомъ родственниковъ, въ малыхъ семьяхъ кавказскихъ народностей является вполнѣ произвольной. Подобно дворовымъ старѣйшинамъ, родовыми старѣйшинами являются тѣ, которые пріобрѣтаютъ у своихъ сородичей полное довѣріе своею храбростью, мудростью и справедливостью. Они даютъ совѣты въ затруднительныхъ случаяхъ, разбираютъ дѣла въ качествѣ третейскихъ судей и играютъ первую роль на собраніяхъ всѣхъ

членовъ рода. Послѣдніе обсуждаютъ и рѣшаютъ всѣ вопросы, относящіеся къ области внутренней и внѣшней жизни рода. При соединеніи родовъ въ братства всѣми дѣлами послѣднихъ управляетъ собраніе всего братства („тлеуша“). Братства имѣютъ также своихъ старѣйшинъ, которые посредничаютъ въ спорахъ между отдѣльными братствами. Самостоятельность отдѣльныхъ родовъ и братствъ вызываетъ въ случаяхъ взаимныхъ обидъ ихъ членовъ самосудъ, который принимаетъ разную форму, смотря по характеру самой обиды. Имущественныя обиды обыкновенно вызываютъ насильственный захватъ обиженнымъ имущества обидчика („баранту“) Наоборотъ, личныя обиды порождаютъ кровавую месть, которая сначала слѣдовала за каждымъ проступкомъ; потомъ случаи кровоотмщенія стали рѣже и у осетинъ и въ Дагестанѣ есть уже обычай примиренія убійцы съ родомъ обиженнаго. При этомъ обидчикъ обыкновенно уплачиваетъ обиженному извѣстную сумму, сообразную важности преступнаго его дѣйствія. Размѣръ этого вознагражденія за отказъ отъ права мести опредѣляется особенными посредниками, которые постепенно превращаются въ верховныхъ судей, передающихъ свою власть отъ одного поколѣнія въ другое. Наконецъ, кавказская этнографія не подтверждаетъ ходячаго ученія о томъ, что на первоначальной ступени общественной жизни весь народъ принимаетъ участіе въ отправленіи суда. Все руководство общими дѣлами и судъ составляетъ у кавказскихъ народностей право особаго рода совѣта избранныхъ посредниковъ, рѣшенія которыхъ считались обязательными для всѣхъ членовъ рода. У тѣхъ же кавказскихъ племенъ, у которыхъ княжеская власть явилась вполнѣ выработанной, народныя собранія состояли до прошлаго вѣка изъ князей и узденей (знати); остальные члены рода присутствовали на этихъ сходахъ знати, но не имѣли рѣшающаго голоса. Послѣдній принадлежалъ князю, который долженъ былъ имѣть репутацію рыцаря и отличаться даромъ слова. Народъ возбуждалъ вопросы въ случаяхъ, если дѣло касалось обидъ, причиненныхъ однимъ родомъ другому, точно также, какъ это было у древнихъ германцевъ. Тамъ же, гдѣ роды не могли составить одинъ

общій союзъ (у чеченцевъ), каждый аулъ управляется своимъ сходомъ, гдѣ право голоса принадлежитъ всякому, желающему говорить (65—77 с.).

Сообщая весь этотъ богатый матеріалъ относительно соціальнаго быта кавказскихъ племенъ, Ковалевскій дѣйствительно оказываетъ большую услугу наукѣ сравнительной исторіи права, гдѣ эти этнографическія данныя подтверждаютъ нѣкоторыя теоріи объ организаціи примитивнаго общества. Но въ тоже время мы не можемъ согласиться съ нимъ, что кавказская этнографія въ состояніи произвести коренной переворотъ во взглядахъ на устройство первобытнаго общества. Вопросъ о вліяніи культа предковъ на всѣ стороны первоначальной соціальной жизни былъ не разъ изслѣдованъ многими извѣстными учеными (Куланжомъ, Спенсеромъ, Лэббокомъ, Липпертомъ и др.), которые доказали неразрывную его связь со всѣмъ строемъ примитивной жизни. Кавказская этнографія не опровергаетъ и высказанныхъ въ наукѣ воззрѣній на происхожденіе поземельной собственности: она только показываетъ, что при разрѣшеніи этого вопроса невозможно установить одну общую теорію, подъ которую подошли бы всѣ факты изъ примитивно экономической жизни. Наконецъ, мы не видимъ что-либо новое и въ сообщаемомъ Ковалевскимъ фактѣ, что на Кавказѣ управленіе родовыхъ группъ организуется въ видѣ посредническихъ судовъ, состоящихъ изъ старѣйшинъ. Тѣже старѣйшины съ факультативною властью извѣстны и древнимъ германцамъ и славянамъ, какъ замѣчаетъ объ этомъ и самъ Ковалевскій.

Покончивши съ вопросомъ о народныхъ основахъ общественнаго быта горцевъ, Ковалевскій обращается къ изученію разнаго рода чужеземныхъ вліяній (религіозныхъ, общественныхъ и юридическихъ), измѣнившихъ эти основы. Маздеизмъ, магометанство и христіанство оставили замѣтные слѣды какъ на религіозныхъ вѣрованіяхъ горцевъ, такъ ихъ нравственныхъ представленіяхъ, повседневномъ складѣ жизни, обрядахъ и юридическихъ обычаяхъ. Персидскіе, грузинскіе, болгарскіе, хозарскіе, татарскіе, монгольскіе и кабардинскіе правители также во многомъ измѣнили строй общественной и юридической организаціи горцевъ.

Сословная организація ихъ быта образовалась при воздѣйствіи на него грузинскаго феодализма и аналогичнаго съ нимъ общественнаго устройства кабардинцевъ. Извѣстные слѣды оставили на народномъ быту горцевъ греко-римская и византійская культура, а также и рано воспринятое ими христіанство. Въ своемъ изслѣдованіи различныхъ вліяній на соціально-юридическій строй кавказскихъ племенъ Ковалевскій ставитъ своею цѣлью „раскрыть отношеніе, существующее между писаннымъ закономъ и передаваемыхъ устной традиціей обычаемъ“. Результатомъ такого способа изученія юридическихъ учрежденій у кавказскихъ племенд будетъ, надѣется Ковалевскій, „признаніе читателя, что дѣйствующій обычай не является исключительнымъ отраженіемъ современнаго ему юридическаго сознанія народа, а представляетъ собою рядъ историческихъ наслоеній, изъ которыхъ однѣ вызваны естественнымъ ростомъ народной жизни, а другія обусловливаются тѣмъ вліяніемъ, какое въ разныя эпохи писанный законъ оказывалъ на народный обычай. Такимъ образомъ, заключаетъ Ковалевскій, вмѣсто того, чтобы быть всегда и неизменно, какъ думала школа Пухты, первоисточникомъ закона, народный обычай нерѣдко самъ въ числѣ своихъ первоисточниковъ можетъ указать и на законъ“ (79—80 с.).

Весь второй отдѣлъ книги Ковалевскаго посвященъ „Культурнымъ вліяніемъ и ихъ отраженіямъ на обычномъ правѣ горцевъ“. Ковалевскій начинаетъ съ „Иранскихъ вліяній“. Религія армянъ имѣла нѣкогда въ своемъ основаніи дуализмъ, свойственный маздеизму; они почитали Арамазда, Михру, (Ормузда), также какъ и Аримана. Почитаніе послѣдняго, какъ воплощенія злаго начала во вселенной, выражалось въ поклоненіи армянъ драконамъ. Древніе армяне смотрѣли и на загробную жизнь подобно персамъ. Эпохѣ обращенія въ христіанство грузинъ предшествовалъ довольно продолжительный періодъ, въ теченіе котораго они являлись послѣдователями маздеизма. Поклоненіе добрымъ и злымъ геніямъ, а также семейному очагу и освященнымъ предметамъ было извѣстно и осетинамъ, у которыхъ главное содержаніе культа предковъ состоитъ въ питаніи мертвыхъ посредствомъ совершае-

мыхъ въ нхъ честь поминокъ Осетинъ приноситъ имъ жертву въ надеждѣ получить помощь и поддержку во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни. Народная миѳологія осетинъ представляетъ еще ту сходную черту съ религіей Авесты, что дѣлаетъ предметомъ особаго культа домашній очагъ и въ частности цѣпь, на которой виситъ котелъ для варки пищи. Эту цѣпь народная фантазія отождествляетъ съ дракономъ (злымъ духомъ—Амираномъ). Всѣ эти факты изъ древней жизни горцевъ доказываютъ, что религіозныя вѣрованія иранцевъ въ одно время господствовали на всемъ Кавказѣ. Всѣ его племена были огнепоклонниками и дуалистами, имѣли своихъ маговъ или жрецовъ и свой домашній культъ. Это-то продолжительное господства маздеизма на Кавказѣ выразилось, прежде всего, въ исключительномъ признаніи эндогаміи за единственно священную и законную форму брака. Такъ въ средѣ дагестанскихъ родовъ (тохумовъ) до сихъ поръ запрещается заключеніе браковъ съ чужеродками и самымъ почетнымъ бракомъ считается бракъ, совершаемый между двоюродными братьями и сестрами. Этотъ обычай напоминаетъ собою взглядъ Авесты на святость брака, заключаемаго между даже ближайшими родственниками. Погребальные обычаи, соблюдаемые многими кавказскими племенами до настоящаго времени, носятъ на себѣ также несомнѣнные слѣды иранскихъ вліяній. Хевсуры, осетины не зарывали тѣла своихъ покойниковъ, оставляли ихъ непогребенными въ склепахъ. Тоже запрещеніе сожигать мертвыхъ или зарывать ихъ тѣла въ землю наблюдалось у древнихъ персовъ, которые вѣрили, что въ тѣло умершаго вселяется „трупный бѣсъ", и что поэтому всякое прикосновеніе къ тѣлу оскверняетъ человѣка, дѣлаетъ его нечистымъ. Это вѣрованіе вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ ему обычаемъ выставлять тѣла мертвыхъ на пожираніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ встрѣчалось путешественниками у гебровъ или идолопоклонниковъ Персіи. Религіозныя представленія персовъ о необходимости избѣгать прикосновенія ко всему, что не имѣетъ еще или лишилось жизни выражаются въ предписаніяхъ, соблюдаемыхъ хевсурами относительно изолированности рожениц и удаленія различныхъ отдѣ-

ляемыхъ отъ тѣла его частей (обрѣзанныхъ волосъ, остриженныхъ ногтей и проч.). У мингрельцевъ ближайшее сообщеніе съ огнемъ, чистымъ по воззрѣнію персовъ элементомъ природы, считается средствомъ освобожденія себя отъ нечистой силы, - обычай, аналогію которому можно найти въ соблюдаемомъ и теперь въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи обрядѣ разведенія наканунѣ Ивана Купала костровъ и перепрыгиванія черезъ него парней и дѣвицъ. Собака считается послѣдователями Авесты опаснымъ врагомъ трупнаго бѣса. Поэтому она грозитъ страшнымъ наказаніемъ тому, кто убъетъ собаку. Это воззрѣніе Авесты отразилось въ обычаѣ ингушей прибѣгать къ угрозѣ кредитора убить собаку надъ могилой родныхъ должника: трупъ собаки, какъ обиталище нечистаго духа, считается нечистымъ, способнымъ осквернить могилу умершаго. Авеста считаетъ обязанностью всѣхъ вѣрующихъ истребленіе нечистыхъ животныхъ: змѣй, лягушекъ, кошекъ и др. Этотъ взглядъ повелъ у хевсуровъ и пшавовъ къ особому порядку очистительной присяги, при которой присутствующая живая кошка является залогомъ достовѣрности заявленій присягающаго въ чемъ-либо. Взгляды древнихъ персовъ на формы брака отразились особенно ясно на юридическихъ воззрѣніяхъ на этотъ институтъ осетинъ. Какъ и у персовъ, у осетинъ существуютъ кромѣ законныхъ женъ еще временныя — „номулусъ", которыя обладаютъ извѣстными правами по отношенію къ своимъ случайнымъ супругамъ. Осетинамъ извѣстенъ также левиратъ и они же допускаютъ подобно персамъ сожительство вдовы съ постороннимъ человѣкомъ съ цѣлью рожденія ребенка, который считается сыномъ умершаго ея мужа.

Въ средѣ процесуальнаго права сходство юридическихъ воззрѣній кавказскихъ племенъ съ персидскими выражается въ существованіи ордалій, виды которыхъ и самый порядокъ испытанія обвиняемыхъ огнемъ и водой тождественны съ употреблявшимися у персовъ однородными судебными доказательствами. Относительно сферы уголовнаго права кавказскихъ племенъ можно констатировать точно только одну общую черту съ древнеперсидскими воззрѣніями на способы возстановленія нарушеннаго права.

Это—отсутствіе у современныхъ кавказскихъ народностей кровомщенія въ средѣ одного и того же рода и проистекающая отсюда полная безотвѣтственность за убійства, совершенныя членами семьи другъ надъ другомъ. Особенно было сильно вліяніе иранской культуры на сословное устройство кавказскихъ горцевъ. У многихъ изъ нихъ—хевсуръ, пшавовъ и тушинъ,—существуютъ народные жрецы, обладающіе, подобно персидскимъ магамъ, обширными правами духовной и свѣтской власти (83—120 стр.).

Переходя къ вопросу о греческомъ и римско-византійскомъ вліяніи на бытъ кавказскихъ племенъ, Ковалевскій замѣчаетъ, что при современномъ состояніи кавказовѣдѣнія трудно опредѣлить точно, въ какой формѣ произошло это вліяніе. Несомнѣнно только то, что послѣ присоединенія Греціи къ римскимъ владѣніямъ греческія колоніи сдѣлались постепенно источникомъ религіозной культуры горцевъ. Вліяніе римскаго религіознаго синкретизма выразилось въ почитаніи кавказскими племенами разнообразныхъ божествъ римскаго пантеона. Такъ абхазцы до сихъ поръ приносятъ присягу именемъ бога „Шету“, покровителя кузнечнаго дѣла, напоминающаго собою греко римскаго Вулкана. Римскія божества извѣстны и другимъ горцамъ (осетинамъ, черкесамъ). Вліяніе римской культуры на юридическій строй кавказскихъ племенъ начинается, однако, только въ эпоху полнаго развитія византійской имперіи при Юстиніанѣ, когда совершается воздѣйствіе на горскій адатъ римско-византійскаго права. Проводникомъ этого воздѣйствія явилась древняя Арменія, находившаяся въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Византіей. Начала римско-византійскаго права слились съ ветхозавѣтными предписаніями, правилами вселенскихъ соборовъ и постановленіями народнаго обычая въ армянскомъ юридическомъ сборникѣ—судебникѣ Мехитара Гоша. Этотъ послѣдній составляетъ особый отдѣлъ свода грузинскихъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ „армянскіе законы“. Ковалевскій сравниваетъ эти законы съ положеніями римско-византійскаго права и приходитъ къ заключенію о несомнѣнномъ сходствѣ между ними. Такая полная аналогія, напр., замѣчается въ отношеніи обоихъ законодательствъ къ воровству и

вообще присвоенію чужой собственности. Византійскій сборникъ Льва IV Мудраго опредѣляетъ, чтобы цѣна украденной вещи была возмѣщена въ двое или въ четверо ея стоимости. Точно также и картвельскіе горцы и въ числѣ ихъ сванеты и юрскіе грузины, а также и осетины требуютъ съ виновнаго вора двойной цѣнности похищеннаго. Тоже требованіе о duplum примѣняется у этихъ кавказскихъ племенъ къ неисправному должнику и къ лицу, взявшему вещь на храненіе и ее потерявшему или испортившему. Двойную цѣнность украденнаго требуютъ съ давнихъ временъ и въ Грузіи, гдѣ подъ furtum понимаютъ подобно древнимъ римлянамъ всякій видъ присвоенія чужой собственности. Того же взгляда на воровство и способы его возмѣщенія держатся ингуши, болкарцы и др. горцы. По примѣру римско-византійскаго права и въ противоположность современному законодательству, армянское и грузинское право признаютъ за сватовствомъ характеръ договора, строго вынуждаемаго обычаемъ и совершаемаго путемъ передачи со стороны жениха семьѣ невѣсты особаго задатка. У сванетовъ сватовство, заключаемое обыкновенно еще въ младенческомъ возрастѣ брачущихся, скрѣпляется уплатой задатка. Тотъ же обычай соблюдается и хевсурами. У осетинъ и чеченцевъ такая заранѣе засватанная невѣста можетъ выдти замужъ за посторонняго человѣка только послѣ того, какъ она получила согласіе на бракъ со стороны семьи перваго жениха. Вліяніе византійскаго права на юридическія воззрѣнія кавказскихъ племенъ замѣтно еще въ правовомъ положеніи у нихъ женщины. Сборникъ Льва VI, сильно сокращая юридическую правоспособность женщины, принимаетъ подъ свою защиту ея честь и имущество. Тотъ же сборникъ признаетъ извѣстныя имущественныя права за конкубиной, но въ отношеніи къ разводу предоставляетъ преимущество мужу. Такое же положеніе женщина занимаетъ и въ армянскомъ и грузинскомъ законодательствѣ; обоимъ имъ извѣстна ограниченная правоспособность женщинъ, охрана ихъ чести и имущества, признаніе извѣстныхъ правъ за конкубинами и привиллегіи мужа при разводѣ. Римско-византійское право проникло чрезъ посредство армянскаго и грузинскаго права и

въ адаты другихъ кавказскихъ племенъ. Такъ въ Сванетіи и Дагестанѣ женщина не можетъ быть свидѣтельницею. Обычное право горцевъ подчиняетъ женщину строгой власти отца, который имѣлъ право наказанія дочери, виновной въ незаконномъ сожитіи. Замужняя женщина на Кавказѣ всюду подчинена власти мужа, который имѣетъ неограниченное право распоряжаться личностью своей жены, но не ея жизнью и имуществомъ. Конкубинатъ представляется также общимъ явленіемъ въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, у которыхъ и разводъ существуетъ всецѣло въ интересахъ мужа (123—146 с.).

Въ главѣ (IV) о вліяніи христіанства, каноническаго и моисеева права на бытъ горцевъ Ковалевскій сначала упоминаетъ о нѣкоторыхъ слѣдахъ существовавшаго на Кавказѣ нѣкогда христіанства, которое было оффиціально признаннымъ культомъ (остаткахъ христіанскихъ церквей, часовенъ, обычаевъ и проч.). Христіанскія вѣрованія смѣшались у горцевъ съ языческими, а самые догматы христіанства остались чужды кавказскимъ горцамъ. Но вліянію христіанства можетъ быть только приписанъ переходъ хевсуръ, тушинъ и пшавовъ отъ браковъ съ близкими родственниками, считавшимися нѣкогда у нихъ наиболѣе почетными, къ экзогамическимъ союзамъ. Теперь бракъ даже съ отдаленной родственницей считается у хевсуръ и сванетовъ тяжкимъ грѣхомъ и преступленіемъ. Это воззрѣніе, извѣстное еще евреямъ (Второзаконію), перешло въ византійское и каноническое право, которое вмѣстѣ съ христіанствомъ проникло и къ кавказскимъ горцамъ. Вообще законодательство Моисея совершило сильное вліяніе на содержаніе армянскаго судебника Мехитара Гоша. Это вліяніе, напр., выражается въ заимствованномъ изъ закона Моисея Гошемъ постановленіи объ уголовной отвѣтственности животныхъ и растеній, причинившихъ человѣку какой-либо матеріальный вредъ. Существованіе такого суда, противорѣчащее нашему юридическому сознанію, есть обычное явленіе у всѣхъ народовъ на первоначальной стадіи ихъ юридическаго развитія, когда игнорируется степень виновности лица, а принимается во вниманіе только одинъ матеріальный вредъ, причиненный членомъ одного рода

другому. Вліяніе еврейскаго законодательства на обычное право горцевъ сказывается еще въ общемъ имъ обоимъ требованіи съ вора шестеричной стоимости незаконно присвоенной вещи. Между горцами Кавказа пользуются, наконецъ, всеобщимъ признаніемъ и, заимствованное большинствомъ культурныхъ народовъ изъ законодательства Моисея, правило о необходимости по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей для установленія какого-либо факта (147—158 с.).

Въ вопросѣ „О вліяніи армянскаго и грузинскаго права" на адаты кавказскихъ горцевъ Ковалевскій склоняется также на сторону положительнаго его разрѣшенія. По его словамъ, нѣкоторыя статьи армянскаго судебника Гоша являются ничѣмъ инымъ, какъ записью народнаго права армянъ. Такъ, напр., въ немъ существуетъ, занесенный изъ адатовъ кавказскихъ горцевъ (кабардинцевъ, осетинъ, грузинъ), обычай селить зятя въ домѣ невѣстки и при отсутствіи другихъ наслѣдниковъ передавать все имущество въ его руки. Сходны также армянскія, грузинскія и горскія постановленія о молочномъ родствѣ и о связанныхъ съ нимъ брачныхъ запретахъ. Въ сферѣ вещнаго права поразительную аналогію представляетъ собою горскій обычай пріобрѣтать собственность на землю путемъ заимки или первоначальной ея обработки и соотвѣтствующее этому обычаю опредѣленіе судебника Гоша. Въ Грузіи, Хевсуретіи, Пшавіи, Тушетіи трудъ считается однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія земельной собственности. Однако, спѣшитъ оговориться Ковалевскій, это совпаденіе кавказскихъ адатовъ и постановленій армянскаго кодекса еще не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ въ пользу несомнѣнности заимствованія изъ судебника Гоша горскаго адата. Заимки извѣстны средневѣковому нѣмецкому, французскому и англійскому праву; ихъ знаетъ до сихъ поръ славянская Украйна. Наконецъ, они знакомы и мусульманскимъ народамъ. Этотъ-то фактъ универсальной распространенности отмѣченнаго явленія исключаетъ возможность мысли о заимствованіи кавказскими горцами института поземельной собственности у армянъ. Скорѣе всего можно предположить ея одновременное возникновеніе въ Арме-

ніи и на Кавказѣ въ силу одинаковости бытовыхъ условій первоначальной, родовой жизни армянъ и другихъ племенъ Кавказа. Точно также едва ли можно приписать вліянію армянскаго кодекса существованіе у кавказскихъ горцевъ института кровной мести, который возникаетъ неизбѣжно во всякомъ родовомъ обществѣ, и недопущеніе женщинъ къ наслѣдованію, общее армянамъ и горцамъ Кавказа. Но независимо отъ этихъ общихъ юридическихъ нормъ, нѣкоторыя стороны армянскаго права несомнѣнно отразились на юридическихъ учрежденіяхъ горцевъ Кавказа. Особенно такія заимствованія были сдѣланы ими изъ договорнаго права, получившаго въ Арменіи большую разработку. Сюда, напр., относятся тѣ нормы, которыя регулируютъ порядокъ установленія залога и права кредитора на данное ему въ обезпеченіе долга имущество. По армянскому праву кредиторъ можетъ пользоваться заложеннымъ ему должникомъ имуществомъ. Съ тѣми же имущественными правами кредитора мы встрѣчаемся у осетинъ, болкарцевъ, хевсуровъ, пшавовъ и тушиновъ. Вліяніе грузинскихъ законовъ на юридическій бытъ горцевъ выражается въ распространенномъ среди нихъ обычаѣ изгонять убійцу изъ его жилища на извѣстный срокъ; этотъ обычай опредѣляется древнѣйшими грузинскими законами Георгія V (XIV ст.). Сообразно съ этими законами опредѣляется у различныхъ кавказскихъ народностей размѣры взысканія съ преступника за отдѣльные виды увѣчій и ранъ. Воздѣйствіемъ грузинскаго права на горскій адатъ объясняется существующій у горцевъ порядокъ раздѣла наслѣдства между сыновьями и выдѣленія изъ наслѣдства особыхъ добавочныхъ долей для старшаго, средняго и младшаго брата. Констатируя наличность этой послѣдней оригинальной черты наслѣдственнаго права у разныхъ кавказскихъ народностей, Ковалевскій замѣчаетъ, что подобное же постановленіе о преимуществахъ при наслѣдованіи старшаго, средняго и младшаго брата находится и въ законодательныхъ сборникахъ древней Индіи. Ковалевскій не допускаетъ возможности заимствованія указанной юридической нормы изъ Индіи и предполагаетъ, что источникомъ въ этомъ случаѣ послужило иранское право, близко стоящее къ

древне-индусскому. Но если это вѣрно, замѣчаетъ онъ, то въ этомъ фактѣ мы находимъ еще одно лишнее доказательство вліянія иранской культуры на бытъ кавказскихъ племенъ.

Къ числу несомнѣнныхъ заимствованій горскимъ адатомъ изъ Грузіи нужно отнести тѣ элементы сословности, какіе заключаетъ въ себѣ обычное право абхазцевъ или южныхъ осетинъ—туальтцевъ. Какъ въ Грузіи, такъ и въ Абхазіи высшее сословіе распалось на классъ князей и простыхъ дворянъ. Обѣимъ странамъ было извѣстно среднее сословіе, владѣвшее землею и крестьянами, и низшее, распадающееся на нѣсколько слоевъ. Первый изъ нихъ составляли „вольные люди“ (средневѣковые libri homines), которые были наслѣдственными арендаторами у помѣщиковъ. Во второй категоріи зависимыхъ людей находились вольные крестьяне (анхоэ), которые обладали правомъ свободнаго перехода отъ одного земельнаго собственника къ другому. Наконецъ, третій и самый низшій слой зависимыхъ сословій образовали крѣпостные (у абхазцевъ „агруа“, у грузинъ „мзахури“), которые принадлежали помѣщику на правѣ собственности, не пользовались правомъ перехода и работали на помѣщика круглый годъ. На самой низшей ступени общественной лѣстницы стояли рабы, которыми могли владѣть всѣ сословія, распоряжавшіяся ими, какъ вещами. Въ Осетіи сословныя отношенія не получили такой выработанной и опредѣленной организаціи, какъ въ Грузіи и Абхазіи. Причиной этого факта было замѣщеніе должностей правителей областей—эриставовъ членами однѣхъ и тѣхъ же семей, одной и той же династіи. Это же обстоятельство содѣйствовало переходу эриставовъ изъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ въ феодальныхъ сеньоровъ. Продолжительное осуществленіе эриставами разныхъ функцій власти помогло имъ поставить отъ себя и своихъ семей въ личную зависимость крестьянъ ихъ округовъ. Надѣленіе царями эриставовъ въ награду за ихъ службу значительными участками земли должно было еще болѣе увеличить ихъ власть и усилить зависимость отъ нихъ населенія. Помѣстья эриставовъ обратились въ феодальные лены, а ихъ жители въ вассаловъ, владѣвшихъ извѣстными участками земли

подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей въ пользу сеньоровъ. Эриставы сдѣлались со временемъ путемъ захватовъ земли у населенія, неподчиненнаго ихъ власти, верховными собственниками большей части земель южной Осетіи и распространили на ея жителей начала крѣпостной зависимости и службы. Въ Сванетіи сословныя различія были занесены также изъ Грузіи одновременно съ назначеніемъ въ нее особыхъ эриставовъ изъ одной изъ грузинскихъ фамилій. Въ Арменіи также привился занесенный сюда въ XIII ст. крестоносцами феодализмъ, хотя послѣдній и не развился здѣсь въ полной своей формѣ. Королевство Арменія дѣлилось на наслѣдственные удѣлы, во главѣ которыхъ стояли особаго рода префекты („нхарары"), передававшіе свою власть изъ поколѣнія въ поколѣніе. Черезъ посредство Арменіи и Грузіи проникли къ горцамъ Кавказа и занесенные съ запада рыцарскіе порядки. Такъ въ Хевсуретіи практикуются до сихъ поръ еще рыцарскіе поединки, а въ Сванетіи о рыцарскихъ правахъ напоминаетъ сохранившійся своеобразный обычай (линтуралія), посредствомъ котораго мужчина навсегда становится служителемъ избранной имъ женщины и даже ея кровнымъ родственникомъ (159—182 с.).

Разсматривая въ пятой главѣ своего сочиненія вопросъ о вліяніи на бытъ горцевъ Кавказа хазаровъ, гунновъ и болгаръ, Ковалевскій не считаетъ культурными эти вліянія со стороны народовъ, проникавшихъ на Кавказъ періодически и то основывавшихъ здѣсь самостоятельныя государства, то довольствовавшихся одними временными набѣгами и опустошеніями. Первыми по времени явились на Кавказѣ хазары. Отъ нихъ остался у осетинъ особый религіозный обрядъ, состоявшій въ принесеніи въ жертву въ теченіе года выкормленнаго быка, являвшагося предметомъ почитанія у хазаръ. Послѣ нихъ пришли на Кавказъ гунны и принесли съ собою, между прочимъ, своеобразныя погребальныя церемоніи, указывающія на господство у гунновъ взгляда, что покойники сохраняютъ всѣ потребности живыхъ и что поэтому они не должны оставаться и безъ женъ. Болгары, явившіеся среди кавказскихъ племенъ послѣ гунскаго

нашествія, не только не оказали никакого вліянія на бытъ горцевъ, но еще сами усвоили себѣ юридическіе взгляды и восприняли юридическіе обычаи нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народностей. Такъ, напр., въ основѣ болкарскаго процесса лежатъ осетинскіе порядки. У болкарцевъ точно также, какъ у осетинъ, главнѣйшимъ видомъ доказательствъ признается присяга. На ряду съ присягами, общими для правонарушителей всякаго рода, у болкарцевъ и осетинъ существуютъ и нѣкоторыя спеціальныя, какъ напр., присяга, приносимая въ спорѣ о границахъ и употребляемая при кражѣ барановъ. Формы принесенія присяги у обоихъ народовъ буквально однѣ и тѣже. Какъ осетинскій, такъ и татарскій процессы одинаково знаютъ соприсяжниковъ, приглашаемыхъ въ важныхъ случаяхъ. Причемъ, является характернымъ тотъ фактъ, что соприсяжниками у татаръ обыкновенно бываютъ родственники по матери,—примѣръ переживанія обычая, свойственнаго примитивной эпохѣ общественной жизни. Посредническій судъ вѣдаетъ не всѣ случаи нарушенія нравъ. Подобно осетинамъ, болкарцы предоставляютъ рѣшеніе споровъ между близкими родственниками семейнымъ совѣтамъ, въ которыхъ на ряду съ агнатами засѣдаютъ и аталыки или воспитатели. Можно сказать, что судопроизводство болкарцевъ проникнуто осетинскими началами; нѣкоторое же отличіе между процессуальнымъ правомъ обоихъ народовъ должно быть отнесено на счетъ того вліянія, какое имѣлъ у нихъ шаріатъ на измѣненіе и даже совершенную отмѣну обычая. Отсюда объясняется слабое сходство между осетинскимъ и татарскимъ уголовнымъ правомъ, хотя въ исходныхъ своихъ точкахъ оба права сходны между собою. Оба они одинаково отправляются отъ начала кровной мести и одинаково ограничиваютъ ея дѣйствіе идеей равнаго возмездія (ius talionis). Оба права незнакомы съ системою публичныхъ каръ и требуютъ имущественнаго выкупа съ обидчика, каковъ бы ни былъ характеръ обиды.

Подобно другимъ кавказскимъ народностямъ, болкарцы доселѣ живутъ родовыми сообществами. Каждый дворъ имѣетъ свое отдѣльное отъ другихъ дворовъ имущество, состоящее въ завѣды-

ваніи старшаго по лѣтамъ, а также и своихъ домашнихъ божествъ. Въ религіозныхъ обрядахъ болкарцевъ, сходныхъ съ индусскими, древне греческими и римскими обрядами культа мертвыхъ, выражаются ясно признаніе загробной жизни и представленіе о ней, какъ о продолженіи земной. Вездѣ культъ предковъ стоитъ въ тѣсной связи съ поклоненіемъ домашнему очагу, которое у большинства арійскихъ народовъ принимаетъ характеръ своего рода огнепоклонства. Поэтому на домашнемъ алтарѣ у индусовъ и античныхъ народовъ постоянно поддерживался огонь. Такъ какъ культъ предковъ обнимаетъ только лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной семьѣ или роду, то отсюда слѣдовало, что погухшій на алтарѣ огонь не можетъ быть зажженъ отъ огня чужой семьи. Этотъ же обычай, хотя и въ сильно измѣненномъ видѣ, встрѣчается до сихъ поръ и у болкарцевъ. Также и надъ-очажная цѣпь, какъ символъ домашняго очага, играетъ въ быту татаръ такую же роль, какая принадлежала нѣкогда въ индусскомъ, греческомъ и римскомъ обществахъ зажженному на очагѣ пламени. Семейная община горскихъ татаръ или болкарцевъ, основанная на единствѣ крови, общеніи культа и фактѣ совладѣнія имуществомъ опредѣляетъ собою у нихъ и характеръ нормъ гражданскаго права. Глава татарской семьи есть не болѣе среди остальныхъ ея членовъ какъ primus inter pares. Онъ завѣдуетъ хозяйствомъ семьи, но не иначе, какъ съ общаго согласія ея членовъ. Бракъ у болкарцевъ приближается къ моногаміи, заключается теперь путемъ свободнаго договора съ родителями невѣсты, причемъ размѣръ калыма зависитъ отъ того, къ какому сословію принадлежитъ невѣста. При свадьбахъ у болкарцевъ употребляются осетинскіе обряды и обычаи (укрывательство жениха, обиды поѣзжанамъ, обязанность мужа жить въ первое время въ чужомъ дворѣ и запрещеніе ему показываться на глаза тещѣ). Между имуществами супруговъ существуетъ полная раздѣльность. Отношенія родителей къ дѣтямъ у болкарцевъ тѣже, что и у осетинъ. Женщины не признаются наслѣдницами; сыновья же наслѣдуютъ въ равной долѣ, за исключеніемъ старшаго, который получаетъ прибавокъ скотомъ или землей. При бездѣтной же смерти наслѣдниками являютя не внуки, а братья покойника. (182—217 стр.).

Шестая глава книги Ковалевскаго посвящена изслѣдованію „Вліянія арабовъ и принесеннаго имъ шаріата“ на бытъ горцевъ. Это вліяніе, по его словамъ, вытѣснило вліяніе священныхъ книгъ Авесты. Арабы основали въ Дагестанѣ государство, вручивши власть избранному вождю Шамхалу; послѣ паденія власти его потомковъ возникаетъ кайтагское уцумійство. Въ обществѣ заняли первое мѣсто беки, напоминавшіе собою западно-европейскихъ антрустіоновъ, тановъ, дружинниковъ. Между беками и крѣпостными людьми находились уздени, обладавшіе правомъ наслѣдственнаго пользованія землями бэковъ, на которыхъ они жили. Исключительное преобладаніе шаріата надъ горскимъ адатомъ прекратилось съ завоеваніемъ Кавказа русскими. Менѣе, нежели арабы, оказали вліяніе на бытъ горцевъ татары и монголы, о которыхъ вмѣстѣ съ кабардинцами говорится въ 7 главѣ книги. Послѣдніе, завоевавши черкесскія племена, признали за ихъ родовыми старѣйшинами право свободнаго переселенія вмѣстѣ съ ихъ подвластными. Кабардинскіе князья удержали за собою право политическаго господства и разныя почетныя привиллегіи, а всѣ остальныя сословія поставили по отношенію въ себѣ въ вассальную или крѣпостную зависимость. Ниже князя стояли потомки княжескихъ родовъ адигейскихъ племенъ въ Кабардѣ, которые держатъ отъ себя въ зависимости обширный классъ вассаловъ ворковъ (благородныхъ), напоминавшихъ собою древне-русскихъ дружинниковъ. Ниже ворковъ стояли чагары (вольные люди) и пшиты (крѣпостные крестьяне). Вліяніе кабардинцевъ оказалось сильнымъ въ разныхъ частяхъ Осетіи, гдѣ развилась также феодал. система, сходная съ западно-европейской, хотя и съ нѣкоторыми своеобразными особенностями. Разсматривая эти отношенія, Ковалевскій приходитъ къ тому выводу, что основу феодальныхъ отношеній всюду положило завоеваніе одного племени другимъ и раздача побѣдоносным вождемъ участковъ земли своимъ сподвижникамъ. Туже аналогію съ европейскими порядками Ковалевскій находитъ при разсмотрѣніи сословныхъ отношеній у болкарцевъ: ихъ князья (таубіи) имѣли тѣже права, какими обладали въ средніе вѣка германскіе кунинги и славянскіе князья (218—258 с.).

Наконецъ, „русское вліяніе“, котораго Ковалевскій касается въ послѣдней главѣ 1 тома своего сочиненія, выразилось въ сохраненіи за горцами ихъ прежней системы нераздѣльнаго землевладѣнія, освобожденіи зависимыхъ сословій и упраздненіи на Кавказѣ рабства и даже крѣпостничества и признаніи горскихъ адатовъ. Впрочемъ, безусловное преклоненіе предъ обычаемъ становится теперь на Кавказѣ меньше, и русское правительство стало бороться съ нѣкоторыми обычаями семейнаго и уголовнаго права, какъ остатками старинной дикости и родоваго самосуда, вредъ которыхъ сознаютъ въ послѣднее время сами горцы. Въ заключеніе Ковалевскій признаетъ за русской администраціей на Кавказѣ большую свободу въ отношеніи къ народному обычаю. „Пора, говоритъ онъ, оставить безусловное поклоненіе предъ народнымъ обычаемъ, который можетъ быть результатомъ религіознаго фанатизма, насилія и произвола, пора убѣдиться, что современные законъ, судебная и административнвя практика, вступая въ борьбу съ устарѣлыми обычаями, осуществляютъ вполнѣ культурныя задачи и являются могущественнымъ орудіемъ общественнаго обновленія“ (266—290 с.) [1].

В. Щегловъ.

---

[1]) Мы оставляемъ общее заключеніе о научномъ значеніи этнографическихъ данныхъ о кавказскихъ племенахъ, сообщаемыхъ Ковалевскимъ въ первомъ томѣ его изслѣдованія, до слѣдующаго выпуска юрид. библіографіи, гдѣ будетъ изложено нами содержаніе втораго тома того же труда почтеннаго профессора.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 24

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литог. М. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 24-го Юридической Библіографіи.

1. *М. Ковалевскій:* „Законъ и обычай на Кавказѣ“. Томъ второй. Москва 1890, 304 стр.

Послѣ изученія адатовъ кавказскихъ племенъ и тѣхъ разнообразныхъ вліяній, которымъ подвергались юридическіе обычаи горцевъ [1]), Ковалевскій считаетъ необходимымъ обратиться къ подробному изслѣдованію правовыхъ учрежденій у различныхъ племенъ Кавказа. Изъ этихъ послѣднихъ осетины составили предметъ спеціальной работы Ковалевскаго („Современный обычай и древній законъ“), гдѣ авторъ обстоятельно разсмотрѣлъ всѣ стороны юридической жизни этой единственной изъ кавказскихъ народностей арійской расы, сохранившей древнѣйшіе обычаи арійцевъ. Изъ всѣхъ другихъ кавказскихъ племенъ менѣе другихъ изучены обычаи жителей Мингреліи и Грузіи и современнаго Дагестана; этнографическія данныя объ ихъ общественной жизни, заключающіяся въ сочиненіяхъ князя Эристова, Бартоломея, Стоянова и др. писателей о Кавказѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ ихъ религіи, домашнему быту и общественному устройству, но не къ юридическимъ обычаямъ картвельскихъ племенъ. Ковалевскій не намѣренъ изучать обычаи сванетовъ, хевсуровъ, пшавовъ, тушинъ и горскихъ народностей Дагестана историко-сравнительнымъ методомъ, который онъ употреблялъ при изслѣдованіи осетинскихъ адатовъ. Толкованіе ихъ юридическихъ обычаевъ можетъ быть произведено, по мнѣнію Ковалевскаго, посредствомъ приложенія къ ихъ изученію тѣхъ общихъ положеній, какія выведены были имъ изъ историко-сравнительнаго изученія осе-

---

[1]) См. изложеніе содержанія I тома того же сочиненія Ковалевскаго и наши замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ его взглядовъ въ 23 № Юрид. Библіографіи Д. Ю. Лицея.

тинскихъ адатовъ. Юридическіе обычаи отдѣльныхъ племенъ Кавказа будутъ описаны имъ систематически въ связи съ общимъ характеромъ ихъ культуры. При изученіи же обычнаго права жителей Дагестана Ковалевскій имѣетъ цѣлью опредѣлить взаимодѣйствіе писаннаго закона магометанъ и опирающагося на преданіе адата, измѣненіе первоначальныхъ основъ послѣдняго подъ вліяніемъ шаріата. При чемъ вниманіе нашего профессора привлекаютъ сферы брачнаго, наслѣдственнаго и уголовнаго права, гдѣ замѣчается это взаимодѣйствіе обоихъ источниковъ дагестанскаго права. Ковалевскій считаетъ нужнымъ замѣтить, что онъ дорожитъ въ настоящей своей работѣ только нѣкоторыми общими выводами о томъ отношеніи, въ какомъ стоятъ у дагестанцевъ родовое ихъ устройство къ народному адату и обычное право жителей Дагестана къ правиламъ шаріата. Авторъ находитъ, что, не смотря на пестроту племеннаго состава и разнообразіе языковъ среди жителей Дагестана, всѣ они придерживаются болѣе или менѣе одинаковыхъ началъ права (предисловіе, V—IX стр.).

Второй томъ сочиненія Ковалевскаго распадается также, какъ и первый, на два отдѣла: въ первомъ излагаются имъ народное право горцевъ Мингреліи и Грузіи, во второмъ—адаты Дагестана. Въ первомъ отдѣлѣ Ковалевскій останавливается сначала на общественномъ и политическомъ устройствѣ *сванетовъ*, которое представляетъ собою особенный интересъ для сравнительной исторіи права. Сохраненію началъ родового быта, когда-то пережитаго германскими и славянскими племенами, способствовали у сванетовъ особенныя условія ихъ исторической жизни: изолированность сванетовъ, вытекающая изъ естественныхъ условій занимаемой ими мѣстности, широкая автономія, какою они пользовались при грузинскихъ царяхъ и рано достигнутая ими политическая независимость. До сихъ поръ еще вся юридическая жизнь сванетовъ основывается на кровномъ началѣ, вліяніе котораго сказывается во всемъ ихъ семейномъ и общественномъ быту. Выработанности, законченности и крѣпости родоваго быта у сванетовъ нужно приписать тотъ фактъ, что имъ неизвѣстенъ институтъ усыновленія, такъ развитый у всѣхъ древнѣйшихъ

народностей арійской расы. При прочности кровныхъ связей родство у сванетовъ соблюдается въ дальнѣйшихъ степеняхъ, такъ что нельзя встрѣтить человѣка, у котораго бы не было родственниковъ, а слѣдовательно и наслѣдниковъ, присутствіе которыхъ исключаетъ возможность передачи имущества въ чьи-либо руки. Отсюда видно, что институтъ усыновленія возникаетъ на почвѣ разлагающагося родоваго быта по мѣрѣ ограниченія кровнаго начала нарождающимся трудовымъ. Въ полной гармоніи съ родовымъ принципомъ находится у сванетовъ обычай устраненія женщинъ отъ наслѣдованія имущества и отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія. Но особенно сильно сказывается у сванетовъ вліяніе родоваго начала въ господствѣ полной экзогаміи; брачныя запрещенія относятся къ родственникамъ отдаленныхъ степеней родства и простираются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на всѣхъ однофамильцевъ. Въ явномъ противорѣчіи съ строгимъ патріархальнымъ бытомъ сванетовъ находится, повидимому, замѣчаемая у нихъ непрочность брачныхъ узъ и легкое поведеніе женщинъ, вызывающіе семейные раздоры и родовую месть. Отсюда, однако, нельзя заключать, замѣчаетъ Ковалевскій, что индивидуальная семья у сванетовъ возникла недавно и что указанныя явленія – признакъ недавняго господства въ ихъ средѣ патріархальной семьи. Причину отмѣченныхъ фактовъ нужно искать въ особенныхъ условіяхъ общественной жизни сванетовъ. Такъ похищеніе женщинъ объясняется меньшимъ ихъ количествомъ сравнительно съ числомъ мужчинъ. Экзогамическіе браки вытекаютъ изъ естественнаго въ родовомъ быту и распространеннаго на Кавказѣ обычая обезопасить себя на случай возможныхъ столкновеній съ чужими посредствомъ заключенія брачныхъ договоровъ съ сильными родами. Особенностью сванетскихъ брачныхъ договоровъ является то, что они заключаются въ то время, когда женихъ и невѣста находятся еще въ колыбели. Естественнымъ же результатомъ такого рода раннихъ браковъ является похищеніе чужихъ женъ и невѣрность сванетскихъ женщинъ. На древнѣйшее господство патріархата у сванетовъ указываетъ еще тотъ фактъ, что у нихъ отцеубійство влечетъ за собою совер-

шенно другія юридическія послѣдствія, нежели убійство дяди по матери. Первое преступленіе считается на столько тяжкимъ въ глазахъ сородичей виновнаго, что они прекращаютъ съ нимъ всякія сношенія и заставляютъ его носить особаго рода повязку изъ камешковъ, какъ знакъ отверженія его отъ общенія съ членами рода. Убійство дяди по матери, которое обыкновенно наказывается строго во всѣхъ примитивныхъ обществахъ съ матріархальнымъ бытомъ, возмѣщается у сванетовъ платой за кровь (цора). Изъ родственниковъ же со стороны отца состоятъ у нихъ обыкновенно соприсяжники со стороны отвѣтчика. Сванетамъ, далѣе, неизвѣстенъ левиратъ, въ которомъ всѣ этнологи видятъ переживаніе матріархата. Наконецъ, патріархальные порядки выражаются у сванетовъ и во взглядѣ обычнаго права на право незаконныхъ дѣтей на извѣстную долюнаслѣдства въ имуществѣ ихъ матери: это право обыкновенно признается за ними въ родовыхъ патріархальныхъ обществахъ, гдѣ долго сохраняется исключительная ихъ связь съ матерью и ихъ родомъ. Но всѣ эти приводимыя Ковалевскимъ данныя объ отсутствіи у сванетовъ въ настоящее время слѣдовъ матріархата не означаютъ, по словамъ, его того, что эта примитивная форма семьи была совершенно имъ неизвѣстна. Ковалевскій думаетъ, что патріархатъ существовалъ у сванетовъ въ такую отдаленнѣйшую легендарную эпоху, что отъ него не могли остаться какіе-либо слѣды въ современномъ общественномъ ихъ быту, тѣмъ болѣе, что съ матріархатомъ было несовмѣстно и христіанство, рано принятое сванетами (1—13 стр.).

Жизнь родами и нераздѣльными семьями не исключала возможности появленія у сванетовъ нѣкоторыхъ зародышей политическаго быта. Въ княжеской Сванетіи представителями государственной власти являлись князья изъ рода Дадешкеліяни, въ вольной—старѣйшины, избираемые на народныхъ собраніяхъ, и эти послѣднія. Въ обѣихъ Сванетіяхъ возникъ классъ дворянъ—азнауровъ, которые обложили въ свою пользу крестьянъ—свободныхъ жителей аула „Мести“—разными налогами и повинностями—и даже стали продавать ихъ изъ отдѣльныхъ семей.

Послѣ того, какъ возмутившіеся жители местійскаго общества свергли княжескую власть, они стали управляться самостоятельно. Вся власть теперь сосредоточилась въ народныхъ сходахъ и у избраннаго на нихъ старѣйшины. Право участія въ народномъ собраніи принадлежало всѣмъ совершеннолѣтнимъ членамъ семьи как мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Аналогичную съ политическимъ устройствомъ местійскаго общества организацію мы находимъ и во всѣхъ другихъ обществахъ вольной Сванетіи. Вездѣ въ нихъ рано или поздо возникли народные сходы съ избираемыми на нихъ старѣйшинами. Общею чертою, свойственною всѣмъ этимъ обществамъ, является распространенный среди нихъ обычай взаимныхъ соглашеній объ общихъ дѣлахъ. Рѣшенія на такихъ общихъ собраніяхъ взрослыхъ всего населенія вольной сванетіи признавались дѣйствительными только при условіи единогласія. Князья Дадешкеліяни стремились разрушить эти демократическіе порядки и обратить все населеніе вольной Сванетіи въ крѣпостную отъ себя зависимость. Но это закрѣпощеніе было достигнуто ими только въ четырехъ обществахъ, составляющихъ теперь княжескую Сванетію. Ковалевскій подмѣчаетъ въ способѣ владѣнія землею населенія этой Сванетіи нѣкоторыя черты средневѣковаго феодализма (retrait feodal, main mortable). Крестьяне были обложены въ пользу князя разнообразными налогами. Князья предоставляли населенію право посредническаго суда и довольствовались только взиманіемъ пеней съ лицъ, признанныхъ виновными. Такимъ образомъ, преступленіе влекло за собою въ княжеской Сванетіи частное вознагражденіе и публичную пеню подобно тому, какъ нѣкогда въ Германіи, Англіи и Франціи сверхъ виры взимался еще fredus, а въ Россіи рядомъ съ вирой („продажей") головщина.

Обращаясь къ юридическимъ обычаямъ сванетовъ, Ковалевскій останавливается сначала на порядкѣ производства у нихъ суда. Сванеты не выработали иного порядка разбирательства у нихъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, кромѣ посредническаго суда. Самостоятельные, кровные сванетскіе роды находятся между собою въ такихъ же взаимныхъ отношеніяхъ, какъ и суверен-

ныя государства. Личная обида признается нанесенной цѣлому двору; послѣдствіемъ ея является месть, которая можетъ быть прекращена мирнымъ соглашеніемъ. Всѣ споры въ этомъ случаѣ о размѣрѣ нанесеннаго матеріальнаго вреда и способѣ вознагражденія за него разрѣшались у сванетовъ медіаторами, которые были обязаны относиться къ чужому дѣлу, какъ къ своему собственному. Рѣшеніе медіаторовъ считается окончательнымъ. Посреднический судъ не упраздненъ у сванетовъ и съ наступленіемъ русскаго владычества. Въ числѣ причинъ, которыя могутъ оправдывать его дальнѣйшее существованіе, является совершенная невозможность для коронныхъ судей держаться при разбирательствѣ дѣлъ тѣхъ способовъ установленія достовѣрности юридическихъ фактовъ, которые одни имѣютъ обязательную силу въ глазахъ сванета. Современный процессъ знаетъ только два вида доказательствъ: свидѣтельскія показанія и письменные документы. Между тѣмъ туземные сванетскіе судьи руководствовались всегда въ этихъ случаяхъ результатами судебныхъ испытаній, присяги и соприсяжничества. Поэтому-то предоставляется основательной мысль имѣть выбранныхъ отъ народностей посредниковъ и предоставлять имъ рѣшеніе дѣлъ по адату. Сванетскіе судьи—посредники („морвары"), постановляя свои рѣшенія на основаніи присяги выбравшей ихъ стороны, требовали еще подтвержденія показаній присягающаго присягой его родственниковъ, соприсяжниковъ, напоминающихъ собою „conjuratores" народныхъ германскихъ правъ и „очистниковъ и поротниковъ" славянскихъ источниковъ. Присяга приносилась въ различныхъ храмахъ, смотря по важности самаго дѣла. Изъ ордалій дальше всѣхъ сохранилось у сванетовъ испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ. Вопреки существующему у всѣхъ примитивныхъ народностей взгляду, что при преступленіи долженъ быть возмѣщенъ только матеріальный вредъ, независимо отъ того, совершено ли оно съ намѣреніемъ или невольно, мы находимъ въ народныхъ обычаяхъ сванетовъ признаніе отвѣтственности за матеріальный вредъ хозяина вещи. Поэтому при убійствѣ отбирается въ пользу потерпѣвшей семьи оружіе, причинившее смерть убитому. Покушеніе въ Сванетіи не считается

за преступленіе. Вслѣдствіе того, что сванеты имѣютъ въ виду при преступленіяхъ только возмѣщеніе матеріальнаго вреда у нихъ нѣтъ понятія о степени вліянія на совершеніе преступленія разныхъ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину. Поэтому же сванеты не знаютъ наказаній за словесныя обиды и за воровство, если украденная вещь была найдена. Кровный родовой характеръ сванетскихъ общественныхъ отношеній въ связи съ указаннымъ сейчасъ ихъ воззрѣніемъ на преступленіе объясняетъ, почему кровавую месть вызываютъ только преступленія, совершенныя членами одного двора по отношенію къ членамъ другаго. Наказанія у сванетовъ состоятъ только въ платежѣ за вредъ, причиненный преступникомъ обиженному. Сванеты не имѣютъ понятія о лишеніи свободы, жизни или отнятія какихъ-либо членовъ у преступника. Нѣкоторыя преступленія противъ нравственности также считаются наказуемыми. Въ сферѣ семейнаго права только законная жена обладаетъ правоспособностью; положеніе конкубины у сванетовъ совершенно безправно. Браки заключаются обыкновенно еще въ младенческомъ возрастѣ; имъ предшествуетъ обыкновенно обрученіе, имѣющее видъ гражданскаго договора, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Невыполненіе совершеннаго условія о заключеніи брака одною стороной считается оскорбленіемъ для цѣлаго рода и вызываетъ съ стороны послѣдняго месть. Сванетамъ извѣстенъ обычай похищенія невѣсты ея женихомъ, которое происходитъ только въ случаяхъ сопротивленія заключенію брака со стороны родителей невѣсты. Особенно распространенъ этотъ обычай въ вольной Сванетіи, гдѣ господствуетъ неограниченное права самосуда. Похищеніе женщинъ находится здѣсь еще въ связи съ другимъ древнимъ обычаемъ убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Ковалевскій считаетъ невозможнымъ принять при объясненіи этого обычая тотъ взглядъ на причину универсальной распространенности женскаго дѣтоубійства у разноплеменныхъ народовъ земнаго шара, какой высказываютъ Макъ-Леннанъ и другіе современные этнологи, которые видятъ причину этого факта въ неспособности дѣвушекъ участвовать при защитѣ

отъ враговъ. Мы не должны забывать, говоритъ Ковалевскій, что женщина на примитивной ступени соціальнаго развитія является рабочей силой въ гораздо большей степени, нежели мужчина, исключительно занятый защитой отъ враговъ. Женщина здѣсь также цѣнный товаръ, продажа котораго въ другую семью при бракѣ доставляетъ большой доходъ семьѣ, въ которой она родилась. Чрезъ женщину же, наконецъ, завязываются и поддерживаются постоянныя, мирныя отношенія между отдѣльными родами. Поэтому-то убійство дѣвочекъ не является всеобщимъ, какъ это старался доказать Макъ-Леннанъ, и оно встрѣчается нерѣдко на ряду съ убійствомъ мальчиковъ, какъ результатъ временнаго недостатка средствъ къ жизни. Такой же характеръ убійство младенцевъ обоего пола носитъ у горцевъ Кавказа (осетинъ и др.). Въ княжеской Сванетіи обычай убійства дѣвочекъ объясняется жителями долго господствовавшимъ правомъ князей продавать крестьянскихъ дочерей въ рабство,—правомъ, аналогичнымъ съ средневѣковымъ droitde mariage. Въ вольной же Сванетіи причина этого факта заключалась въ бѣдности страны и вытекающей отсюда необходимости ограничить искуственными мѣрами естественный ростъ населенія. Сванеты предпочитали убивать дѣвочекъ и оставлять мальчиковъ потому, что продолжателемъ рода считался у нихъ сынъ, который только и былъ способенъ защитить его отъ внѣшнихъ враговъ. Сохранять мальчиковъ предпочиталось еще и потому, что за дѣвушекъ вносилось ихъ женихами родителямъ незначительное вознагражденіе, между тѣмъ какъ въ тоже время сами онѣ надѣлялись большимъ приданымъ, размѣръ котораго превосходилъ величину калыма. Изъ того обстоятельства, что заключеніе брака происходитъ или посредствомъ похищенія невѣсты или ея покупки еще не слѣдуетъ, чтобы бракъ считался заключеннымъ правильно безъ обряда вѣнчанія. Этотъ послѣдній, напротивъ, считается необходимымъ, такъ какъ только за обвѣнчанной женщиной признаются извѣстныя права жены. Послѣ свадьбы молодая остается въ домѣ мужа Сванетамъ неизвѣстенъ Morgengabe, употребительный у древнихъ германцевъ. Женщина почитается въ средѣ сванетовъ нечистымъ суще-

ствомъ, что выражается въ свадебныхъ обрядахъ, въ рѣшительномъ запрещеніи женщинамъ входить въ церковь и другихъ обычаяхъ. Причина такого взгляда на женщину въ остаткахъ у сванетовъ слѣдовъ ученія Авесты о нечистотѣ, которая проявляется во всѣхъ отдѣленіяхъ живаго организма. Но сванеты признаютъ за женщинами извѣстную долю самостоятельности и мужчины у нихъ обходятся съ женщинами довольно мягко. Жена имѣетъ полное право собственности на свое приданое, въ особенности въ моментъ развода по винѣ мужа. Сванеты допускаютъ женщинъ къ роли свидѣтельницъ на судѣ и выслушиваютъ ихъ иногда на своихъ сходахъ, гдѣ голосъ женщины раздавался не разъ въ пользу мира. Дѣти совершенно безправны по отношенію къ родителямъ у сванетовъ; отецъ можетъ убить своего новорожденнаго ребенка, женить сына и выдать дочь замужъ, не спрашивая ихъ согласія. Сынъ не можетъ требовать отъ отца выдѣла доли имущества. Отецъ даже имѣетъ право лишить непокорнаго сына наслѣдства и отнять у старшаго сына первородство. Наслѣдуютъ у сванетовъ сыновья; дочери же получаютъ только одно приданое. Право отца лишать наслѣдства сыновей обыкновенно обходится у сванетовъ, которые не знаютъ ни завѣщаній, ни усыновленія, какъ способовъ передачи имущества въ чужія руки. Наслѣдуетъ, одного, не то или другое лицо, какъ самостоятельный субъектъ права, а вся семья, въ которой съ смертью ея главы перемѣняется только лицо, завѣдующее общимъ имуществомъ. Но семейный совѣтъ у сванетовъ можетъ передать право управленія этимъ имуществомъ въ руки младшаго члена семьи. Женщины устраняются отъ участія въ раздѣлѣ общаго семейнаго имущества, если послѣдній дѣлается необходимымъ при размноженіи семьи. Старшій сынъ получаетъ при раздѣлѣ нѣкоторый придатокъ скотомъ; въ этомъ преимуществѣ можно видѣть зародышъ права первородства, извѣстнаго въ выработанномъ видѣ только въ средѣ княжеской семьи Дадешкеліани. При отсутствіи прямыхъ нисходящихъ собственность наслѣдуется всѣмъ родомъ покойнаго. Такимъ образомъ, сванетамъ извѣстна не общинная или частная собственность, а дво-

ровая, которою распоряжаются всѣ семьи, входящія въ составъ двора посредствомъ избраннаго семейнымъ совѣтомъ лица—старшаго по лѣтамъ или же чаще наиболѣе къ тому способнаго. Отчужденіе общаго имущества совершается также съ согласія того же семейнаго совѣта Всѣ пріобрѣтенія членовъ семьи поступаютъ въ общую семейную кассу; въ свою очередь, семья отвѣчаетъ за всѣ долги каждаго изъ своихъ членовъ. Сванетскому праву извѣстны главные встрѣчающіеся въ примитивномъ быту три вида договоровъ: мѣна, продажа и заемъ. Первые два совершаются при извѣстныхъ условіяхъ, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый договоръ. Такимъ условіемъ является, прежде всего, одобреніе всѣми членами семьи распоряженій относительно общаго имущества старшаго во дворѣ. Считается также необходимымъ при продажѣ имущества предложеніе родственникамъ купить его. Не всякое имущество можетъ быть продаваемо. Такъ называемое „саму" (земля предковъ) продается у сванетовъ лишь въ случаѣ самой крайней необходимости. Позорна продажа надъочажной цѣпи и металлическаго столика, на которомъ сванеты пекутъ хлѣбы. Договоръ займа заключается у сванетовъ на тяжелыхъ для должника условіяхъ. Сванеты знаютъ еще договоры товарищества, найма (личнаго и имущественнаго) и дачи на храненіе; объектомъ послѣдняго обыкновенно является скотъ. Наконецъ выполненіе договора обезпечивается у сванетовъ посредствомъ задатка, поручительства и залога (13—81 стр.).

Во второй главѣ своего сочиненія Ковалевскій разсматриваетъ общественный и юридическій бытъ другого избраннаго имъ кавказскаго племени—Пшавовъ, которое до сихъ поръ все еще живетъ въ условіяхъ родоваго быта, сохранило въ своей жизни нѣкоторыя черты болѣе раннихъ стадій развитія. Этотъ фактъ объясняется уединеннымъ, изолированнымъ характеромъ мѣстности, на которой издавна жили предки современныхъ пшавовъ. Въ отличіе отъ грузинъ и подобно хевсурамъ пшавы не знали ни сословій, ни крѣпостной или феодальной зависимости. Обособленностью исторической ихъ жизни объясняется и слабое вліяніе хри-

стіанства на религіозныя воззрѣнія пшавовъ, у которыхъ осталось много языческихъ и магометанскихъ религіозныхъ обрядовъ и вѣрованій. Появленію у пшавовъ христіанства предшествовало существованіе у нихъ культа предковъ и антропоморфизмъ, напоминавшій аналогичную религію классическихъ народовъ. Наибольшимъ почитаніемъ сравнительно съ языческими божествами у пшавовъ пользуются обоготворенные христіанскіе святые. Догматы христіанства усвоены были пшавами только внѣшнимъ образомъ, вслѣдствіе чего древній политеизмъ взялъ верхъ надъ монотеизмомъ. Мѣсто храма для пшава заступаетъ капище, а священника—хевсбери (мѣстный жрецъ). Капище вмѣстѣ съ окружающей его рощей почитается пшавами священнымъ Хевсбери не имѣютъ характера наслѣдственной касты или замкнутаго сословія. Для того, чтобы сдѣлаться жрецомъ, нужно отличаться праведною жизнью и способность совершать чудеса. Кромѣ выполненія обрядовъ религіознаго культа, къ которымъ примѣшиваются и нѣкоторые христіанскіе обряды, хевсбери нѣкогда были предводителями войска и посредниками въ случаяхъ столкновеній правъ. Хевсбери являются жрецами публичнаго культа, рядомъ съ которымъ у пшавовъ продолжаетъ существовать и домашній культъ предковъ, который находится въ прямой связи со всѣмъ соціальнымъ ихъ устройствомъ. Пшавы живутъ обширными кровными союзами, обитающими издавна на занятыхъ ими мѣстностяхъ. Пшавамъ извѣстны только экзогамическіе браки, какъ и усыновленіе чужеродцевъ, которое можетъ совершить цѣлый родъ или же отдѣльное лицо. У пшавовъ также сохраняется миѳическое представленіе объ общемъ родоначальникѣ, обыкновенно какомъ-либо славномъ вождѣ, правителѣ или судьѣ въ племени. Этотъ общій предокъ рода имѣетъ свой культъ, къ которому можетъ быть причисленъ и чужеродецъ посредствомъ его усыновленія. Но родовое устройство общественнаго быта у пшавовъ не исключаетъ у нихъ возможности обособленнаго существованія отдѣльныхъ семей, которыя входятъ въ составъ родовъ.

Причемъ семьи пшавовъ, отличающіяся особенною многочисленностью ихъ членовъ, представляютъ собою гораздо больше вну-

треннято единства, нежели роды. Это единство проявляется въ сферѣ экономической, гдѣ хозяйство семьи ведется способнѣйшимъ изъ числа мужчинъ, кровныхъ отношеніяхъ членовъ семьи, религіозной области и семейной жизни пшавовъ. Семья у нихъ является очагомъ особаго культа, предметъ котораго составляютъ покойники. Пшавы вѣрятъ въ общеніе живыхъ съ умершими, считаютъ нообходимымъ поминать и кормить усопшихъ душъ, которыя живутъ за гробомъ также, какъ онѣ жили на землѣ. Такъ пшавы до сихъ поръ сохранили древній культъ предковъ, нѣсколько измѣненный примѣсью греко-римскихъ миѳовъ и христіанскихъ воззрѣній. Православные святые (напр., святой Георгій) размѣщены пшавами по іерархической лѣстницѣ, смотря по способности ихъ ужиться съ народнымъ культомъ. Христіанское ученіе о Богѣ, какъ творцѣ міра и искупителѣ, совершенно забыто пшавами. Отъ христіанства осталось только почитаніе ангеловъ-хранителей, Богородицы и нѣкоторыхъ святыхъ. Смерть каждаго возбуждаетъ у пшавовъ всеобщую печаль, особенно среди родственниковъ покойнаго,—старшаго брата и сестры. Въ томъ фактѣ, что сестра у нихъ больше печалится о своемъ умершемъ братѣ, нежели мужѣ, Ковалевскій видитъ переживаніе отъ эпохи матріархата. У пшавовъ сильно распространенъ обычай поминокъ, который совершается ежедневно послѣ смерти Пшавы считаютъ своею обязанностью позаботиться о томъ, чтобы умершіе родственники были снабжены пищей, питьемъ и даже освѣщеніемъ и вѣрятъ, что неисполненіе этихъ обязанностей есть одна изъ причинъ болѣзней. Въ представленіяхъ пшавовъ о загробномъ мірѣ смѣшиваются христіанскія и языческія понятія. Только тѣ души достигаютъ лучшей загробной жизни, которыя оставили послѣ себя родственниковъ, заботящихся объ ихъ почитаніи. Каждый родъ имѣетъ своего патрона—обыкновенно какого-либо христіанскаго святаго. Но обоготворенныя историческія лица—царица Тамара и ея сынъ Лаша признаются патронами всѣхъ родовъ племени пшавовъ Вся судьба людей зависитъ отъ воли умершихъ предковъ. Увѣренность въ томъ, что боги мстительны, заставляетъ пшавовъ строго вы-

полнять всѣ обычаи. Такимъ образомъ, у пшавовъ до сихъ поръ господствуетъ анимизмъ и какъ мораль, такъ и право подчиняются одинаково этой примитивной религіи.

Въ устройствѣ суда и процессѣ у пшавовъ соединяются также оба принципа какъ родовой, такъ и теологическій. Первый выражается въ замѣнѣ начала индивидуализма принципомъ кровной солидарности, второй въ допущеніи сверчувственной силы къ рѣшенію тяжбъ и совершенію сдѣлокъ. Что касается прежде всего имущественныхъ отношеній пшавовъ, то, за исключеніемъ усадебныхъ мѣстъ и принадлежащихъ къ нимъ участковъ, вся остальная земля (поля и луга) раздѣляется между домохозяевами волости. Еще недавно землевладѣніе представляло соединеніе признаковъ племенной, родовой и нераздѣльно—семейной собственности. Лѣса принадлежали всему народу: пастбища были раздѣлены между родами. Къ пахатнымъ же землямъ примѣнялось начало старо-заимочнаго землевладѣнія. Собственность на „заимку“ сохранялась до тѣхъ поръ, пока продолжалась обработка участка. Со временемъ такіе участки также были включены въ число общинныхъ земель, подлежащихъ передѣлу. Движимая собственность въ Пшавіи частью семейная, частью личная. Оригиналенъ здѣсь тотъ обычай, въ силу котораго весь заработокъ мужчинъ идетъ въ общую казну, всякій же заработокъ женщины составляетъ ея личный капиталъ. Мужъ не имѣетъ права распоряжаться личною собственностью своей жены, имущество которой не отвѣчаетъ за общіе долги. Семья у пшавовъ, подобно славянской задругѣ, имѣетъ не наслѣдственнаго, а выборнаго главу изъ числа лицъ, отличающихся высокими нравственными качествами. Семейный старшина распоряжается всѣмъ хозяйствомъ и имуществомъ семьи и разбираетъ возникающія въ ея средѣ ссоры и несогласія. Но если семья недовольна старѣйшиной, то ея члены отрѣшаютъ его отъ должности и избираютъ на его мѣсто новаго. Наравнѣ съ старѣйшиной — мужчиной хозяйничаетъ въ семьѣ одна изъ невѣстокъ, также выбранная членами. Она — глава надъ всѣми женщинами. Но оба старѣйшины — мужчина и женщина не распоряжаются деспотически въ семьѣ, а совѣтуются

о дѣлахъ со всѣми ея членами, какъ мужчинами, такъ и женщинами. Вся семья распоряжается судьбою молодыхъ людей, женитьбой юношей и выдачей замужъ дѣвушекъ. Какъ и въ древнегерманскомъ правѣ, сватовство носитъ у пшавовъ характеръ юридической сдѣлки. Въ свадебныхъ обрядахъ у нихъ отражаются религіозныя вѣрованія пшавовъ, особенно же культъ предковъ. Изъ нѣкоторыхъ подробностей свадебнаго ритуала можно заключить, что заключенію браковъ у пшавовъ предшествовалъ періодъ похищенія невѣстъ. Практикующійся до сихъ поръ бракъ уводомъ сопровождается платежемъ въ пользу родителей похищенной платы за невѣсту, послѣ чего слѣдуетъ примиреніе. Бракъ въ Пшавіи дозволенъ только между лицами, принадлежащими къ разнымъ родамъ. Не смотря на то, что здѣсь существуетъ моногамическая семья, безплодіе жены и боязнь остаться безъ потомства и скитаться въ загробной жизни безъ всякой возможности облегченія участи заставляютъ бездѣтныхъ супруговъ брать въ свой домъ конкубину, но только съ согласія своей законной жены. Дѣти отъ такихъ браковъ считаются законными. Безплодная жена можетъ быть отпущена своимъ мужемъ. Но чаще практикуется въ этомъ случаѣ усыновленіе, которое поэтому не считается возможнымъ при наличности въ семьѣ дѣтей мужескаго пола. При раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества между наслѣдниками—только мужчинами дѣлежъ производится поровну между дольщиками. Отказъ отъ имущества, освобождающій у насъ отъ долговъ, неизвѣстенъ въ Пшавіи, гдѣ обязанность уплаты долговъ переходитъ на потомство должника, хотя бы послѣдній и не оставилъ послѣ себя никакого имущества. Договорное право мало развито у пшавовъ, благодаря родовымъ основамъ ихъ общественнаго устройства, исключающимъ возможность существованія института личной собственности. Недостаткомъ ея развитія у пшавовъ объясняется рѣдкость дареній: семейная собственность можетъ быть отчуждаема только въ пользу церкви. За то у пшавовъ широко распространены безвозмездная ссуда и наемъ земли съ половины. На порядкѣ преслѣдованія и наказанія преступниковъ отразились также общія родовыя начала ихъ обще-

ственнаго устройства. Какъ и другіе горцы Кавказа, пшавы преслѣдовали преступника за нанесенный имъ матеріальный вредъ. Поэтому умышленное убійство не отличалось у нихъ отъ случайнаго, а покушеніе оставалось безнаказаннымъ. Всѣ члены рода были обязаны участвовать въ кровномъ преслѣдованіи преступника, которое прекращалось только послѣ уплаты виновнымъ особаго выкупа. Въ числѣ лицъ, на которыхъ падала эта обязанность кровоотмщенія, находится и дядя по матери. Взглядъ на преступленіе, какъ только нанесеніе матеріальнаго вреда лицу, приводитъ къ тому еще, что побои и словесныя обиды не считались у пшавовъ преступленіями. При нанесеніи ранъ производился обыкновенно платежъ скотомъ. Но примѣненіе кровной мести ограничивалось обыкновенно только тяжкими преступленіями (убійствами, увѣчьями и др.). Похитителю чужой собственности не мстили, а только заставляли его возвратить хозяину украденной вещи двойную или семеричную стоимость украденнаго. Наконецъ, все изъ того же чисто примитивнаго воззрѣнія на преступленіе вытекалъ у пшавовъ обычай оставлять безъ послѣдствій даже тяжкія преступленія, совершаемыя въ средѣ самой семьи или рода: всякаго рода ущербъ преступнику, очевидно, отзывался на имущественныхъ интересахъ всего рода. Лица, совершившія тяжкія преступленія, пользовались только со стороны своихъ родственниковъ призрѣніемъ.

При полной независимости родовъ и отсутствіи политической власти у пшавовъ не могли образоваться постоянные органы правосудія. Самъ судъ ограничивается у нихъ только сдѣлкой, заключаемой добровольно между враждующими сторонами. Примиреніе производится только выбранными сторонами посредниками, которые одинаково рѣшали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Въ числѣ судебныхъ доказательствъ, признаваемыхъ посредниками, главную роль играли ордаліи — религіозныя испытанія кипящей водой. Иногда посредники прибѣгали къ присягѣ. Въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ свидѣтельскія показанія не допускаются пшавами, но они употребительны при гражданскихъ правонарушеніяхъ и легкихъ проступкахъ. Въ

заключеніе обозрѣнія юридическихъ обычаевъ пшавовъ Ковалевскій останавливается на нѣкоторыхъ переживаніяхъ отъ періода господства у нихъ матріархата. Сюда относится презрительное отношеніе мужчины къ женщинѣ, какое побѣжденный противникъ обыкновенно возбуждаетъ въ побѣдителѣ. Женщина у пшавовъ считается нечистымъ существомъ и обыкновенно не допускается къ присягѣ. Такой взглядъ на женщину, очевидно, противорѣчитъ предоставляемой ей у пшавовъ свободѣ какъ личной, такъ и имущественной. Каждая дѣвушка свободна до брака въ выборѣ нареченнаго брата, заступающаго ей мѣсто мужа. Этотъ обычай, порождающій особаго рода празднества, есть не болѣе, какъ остатокъ примитивнаго гетеризма. Въ связи же съ этимъ обстоятельствомъ находится позднее возникновеніе у пшавовъ брака (63—100 с.).

Въ послѣдней (3-й) главѣ перваго отдѣла своей книги Ковалевскій изслѣдуетъ „Народное право *хевсуръ* и *тушинъ*“. Семья у обѣихъ этихъ кавказскихъ народностей болѣе древняго происхожденія, нежели семья пшавовъ. У тушинъ до сихъ поръ удержалось многоженство и разводъ въ интересѣ одного мужа практикуется въ широкихъ размѣрахъ, что объясняется легкостью полученія жены: дѣвушекъ у нихъ не похищаютъ и за нихъ не платятъ и калыма. Женихъ дѣлаетъ родителямъ невѣсты только небольшой подарокъ. У хевсуръ встрѣчаются случаи двоеженства, къ которому прибѣгаютъ въ случаѣ безплодія первой жены. У этого же народа сохранился обычай похищенія невѣстъ. При разводѣ по винѣ мужа жена получаетъ извѣстную долю имущества. Заключенію брака у хевсуръ предшествуетъ обыкновенно сватовство, которое состоитъ въ передачѣ особымъ посредникомъ родителямъ невѣсты задатка отъ жениха. Свадьба совершается послѣ сватовства иногда черезъ десять лѣтъ и болѣе. Въ теченіе всего этого времени между родителями жениха и невѣсты поддерживаются добрыя отношенія посредствомъ взаимныхъ подарковъ. При празднованіи свадьбы выдающуюся роль играетъ мать жениха. Оба названныхъ народа одинаково придерживаются начала строгой экзогаміи. Но брачныя запрещенія у нихъ обра-

зовались не подъ вліяніемъ христіанства, а только родовыхъ началъ. Поэтому свойство не препятствуетъ заключенію брака и родные братья могутъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ изъ другой семьи. Но браки съ вдовами умершихъ братьевъ (левиратъ) неизвѣстны хевсурамъ и тушинамъ. Хевсуры рѣдко живутъ большими семьями и признаютъ начало общности семейнаго имущества. Глава семьи можетъ распоряжаться землею и движимостью семьи только съ общаго согласія всѣхъ ея членовъ—мужчинъ. Земля отчуждается рѣдко, но еще рѣже продается надъочажная цѣпь. Частной собственности предшествовало у обоихъ племенъ заимочное землевладѣніе: она вытекла изъ очистки земель и ихъ обработки. Горныя пастбища и луга оставались при этомъ во владѣніи цѣлыхъ родовыхъ группъ. Изъ родовой поземельной собственности выдѣлялись извѣстные участки для покрытія издержекъ родоваго культа. Эти земли посвящались родовому патрону и обрабатывались обыкновенно всѣми членами рода. Вслѣдствіе господства въ Хевсуретіи и Тушетіи родовой поземельной собственности договорное право здѣсь развито слабо. Населенію извѣстны только реальные и формальные договоры, но не консесуальные. Особенность хевсурскаго договорнаго права составляетъ та его черта, что вытекающія изъ сдѣлокъ обязательства никогда не теряютъ своей силы. Хевсуры не знаютъ понятія исковой давности, какъ и давности владѣнія. Семейнымъ характеромъ собственности у обѣихъ народностей объясняется тотъ фактъ, что дареніе у нихъ не допускается точно также, какъ и передача имущества по завѣщанію; отсюда же вытекаетъ обычай усыновлять только родственниковъ и то лишь въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ. При отчужденіи земли соблюдалось право предпочтительной покупки въ пользу родственниковъ и сосѣдей. Заемъ имущества проявляется въ видѣ даровой ссуды зерномъ, хлѣбомъ, возмезднаго заема и дачи на храненіе. При послѣднемъ видѣ займа временный владѣлецъ вещи не имѣетъ права на пользованіе ею и обязанъ возвратить самый предметъ, а не его стоимость. Хевсуры и тушины знаютъ оба вида найма— личный и имущественный; послѣдній принимаетъ у нихъ форму

половничества. При заключенiи всѣхъ договоровъ допускается солидарная отвѣтственность всѣхъ лицъ, принявшихъ на себя извѣстное обязательство. Исполненiе договоровъ обезпечивается задаткомъ, поручительствомъ, залогомъ и путемъ поручительства. Кредиторъ можетъ выбрать поручителемъ любого изъ членовъ рода: на всѣхъ нихъ лежитъ обязанность отвѣчать другъ за друга въ этомъ случаѣ. Наслѣдованiе семейнаго имущества можетъ послѣдовать въ Хевсуретiи при жизни отца, но чаще раздѣлъ имущества слѣдуетъ послѣ его смерти и согласно съ родовыми порядками. Къ наслѣдованiю призываются только одни мужчины—родственники въ извѣстной, нисходящей линiи. Отецъ не наслѣдуетъ въ имуществѣ отдѣленнаго при жизни сына. Между братьями наслѣдство дѣлится на равныя доли, но старшiй получаетъ большую долю. Незаконныя дѣти не получаютъ наслѣдства, при которомъ не принимается во вниманiе и побратимство, посесетримство и молочное родство. Уголовное право хевсуръ и тушинъ построено доселѣ на началахъ кровнаго возмездiя, въ которомъ принимаютъ участiе не только родственники по отцу, но и дяди убитаго со стороны матери. Примиренiе совершалось обыкновенно послѣ платежа извѣстнаго выкупа преступникомъ роду убитаго. Но преступникъ можетъ освободиться отъ платежа при заявленiи знахаря о томъ, что кто-либо изъ больныхъ потерпѣвшаго рода умретъ, если убiйца не будетъ прощенъ. На религiозный характеръ мести у хевсуръ указываетъ то обстоятельство, что во все время, предшествующее примиренiю, родственники убiйцы обязаны были совершать поминки въ честь умершаго. Кровная месть и замѣняющiй ее выкупъ обязательны во всѣхъ случаяхъ убiйствъ, независимо отъ того, совершены они умышленно, неосторожно или случайно. Братоубiйца облагается у хевсуръ особымъ платежемъ въ пользу убитаго. Отцеубiйство и братоубiйство не преслѣдуются ни кровною местью, ни требованiемъ композицiи, а преступникъ только изгоняется изъ аула вмѣстѣ съ его семьею. При возмещенiи убiйства имѣется въ виду не злой умыселъ, а матерiальный вредъ; поэтому покушенiя и подстрекательство къ совершенiю преступленiя у нихъ ненаказуемы. Плата за убiйство у хев-

суръ и тушинъ является одинаково масштабомъ, по которому измѣряется размѣръ вознагражденія за всѣ прочіе виды преступленій. Почти всѣ виды преступленій противъ имущества (грабежъ, воровство и др.) подводятся подъ понятіе кражи. Судоустройство у хевсуръ и тушинъ находится на примитивной ступени посредническихъ судовъ. Важнѣйшее судебное доказательство — соприсяга родственниковъ и отвѣтчика. Посредническіе суды и выкупъ за преступленія постепенно вытѣсняютъ у обоихъ народовъ самоуправство, которое продолжаетъ держаться въ случаяхъ воровства. Что касается, наконецъ, общественнаго устройства обѣихъ народностей, то въ Хевсуретіи оно заключается въ образованіи самоуправныхъ родовъ, независимыхъ другъ отъ друга, а въ Тушетіи отдѣльные роды соединяются въ четыре высшихъ админиктративныхъ единицы — темы, которыя подраздѣляются на второстепенные округи. Дѣла, касающіяся всѣхъ темъ, рѣшаются на сходахъ уполномоченныхъ отъ каждой изъ нихъ (103 — 124 стр.).

Въ первой главѣ втораго отдѣла своей книги Ковалевскій разсматриваетъ взаимное соотношеніе между адатами и шаріатомъ въ Дагестанѣ. Всѣ вопросы гражданскаго права, говоритъ онъ, разбираются здѣсь по шаріату, уголовное же право основывается на адатахъ, вліяніе которыхъ отражается на всѣхъ сторонахъ юридической жизни Дагестана. Но многое, что обыкновенно относятъ къ обычному праву, имѣетъ на самомъ дѣлѣ своимъ источникомъ шаріатъ. Такова особая форма судебной присяги, принадлежащая къ числу коренныхъ обычаевъ аравитянъ, отъ которыхъ они перешли и въ шаріатъ. Таковъ порядокъ, также извѣстный жителямъ Аравіи, относительно пріобрѣтенія собственности на землю посредствомъ ея обработки. Число свидѣтелей при важныхъ и обыкновенныхъ преступленіяхъ одинаково по адату и шаріату. Также и право предпочтительной покупки земли родственниками напоминаетъ признаваемое шарітомъ право родоваго выкупа. Не смотря на сильное вліяніе шаріата на право у жителей Дагестана, у нихъ не исчезли и самостоятельные народные юридическіе обычаи. Вліяніе обычнаго права выражается

въ томъ, что важнѣйшую роль въ системѣ судебныхъ доказательствъ играютъ въ Дагестанѣ не письменные документы и свидѣтельскія показанія, а присяга и соприсяга. Прежде въ Дагестанѣ господствовала, противорѣчащая шаріату, система насильственнаго захвата, производимаго потерпѣвшимъ изъ имущества обидчика Такого рода захватъ имущества былъ извѣстенъ древнѣйшему праву индусовъ, салическихъ франковъ и славянъ. Захватъ производится по своду уцмія Рустема въ Дагестанѣ не только у преступника, но и у членовъ рода, къ которому онъ принадлежитъ: въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, члены рода связаны круговою порукою. Кромѣ отвѣтственности цѣлымъ родомъ, сводъ Рустема устанавливаетъ еще отвѣтственность всѣмъ сельскимъ обществомъ и извѣстныя ограниченія самоуправства по отношенію къ лицамъ, на которое оно можетъ быть распространено, мѣсту его совершенія и предметамъ, къ которымъ оно можетъ быть примѣнимо. Въ связи съ древними общинно-родовыми порядками землевладѣнія стоитъ до сихъ поръ существующій въ Дагестанѣ обязательный порядокъ сѣвооборота. Воообще вліяніе народныхъ началъ мы замѣчаемъ въ области уголовнаго права, семейнаго и наслѣдственнаго (121 — 136 стр.).

Во второй главѣ „О родовомъ устройствѣ Дагестана"). Ковалевскій, указывая на пестроту этнографическаго состава населенія Дагестана, замѣчаетъ, что отсюда можно вывести заключеніе, что и юридическіе обычаи, которымъ слѣдуютъ эти горцы, также должны отличаться большимъ разнообразіемъ. Сравнительное изученіе ихъ приводитъ, однако, къ тому выводу, что вмѣсто нѣсколькихъ юридическихъ системъ въ Дагестанѣ существуетъ одна, начала которой проникаютъ въ юридическіе обычаи всѣхъ отдѣльныхъ народностей этой мѣстности Кавказа. Этотъ фактъ служитъ въ глазахъ Ковалевскаго новымъ подтвержденіемъ его мысли, высказанной имъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій [1]), что сходство учрежденій у разноплеменныхъ народностей опредѣляется не филологическимъ сродствомъ ихъ названій, а общностью

---

[1]) «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи».

жизненныхъ условій, порождающихъ на общей стадіи развитія и одинаковые правовые институты. Въ числѣ этихъ общихъ бытовыхъ условій стоитъ въ Дагестанѣ на первомъ планѣ родовая, „тухумная" организація общества, съ которой связанъ цѣлый рядъ своеобразныхъ обычаевъ (кровавая месть, извѣстныя ограниченія въ владѣніи и отчужденіи имущества, и др.), встрѣчающихся у всѣхъ другихъ горцевъ Кавказа. Въ Дагестанѣ господствуетъ агнатическій родъ. Это выражается во взглядѣ, что родственники со стороны матери, непринадлежащей къ роду мужа, считаются лицами посторонними—чужеродцами; на нихъ не распространяется начало родовой солидарности. Причина обособленности дагестанскихъ родовъ заключается въ господствѣ въ ихъ средѣ эндогаміи, между тѣмъ какъ сосѣдніе съ Дагестаномъ горцы (пшавы, тушины, хевсуры) всѣ экзогамисты. Эндогамическій принципъ выражается во взглядѣ, что браки съ женщинами своего рода наиболѣе почетные и что принадлежность невѣсты къ роду жениха цѣннѣе ея богатства и общественнаго положенія. Ковалевскій отказывается объяснить господство эндогаміи въ Дагестанѣ одною религіей (магометанствомъ): она не въ состояніи объяснить запрещенія вступать въ бракъ единовѣрцамъ,—членамъ разныхъ родовъ. Причина происхожденія эндогаміи лежитъ въ вліяніи на жителей Дагестана ученія Авесты, которое было извѣстно на Кавказѣ задолго до появленія здѣсь магометанства и христіанства. Эти древнѣйшія предписанія Авесты нашли для своего сохраненія благопріятную почву въ современномъ быту горцевъ Дагестана. Роды здѣсь издавна были строгими охранителями своей цѣлостности, личной и имущественной. Поэтому въ Дагестанѣ господствовало родовое землевладѣніе. При такомъ порядкѣ выдача въ замужество женщины—главной работницы въ первобытной семьѣ—являлась прямымъ ущербомъ интересамъ цѣлаго рода. Родъ старается задержать всѣми мѣрами членовъ, готовыхъ его покинуть, и всегда, наоборотъ, обнаруживаетъ большую готовность принять въ свою среду каждаго желающаго, особенно если это будутъ потомки какого-либо изъ уцѣлѣвшихъ тухумовъ. Такимъ образомъ, дагестанская эндогамія поддержи-

вается естественнымъ стремленіемъ родовъ сохранить свою цѣлостность во всѣхъ отношеніяхъ. Есть, конечно, и нѣкоторыя отступленія отъ эндогамическаго принципа, но этотъ послѣдній заставляетъ лицо, вступающее въ бракъ съ женщиной изъ чужаго рода, позаботиться сначала объ его усыновленіи членами рода будущей своей жены. Ковалевскій отмѣчаетъ нѣкоторыя аналогіи въ родовой организаціи дагестанцевъ съ постановленіями салической правды и древнихъ скандинавскихъ источниковъ. Къ такимъ сходнымъ чертамъ принадлежитъ, между прочимъ, положеніе у нихъ родоваго старѣйшины, аналогичное роли начальника gentes въ древнемъ Римѣ. Дагестанскіе тухумы состоятъ изъ однихъ родственниковъ по отцу. Какъ въ законахъ англовъ и въ Русской Правдѣ обязанность кровавой мести ограничивалась только ближайшими родственниками, такъ и въ Дагестанѣ месть—дѣло только также однихъ близкихъ родственниковъ убитаго. Родовой бытъ Дагестана помогаетъ разрѣшенію вопроса о происхожденіи родоваго устройства общества Существованіе здѣсь родовъ нисколько не связано съ происхожденіемъ всѣхъ его членовъ отъ общаго родоначальника. Составъ тухумовъ—смѣшанный. Можно думать, что они произошли такимъ же искусственнымъ путемъ, какъ образовались когда-то и шотландскіе кланы, и родовые союзы раджпутовъ въ Индіи. Вокругъ выдающагося вождя группировалось нѣсколько не всегда родственныхъ между собою семей, которыя по его смерти нашли въ культѣ этого предка одно общее начало, объединяющее ихъ всѣхъ въ одно цѣлое и замѣняющее кровное единство. Изученіе родовой организаціи дагестанскихъ тухумовъ помогаетъ и при разрѣшеніи спорнаго вопроса въ исторической наукѣ о положеніи родоваго старѣйшины. Наблюденіе надъ устройствомъ древнеримской семьи съ ея широко выработанною властью главы семьи надъ ея членами было долго причиною господства въ наукѣ взгляда, что всякая родовая организація построена на началѣ неограниченной власти главы семьи и полнаго и безусловнаго подчиненія ему всѣхъ ея членовъ. Позднѣйшія изслѣдованія источниковъ романистами (Іерингомъ и др.) доказали, что римскій

gens имѣлъ республиканское устройство, что въ управленіи дѣлами рода участвуютъ сами члены рода (gentes). Такое же республиканское устройство имѣли роды у древнихъ германцевъ и славянъ и тѣже порядки мы встрѣчаемъ и въ жизни дагестанскихъ тухумовъ. Главою тухума обыкновенно избирается его членами лицо, отличающееся умомъ и высокими нравственными качествами Родовой старѣйшина въ Дагестанѣ не болѣе, какъ первый между равными. Всѣ члены рода пользуются одинаковыми правами въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся всего рода, и, между прочимъ, въ пріемѣ новыхъ членовъ въ свою среду, къ которому дагестанскіе тухумы прибѣгаютъ довольно охотно. Всѣ члены рода помогаютъ другъ другу при удовлетвореніи всякаго рода личныхъ нуждъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ нихъ нуждается въ возстановленіи нарушенныхъ своихъ правъ. Такъ возникли въ Дагестанѣ въ средѣ родовъ институты кровной мести, договорнаго поручительства и судебнаго разбирательства. Въ сферѣ экономическихъ отношеній дагестанскій тухумъ имѣлъ характеръ земельной общины. Всѣ общія рѣшенія, затрогивающія интересы всего рода, постановлялись тухумами на общихъ сходахъ, собираемыхъ обыкновенно ихъ старѣйшинами. Изъ родовъ образуются въ Дагестанѣ обширныя общины, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего старшину и свой общинный сборъ, гдѣ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе мужчины. Если въ общинахъ не было родовыхъ старѣйшинъ, общиннымъ старшиной дѣлалось лицо, избранное всею общиной. Сельскіе старшины обыкновенно съ административными функціями соединяли и судебныя. Нераздѣльныя семьи являлись субъектами имущественныхъ отношеній Не всѣ общины были независимыми другъ отъ друга. Старшина болѣе могущественнаго аула, подчинившаго себѣ остальные аулы, былъ предводителемъ на войнѣ и судьею въ мирное время (140 – 163 стр.).

Семейное и наслѣдственное право Дагестана, о которомъ Ковалевскій говоритъ въ третьей главѣ 2 отдѣла своей книги, опредѣляется болѣе писаннымъ закономъ, нежели обычаемъ. Шаріатъ опредѣляетъ здѣсь заключеніе брака, взаимныя отношенія супру-

говъ, опеку и наслѣдованіе имущества. Адаты помогаютъ писанному праву. Въ Дагестанѣ допускается многоженство, которое, впрочемъ, доступно только для немногихъ (богатыхъ), такъ что фактически моногамія вытѣсняетъ полигенію. Поэтому всякіе внѣбрачныя отношенія между полами считаются преступными. Но въ Дагестанѣ имѣютъ, кромѣ законныхъ женъ, женъ изъ простаго званія, дѣти отъ которыхъ считаются полноправными наслѣдниками. Невѣста должна быть, согласно адату, изъ того же рода, изъ какого происходитъ и женихъ; по обычаю дозволяется бракъ даже съ двоюродными сестрами, который запрещенъ шаріатомъ. Отецъ невѣсты всегда выбираетъ ей и жениха. При заключеніи брака практикуется еще уводъ, къ которому обращается женихъ, какъ къ прежнему средству овладѣть дѣвушкой, отказавшей ему въ согласіи на бракъ. На ряду съ уводомъ въ Дагестанѣ существуетъ другая старинная форма заключенія брака посредствомъ купли невѣсты ея женихомъ. Но въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана платежъ за невѣсту имѣетъ теперь только символическое значеніе. Въ большемъ употребленіи обезпеченіе невѣсты суммой, которая выдается женѣ въ случаѣ развода. Оригиналенъ обычай въ Дагестанѣ замѣнять плату за невѣсту обязательствомъ выдать за ея родственника дѣвушку изъ семьи жениха. Этотъ обычай обмѣна невѣстъ дозволяется и шаріатомъ. Заключенію брачнаго договора муллою предшествуетъ сватовство. Въ свадебномъ ритуалѣ играетъ большую роль аульная молодежь, оспаривавшая права жениха на его невѣсту. Въ этомъ обрядѣ Ковалевскій видитъ переживаніе примитивной эпохи, когда господствовали такъ называемые групповые браки. На эту же эпоху примитивной, матріархальной семьи указываетъ особенный почетъ на свадьбѣ роднѣ со стороны матери невѣсты, особенно же ея дядѣ. Отецъ жениха не принимаетъ участія ни въ сватовствѣ, ни въ обрученіи. Что касается отношеній супруговъ, то мужъ имѣетъ въ Дагестанѣ права властелина по отношенію къ женѣ. Власть мужа находитъ ограниченіе только въ посредническомъ судѣ; безпрекословное повиновеніе мужу—высшая добродѣтель жены въ Дагестанѣ. Жена не могла укрыться отъ тирана—мужа даже въ

домъ своихъ родителей, такъ какъ послѣдніе должны были вернуть ее мужу изъ опасенія его самоуправства. Имущественныя отношенія супруговъ основываются въ Дагестанѣ на началѣ раздѣльности, опредѣляемомъ шаріатомъ. Завѣдываніе женинымъ имуществомъ принадлежитъ обыкновенно мужу, который не можетъ распоряжаться имъ безъ согласія жены. Бракъ прекращается временнымъ отпущеніемъ жены и разводомъ. Только дѣти, происшедшія отъ законной жены, признаются законными; незаконныхъ же дѣтей часто убиваютъ при ихъ рожденіи. Рожденіе мальчиковъ предпочитается. Отецъ имѣетъ полное право исправлять своихъ дѣтей какъ нравственно, такъ и физическими наказаніями. На родителяхъ лежитъ обязанность фактическаго и нравственно-религіознаго воспитанія дѣтей, на дѣтяхъ—содержаніе престарѣлыхъ родителей и погребеніе умершихъ. Отецъ можетъ выдать свою дочь насильно замужъ, послѣ чего она переходитъ подъ власть мужа. Произволъ отца ограничивается только по отношенію къ имуществу дѣтей, которыхъ онъ въ этомъ случаѣ является только опекуномъ. Опекуны обладаютъ почти всѣми родительскими правами. Порядокъ наслѣдованія дѣтей въ имуществѣ родителей опредѣляется довольно подробно шаріатомъ, который высказывается въ пользу равнаго раздѣла наслѣдства между лицами въ равной степени родства. Шаріатъ устанавливаетъ также различіе между правомъ даренія при жизни и на случай смерти, при чемъ въ Дагестанѣ мѣсто завѣщанія занимаетъ обыкновенно дареніе. Правомъ завѣщавать обладаютъ одинаково какъ мужчины, такъ и женщины. Даренія при жизни (нузру) были потомъ ограничены, такъ какъ ими обходился установленный закономъ порядокъ наслѣдованія. Особый родъ распоряженій на случай смерти составляютъ въ Дагестанѣ, какъ и у всѣхъ магометанскихъ народовъ, *вакуфы*,—пожертвованія собственнаго имущества въ пользу родственника или чужеродца, но такъ, чтобы надѣляемый имѣлъ лишь право пользованія, а не собственности. Вакуфами же называются земли, отдаваемыя въ пользу мечетей, бѣдныхъ и сосѣдей (165—215 стр.).

Въ четвертой главѣ („Уголовное право Дагестана“) Кова-

левскій заявляетъ, что „ни одна сфера правовой жизни Дагестана не представляетъ доселѣ такого широкаго господства обычая, какъ уголовная“ и — въ тоже время сильное вліяніе шаріата въ этой области также несомнѣнно. Благодаря шаріату, здѣсь существуетъ выработанная теорія преступленія (объ умыслѣ, покушеніи, случаѣ, неосторожности и проч.). Но шаріатъ, какъ позднѣйшая стадія въ развитіи уголовнаго права Дагестана, уживается здѣсь рядомъ съ адатами. Народный обычай до сихъ поръ еще признаетъ частное возмездіе за преступленія, что не отвергается и шаріатомъ. Кровная месть и платежъ выкупа—начала, равно присущія какъ народному обычаю, такъ и писанному закону мусульманъ. Въ уголовномъ правѣ примѣняется одно начало—Jus talionis. Исторія уголовнаго права открывается эпохой господства родоваго быта, исключительно кровныхъ отношеній, при которыхъ отвѣтственность отдѣльнаго лица неизвѣстна. Поэтому всѣ члены рода отвѣчаютъ за преступленіе, совершенное однимъ его членомъ. Подобно тому, какъ у древнихъ кельтовъ и шведовъ, у всѣхъ горцевъ Кавказа месть могла быть до послѣднихъ временъ направлена противъ любого изъ членовъ рода, къ которому принадлежалъ преступникъ. Также и въ Дагестанѣ сначала кровоотмщенію подлежали всѣ члены рода преступника и только въ послѣдствіи постепенно развился принципъ личной отвѣтственности за преступленіе. Подъ вліяніемъ развитія власти хановъ Уцмія сократился районъ кровной мести, которая была ограничена ближайшими родственниками преступника и его жертвы. Ковалевскій думаетъ, что месть въ древнихъ родовыхъ обществахъ не только была терпима, но и допускалась по праву. Кромѣ того, месть считалась обязательною въ силу требованій древнѣйшей религіи—культа предковъ. Месть сохраняетъ тотъ же обязательный характеръ въ Дагестанѣ до сего времени, но религіозное ея происхожденіе здѣсь не можетъ быть открыто вслѣдствіе подавленія магометанствомъ всякихъ проявленій культа предковъ. Преступникъ—канлы можетъ быть убитъ или помилованъ потерпѣвшимъ родомъ. Кровоотмщеніе считается не только неизбѣжнымъ, но и необходимымъ. Кан-

лы можетъ быть изгнанъ изъ общества, которое смотритъ на него, какъ на безправное лице. Но изгнаніе канлы не продолжается всю его жизнь. Сопоставляя съ этими народными обычаями Дагестана ученіе шаріата, мы увидимъ большой прогрессъ. Такъ месть замѣняется имъ выкупомъ, при чемъ отвѣтственнымъ является весь агнатическій родъ. Шаріатъ ограничиваетъ месть своимъ ученіемъ о равенствѣ возмездія. Ковалевскій сравниваетъ начала шаріата съ общими принципами древняго права жителей Дагестана и находитъ, что шаріатъ внесъ въ ихъ адаты развитыя криминалистическія понятія. Поэтому, напр., аварскій адатъ не знаетъ неограниченности кровной мести, которая замѣняется платежемъ выкупа. Всякаго рода членовредительства и раненія также ведутъ за собою обложеніе выкупомъ. Но—во всѣхъ южно-дагестанскихъ обществахъ наравнѣ съ выкупомъ взимается и штрафъ согласно шаріату. Внесеніе началъ шаріата въ адаты дагестанскихъ племенъ произошло въ силу приказанія Шамиля примѣнять въ судахъ только одно мусульманское право.

Превосходство шаріата надъ адатомъ является въ случаяхъ, когда виновникомъ убійства является не сознающій своего поступка субъектъ, а животное или неодушевленный предметъ. Вообще кровная месть простирается только на людей, хотя отдѣльныя дагестанскія племена и различно относятся къ случаямъ убійствъ, виновниками которыхъ являются животныя. Такъ иногда повинное въ смерти человѣка животное выдается родственникамъ убитаго. Въ другихъ случаяхъ отвѣчаетъ хозяинъ животнаго за неосторожность, недостатокъ присмотра за нимъ. Покушеніе у дагестанскихъ племенъ не наказуемо, такъ какъ при немъ не наносится никакого матеріальнаго вреда. Также не отвѣчаетъ у нихъ и подстрекатель къ преступленію: понятіе объ умыслѣ, какъ необходимомъ условіи вмѣняемости, не встрѣчается у дагестанскихъ народностей. Между тѣмъ шаріатъ смотритъ на преступленія, какъ на выраженіе злой воли преступника, и считаетъ тяжкими преступленіями тѣ изъ нихъ, въ которыхъ выразилась ярко сознательность и полная обдуманность проступка. Всѣ наблюдаемые въ родовомъ быту обычаи относительно крово-

отмщенія встрѣчаются, по словамъ Ковалевскаго, и въ Дагестанѣ. Большинству древнихъ юридическихъ кодексовъ, германскихъ правдъ и русской правдѣ, извѣстны увѣчья, какъ особаго рода уголовныя преступленія и различіе между родами ранъ. Считаются преступными, вызывающими возмездіе, дѣйствіями и тѣ изъ нихъ, при которыхъ наносятся простые удары. Всѣ эти постановленія уголовнаго права находятся и въ адатахъ дагестанскихъ племенъ (216—282 стр.).

Въ пятой и послѣдней главѣ своего сочиненія Ковалевскій разсматриваетъ „Отношеніе дагестанскаго адата къ имущественнымъ преступленіямъ и гражданской неисправности“. Авторъ относитъ къ числу наиболѣе трудныхъ вопросъ о томъ, каково было отношеніе древняго права къ воровству, и разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія постановленія восточныхъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. Такъ у евреевъ воръ долженъ былъ возвратить стоимость украденной вещи вдвое, четверо или впятеро. Гражданскую отвѣтственность замѣняла уголовная, если при кражѣ затрогивалась личность еврея. По мусульманскому и китайскому праву, наоборотъ, преслѣдуется одинаково членовредительными наказаніями всякое воровство независимо отъ цѣнности украденнаго и условій, при которыхъ совершена кража. Египтяне и индусы присоединяли сюда же и смертную казнь. У древнихъ персовъ единственнымъ наказаніемъ за воровство являются палочные удары. У древнихъ грековъ смертною казнью угрожало вору законодательство Дракона, у римлянъ по законамъ XII таблицъ это наказаніе примѣнялось только къ ночнымъ ворамъ. Въ германскихъ правдахъ признаются одинаково какъ уголовныя кары, такъ и денежныя пени, причемъ у однихъ германскихъ народностей господствуетъ одна система, у другихъ другая. Наконецъ, у славянскихъ народовъ воръ подлежитъ обыкновенно только гражданской отвѣтственности и уплатѣ денежнаго штрафа князю („продажи“). Такъ, заключаетъ Ковалевскій, древнѣйшія законодательства не разрѣшаютъ вопроса объ опредѣленномъ порядкѣ отношенія родовыхъ союзовъ къ преступленію воровства. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь только непосредственное наблю-

денiе аналогичныхъ обычаевъ въ родовыхъ обществахъ, сохранившихся до нашего времени. Такъ у осетинъ, туземныхъ племенъ Индiи и во всемъ Дагестанѣ воръ присуждается только къ возвращенiю присвоеннаго имъ себѣ имущества; потеря украденной вещи влечетъ за собою платежъ ея собственнику, равный стоимости похищеннаго. Подъ воровствомъ въ Дагестанѣ разумѣется всякое дѣйствiе, послѣдствiемъ котораго является нанесенiе имущественнаго вреда. Большинство адатовъ признаетъ только личную отвѣтственность въ случаѣ воровства и „гражданской неисправности" (неуплатѣ долга). Такъ въ нѣкоторыхъ обществахъ южнаго Дагестана держится до сихъ поръ принципъ круговой поруки родственниковъ совершившаго воровства. Изъ этой же круговой отвѣтственности рано возникъ обычай, въ силу котораго кредиторъ имѣлъ право захватить силою имущество не только своего неисправнаго должника, но и его сородичей Но теперь вмѣстѣ съ упадкомъ родовыхъ порядковъ и ослабленiемъ начала круговой поруки право кредитора распространяется только на личное имущество должника (283—304 стр.).

Разсматривая все сочиненiе Ковалевскаго, содержанiе котораго нами изложено здѣсь и ранѣе, мы находимъ въ немъ необыкновенное обилiе и полноту этнографическаго матерiала, заимствованнаго авторомъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ—изъ адатовъ разныхъ племенъ Кавказа и законодательныхъ памятниковъ другихъ народовъ, такъ или иначе повлiявшихъ на юридическiй бытъ кавказскихъ горцевъ. Ковалевскiй поставилъ себѣ цѣлью выяснить взаимное соотношенiе обычнаго права и закона въ общественномъ устройствѣ кавказскихъ племенъ. Онъ стремится доказать, что и писанный законъ можетъ видоизмѣнить народный обычай и даже долженъ это дѣлать, какъ скоро въ послѣднемъ выражается „религiозный фанатизмъ, насилiе и произволъ". Поэтому Ковалевскiй посвящаетъ большую половину, часть перваго тома своего сочиненiя вопросу о разнообразныхъ влiянiяхъ на обычное право кавказскихъ горцевъ. Точно также и во второмъ томѣ при изученiи основанiй юридическаго быта горцевъ Дагестана Ковалевскiй останавливается на взаимномъ соотношенiи между адатомъ и шарi-

атомъ. Въ последней же главе онъ прибегаетъ къ сравненію дагестанскихъ адатовъ относительно имущественныхъ преступленій и наказаній (воровства) съ постановленіями различныхъ древнихъ, восточныхъ и западно-европейскихъ народовъ (германскихъ и славянскихъ). Аналогичныя сравненія употребляются авторомъ и въ другихъ местахъ своей работы, где идетъ речь объ однородныхъ многимъ народамъ учрежденіяхъ. Таковъ, напр., культъ предковъ, въ которомъ Ковалевскій ищетъ основаній для объясненія всехъ особенностей родоваго быта. При изученіи, напр., вліянія на бытъ кавказскихъ горцевъ римско-византійскаго, армянскаго и грузинскаго права авторъ констатируетъ сходство ихъ съ адатами относительно договорнаго характера сватовства, развода, воровства и др. институтовъ. Наблюденія Ковалевскаго надъ следами феодализма у кавказскихъ горцевъ (балкарцевъ, осетинъ и др.), сходными съ западно-европейскимъ феодализмомъ, даютъ право автору заключить, что основу феодальныхъ отношеній всюду положило завоеваніе одного племени другимъ, при которомъ происходило всегда насильственное завладеніе землею побежденныхъ и раздача вождемъ позем. участковъ своимъ дружинникамъ на известныхъ условіяхъ. У сванетовъ Ковалевскій находитъ средневековые retrait feodal et main mortable. Во всемъ Дагестане, оказывается, существуетъ одна юридическая система—родовая организація, въ которой кроются все особенности обычнаго права въ этой местности. Изученіе родоваго быта въ Дагестане, какъ и вообще у кавказскихъ горцевъ, даетъ возможность нашему автору попытаться разрешить некоторые сомнительные вопросы относительно примитивнаго юридическаго устройства общества: вопросъ о происхожденіи родоваго быта, положеніи родоваго старейшины, организаціи суда и управленія, формы экономическаго быта въ роде и др. Не входя въ подробную оценку всехъ этихъ попытокъ, мы только позволимъ себе заметить, что разрешеніе всехъ этихъ важныхъ вопросовъ едва ли возможно безъ тщательной поверки и сравненія *всего* этнографическаго матеріала о нихъ, а не одниxъ только данныхъ о кавказскомъ родовомъ устройстве, въ которыхъ такъ смешаны ада-

ты и разные чужеземные законы. Между тѣмъ, Ковалевскій объявляетъ рѣшительно, что при помощи одной кавказской этнографіи возможно уяснить не только происхожденіе и развитіе всѣхъ институтовъ первобытнаго общества, но и опровергнуть многіе изъ принятыхъ въ сравнительной исторіи права взглядовъ и „ходячихъ теорій". Таково, напр., ученіе о принадлежности судебной власти всему народу въ примитивномъ обществѣ. Народъ, говоритъ Ковалевскій, игралъ въ это время пассивную роль въ дѣлѣ суда, хотя это его воззрѣніе трудно вяжется съ доказываемымъ авторомъ демократическимъ характеромъ родовой организаціи. Имѣя подъ руками такой богатый этнографическій матеріалъ, какой представляется въ адатахъ кавказскихъ горцевъ, Ковалевскій могъ бы въ концѣ своего изслѣдованія, по крайней мѣрѣ, намѣтить главныя черты родоваго быта со всѣми его особенностями, какъ онѣ выражаются въ общественно-политическомъ устройствѣ всѣхъ племенъ Кавказа. Но авторъ ограничивается лишь нѣкоторыми случайными аналогіями, неимѣющими между собой никакой внутренней связи. Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія Ковалевскій долженъ былъ отступить отъ своего стремленія подвести подъ одну общую схему, теорію разнообразные факты первобытной жизни. Такъ онъ объясняетъ изъ особенныхъ условій мѣстности такіе факты, какъ разнообразіе порядковъ кавказскаго землевладѣнія, похищеніе женщинъ у сванетовъ, у которыхъ не оказывается никакихъ слѣдовъ отъ эпохи матріархата, убійство въ Сванетіи девочекъ, сохраненіе эндогамическихъ браковъ въ Дагестанѣ и др. Всѣ эти отступленія отъ общаго хода развитія примитивныхъ учрежденій, наблюдаемыя Ковалевскимъ въ средѣ кавказскихъ горцевъ, подрываютъ теорію объ однообразномъ, обязательномъ для всѣхъ народностей переходѣ чрезъ извѣстныя ступени примитивной, семейной и экономической, жизни и могутъ служить хорошимъ предостереженіемъ для всѣхъ ученыхъ, задающихся цѣлью во что бы то ни стало распространить общую эволюціонную теорію и на объясненіе образованія человѣческаго общества, первобытныхъ юридическихъ учрежденій.

В. Щегловъ.

2. Ugo Mazzola. I dati scientifici della finanza pubblica. Roma. Er. Loescher. 1890. XVI—216.

Крайности и увлеченія исторической школы политической экономіи привели естественнымъ путемъ къ живой реакціи и вызвали за послѣднее время значительный подъемъ въ чисто абстрактной, дедуктивной обработкѣ законовъ хозяйственныхъ явленій. Особенно оживились теоретическія изслѣдованія по вопросу о цѣнности хозяйственныхъ благъ; можно насчитать во всѣхъ западно-европейскихъ литературахъ массу именъ ученыхъ, группирующихъ свои изысканія около новой оригинальной теоріи цѣнности, извѣстной подъ названіемъ ученія о предѣльной полезности (Grenznutzen, Grenzwerth, final degree of utility, grado di utilità finale); таковы Giggings, Jevons, Marshall, Sidgweeck, Wieckseed—въ англійской литературѣ, Böhm-Bawerk, Gossen, Komorzynski, Launhardt, Menger, Meyer, Sax, Wieser, Zuckerkandl—въ нѣмецкой, Cournot, Dupuit, Gide, Tarde, Walras—во французской, Pierson и др. въ голландской и пр. Сравнительно съ особой силой и многосторонностью обнаружилось литературное движеніе, вызванное новой теоріей цѣнности, въ Италіи. „Здѣсь мы встрѣчаемъ, говоритъ Böhm-Bawerk, рядомъ другъ съ другомъ всѣ возможные оттѣнки отношеній къ этой теоріи: страстныхъ противниковъ, умѣренную оппозицію, восторженныхъ защитниковъ и убѣжденныхъ послѣдователей, работающихъ уже надъ дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи“ [1]). Особенно любопытно у итальянскихъ экономистовъ стремленіе, подобно Саксу, приложить новую теорію къ изученію явленій государственнаго хозяйства. Въ этомъ направленіи работаютъ здѣсь: Ricca Salerno („Trattato di scienza delle finanze“. Firenze. 1888). Graziani („Sull'aumento delle spese publiche“. Modena 1887; „Di alcune questioni intorno alla natura ed agli affetti economici delle imposte“. Siena. 1889. Natura economica delle im-

---

[1]) Böhm-Bawerk. «Zur neuesten Litteratur über den Wert (Conrad's Jahrb. f. N. Ок. u. St. 1891. Bd. 56, S. 875.

poste sulle successioni". Siena. 1890), Zorli („La scienza dei tributi in rapporto alle recenti teorie economiche". Bologna. 1889), Pantaleoni („Della traslatione dei tributi". Roma. 1882; „Pressione tributaria". Roma. 1886), Cao („L'ideale del tributo". Genove. 1889), Conigliani („Teoria generale degli effetti economici delle imposte". Milano. 1890) и др. Задача этихъ изслѣдователей — поставить ученіе о финансовомъ хозяйствѣ вообще и отдѣльныхъ финансовыхъ явленіяхъ въ частности на твердую почву точныхъ экономическихъ законовъ и тѣмъ пополнить указанный Саксомъ пробѣлъ въ теоріи народнаго хозяйства. По мнѣнію Сакса, до сихъ поръ, какъ объектъ теоретическаго ученія о народномъ хозяйствѣ, особенно „экзактнаго" направленія, разсматривались исключительно явленія частно-хозяйственной жизни, свободныя отношенія частныхъ хозяйствъ, и напротивъ, вовсе не подверглись подобному же научному анализу явленія государственнаго хозяйства, экономическая сторона жизни различныхъ принудительныхъ союзовъ людей. Полная же теорія экономическихъ явленій должна обнимать въ систематическомъ тожественномъ разсмотрѣніи и общественно-хозяйственные феномены рядомъ съ частно-хозяйственными. И тѣ, и другіе она должна свести къ общимъ основнымъ экономическимъ отношеніямъ, разсматривая ихъ, какъ явленія, различныя только по формѣ, но одинаковыя по внутреннему содержанію. Ея задача—посредствомъ метода точнаго изслѣдованія изложить причинныя связи, благодаря которымъ изъ основныхъ причинъ всякой хозяйственной дѣятельности (alles Oekonomischen), какъ простыхъ факторовъ, вытекаютъ какъ частно-хозяйственныя, такъ и общественно-хозяйственныя явленія соціальной жизни людей[2]).

Первый шагъ для уничтоженія замѣченнаго имъ пробѣла сдѣлалъ самъ Саксъ своими „Основаніями теоріи государственнаго хозяйства", положивъ въ основаніе своего труда теорію предѣльной полезности; его примѣръ нашелъ многихъ послѣдователей въ

---

[2]) Sax. «Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft». Wien. 1887. S. 2—3.

средѣ итальянскихъ экономистовъ. Это увлеченіе легко объяснимо: при современной разрозненности и произвольности важнѣйшихъ положеній финансовой доктрины, открыть для нея общіе принципы, вытекающіе не изъ произвольныхъ сужденій о справедливости, о политической цѣлесообразности и т. п., а изъ объективнаго изслѣдованія реальныхъ явленій,—представляется очень заманчивымъ и обѣщаетъ вознаградить трудъ изслѣдователя весьма плодотворными результатами. Но отъ добрыхъ намѣреній до ихъ выполненія часто бываетъ еще очень далеко.

Эта мысль невольно приходитъ въ голову при чтеніи названной въ заголовкѣ книги Ugo Mazzola. По общему складу своихъ воззрѣній и по принятому имъ методу изслѣдованія, авторъ непосредственно примыкаетъ къ новой экономической школѣ (получившей уже особое названіе—„австрійской": напр Loria: „La scuola Austriaca nell'economia politica" въ Nuova Antologia, 1890, Apr. или Bonar: „the Austrian Economists" въ Quarterly Journal of Economics, VIII, № 1 и пр.), хотя и расходится во многихъ весьма существенныхъ пунктахъ съ Саксомъ и его прямымъ послѣдователемъ въ Италіи—Рикка-Салерно. Трудъ его имѣетъ цѣлью опредѣлить научное основаніе финансоваго хозяйства и выяснить общіе признаки соціальнаго явленія общественныхъ финансовъ. По личному признанію автора, помимо общей современной тенденціи къ изысканію съ помощью точнаго метода каузальныхъ связей между феноменами соціальной жизни, трудъ этотъ соотвѣтствуетъ и недавно обнаружившейся тенденціи въ разсмотрѣніи спеціально явленій финансоваго хозяйства. И политическая экономія сначала трактовалась, какъ искуство, и только позднѣе превратилась въ науку, къ великой выгодѣ даже для самой экономической политики, такъ до сихъ поръ и въ финансовой наукѣ изслѣдованіе общихъ принциповъ имѣетъ первостепенное значеніе или соединяется съ чуждыми ей юридическими и политическими элементами, но пришла пора и здѣсь выступить на первый планъ объективнымъ изысканіямъ общихъ законовъ, которыя принесутъ несомнѣнную пользу самому практическому разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ (Предисловіе).

Таково намѣреніе автора. Прослѣдимъ въ общихъ чертахъ его выполненіе.

За вступительной главой, касающейся нѣкоторыхъ методологическихъ вопросовъ, авторъ переходитъ во второй главѣ къ основнымъ посылкамъ экономическаго изслѣдованія и опредѣляетъ понятія: потребности, полезности, предѣльной полезности, блага, цѣнности, издержекъ производства и пр., внося сюда, как нѣчто оригинальное, только отождествленіе услугъ съ матеріальными благами. Въ третьей главѣ разсматриваются функціи государства, и здѣсь авторъ приходитъ къ слѣдующему важному для его цѣлей выводу: государство не имѣетъ собственныхъ цѣлей; функціи государства суть условія (или кажутся ими) для достиженія или для лучшаго достиженія всѣхъ другихъ индивидуальныхъ и общихъ цѣлей; слѣдовательно цѣли его суть цѣли условныя (condizinale). Между индивидуальными цѣлями и цѣлями государства нѣтъ различія по существу, такъ какъ и стремленіе осуществить ихъ и удовлетвореніе отъ ихъ осуществленія суть ощущенія одинаково чисто индивидуальныя; различіе между ними единственно въ формѣ, въ способахъ координированія человѣческихъ дѣйствій. Поэтому государство не есть личность самостоятельная и отличная отъ общества, существующая и дѣйствующая въ силу собственнаго права и имѣющая цѣли внѣ индивида; утвержденіе, что государство есть „высшее развитіе юридической личности“ или „представитель альтруизма“, хотя и можетъ быть высказано съ извѣстной частичной точки зрѣнія, но всегда включаетъ въ себѣ petitio principii, а не изслѣдуетъ феноменъ. Въ сущности всѣ эти остроумныя выдумки господствующей политической школы должны пасть, какъ пали представленія о соціальномъ договорѣ, о взаимномъ страхованіи, о необходимомъ злѣ и т. п. абстракціи (45).

Слѣдующая (четвертая) глава посвящена общественнымъ потребностямъ. Несовершенство существующихъ опредѣленій коллективной потребности заставило Сакса прибѣгнуть къ различенію въ соціальной жизни двухъ основныхъ силъ: индивидуализма и коллективизма; съ помощью этихъ понятій онъ приходитъ къ такому опредѣленію: коллективная потребность есть состояніе сознанія

коллективнаго союза относительно зависимости его цѣлей общей жизни отъ внѣшняго міра; сама по себѣ она не потребность, но коллективная цѣль, которая дѣлается потребностью, на сколько для достиженія ея необходимы блага внѣшняго міра. М. недоволенъ этимъ опредѣленіемъ и возстаетъ противъ самыхъ понятій индивидуализма и коллективизма, какъ неясныхъ, неопредѣленныхъ и не вносящихъ ничего точнаго и плодотворнаго въ кругъ экономическихъ идей. Онъ обращается къ разсмотрѣнію причинъ происхожденія политической коопераціи. Политическая кооперація, по его мнѣнію, есть продуктъ двухъ причинъ: во первыхъ, того обстоятельства, что ея цѣли имѣютъ характеръ условія относительно достиженія всѣхъ другихъ цѣлей, и во вторыхъ, того, что ихъ невозможно достичь иначе или лучше, какъ посредствомъ этой коопераціи (60). Исходя, въ отличіе отъ Сакса, изъ единой посылки—стремленія людей къ полученію наибольшаго удовлетворенія съ наименьшимъ издержками, М. приходитъ къ тому выводу, что члены коллективнаго союза регулируютъ свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы цѣли политической коопераціи были достигнуты въ той *мѣрѣ*, въ какой онѣ являются *условіями* для достиженія всѣхъ другихъ цѣлей (61). Всякая индивидуальная цѣль есть потребность, насколько для достиженія ея нужны средства внѣшняго міра. Такимъ же образомъ и спеціальныя коллективныя цѣли нуждаются для своего достиженія въ средствахъ внѣшняго міра — благахъ; въ этомъ смыслѣ всякая цѣль государства является потребностью, носящей названіе коллективной единственно потому, что блага, служащія ихъ объектомъ, суть средства для достиженія условныхъ цѣлей государства (62). Сравнительная интензивность коллективной потребности, представляющая собой рефлексъ интензивности частныхъ потребностей, опредѣляется мѣрой, въ какой общественныя цѣли суть условія достиженія частныхъ цѣлей (63).

Отъ анализа коллективной потребности М. въ пятой главѣ переходитъ къ ея объекту—общественнымъ благамъ. Блага вообще находятся въ отношеніи причинности другъ къ другу: одни изъ нихъ непосредственно удовлетворяютъ потребность, иныя нужда-

ются для этого въ опредѣленныхъ соединеніяхъ съ другими благами; первыя могутъ быть названы прямыми, вторыя—дополнительными благами. Причинное отношеніе между благами опредѣляетъ въ свою очередь и причинное отношеніе потребностей; напр., потребность въ хлѣбѣ включаетъ въ себя потребность въ мукѣ, водѣ, теплѣ и пр., вообще во всѣхъ элементахъ, необходимыхъ для производства прямаго блага. Эту потребность въ дополнительныхъ благахъ авторъ называетъ производной, рефлективной (riflesso) потребностью, а главную потребность, при которой она вытекаетъ — самостоятельной (autonomo). Во всякій полезный эффектъ человѣческой дѣятельности входитъ, въ различной степени, полезный эффектъ, проистекающій отъ пользованія услугами полической коопераціи, безъ которыхъ полезный индивидуальный эффектъ не получился бы или получился бы въ менѣе совершенномъ видѣ. Это значитъ: что блага общественныя и блага частныя имѣютъ общее назначеніе относительно отдѣльныхъ индивидуальныхъ потребностей, и что въ каждомъ удовлетвореніи индивидуальной потребности вмѣстѣ съ частными благами, которыя повидимому одни способны произвести его, участвуютъ еще и другія блага, которыя находятся съ ними въ экономической комбинаціи и безъ которыхъ первыя не могли бы доставить или доставили бы меньшее удовлетвореніе, т. е. общественныя блага (72). Слѣдовательно общественныя блага суть блага дополнительныя. Отсюда обнаруживается и характеръ коллективной потребности: если общественныя блага суть дополнительныя блага, то и коллективныя потребности суть потребности не самостоятельныя, а производныя, рефлективныя. И такъ, цѣли государства существуютъ лишь постольку ими обусловливается достиженіе цѣлей частныхъ, т. е. нѣтъ собственныхъ цѣлей государства, а существуютъ лишь условныя цѣли; точно также и коллективныя потребности только отражаютъ въ себѣ потребности индивидуальныя и потому являются не самостоятельными, а производными (73). Финансовое явленіе вращается между пріобрѣтеніемъ общественнаго блага и тѣмъ моментомъ, когда частныя блага получаютъ назначеніе превратиться въ общественное, т. е.

когда богатство переходитъ изъ частнаго хозяйства въ государственное; финансовое явленіе есть процессъ, посредствомъ котораго инструментальныя (особый видъ дополнительныхъ) частныя блага преобразовываются въ блага общественныя, служащія дополненіемъ къ единому удовлетворенію частныхъ потребностей (75). Экономическая функція государства имѣетъ двѣ стадіи: въ первой опредѣляется назначеніе частныхъ благъ, во второй — преобразованіе ихъ въ общественныя дополнительныя блага; эти стадіи соотвѣтствуютъ общему раздѣленію финансовыхъ явленій на доходы и расходы государства (79).

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ М. разсматриваетъ экономическій характеръ того процесса, который онъ называетъ финансовымъ явленіемъ, и подвергаетъ тщательной критикѣ воззрѣнія на него различныхъ экономистовъ (Листа, Дитцеля, Вагнера, Панталеони, Шеффле, Вити де Марко), особенно Сакса и Рикка-Салерно, видящихъ въ немъ явленіе потребленія. М. признаетъ наоборотъ за финансовымъ явленіемъ производительную функцію, создающую въ общественныхъ благахъ и услугахъ особыя полезности.

Выяснивъ экономическій характеръ финансоваго явленія, М. переходитъ къ приложенію общихъ законовъ полезности и цѣнности къ общественнымъ благамъ и спрашиваетъ: какъ происходитъ, какими законами обусловливается явленіе, что значительная часть народнаго богатства или дохода предназначается на удовлетвореніе общихъ потребностей общества, на преслѣдованіе общихъ цѣлей государства (138)? Но такая постановка вопроса не удовлетворяетъ автора. Въ ней народный доходъ разсматривается только какъ частное богатство всѣхъ индивидовъ, какъ запасъ для удовлетворенія потребностей, и, слѣд. процессъ удовлетворенія общественныхъ потребностей предполагается *послѣдующимъ* за производительнымъ процессомъ частной хозяйственной дѣятельности. Въ дѣйствительности же частно-хозяйственная дѣятельность развивается въ тѣсной связи съ общественно хозяйственной, такъ какъ достиженіе частныхъ цѣлей обусловлено одновременнымъ достиженіемъ общественныхъ цѣлей. Въ какой бы моментъ

мы ни взяли жизнь коллективнаго союза, повсюду обѣ дѣятельности идутъ рядомъ въ тѣснѣйшей взаимной связи. Точно такъ же, если наблюдать въ любой моментъ блага, способныя удовлетворить всѣ потребности общества, то обнаружится, что индивидуальные запасы частныхъ благъ находятся въ тѣснѣйшей связи съ благами общественными и что пользованіе первыми обусловлено одновременнымъ дополнительнымъ пользованіемъ вторыми. Съ другой стороны, понятіе общаго назначенія благъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей можетъ дать поводъ думать, что общественныя потребности собственной своей интензивностью, безъ чего либо иного, опредѣляютъ степень предѣльной полезности общественныхъ благъ, тогда какъ въ дѣйствительности эти потребности производныя и, слѣд., степень полезности общественныхъ благъ опредѣляется не ими, а самостоятельными индивидуальными потребностями, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ (134—135). Въ виду этого надлежитъ поставить вопросъ такъ: годичный доходъ народа, совокупность благъ, предназначенныхъ на потребленіе въ теченіе опредѣленнаго хозяйственнаго періода, слагается изъ дополнительныхъ частныхъ благъ и дополнительныхъ общественныхъ благъ; каково же продуктивное значеніе (efficacia) общественныхъ благъ, какова ихъ предѣльная полезность? (136). Или другими словами: какую часть удовлетворенія или возможности удовлетворенія надо отнести на долю дѣятельности частныхъ благъ и какую на долю благъ общественныхъ (138)? каковъ законъ, опредѣляющій относительный коэффиціентъ дополнительной полезности частныхъ и общественныхъ благъ? Основываясь на условномъ характерѣ общественныхъ цѣлей и производной природѣ коллективныхъ потребностей, М. находитъ возможнымъ утверждать, что измѣненія коэффиціентовъ опредѣляются *мѣрой*, въ какой общественныя блага *обусловливаютъ* удовлетвореніе частныхъ потребностей. Впрочемъ это не рѣшеніе, а только болѣе глубокая постановка вопроса, сводящаяся къ оцѣнкѣ предѣльной полезности общественныхъ благъ. На основаніи теоремы наибольшей полезности можно утверждать, что распредѣленіе богатства на различныя употребленія совершается такимъ об-

разомъ, что, по распредѣленіи, степени предѣльной полезности всѣхъ отдѣльныхъ частей его будутъ равны между собой; каждое благо получаетъ наиболѣе полезное назначеніе, вытекающее не только изъ каждой отдѣльной потребности, но изъ ихъ существованія и изъ координаціи, опредѣляемой причинной связью между самостоятельными и производными потребностями. Стремленіе къ наибольшей полезности дѣйствуетъ, какъ автоматическій регуляторъ распредѣленія богатства на различныя назначенія: оно опредѣляетъ употребленіе благъ на текущее удовлетвореніе потребностей или сохраненіе ихъ на будущее время, назначеніе ихъ на производство, обмѣнъ и пр. Мѣновая цѣна товаровъ, раздѣленіе труда, различныя формы участія въ народномъ доходѣ по существу являются только отдѣльными видами проявленія этого высшаго фактора—стремленія къ наибольшей полезности. Если теперь разсматривать всю совокупность благъ, распредѣленныхъ между удовлетвореніемъ различныхъ потребностей и изслѣдовать степень предѣльной полезности общественныхъ благъ, то замѣтимъ, что въ ней обнаруживается выраженіе особаго сужденія о полезности, вызваннаго существованіемъ спеціальныхъ производныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ не есть цѣль сама по себѣ, но является условіемъ для безчисленныхъ индивидуальныхъ удовлетвореній. Существуютъ блага, сами по себѣ одаренныя естественною дополнительной общественною полезностью (границы, гавани, водяныя сообщенія и пр.), и они получаютъ непосредственно наиболѣе полезное назначеніе, путемъ объявленія ихъ доманіальности и отвлеченія такимъ образомъ отъ менѣе выгодныхъ употребленій (142). Другія же общественныя цѣли возможно осуществить только посредствомъ преднамѣреннаго производства общественныхъ благъ. Въ первоначальной стадіи политическаго развитія онѣ достигались посредствомъ ассоціированія труда и выдѣленія части дополнительныхъ благъ непосредственно на удовлетвореніе общественныхъ потребностей; постепенно же, по мѣрѣ специфицированія способностей и усиленія раздѣленія труда, назначеніе благъ на общественныя потребности становятся явленіемъ обмѣна: одни постоянно заботятся о всѣхъ другихъ по-

безопасности остальныхъ членовъ общества, а послѣдніе также постоянно заботятся о всѣхъ другихъ потребностяхъ своихъ защитниковъ. Обмѣнъ между трудомъ первыхъ и благами, которыя доставляются имъ вторыми, осуществляется при тѣхъ же условіяхъ, какія необходимы для всякаго обмѣна: степень предѣльной полезности обмѣненныхъ благъ должна быть равна послѣ обмѣна; полученная безопасность не будетъ больше той, какая необходима для полученія удовлетворенія всѣхъ индивидуальныхъ потребностей, и блага, данныя въ обмѣнъ на нее, не будутъ больше ея предѣльной полезности, такъ какъ иначе равновѣсіе полезности нарушилось бы и послѣдовало бы уменьшеніе въ удовлетвореніи потребностей. Вообще, заключаетъ авторъ, при данномъ дополнительномъ характерѣ общественныхъ благъ, степень предѣльной полезности представляется наиболѣе выгоднымъ назначеніемъ, какое можетъ быть дано послѣдней частицѣ ихъ въ опредѣленной комбинаціи съ частными благами (149), а это назначеніе въ свою очередь опредѣляется стремленіемъ къ наибольшей полезности.

Указавъ на отличіе своей теоріи отъ ученія Сакса о „гармоническомъ" распредѣленіи благъ между частными и коллективными потребностями (150—6), авторъ обращается къ вопросу объ образованіи цѣны общественныхъ благъ, т. е. къ кардинальному вопросу финансовой науки. На свободномъ рынкѣ цѣна товара можетъ быть только одна, и потому по своей величинѣ она не можетъ соотвѣтствовать всѣмъ различнымъ степенямъ предѣльной полезности, которыя можетъ имѣть одинъ и тотъ же товаръ для различныхъ лицъ, желающихъ его пріобрѣсть, вслѣдствіе чего одни лица совсѣмъ не могутъ пріобрѣсть потребнаго блага, другія же, получая товаръ, могутъ воспользоваться еще дифференціальной полезностью или „потребительной рентой". Совсѣмъ иначе образуется, по мнѣнію автора, цѣна общественныхъ благъ. „Опредѣляя степень предѣльной полезности общественныхъ благъ, говоритъ онъ, мы видѣли, что распредѣленіе потребнаго богатства происходитъ такимъ образомъ, что послѣ распредѣленія предѣльныя полезности всякой отдѣльной части богатства будутъ оди-

наковы; отсюда всякій членъ коллективнаго союза уплачиваетъ за пользованіе общественными благами ту *цѣну, которая точно соотвѣтствуетъ степени предѣльной полезности, какую имѣютъ для него эти блага*". Вслѣдствіе этого здѣсь не можетъ имѣть мѣсто то, что существуетъ на рынкѣ: здѣсь никто не лишается возможности пріобрѣсть потребное благо, и, съ другой стороны, никому не достается дифференціальная полезность, образующаяся отъ уплаты цѣны, меньшей чѣмъ предѣльная полезность блага. Этотъ фактъ устанавливаетъ характерное различіе между частнымъ и общественнымъ хозяйствомъ (161).

Эту основную мысль М. развиваетъ черезъ нѣсколько страницъ съ большей подробностью Всякая индивидуальная потребность содержитъ въ себѣ въ извѣстной мѣрѣ и обусловливающую ее потребность въ общественныхъ дополнительныхъ благахъ; оцѣнка „коэффиціента производства", т. е. предѣльной полезности послѣднихъ есть только рефлексъ интензивности самостоятельной потребности, изъ которой вытекаетъ потребность въ общественныхъ благахъ (165). Каково бы ни было состояніе потребностей и количество благъ, какимъ каждый располагаетъ для ихъ удовлетворенія, каковы бы ни были колебанія въ рыночныхъ цѣнахъ и отношенія цѣнъ къ предѣльной полезности желаемыхъ благъ, степень предѣльной полезности общественныхъ благъ всегда равна ихъ цѣнѣ, и это происходитъ потому, что или удовлетвореніе индивидуальной потребности не наступаетъ, и тогда, при неудовлетвореніи главной потребности, нѣтъ мѣста и для коллективной, или, если удовлетворяется первая, то это удовлетвореніе обусловлено пользованіемъ данной части общественныхъ благъ, и отсюда предѣльная полезность послѣднихъ равна цѣнѣ (?) (170). Но равенство цѣны общественныхъ благъ съ ихъ полезностію обусловливается не только ихъ дополнительностью, но и объективными обстоятельствами, напр., характеромъ ихъ потребленія. Потребленіе большей части этихъ благъ происходитъ нераздѣльно для всѣхъ членовъ союза, и это служитъ техническимъ основаніемъ невозможности такого же образованія цѣнъ для нихъ, какое существуетъ на рынкѣ. Если бы цѣна общественныхъ благъ

была установлена выше ихъ предѣльной полезности для даннаго класса потребителей, послѣдніе, хотя и не могли бы уплатить ея, не были бы вмѣстѣ съ тѣмъ лишены возможности пользоваться ими, такъ какъ для этого пришлось бы отказать въ нихъ и тѣмъ кто могъ бы уплатить установленную цѣну. Вслѣдствіе этого цѣна установляется для каждаго на основаніи максимума того, что онъ можетъ дать сообразно съ предѣльной полезностью, какую имѣетъ для него данное благо (171—2)

Равенство цѣны и предѣльной полезности общественныхъ благъ —таковъ послѣдній, заключительный выводъ автора. Какая то неловкость чувствуется уже при первомъ, бѣгломъ взглядѣ на этотъ выводъ, какъ на плодъ цѣлаго научнаго труда. Правда онъ повидимому приноситъ великое утѣшеніе всей той части человѣчества, которая страждетъ подъ бременемъ неравномѣрныхъ общественныхъ сборовъ и повинностей; онъ какъ бы прямо говоритъ ей: всѣ ваши сѣтованія на неравномѣрность податныхъ тяжестей— нелѣпыя и неосновательныя притязанія; если кто изъ васъ платитъ государству больше сосѣда, то и общественныя блага, стало быть, имѣютъ для него бо́льшую полезность; вамъ не на что жаловаться. Но правда, съ другой стороны, также и то, что такое увѣщаніе мало способно утѣшить плательщиковъ, какъ не утѣшало ихъ и ученіе старой теоріи Канара, Приттвица и др., будто всякій, даже несправедливый, налогъ, благодаря присущей природѣ vis medicatrix человѣческихъ ошибокъ, проявляющейся въ этой сферѣ въ видѣ переложенія,—въ конечномъ результатѣ долженъ распредѣлиться самымъ справедливымъ и равномѣрнымъ образомъ. М. самъ предусмотрительно остерегаетъ читателя отъ возможности смѣшенія его ученія съ этой старой теоріей и, отрицательно относясь къ слишкомъ оптимистическому воззрѣнію на задачи податной политики, обязательно указываетъ тѣ условія при необходимой наличности которыхъ можетъ дѣйствовать его законъ равенства цѣны и полезности общественныхъ благъ. „Изложенный принципъ, говоритъ онъ, имѣетъ основаніемъ посылку, что активно дѣйствуетъ другой—принципъ наибольшей полезности. Чтобы означенный законъ дѣйствовалъ, нужно, чтобы всякое хо-

зяйство имѣло возможность распредѣлять весь запасъ свободныхъ благъ по ихъ наибольшей полезности и чтобы насиліе и ошибки не служили противодѣйствіемъ и помѣхой этому“ (173—174).

Этими словами уничтожается въ законѣ М. даже и возможность служить утѣшеніемъ для плательщиковъ. Для нихъ теперь очевидно, что М. говоритъ не о дѣйствительномъ реальномъ финансовомъ хозяйствѣ, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло, а о какомъ то предполагаемомъ, вовсе не похожемъ или даже противоположномъ тому, что имѣется въ дѣйствительности, мало того, что не существующемъ, но и врядъ ли возможномъ. При существующемъ строѣ финансовыхъ отношеній индивидуальныя хозяйства вовсе не *свободны* распредѣлять свои блага между удовлетвореніемъ частныхъ и общественныхъ потребностей, а принуждаются именно къ такому то, а не иному распредѣленію. Этимъ объясняется и чувство неловкости, ощущаемое при первомъ ознакомленіи съ закономъ цѣны общественныхъ благъ автора: что же это за законъ, если ничего подобнаго ему въ дѣйствительности не бываетъ и никогда не бывало? Оказывается, что въ сущности выводъ автора вовсе не есть *законъ*, управляющій конкретными финансовыми явленіями, а вытекающій изъ его посылокъ *постулатъ* идеальнаго или нормальнаго порядка въ финансовой политикѣ, полученный совершенно такимъ же произвольнымъ путемъ, какъ выводятся принципы равенства жертвы или обложенія по налогоспособности изъ идеи справедливости, но значительно уступающій имъ въ ясности и приложимости на практикѣ.

Отчего же не удалось автору его намѣреніе—изслѣдованіе финансоваго явленія? Главнымъ образомъ отъ основной ошибки, допущенной имъ въ своемъ трудѣ—отъ желанія отыскать основные законы финансовыхъ явленій, исходя только изъ чисто экономическихъ принциповъ. „Предложенное изслѣдованіе говоритъ М. о своей книгѣ, имѣетъ основаніемъ простыя предположенія изъ которыхъ исходитъ всякое изслѣдованіе чистой экономіи: общей тенденціи человѣческой дѣятельности къ наибольшему удовлетворенію съ наименьшимъ страданіемъ и свободной и сознательной оцѣнки этого критерія благополучія (felicita)“ Въ примѣне-

нія къ финансовымъ явленіямъ эти „простыя“ посылки предполагаютъ: 1) что каждый можетъ производить свободную и сознательную субъективную оцѣнку полезности общественныхъ благъ; 2) что каждый можетъ по общему плану своей индивидуальной хозяйственной дѣятельности произвольно потреблять тѣ или иныя общественныя блага и 3) что каждый свободно и сознательно будетъ вносить государству плату за общественныя блага, вполнѣ соотвѣтствующую субъективной оцѣнкѣ ихъ предѣльной полезности. Въ частномъ хозяйствѣ, гдѣ отношенія строются между одинаково свободными и полноправными лицами (но и здѣсь лишь при этомъ условіи) въ большинствѣ случаевъ эти предположенія могутъ имѣть мѣсто (съ замѣной только общественныхъ благъ частными), и потому изслѣдованіе, исходящее изъ названныхъ посылокъ, здѣсь не можетъ значительно отклониться отъ дѣйствительности. Но въ хозяйствѣ финансовомъ, за изученіе котораго взялся авторъ, ни одного изъ этихъ предположеній наблюдать нельзя. 1) Правда, каждый и здѣсь можетъ, конечно, субъективно оцѣнивать общественныя блага, но право его есть не болѣе, какъ nudum jus: его оцѣнка не можетъ влiять непосредственно на ихъ производство; рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ государственная власть, которая опредѣляетъ составъ государственныхъ потребностей и размѣръ ихъ удовлетворенія въ зависимости отъ ея собственной субъективной оцѣнки. 2) Пользованіе тѣми или иными общественными благами не зависитъ отъ произвола отдѣльныхъ лицъ (въ значительномъ большинствѣ случаевъ), такъ какъ потребленіе ихъ происходитъ нераздѣльно для всѣхъ членовъ общества, безотносительно къ субъективной оцѣнкѣ ихъ частными лицами. 3) Опредѣленіе цѣны общественныхъ благъ совершается государственной властью и слѣдовательно не можетъ находиться въ прямой зависимости отъ ихъ предѣльной полезности для отдѣльныхъ частныхъ лицъ; съ другой стороны взносъ этой цѣны для послѣднихъ не свободенъ, а принудителенъ. Т. обр. финансовое явленіе именно характеризуется отсутствіемъ условій прямаго дѣйствія экономическихъ посылокъ и присутствіемъ особаго рѣшающаго элемента—государственной власти. И напрасно

М. думаетъ, что его закону могутъ противодѣйствовать только насиліе и ошибки, т. е. различные пертурбаціонные элементы; нѣтъ, его законъ находится въ противорѣчіи съ основнымъ элементомъ финансоваго явленія и потому не можетъ никогда дѣйствовать. Изслѣдуя финансовое явленіе, М. легкомысленно оставляетъ въ сторонѣ именно тѣ характерные признаки его, которыми оно отличается отъ явленія частно-хозяйственнаго Конечно можно дѣлать какія угодно предположенія и исходить изъ любыхъ посылокъ и затѣмъ дѣлать изъ нихъ дедуктивныя построенія, но если въ этихъ посылкахъ будутъ опущены главнѣйшіе факторы и наоборотъ придано первостепенное значеніе факторамъ второстепеннымъ, то выводы, полученные такимъ путемъ всегда останутся нелѣпостью или въ лучшемъ случаѣ pia desiderata идеальнаго положенія вещей, но никогда—научнымъ изслѣдованіемъ конкретныхъ явленій.

Но и исходя изъ чисто экономическихъ посылокъ, не совсѣмъ то легко прійти къ окончательному выводу автора. Не смотря на всѣ желанія его доказать свой выводъ, необходимость его все таки остается недоказанной Тѣ мѣста его книги, гдѣ онъ говоритъ о сохраненіи равенства цѣны и предѣльной полезности общественныхъ благъ при различной высотѣ цѣнъ на рынкѣ, чрезвычайно туманны, нелогичны и не имѣютъ прямой связи съ даннымъ вопросомъ. Такъ, напр., онъ говоритъ здѣсь: „если цѣна превосходитъ степень предѣльной полезности, то удовлетвореніе потребности не имѣетъ мѣста. А если отсутствуетъ удовлетвореніе самостоятельной индивидуальной потребности, то отсутствуетъ и удовлетвореніе включенной въ нее потребности общественной; общественныя блага сами по себѣ не даютъ никакого удовлетворенія, и въ этомъ случаѣ нельзя говорить объ удовлетвореніи коллективной потребности“ (168) и т. д. Это очевиднѣйшій вздоръ; какъ будто коллективная потребность входитъ, какъ часть, въ индивидуальную! Если и предположить, что удовлетвореніе общественныхъ потребностей обусловливаетъ удовлетвореніе потребностей индивидуальныхъ, то все же нельзя отсюда заключать, что удовлетвореніе первыхъ раздѣляется на части, соот-

вѣтственно частичному удовлетворенію послѣднихъ. И въ другомъ мѣстѣ самъ М. говоритъ, что потребленіе общественныхъ благъ совершается нераздѣльно всѣми членами союза и, слѣдовательно, не зависитъ отъ удовлетворенія индивидуальныхъ потребностей. Но помимо неосновательности общаго разсужденія, самый выводъ не стоитъ съ нимъ ни въ какой логической связи. Указывая далѣе объективныя причины своего закона въ характерѣ потребленія общественныхъ благъ и консолидированіи потребностей, М. опять допускаетъ логическую погрѣшность. Именно онъ утверждаетъ: цѣна общественныхъ благъ не можетъ быть выше ихъ предѣльной полезности, ибо иначе лица, для которыхъ ихъ полезность была бы ниже цѣны, не могли бы уплатить ее, и все таки пользовались бы ими. Но вѣдь ничего абсолютно невозможнаго такой случай не представляетъ, и самъ М., допуская свободный отъ обложенія Existenzminimum, допускаетъ такой порядокъ; съ другой стороны возможенъ еще и иной, опущенный имъ, случай, что цѣна общественныхъ благъ будетъ назначена соотвѣтственно наименьшей степени ея предѣльной полезности и, сдѣлавъ ихъ доступными для всѣхъ классовъ населенія, доставитъ дифференціальную полезность нѣкоторымъ лицамъ, болѣе высоко ихъ цѣнящимъ. Слѣдовательно здѣсь возможны три случая, и ничто не говоритъ о безусловной необходимости единаго, на которомъ остановился М.

Далѣе, и въ общемъ ходѣ изслѣдованія М. многое не выдерживаетъ критики. Такъ напр., онъ придаетъ важное значеніе теоріи производности общественныхъ потребностей и дополнительности общественныхъ благъ. Государство, по его мнѣнію, не имѣетъ самостоятельныхъ потребностей: коллективныя потребности суть также въ сущности потребности индивидуальныя. Пусть такъ, но, и будучи индивидуальными, онѣ могутъ быть самостоятельными, первоначальными, а не производными, не условными. Развѣ личная безопасность, не такая же самостоятельная потребность, какъ и потребность въ хлѣбѣ? и если безмятежное потребленіе частныхъ благъ обусловливается обезпеченіемъ общественныхъ потребностей, то развѣ удовлетвореніе послѣднихъ не обусловливается въ свою очередь удовлетвореніемъ потребностей индивидуальныхъ?

Неужели сытость желудка обусловливается уличнымъ освѣщенiемъ и казенными театрами, а не наоборотъ? Конечно, между потребностями существуетъ отношенiе причинности, но нельзя всѣ потребности выстроить въ одну послѣдовательную линiю по этому отношенiю; существуютъ потребности которыя вовсе не зависятъ одна отъ другой и которыя должны удовлетворятся одновременно, и, не смотря на всѣ нападки, М , правда на сторонѣ Сакса, который считаетъ и общественныя потребности самостоятельными и связь ихъ съ индивидуальными видитъ единственно въ ограниченности матерiальныхъ благъ.

Точно также совершенно нелогичной является у М. защита свободнаго отъ обложенiя Existenzminimu'ma. Если цѣна общественныхъ благъ равна ихъ полезности, и если въ каждое даже минимальное удовлетворенiе входитъ, какъ утверждаетъ авторъ, соотвѣтствующее пользованiе общественными благами, то и бѣднѣйшiе изъ членовъ союза должны уплачивать ихъ цѣну, и всѣ соображенiи М. противъ этого представляютъ крупную натяжку.

Въ заключенiе авторъ признаетъ, что теоретическое изслѣдованiе въ сущности не можетъ ограничиваться изученiемъ постоянныхъ, независимыхъ отъ мѣста и времени свойствъ и законовъ явленiй, которые могутъ быть выведены изъ простѣйшихъ посылокъ чистой экономiи, но должно также изучать всѣ объективныя условiя, въ которыхъ проявляется феноменъ и дѣйствуютъ открытые законы въ дѣйствительной жизни. Однако первое мѣсто нужно предоставить чистой теорiи: „помимо возможности получить такимъ путемъ результаты научно точные, теорiя, основанная на постоянныхъ и твердыхъ основанiяхъ человѣческой природы имѣетъ незамѣнимую выгоду предохранять отъ слишкомъ произвольныхъ и фантастическихъ толкованiй историческихъ фактовъ". Трудъ М. служитъ наоборотъ нагляднымъ доказательствомъ, что пренебреженiе къ фактамъ исторической и современной жизни ведетъ къ самымъ произвольнымъ и фантастическимъ абстрактнымъ построенiямъ, представляющимъ какое-то схоластическое толченiе воды въ ступѣ.

А. Свирщевскiй.

Опечатки: стр. 37 строка 9, напечатано: „при", должно быть „изъ"
стр. 40, послѣдняя строка, напечатано: „заботятся о всѣхъ другихъ по-", должно быть „заботятся о"

